

5

КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

ФИЛИП ДЖ. ФАРМЕР

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

том 2

Сборник фантастических произведений

Перевод с английского

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1992**

**ББК 84.7 США
Ф24**

Составитель А. Сазонов

**Оформление художника
Н. ЗУБКОВА**

**Ф — 4703010100
022(01)-92** без объявл.

ISBN 5-7012-0312-3

**© Название серии, составление А. Сазонова
© Оформление Н. Зубкова**

ФИЛИП ДЖ. ФАРМЕР

ЛИЧНЫЙ КОСМОС

книга 3

Перевод с английского

Под зеленым небом и желтым солнцем на черном жеребце с выкрашенной в малиновый цвет гривой и в голубой цвет хвостом, Кикаха скакал, спасая свою жизнь.

Сто дней назад, тысячу миль назад он покинул деревню Хровака—медвежьего народа. Устав от охоты и простой жизни Кикаха возжалдал вкусить, и более чем вкусить,—цивилизации. Более того, требовалось заточить нож его интеллекта, а у тищкетмоаков, единственного цивилизованного народа на этом уровне, было много такого, чего он не знал.

Поэтому он оседлал и нагрузил снаряжением двух лошадей, попрощался с вождями и воинами и поцеловал на прощание двух жен. Кикаха дал им разрешение взять новых мужей, если не вернется через шесть месяцев. Они же заявили, что будут ждать его вечно, на что Кикаха улыбнулся, так как то же самое они говорили и предыдущим мужьям перед тем, как те ускакали на тропу войны, да так и не вернулись.

Несколько воинов хотели проводить его через горы до Великих прерий. Он ответил «нет» и выехал один. Чтобы пробраться через горы, ему потребовалось пять дней. Один день был потерян, потому что за ним кралось двое молодых воинов из племени ваканги—шуш.

Возможно, они не один месяц ждали в ущелье Черной Ласки, зная, что в один прекрасный день Кикаха будет проезжать здесь.

Из всех наиболее желанных скальпов сотни воинов пятидесяти народов Великих Прерий и граничивших с ними горных хребтов скальп Кикахи считался самым ценным.

По меньшей мере двести воинов предприняли индивидуальные усилия подстеречь его, однако ни один из них не вернулся живым.

Много военных отрядов поднимались в горы напасть на обнесенный частоколом форт Хровака на вершине высокого холма, надеясь захватить медвежий народ врасплох и снять с Кикахи скальп или голову во время боя. Самым близким к успеху был только большой набег полуконей называвшегося ошангстава. Повесть об этом набеге и уничтожении ужасных полуконей распространилась среди ста двад-

цати девяти племен прерий и пелась в их вигвамах Совета и типи вождей во время празднования Крови.

Двое ваканг-ишущих держались от своей добычи на почтительном расстоянии. Воины дождались, когда Кикаха разобьет лагерь на ночь. Они могли преуспеть там, где потерпели неудачу столько других, поэтому крались за ним осторожно и бесшумно, но красный ворон величиной с орла пролетел в сумерках над Кикахой и дважды громко каркнул.

Затем он пролетел над одним из спрятавшихся воинов, описал двойной круг, пролетел над деревом за которым пригнулся второй и снова описал двойной круг.

Кикаха, радуясь, что взял на себя труд обучать разумную птицу; улыбнулся, наблюдая за ней. Той ночью он всадил стрелу в первого, приблизившегося к его лагерю, а три минуты спустя—нож в другого.

У него возникло искушение отклониться от своего пути миль на пятьдесят и швырнуть копье с привязанными к нему скальпами воинов в середину стойбища ваканг-ишущих. Подобными подвигами он заработал имя Кикахи, то есть обманщика, и стремился поддерживать свою репутацию. Однако на этот раз дело казалось настоящим. Образ Таланака—города, явившегося Горой, светился у него в голове как драгоценный камень над костром.

Поэтому Кикаха удовольствовался тем, что повесил два оскальпированных трупа на ветке вверх ногами. Он повернул голову своего жеребца на восток и таким образом спас жизнь нескольких ваканг-ишущих и, возможно, свою собственную. Кикаха много хвалился своей хитростью, быстротой и силой, но признавался себе, что не был непобедимым или бессмертным.

Кикаха родился под именем Пол Янус Финнеган в городке Терре-Хот, штат Индиана, на Земле, во вселенной по соседству с этой. (Все вселенные соседствуют друг с другом). Его до темна загорелую кожу украшали здесь и там медные пятнышки веснушек и более трех дюжин шрамов на теле и лице, варьировавшихся от легких до глубоких, а густые, волнистые, рыжевато-бронзовые волосы доходили до плеч и были заплетены в данное время в две косички.

Его лицо с ярко-зелеными глазами, курносым носом, длинной верхней губой и раздвоенным подбородком обычно имело веселое выражение.

Повязка из полоски львиной шкуры вокруг его головы обрамлялась направленными вверх медвежьими зубами, а с правой стороны ее было воткнуто черно-красное перо из хвоста ястреба. Выше талии он не носил никакой одежды, если не считать ожерелье из медвежьих когтей на шее. Пояс из расшитой бирюзовыми бусами медвежьей шкуры поддерживал пятнистые штаны из оленьей кожи, а мокасины на ногах были сделаны из кожи льва. По бокам на поясе висели нож-

ны: одни для большого стального ножа,—другие для ножа поменьше, идеально сбалансированного для метания.

Седло было легкого типа, принятого недавно племенами прерий вместо одеял. Кикаха держал в одной руке копье, в другой поводья и опирался ногами на стремена.

Притороченные к седлу кожаные колчаны и ножны содержали разнообразное оружие, а на соединенном с седлом деревянном крючке висел небольшой круглый щит с нарисованной на нем головой рычащего медведя. В скатанном за седлом плаще из медвежьей шкуры находилось легкое походное кухонное снаряжение. На другом седельном крючке висела бутылка воды в плетеной корзине, обмазанной глиной.

Позади трусила вторая лошадь, несущая седло, кое-какое оружие и легкое снаряжение.

Кикаха не торопясь спустился с гор.

Хотя он тихо насвистывал мотивы этого мира и родной Земли,—беззаботности не проявлял. Его глаза обшаривали все вокруг, и поэтому он часто оглядывался.

Над головой желтое солнце медленно двигалось по дуге в безоблачном светло-зеленом небе. Воздух был наполнен ароматами распускающихся белых цветов, сосновых игл, а иногда и запахами кустов с пурпурными ягодами. Один раз прокликотал ястреб, и дважды он слышал урчавших в лесу медведей.

Кони, слыша это, пряли ушами, но не нервничали.

Они выросли вместе с ручными медведями, которых Кикаха держал в стенах деревни.

Вот так, настороже, но наслаждаясь, Кикаха спустился с гор в Великие Прерии.

Отсюда он мог видеть местность на большом протяжении, так как здесь был зенит 160-и мильного легкого изгиба сектора.

Путь, по которому проследует Кикаха на протяжении восьмидесяти миль вниз по склону, будет настолько пологим, что уклон будет почти незамечен. Затем надо будет переправиться через реку или озеро, и начнется почти невоспринимаемый подъем.

Налево, казалось, всего в пятидесяти милях, а на самом деле в тысяче миль находился монолит Абхарплунта. Он тянулся вверх на тридцать миль, а на вершине его находилась еще одна страна и еще один монолит. Там, наверху, располагалась Дракландия, где Кикаха был известен как барон Хорст фон Хорстман. Он не был там два года, и если бы вернулся, то оказался бы бароном без замка. Его жена, на том уровне, не могла примириться с его долгими отлучками, а потому развелась с ним и вышла замуж за его тамошнего лучшего друга барона Зигфрида фон Лиобата.

Кикаха отдал им свой замок и отправился на самый любимый из всех ярусов — индийский уровень.

Лошади покрывали легким галопом милю за милю, а Кикаха высматривал признаки врагов. Он также наблюдал за животной жизнью, состоящей из зверей, известных на Земле, но вымерших там, и животных из других вселенных. Все они были привезены в эту вселенную Господином Вольфом, когда он был известен как Джадавин, а некоторые созданы в лабораториях дворца, что на вершине самого высокого монолита.

Тут паслись огромные стада бизонов редкого вида, все еще известного в Северной Америке, и гиганты — вымершие в американских прериях примерно десять тысяч лет назад. В отдалении маячили огромные серые туши мамонтов и мастодонтов с кривыми бивнями. Щипали траву несколько гигантских существ с большими головами, отягощенными множеством шишковатых рогов, и выступавшими из роговых губ изогнутыми зубами. Страшные волки, высотой по грудь Кикахи трусили вдоль стада бизонов и дожидались, когда какой-нибудь детеныш отбьется от матери. Еще дальше Кикаха видел кравшееся за скоплением высокой травы тело в черно-рыжую полоску и знал, что это — феликс отрокс, огромный безгривый четырехсоткилограммовый лев, скитавшийся некогда по травянистым равнинам Аризоны, надеявшийся поймать отставшего от матери мамонтенка или, наверное, питавшего какие-то слабые надежды задрать одну из пасущихся поблизости многочисленных антилоп.

В небе кружили ястребы и канюки. Один раз над его головой прошел гусиный клин и, крича, полетел дальше к рисовым болотам в горах.

В его сторону шло, покачиваясь, стадо неуклюжих длинношеих созданий, похожих на дальних родственников верблюдов, каковыми они и были. С ними шло несколько тонконогих детенышей, и именно их-то и надеялась задрать волчья стая, если старшие отвлекутся.

Повсюду царили жизнь и обещание смерти. В воздухе веяло сладостью. Ни одного человеческого существа не было в поле зрения. Вдали галопом мчался табун диких лошадей, возглавляемых великолепным чалым жеребцом. Повсюду виднелись звери прерий. Кикаха любил этот мир. Он был и опасным, и волнующим, и Кикаха думал о нем — как о своем мире, несмотря на тот факт, что этот мир создал и все еще владел им Вольф — Господь, а он, — Кикаха, вторгся сюда.

Но этот мир в некотором смысле принадлежал больше Кикахе, чем Вольфу, поскольку он, безусловно, пользовался его выгодами больше, чем Вольф, державшийся обычно во дворце на вершине самого высокого монолита.

На пятидесятый день Кикаха выехал к Большой Торговой Тропе. Тут не было дороги в обычном смысле слова, поскольку трава тут

росла не менее густо, чем рядом, но каждую милю ее отмечали два деревянных столба, верхняя часть которых была вырезана в виде Ишкетламму,—Тишкетмоакского Бога торговли. Тропа тянулась на тысячу миль от границы империи Тишкетмоаков, петляя по Великим Прериям и касаясь разных полупостоянных торговых мест как в прериях, так и в горах. По тропе шли огромные фургоны с тишкетмоакскими товарами в обмен на меха, шкуры, травы, слоновую кость, пленивших животных и человеческих пленников. Договор ограждал Тропу от нападения, и всякий, ехавший по ней, находился в безопасности, по крайней мере, теоретически, но если он выезжал за пределы узкой тропы, отмеченной резными столбами, то становился законной добычей любого встречного.

Кикаха несколько дней ехал по тропе так как хотел найти торговый караван и узнать новости о Таланаке. Однако ему не попалось ни одного, и поэтому Кикаха покинул тропу, так как она уводила его от прямого пути в Таланак. Сто дней спустя после того, как он покинул деревню Хровака, ему снова встретилась тропа.

Поскольку она вела прямо в Таланак, он решил следовать по ней. Спустя час после рассвета появились полукони.

Кикаха не знал, что они делали в такой близости от тишкетмоакской границы.

Наверное, они совершали набеги; потому что хотя и не нападали ни на кого на Большой Торговой Тропе, однако от них страдали окружавшие ее тишкетмоакские владения.

Какой бы не была причина их присутствия, полукони не должны были оправдываться перед Кикахой. Они, разумеется, сделают все, что в их силах, чтобы поймать его, поскольку он был их величайшим врагом.

Кикаха пустил двух своих коней в галоп. Полукони—в миле налево от него, рванули галопом в тот же миг, когда увидели, что Кикаха понесся вскач. Они бегали быстрее, чем обремененный человеком конь, но Кикаха имел хорошую фору. Он знал что впереди,—в четырех милях находится авантпост, и что там он будет в безопасности, если сможет очутиться за его стенами.

Первые две мили он гнал своего черного жеребца с предельной скоростью. Тот отдал своему всаднику все, что мог. Со рта у него срывалась пена, грудь увлажнилась. Кикаха испытывал из-за этого нехорошие чувства, но, разумеется, не собирался щадить животное, если загнав коня, мог спасти собственную жизнь.

Кроме того, полукони все равно забили бы его лошадей на мясо.

Прокакав две мили полукони приблизились достаточно близко для того, чтобы он мог определить их племя. Они принадлежали к шайшателям и разбойничали обычно в трехстах милях отсюда, неподалеку от Леса Деревьев со Многими Тенями. Они походили на кен-

тавров из земных миров, но были крупнее а их лица и украшения не имели никакого отношения к Греции.

Их огромные, вдвое больше человеческих, головы с темными широкоскульными лицами индейцев прерий украшали шляпы или повязки с перьями и заплетенные в одну—две косички длинных черных волос.

Вертикальное человеческое тело кентавра имело большой, похожий на меха орган, качавший воздух в пневматическую систему лошадиной части. Он вздымался и опадал под человеческой грудью, усиливая и без того странную и зловещую внешность полукона.

Первоначально полуконы были созданы Джадавином—Господом этой вселенной. Он сработал и вырастил тела кентавров в своих биолабораториях. Первых кентавров снабдили человеческими мозгами взятыми у скифских и сарматских кочевников с Земли и у некоторых ахейских и пеласгийских племен. Поэтому некоторые из полукона все еще говорили на этих языках, хотя большинство давным-давно переняло язык какого-то индейского племени из прерий.

Теперь же шойшатели галопом упорно неслись за ним, почти уверенные, что враг находится в их власти. Почти, потому что опыт рассеял иллюзии многих жителей прерий, веривших, что Кикаху можно легко поймать или, поймав, удержать.

Шойшатели, хотя и жаждали взять его в плен живым, чтобы помучить, вероятно, намеревались убить его как можно скорее. Попытка взять его живым требовала сдержанности и деликатности с их стороны, а если они будут сдерживаться, то могут обнаружить, что Кикаха исчез.

Пересев на другую лошадь,—черную кобылу с серебрянной гривой и хвостом, Кикаха побудил ее скакать во весь дух.

Жеребец отстал дрожа и тяжело дыша, его грудь покрылась белой пеной. И упал, когда полуконь проткнул его копьем.

Мимо Кикахи проносились стрелы, копья недолетев падали позади. Но он не потрудился ответить на стрельбу. Он пригнулся к шее кобылы и громко понукал ее. Вскоре, когда полуконы подтянулись к нему, и стрелы с копьями стали ложиться ближе, Кикаха увидел на вершине невысокого холма аванпост, представляющий собою квадрат, построенный на вкопанных стойнях в землю заостренных бревнах, с выступающими с каждой стороны блокгаузами. На шесте посередине столба развивался тишкетмоакский флаг: зеленый,—с алым орлом, глотающим черную змею.

Кикаха увидел, как караульный на несколько секунд уставился на них, а потом поднял к губам конец длинного тонкого рога. Кикаха не мог расслышать сыгранной тревоги, потому что ветер дул от него, и грохот копыт стал слишком громким.

Изо рта кобылы хлестала пена, но она продолжала мчаться. И

все-таки полуконы приближались, а стрелы и копья пролетали в опасной близости. Одна из стрел была с тремя камнями, образовывающими треугольник смерти и едва не поразила его. В тот момент, когда ворота форта распахнулись, и оттуда вылетела тишкетмоакская кавалерия, кобыла под Кикахой споткнулась.

Она попыталась оправиться и преуспела, но Кикаха понял, что это было вызвано не усталостью, а стрелой, воткнувшейся в ее круп и пронзившей его под таким пологим углом, что головка стрелы опять вышла наружу. Очевидно, что она не могла долго протянуть.

Еще одна стрела вонзилась в тело кобылы как раз позади седла. Кобыла упала, и Кикаха выбросился из седла, когда она рухнула. Он попытался приземлиться и сразу побежать, но не смог и из-за скорости пару раз перекатился через голову.

Над ним нависла тень катившей его лошади. Она рухнула рядом и лежала, не двигаясь. Кикаха вскочил на ноги и побежал к тишкетмоакам.

Позади него торжествующе закричал полуконь.

Повернув голову, Кикаха увидел вождя в шляпе с перьями, с грохотом несшегося к нему, высоко подняв копье. Кикаха выхватил метательный нож, резко обернулся, принял стойку, и когда кентавр начал было бросать копье, метнул нож. Сразу же после того, как нож покинул его руку, он отпрыгнул в сторону. Копье прошло над плечем рядом с шеей.

Полуконь, с торчавшим из органа мехов ниже груди ножом, кубарем покатился мимо Кикахи. Кости лошадиных ног и хребет человеческой вертикальной части трещали от ударов. Затем над Кикахой в полуконей полетели копья. Одно из них сразило воина, думавшего, что он преуспеет там, где потерпел неудачу вождь. Он не доверял своему умению бросать, а намеревался пронзить Кикаху, вложив в удар весь вес своего пятисотфунтового тела.

Воин рухнул, Кикаха подобрал копье и швырнул его в лошадиную грудь ближайшего кентавра. Затем кавалерия, превосходившая в численности полуконей, проскакала мимо него, и началась свалка. Полуконей отогнали с огромными потерями для людей.

Кикаха сел на коня, потерявшего хозяина под ударом томогавка кентавра, и поскакал галопом вместе с кавалерией обратно к посту.

— Ты всегда приносишь с собой много бед, — сказал Кикахе командир аванпоста.

Кикаха усмехнулся:

— А признайся, ты ведь был рад волнению. Вы ведь умирали от скучи, верно?

Капитан усмехнулся в ответ.

Тем вечером к форту приблизился полуконь, несший шест с длинным белым пером цапли на конце. Чтя символ герольда, капи-

тан отдал приказ придержать огонь. Полуконь остановился перед воротами и крикнул Кикахе:

—Ты снова сбежал от нас, Обманщик, но смерть ждет тебя! Не думай, что сможешь воспользоваться Большой Торговой Тропой и не опасаться нас! Мы будем читать тропу: никого на ней полукони не тронут! Кроме тебя, Кикаха! Мы убьем тебя! Мы поклялись неозвращаться к своим вигвамам, к своим женщинам и детям, пока не убьем тебя!

—Ваши женщины возьмут других мужей!—Крикнул в ответ Кикаха.—А дети вырастут, не вспоминая о вас! Вам никогда не поймать и не убить меня, полуослы!

На следующий день прискакал смелый отряд, и получившие увольнительную кавалеристы поехали вместе с Кикахой в город Таланак. Полукони не появлялись, и после того, как Кикаха пробыл некоторое время в городе, он начисто забыл об угрозах шойшателей. Но скоро ему пришлось об этом вспомнить.

2

Река Ваткеткол начинается с речки, вытекающей из реки Гузирит в стране Хамшем или в Дракландии, на монолите Абхарплунта. Она протекает через густые джунгли до края монолита, а затем обрушивается через канал, проточенный водой в твердой скале. Долгое время река падает сплошной массой воды, затем, перед тем, как достигнуть подножья тридцатимильного монолита, становится водяной пылью. Тучи докатываются до монолита и скрывают брызги и пену от людских глаз. Подножье тоже было скрыто.

Те, кто пробовал зайти в этот туман, сообщили, что он все равно, что самая черная ночь, а влага через некоторое время становится сплошной водой. Туман простирается на одну-две мили от подножья и где-то там снова становится водой, а потом рекой. Поток протекает через узкий канал в песчанике, а дальше—расширяется. Затем на протяжении пятисот миль река петляет, выпрямляется миль на двадцать, а потом разделяется, обтекая твердые скалы гор.

По другую сторону горы воды реки вновь воссоединяются, резко поворачивают и текут шестьдесят миль на запад. Там они исчезают в огромной пещере и, надо полагать, стекают через сеть пещер вниз, внутрь монолита, на вершине которого находится Индейский уровень. Где затем река выходит на свет, знают только Орлицы Подарги, Вольф и Кикаха.

Обтекаемая рекой гора-остров была сплошной глыбой агата.

Когда Джадавин создал эту вселенную, он отлил гору из смешанного агата и нефрита в три тысячи высотой и примерно пирамидальной формы, в яблочно-зеленые, изумрудно-зеленые, коричневые, лиловые, желтые, голубые, серые, красные, черные и разные другие

оттенки полосы. Джадавин поместил ее охладиться на краю Великих Прерий, а позже направил реку протекать вокруг подножья монолита.

Тысячи лет нефритовая гора оставалась нетронутой, если не считать приземлявшихся на ней птиц и рыб, болтавшихся у прохладного скользкого основания. Когда индейцев провели сквозь врата в этот мир, они наткнулись на нефритовую гору. Некоторые племена сделали ее своим богом, но кочевые народы не селились поблизости от нее.

Затем в этот мир, неподалеку от нефритовой горы, привели группы цивилизованных людей из древней Мексики. Случилось это, насколько мог вспомнить Джадавин, ставший позже Вольфом, приблизительно тысяча пятьсот земных лет назад. Недобровольные иммигранты могли принадлежать к цивилизации, названной последующими цивилизациями — ольмеками. Сами они называли себя тишкетмоаками. Они построили деревянные дома и деревянные стены по берегам к западу и востоку от горы и назвали гору Таланак. Таланаком они называли своего бога-ягуара.

Котчултя — буквально, дом бога или храм Тошкоуни, — божества письменности, математики и музыки, находился на полпути к вершине похожего на ступенчатую пирамиду города Таланак. Он выходил на улицу Смешанных Благословений и снаружи не выглядел впечатляюще большим. Фасад храма — изящное здание, высеченное в склоне горы — представлял собой птичье-ягуарово лицо Тошкоуни. Как и в остальной внутренней части горы, все пещеры, вся резьба, все барельефы были сделаны с помощью трения или бурения. Нефрит нельзя отколоть или расслоить, его можно пробуравить, но большая часть труда по созданию из камня красоты приходилась на трение. Трение порождает прекрасное и полезное.

Таким образом, черно-белый нефрит в этом районе истерли поколения рабов, применявших в качестве образцов толченый корунд, стальные или деревянные инструменты. Рабы выполнили основную черновую работу, а потом за дело взялись художники и ремесленники. Тишкетмоаки утверждали, что форма похоронена в камне, и кажется правдой, что ее можно открыть — как в случае Таланака.

«Боги прячут, люди находят,» — говорили тишкетмоаки.

Когда посетитель вступает в храм через дверной проем, который, кажется, сжимается за ним кошачьими зубами Тошкоуни, он попадает в огромную пещеру. Она освещена солнечным светом, льющимся сквозь отверстия в потолке, и сотней бездымных факелов. За красно-белой нефритовой перегородкой высотой в пояс стоит хор одетых в черное монахов с выбритыми и окрашенными в алый цвет головами. Хор поет хвалы Повелителю Мира, — Оллуммамлу, и Гошкоуни.

В каждом из шести углов помещения стоит алтарь в виде зверя,

птицы или молодой женщины на четвереньках. На поверхности каждого алтаря выступают пиктограммы, а также мелкие животные и абстрактные символы—результат долгих лет самоотверженного труда и длительной неутолимой страсти. На одном алтаре лежит изумруд величиной с голову человека, и существует рассказ о нем, затрагивающий также и Кикаху. В самом деле, изумруд был одной из причин, почему Кикаху так тепло встречали в Таланаке. Камень однажды похитили, а Кикаха отобрал его у хамшемских воров со следующего уровня и вернулся—хотя и не задаром.

Кикаха находился в храмовой библиотеке. Это было громадное помещение в глубине горы, куда можно было попасть, только пройдя через зал с публичными алтарями и по длинному широкому коридору. Оно тоже освещалось солнцем, просачивающимся сквозь шахтные отверстия в потолке, да факелами и масляными лампами.

Стены долбили и терли, пока не создали тысячи неглубоких ниш, в каждой из которых теперь хранилась тишкетмоакская книга. Книги были свитками из сшитых вместе ягнячих кож, а свиток с обоих концов—к цилиндуру из дерева и слоновой кости. Цилиндр вначале книги вешали на высокую нефритовую раму, и свиток медленно разматывали перед стоявшим читателем.

Кикаха стоял в широко освещенном углу, как раз под отверстием в потолке.

Одетый в черное, жрец Такоакол объяснял Кикахе значение некоторых пиктограмм. Во время прошлого визита Кикаха изучил письменность, но запомнил только пятьсот рисунков-символов, а для беглого чтения требовалось знать по меньшей мере тысячи две.

Такоакол показывал окрашенным в желтый цвет пальцем с длинным ногтем местонахождение дворца императора,—Миклосимла.

—Точно так же, как дворец Господа мира сего стоит на вершине самого высокого уровня мира, так и дворец Миклосимла стоит на высочайшем уровне Таланака, величайшего города в мире.

Кикаха не стал ему противоречить. Одно время столица Атлантиды, занимавшей внутреннюю часть уровня, предшествовавшего самому высокому, была в четыре раза больше и населеннее Таланака. Но она была уничтожена находившимся тогда у власти Господом, и теперь в развалинах обитали только летучие мыши, птицы и большие и маленькие ящерицы.

—Но,—продолжал жрец,—там, где у мира пять уровней, в Таланаке трижды три уровня или улицы.

Жрец свел вместе крайние длинные ногти пальцев обеих рук и, полузакрыв раскосые глаза, произнес речитативом проповедь о магических и теологических свойствах числа три, семь, девять и двенадцать. Кикаха не перебивал его; хотя и не понимал некоторые технические термины.

Он услышал только один раз странное лязганье в соседнем помещении. Одного раза было достаточно для него, выжившего потому, что его не требовалось предупреждать дважды. Более того, цена, уплаченная им за то, что он все еще жив, заключалась и в определенном объеме неуютного беспокойства. Он всегда сохранял минимальный объем напряжения, даже в минуты отдыха и занятия любовью. Поэтому он никогда не заходил ни в одно место, даже в предположительно безопасный дворец Господа, не отыскав сперва возможных потайных мест для самого себя.

У него не было причин думать, что для него существовала какая-то опасность в этом городе и особенно в святая святых храма—библиотеке. Но он много раз не имел никаких причин страшиться опасности, и все же опасность там существовала.

Лязганье слабо повторилось. Кикаха, не извинившись, побежал к арочному проходу, из которого донесся этот неопознанный и, следовательно, зловещий шум.

Многие одетые в черное жрецы подняли головы, отрываясь от столов с наклонной поверхностью, где они рисовали пиктограммы на коже или отвернулись от висевших перед ними книг. Кикаха был одет как преусевающий тишкетмоак, поскольку у него было в обычae как можно больше походить на местных, где бы он не находился, но кожа у него была на два тона бледнее, чем у самого светлого из них. И кроме того, он носил на поясе два ножа, и одно это выделяло его. Он был первым, помимо императора, вошедшим в это помещение вооруженным.

Такоакол окликнул его, спрашивая, не случилось ли что-нибудь? Кикаха обернулся и приложил палец к губам, но жрец продолжал окликать. Кикаха пожал плечами. Все шансы были за то, что он кончит, так как казался сторонним наблюдателям дураком или слишком опасливым, как это случалось много раз в других местах. Ему было наплевать.

Приблизившись к арочному проему, он снова услышал лязганье, а потом какое-то легкое поскрипывание. Эти звуки казались ему похожими на то, словно люди в доспехах медленно—наверное осторожно—по коридору шли сюда. Они не были тишкетмоаками, так как их солдаты носили стеганые доспехи типа тегиляев. У них имелось стальное оружие, но оно не произвело бы услышанных звуков.

Кикаха думал отступить через библиотеку и исчезнуть в одном из выбранных им выходов. В тени арочного проема он мог наблюдать за всеми, кто войдет в библиотеку.

Но он не мог устоять перед желанием немедленно узнать, кто же это сюда вторгся, и рискнул бросить один быстрый взгляд из-за угла.

В двадцати футах от него шел человек полностью облеченный в стальные доспехи. За ним по пятам шли двое или четверо рыцарей, а

за ними по меньшей мере тридцать солдат, мечников и лучников. А сколько еще было за поворотом коридора..? Кикаха и прежде бывал много раз удивлен, поражен и потрясен. Но на этот раз он прореагировал медленнее, чем когда-либо в своей жизни.

Несколько секунд он стоял неподвижно, прежде чем прошел шок от увиденного.

Рыцарь во главе колонны—высокий человек, лицо которого Кикаха увидел благодаря поднятому забралу, был король Эгестхэма—Эрих фон Турбат.

Ему и его людям абсолютно нечего было делать на этом уровне. Они были дракландцы с уровня выше этого, сплошь жители внутреннего плато на вершине монолита, поднимавшегося с этого уровня. Кикаха, известный в Дракландии как барон Хорст фон Хорстман, посещал несколько раз короля и однажды, сшиб его с коня, на турнире.

Когда он увидел короля и его воинов на этом уровне, он поразился, потому что, чтобы попасть сюда, им пришлось бы спуститься на сто тысяч футов по скале монолита. Но их присутствие в городе было и вовсе непостижимо. Никто и никогда не проникал через особую защиту города, кроме как однажды Кикаха, и то когда был один.

Придя в себя, Кикаха повернулся и бросился бежать. Он подумал, что тевтоны, должно быть, воспользовались одними из «врат» позволявших мгновенную транспортизацию из одного места в другое. Однако тишкетмоаки не знали, где находились врата, и даже не догадывались об их существовании.

Только Вольф, бывший господином этой вселенной, его жена Хрисенда, да Кикаха, как-то пользовались ими. Или, теоретически, они были единственными, знаями какими пользоваться.

Однако, несмотря на это, тевтоны были здесь.

Как они нашли врата и почему они прошли через них в этот дворец—на эти вопросы придется искать ответы позже, если вообще когда-нибудь придется.

Кикаха почувствовал прилив страха и подавил его. Это могло означать только одно—чужой Господь успешно вторгся в эту вселенную. То, что он мог отправить воинов за Кикахой, означало, что Вольф и Хрисенда оказались не в состоянии помешать ему, а это могло означать, что они мертвы, а также то, что если они и живы, то бессильны и, таким образом, нуждаются в его помощи. Ха! В его помощи!

А он снова бежит, спасая свою шкуру!

В Таланаке существовало трое скрытых врат.

Двою находились в храме Оллимамла, на вершине города, рядом с императорским дворцом. Одни врата—большие, и ими-то должно быть, и воспользовались воины фон Турбата, если они явились со сколько-нибудь приличным войском, а они должны явиться с боль-

шим войском, иначе им бы ни за что не одолеть большой отряд фанатичных телохранителей императора и гарнизон.

Если, подумал Кикаха, захватчики не сумели каким-то образом сразу же захватить в плен императора. Тышкетмоаки будут подчиняться приказам своего правителя, даже зная, что они исходят от его пленителя. Во всяком случае, так будет какое-то время. Жители города были, в конце концов, людьми, а не муравьями, и в конечном итоге взбунтовались бы. Ведь они считали своего императора воплощением бога, уступающего в старшинстве только всемогущему Создателю Оллимамлу, но они также любили свой нефритовый город и дважды в своей истории совершили богоубийство...

В то же время... Кикаха бежал к арочному проему напротив того, откуда как раз сейчас, должно быть, выходили захватчики. Раздавшийся крик пришпорил его, а затем заорали многие. Кричали некоторые жрецы, но несколько криков послышалось на испорченном средне-верхнегерманском диалекте дракланцев. Лязг доспехов и мечей служил фоном гаму голосов.

Кикаха надеялся, что дракланцы воспользовались только этим коридором. Если они сумели добраться до всех входов в этот зал... Он старался не думать об этом. Арка впереди вела в коридор, шедший, насколько он знал, дальше, в глубь горы. С ним могли пересекаться другие коридоры, но ни один из них не выходил наружу. То есть ему так говорили. Наверное, его осведомители, по какой-то причине лгали или не поняли его несовершенной тышкетмоакской речи.

Лгали или нет, но ему придется выбрать этот путь.

Единственная беда, что даже если коридор и свободен от захватчиков, то кончается он в горе.

3

Зал библиотеки был огромным. Пятистам рабам, тершим и буравившим двадцать четыре часа в день, требовалось двадцать лет для завершения основных работ. Расстояние от только что покинутого им арочного проема до того, куда он желал попасть, равнялось примерно ста шестидесяти ярдам. У некоторых захватчиков будет достаточно времени зайти в библиотеку и сделать один выстрел по нему.

Зная это, Кикаха побежал зигзагами.

Когда он приблизился к арке, он бросился на пол и перекатился через выход.

Стрелы свистели над ним и тюкались в каменную стену или отскакивали от пола рядом с ним. Кикаха пружинисто вскочил на ноги и помчался дальше по коридору.

Он добежал до неизбежного коридора-поворота и остановился. Мимо него протрусили двое жрецов. Они взглянули на него, но ничего не сказали.

Они забыли о нем, когда им по ушам ударили пронзительные крики, и побежали к источнику шума. Кикаха подумал, что они вели бы себя умнее, если бы побежали в другую сторону, поскольку, судя по звукам, дракландцы могли истреблять жрецов в библиотеке.

Однако эти двое могли наткнуться на его преследователей и могут на несколько секунд задержать их. Жрецов очень жаль, но не его вина, если их убьют. Ну, наверное, все-таки его. Но он не собирался предупреждать их, если молчание поможет ему оставаться впереди охотников.

Он побежал дальше. Почти подбежав к еще одному повороту сворачивающему под углом в сорок пять градусов, Кикаха услышал позади крики. Он остановился и выдернул горящий факел из подставки на стене.

Подняв его высоко над головой, — посмотрел вверх. В двадцати футах от макушки головы находилось круглое отверстие в потолке. Оно было темным, поэтому Кикаха полагал, что шахта где-то сворачивала, прежде чем соединиться с другой.

Всю гору пронизывали тысячи таких шахтных стволов, и все по меньшей мере три фута в диаметре, поскольку проложившие шахтные стволы и тунNELи рабы не могли работать на площади меньших размеров.

Кикаха подумал о шахте, поставил эту мысль.

Здесь под рукой не было ничего, что могло помочь ему добраться до шахты.

Услышав скрежет металла о камень, он выбежал за поворот и тут же остановился...

Первый лучник, получив в лицо пылающим факелом, завопил и зашатавшись отступил назад, сбив с ног лучника сзади.

Конические стальные шлемы обоих свалились и залязгали по полу.

Пригнувшись, Кикаха побежал вперед, используя как щит поднявшегося в сидячее положение лучника с обожженным лицом. Он выхватил из ножен лучника длинный меч. Лучник держался за лицо обеими руками и визжал, что он ослеп. Сшибленный им солдат встал, не давая таким образом увидевшим Кикаху лучникам стрелять в него. Кикаха выпрямился и обрушил меч на незащищенную голову солдата, а затем развернулся и побежал, снова пригнувшись.

Слишком поздно некоторые лучники стали стрелять по нему. Стрелы попали в стены.

Кикаха вбежал в большое хранилище.

Здесь имелось много разных предметов, однако его внимание сразу же привлекли длинные складные лестницы, применявшиеся в библиотеке. Он установил одну из них, уперев в край шахтного ствола на потолке. У подножья лестницы он положил меч, а затем взял

другую лестницу и побежал с ней дальше по коридору, свернув через дверной проем в ответвлявшийся коридор и остановился под другим шахтным стволом.

Здесь он приставил лестницу к краю отверстия в потолке и полез в шахту.

Упершись спиной в одну сторону шахтного ствола, а ногами в другую, он сумел затолкать свое тело в отверстие.

Он надеялся, что первая лестница и меч рядом с ней одурачат его преследователей, и они потеряют время, пуская стрелы в темную дыру. Когда они поймут, что его не свалить, как медведя в дупле, то подумают, что он сумел вовремя добраться до ответвляющегося шахтного ствола.

Потом некоторые из них поднимутся за ним в шахту. Если они умные, то задержаться на долгий срок, чтобы снять свои тяжелые кольчужные рубашки, юбки, латы и стальные шлемы.

Однако, если они достаточно умные, то поймут также, что он, возможно, выкинул трюк, и исследуют коридоры поглубже и вскоре могут оказаться под этим шахтным стволом и пустить в его тело стрелу.

Вдохновленный этой мыслью, Кикаха полез еще быстрее. Он продвигал спину на несколько дюймов вверх, твердо упираясь ступнями, напрягая ноги, затем передвигал вверх ступни, снова спину и опять ступни; наощупь, стены были из гладкого, скользкого нефрита, а не из нешлифованной стали, камня или дерева. Наверное, футов через двадцать, что означало сорок футовое падение до пола, он добрался до шахтного ствола, шедшего под прямым углом к этому.

Тут ему пришлось извернуться кругом, чтобы суметь посмотреть вниз. Он увидел, что лестница все еще стояла приставленная к освещенному концу шахтного ствола.

Из колодца не доносилось ни звука. Он подтянулся в горизонтальный ствол.

В этот момент до него донесся невнятный голос. Солдаты, должно быть, попались на его хитрость. Либо они поднимались за ним по тому, первому стволу, либо уже это сделали и, возможно, находились в том же горизонтальном шахтном стволе, что и он.

Кикаха решил охладить их пыл. Если он обнаружит выход, то могут также обнаружить, что находятся прямо за ним или, что еще хуже, как раз под ним. Они могут передать друг другу вверх по шахте луки и стрелы.

Если они это сделают, то смогут его застрелить без опасности для себя.

Пытаясь вычислить направление шахты, где он оставил первую лестницу, он додел до соединения, где три горизонтальных туннеля встречались над вертикальным.

Сумеречный свет этого места стал немного ярче. Он перепрыгнул через отверстие в полу и приблизился к просвету. На выходе из поворота он увидел стоявшего к нему спиной согнувшегося солдата.

Тот держал факел, который ему только что вручил солдат в вертикальной шахте.

Солдат в шахте бурчал, что факел опалил его, а солдат выше свирепо шептал, что им всем следует вести себя тихо.

Лежавшие наверх солдаты сняли свои доспехи и все оружие, кроме кинжалов на поясах. Однако лук и колчан стрел передали наверх солдату в туннель. Воины в вертикальной шахте образовали цепочку, переправлявшую вооружение. Кикаха заметил, что они поступили бы умнее, разместив сперва в туннеле шесть-семь человечков, чтобы воспрепятствовать их дичи напасть на них.

Кикаха было подумал сразу прыгнуть на одинокого солдата, но решил подождать, пока они переправят наверх все оружие, которым собирались воспользоваться. Вот так—лук за луком, колчан за колчаном, мечи и даже доспехи были переданы наверх и вручены воину в туннеле, свалившему их сбоку поблизости. Кикаха почувствовал отвращение: неужели они не понимают, что их доспехи только отяготят их и дадут их дичи преимущество? Более того, в тяжелых толстых кольчугах и тяжелой одежде, они обязательно запарятся и вспотеют. Единственная причина для такого шага, какую он мог придумать, заключалась в негибкости военного мышления. Если правила предписывали доспехи во всех боевых ситуациях, то доспехи надевались независимо от того, соответствовало это обстановке или нет.

Солдат, принимавший вооружение, и те, что торчали в шахте, ругали, хотя и не громко, жару и напряжение сил. Какаха слышал их отчетливо, а вот находившиеся внизу офицеры, как он полагал, не слышали.

Наконец на полу оказались сваленными тридцать пять луков, тридцать пять кольчуг и тридцать пять мечей и шлемов. Когда Кикаха впервые увидел завоевателей в коридоре, солдат было больше, поэтому казалось, что многие собирались остаться внизу. Среди них окажутся все офицеры, так как они не захотят терять время и труды на снятие своих стальных доспехов. Судя по перекличке между воином в туннеле наверху и офицером внизу—что можно было проделать тихо, если бы воины в шахте передавали сообщение—воин в туннеле был самым младшим по званию.

Кикаха внимательно слушал, надеясь выяснить, поднимались ли какие-нибудь другие воины по другим шахтным стволам. Он не хотел оказаться в западне или допустить нападение с тыла. О других нападавших ничего сказано не было, но это не означало, что ничего такого не происходило. Кикаха оглядывался, словно птица, остерег-

гавшаяся кошек, но ничего не услышал и не увидел. Шликруму полагалось быть столь же нервожно бдительным, как и Кикахе, но тот явно чувствовал себя в безопасности.

Это чувство испарилось, словно стакан воды в вакууме—солдат нагнулся помочь верхнему воину выбраться из шахтного ствола, когда Кикаха вонзил свой нож, на несколько дюймов, в правую ягодицу воина.

Он завопил, а затем получив пинок полетел вниз головой в шахту. Он упал на пытающегося вскарабкаться воина. Они оба упали на воина внизу, и так далее, пока десять солдат не выпали, пронзительно крича, из отверстия в потолке. Они бухнулись друг на друга, и звуки ударов слабели по мере того, как увеличивался слой тел.

Шликрум, падавший дальше, чем другие, приземлился, растянувшись на самом верхнем теле. Хотя он и был ранен, но он не потерял сознания. Он вскочил на ноги, потерял опору и свалился на кучу тел на полу, потеряв сознание.

К нему, лязгая доспехами подошел офицер и слегка нагнулся над ним—расспросить, что произошло. Из-за гамы внизу Кикаха не мог рассыпать слов и поэтому прицелился в офицера из лука. Угол стрельбы был неудобным, но он натренировался стрелять под многими углами и послал стрелу верно.

Стрела попала в соединение пластин шеи и плеча, вонзившись глубоко в тело. Офицер упал вперед. У Кикахи вызвала любопытство пристегнутая к спине рыцаря шкатулка, так как он никогда раньше не видел ничего похожего на нее. Сейчас, однако, было не время ублажать свое любопытство.

Выбравшись из кучи тел солдаты убежали из поля зрения Кикахи. Возник гул голосов, а потом молчание, после того, как офицер рявкнул:

—Заткнитесь!

Кикаха узнал голос фон Турбата. Только тогда он начал понимать все, что подразумевало собой это вторжение и жестокая охота на него.

Фон Турбат был королем независимого государства Эгестхэм,—горной страны с шестьюдесятью тысячами граждан. Одно время Кикаха, под именем барон Хорст фон Хорстман, поддерживал с ним довольно дружеские отношения. После того, как Турбат на турнире потерпел поражение от Кикахи, а затем поймал Кикаху, когда тот занимался любовью с его дочерью, он стал относиться к нему враждебно, не активно враждебно, но ясно дал понять, что не будет мстить за смерть Хорстмана, если кто-то убьет его, пока тот находится под крышей дома фон Турбата. Услышав это, Кикаха немедленно смылся, а позже, играя свою роль барона-разбойника, ограбил шед-

ший в Эгестхэм торговый караван. Но обстоятельства вынудили Кикаху бросить свой замок и бежать, спасая жизнь, на этот уровень.

Это произошло несколько лет назад.

Не существовало никакой причины, по которой фон Турбат пошел бы на такой страшный риск и хлопоты, чтобы отомстить Кикахе. В первую очередь, откуда король вообще узнал, что Кикаха здесь? Откуда он мог узнать даже то, что Кикаха—это фон Хорстман? Почему, если он действительно открыл врата и их применение, он вторгся в опасный город Таланак? Впрочем, вопросов возникло слишком много.

В то же время, судя по приглушенным голосам и последовавшим звукам бегущих солдат, стало очевидно, что тевтоны поднимутся по другим шахтным стволам. Кикаха сомневался, что многие из них будут в доспехах или тяжело вооружены, поскольку большая часть доспехов и оружия оказалась теперь у него. Они, конечно, пошлиют за подкреплением и ему лучше убраться отсюда.

Затем из кучи выполз один из воинов и Кикаха пустил в него стрелу. Он быстро пристрелил еще пять тел, действуя по теории, что если кто-то из них сумеет ожить, то он ликвидирует потенциального убийцу. Примерно пять минут он занимался беганием взад-вперед вдоль и поперек по разным туннелям. Три раза ему удалось застать солдат, поднимавшихся по шахтным стволам, и подстрелить верхнего воина. Дважды он стрелял через шахтные стволы по воинам, шедшим по коридорам.

Но он не мог надеяться бегать достаточно быстро, чтобы прикрыть все шахты, а король явно не считался с потерями. В шахтные стволы, куда совались первоначально, лезли вновь, а огни и звуки указывали, что лезли и другие. Кикахе пришлось бросить все оружие, кроме своих ножей, чтобы подняться еще по одной вертикальной шахте. Он намеревался найти дорогу и отверстиям, выходившим наружу.

Там, высоко на поверхности горы, на улице Смешанных Благодарствий ему, возможно, удастся сбежать.

Однако, фон Турбат наверняка должен знать это.

Он расставит по улицам ниже и выше лучников.

Если бы только он мог продолжить скрываться от солдат здесь, в сети туннелей до темноты, то ему, возможно, удалось бы проскользнуть по нефритовой скале, то есть он мог бы сделать это, будь там орнаментальные выступы для облегчения его задачи.

Его стала мучить сильная жажда. Он все утро не пил воды, ибо был охвачен жаждой познания. Теперь потрясене, бой и беготня иссушили его. С нёба у него падала густая сталактитовая слюна, а горло казалось словно бы наполненным пустынным галечником, выбитым копытами верблюда.

Если понадобится, он может протянуть остаток дня и ночь, но ослабеет. Следовательно, он должен добыть воду. А поскольку существовал только один способ добыть ее, именно этот способ он и выбрал.

Кикаха прокрался обратно к шахте, по которой только что поднялся, но остановился в нескольких футах от нее и улыбнулся. Что это с ним случилось? Он испытал слишком большое потрясение, его обычная хитрость и не скованное условностями мышление оказалось на время выжатыми из него. Он прошел мимо шанса на спасение.

Выбирать такой путь было безумием, но самая его ненормальность служила для него лучшей рекомендацией и фактически сделала успех весьма вероятным. Если только он не додумался слишком поздно!

Спуск был легким. Он бросился к куче доспехов.

Солдаты еще не приблизились к этому отверстию, они, должно быть, по-прежнему поднимались по шахтам подальше от этой.

Кикаха снял с себя тишкетмоакскую одежду и запихал ее в кольчугу внизу кучи.

Он поспешил надеть доспехи, хотя ему и пришлось поискать для себя достаточно большие кольчугу и шлем.

Затем он нагнулся над отверстием и окликнул солдат. Он в совершенстве умел имитировать чужую речь, и хотя прошло несколько лет с тех пор, как он слышал эгестхэмский диалект немецкого языка, он воскресил его без труда.

Расположившиеся внизу солдаты заподозрили обман. Они были, в конце концов, не так уж и глупы. Однако они и представить не могли, что случилось на самом деле. Они думали, что Кикаха, возможно, пытается заманить их в пределы досягаемости своих стрел.

—Их утрершикрум Хайнс Гимбат! —крикнул он.— Я капрал Генрих Гимбат!

Хайнс было обычным именем в Дракландии, а Гимбат—туземной фамилией, как большинство фамилий, кончающихся на «бат» была особенно распространена в том районе Дракландии среди низших классов, бывших смесью аборигенов и немцев. Среди завоевателей должно обязательно найтись несколько солдат с таким именем.

В поле зрения вышел сержант и остановился, подняв голову и взглядываясь в ствол шахты.

—Во ист де трикменш? (Где Обманщик?)

—Хир эн ист натюрлих. Их хап друсс. (Здесь его, конечно нет. Я изнываю от жажды.)

—Франк эур фир васс? (Ты просишь воды? В такое время?)—звревел сержант.

Просьба была искренней, но она также была именно тем, что снимало с Кикахи подозрение. Пока сержант бушевал внизу, факелы с обоих концов туннеля объявили о подходе уже поднявшихся сол-

с обоих концов туннеля объявили о подходе уже поднявшихся солдат. Кикаха покинул отверстие шахты и обратился к офицеру ново-прибывших. Этот офицер в конце концов все-таки снял доспехи, очевидно потому, что по мнению фон Турбата, руководить охотой следовало офицеру.

Кикаха узнал его. Это был барон Дибрис, правитель мелкого княжества на границе Эгестхэйма. Он короткое время находился при дворе, когда там бывал Кикаха.

Кикаха держал голову склоненной, чтобы шлем оставлял часть его лица в тени, и сделал свой голос менее глухим. Фон Дибрис выслушал его: но не обратил внимания на его внешность. Для барона Кикаха был всего лишь еще одним безликим солдатом низшего класса. Кикаха доложил, что Обманщик бесследно исчез, а также поспешил добавить, что он попросил воды, но сержант, кажется, счел эту просьбу неразумной.

Барон, облизывая губы, не счел ее неразумной, и поэтому солдаты, стоявшие на лестнице, подняли на концах шестов бутыли с водой, и Кикаха получил возможность напиться. Затем он попытался скрыться из вида, чтобы можно было выбраться в коридор и, будем надеяться, из храма. Фон Дибрис расстроил его планы, приказав ему первому подниматься по шахтному стволу до следующего горизонтального уровня. Фон Дибрис выругал его за ношение доспехов, и Кикахе пришлось снять кольчугу. Он готов был ударить или бежать при первом же признаке опознания его со стороны барона, но фон Дибрис интересовали только поиски варвара-убийцы.

Кикахе хотелось задать много вопросов. Но он, однако, не мог это сделать, не вызвав подозрений, и поэтому хранил молчание. Он вылез из шахтного ствола, а потом принял переданные луки, колчаны и длинные мечи. После этого отряд разделился на двое. Одна половина двинулась в одну сторону, а другая в противоположном направлении. Когда половина отряда, членом которой был Кикаха, встретит другой поисковый отряд, им снова придется подниматься выше.

Только что покинутые им уровни стали светлыми и шумными. Подходили новые солдаты подкрепить давление охоты. Фон Турбат или кто-то там стоял во главе всего этого вторжения, должен прекрасно контролировать положение, чтобы выделить столько солдат.

Кикаха оставался с первоначальной группой, поскольку в ней никто его знал. Когда они встречали другие группы, Кикаха ничего не говорил. Он по-прежнему был в шлеме, так как ему не приказали снять его. Некоторые другие тоже носили шлемы.

Идти стало труднее, потому что шахтные стволы стали теперь такими узкими, что отряду приходилось двигаться на корточках, переваливаясь как утки. Солдаты думали, что находятся в самой наилучшей форме, но такой способ передвижения вызывал у них дрожь в

ногах и боли в спине. Кикаха, хоть он и не страдал, тоже жаловался, чтобы не казаться не похожим на других.

После того, чтоказалось многими часами, но, вероятно, заняло не менее восьмидесяти минут, отряд из шести солдат вылез из шахтного ствола в маленькую камеру. В противоположной стене виднелись круглые отверстия, выходившие наружу. Солдаты высунулись и смотрели вниз, где увидели на улице Смешанных Благословений пешие войска и конных рыцарей. Хотя они и представлялись маленькими фигурками, расцветка их была вполне различима. Кикаха опознал флаги, вымпелы и мундиры не только Эгестхэма, но и по мельчайшей мере дюжины королевств и нескольких баронетств.

Повсюду валялись тела, главным образом жителей тишкетмоакских улиц, здесь и там была пролита кровь. Бои между тевтонами и местным гарнизоном происходили, должно быть, в другом месте, вероятно, на вершине города.

Намного ниже протекала река. Отсюда Кикахе были видны два моста, забитые беженцами, дружно повалившими в старый город.

Вскоре по длинному изогнутому спуску прискакал тишкетмоак и остановился перед только что вышедшим из храма фон Турбатом. Король усился на коня прежде, чем позволил ему заговорить. Этот человек был великолепен: в головном уборе из длинных изогнутых белых перьев, алом плаще и зеленых легинах. Он, вероятно, являлся каким-то чиновником императора.

Он докладывал Турбату, а это, видимо, означало, что император попал в плен.

У Кикахи имелось мало потайных мест, даже если бы он смог удрать. Оставшиеся в городе жители подчинялись приказам своего правителя, а если будет приказ доложить о присутствии Кикахи, как только его обнаружат, то именно это они и сделают.

Тут один из шедших вместе с Кикахой солдат заговорил о награде, предложенной за пленение Кикахи или сведений, приведущих в его пленению. Десять тысяч дракенер плюс титул, замок, земли и поданные баронетства Хорстман. Если награду заслужит простолюдин, то он и его семья автоматически станут дворянами. Денег предлагалось больше, чем король Эгестхэма получал за два года в виде налогов.

Кикаха хотел спросить, что случилось с Лизой фон Хорстман, его женой, и фон Лисбатом, его добрым другом, управляющим в его отсутствии баронетством, но не посмел, и его замутило при мысли об их вероятной участи.

Он снова высунулся из окна подышать свежим воздухом и увидел нечто, им забытое. Ранее он видел рыцаря, шедшего непосредственно за фон Турбатом, несшего в одной руке меч, а под другой рукой большую стальную шкатулку. Теперь этот же самый рыцарь сопро-

вождал фон Турбата на улицу, а когда король направился обратно в храм, за ним чуть ли не по пятам направился со шкатулкой рыцарь.

«Очень странно,—подумал Кикаха.—Все, что происходит очень странно».

Однако, пока ничего, Кикаха объяснить не мог.

Впрочем, ясно было одно: Вольф не мог действительно функционировать в качестве господа этого мира, иначе бы этого не произошло. Вольф был либо убит, либо пленен в собственном дворце, либо прятался в каком-либо из миров.

Вскоре капрал приказал отряду возвращаться вниз. Они опять стали исследовать все известные стволы в их секторе. Когда они добрались до коридора, то были усталыми, запарившимися й злыми. Их дурные чувства ухудшились из-за словесных оскорблений офицеров.

Рыцари никак не могли поверить, что Кикаха сбежал от них, и фон Турбат тоже.

Он поговорил с офицерами и составил более подробные планы, а потом приказал возобновить поиски. Возникла задержка, покуда солдатам раздавали бутылки воды, сухари и сущеное мясо. Кикаха сгорбился у стены вместе с другими и говорил только тогда, когда заговаривали с ним.

Другие из его группы служили вместе, но не спрашивали, из какого он взвода—они слишком устали и не хотели тратить силы на разговоры.

Уже час как стемнело, прежде чем поиски отменили. Один офицер заметил, что Обманщик не уйдет хотя бы потому, что поток беженцев на всех мостах прервали.

Каждый мост сильно охранялся, а берега реки напротив города патрулировались.

Более того, уже сейчас начинались обыски домов.

Это означало, что поисковым партиям не видать желанного сна. Они всю ночь будут оставаться на ногах, ища Кикаху.

Солдаты не протестовали. Они не хотели подвергнуться наказанию кнутом, кончаемому кастрацией, а потом повешением, но между собой они ворчали, и Кикаха внимательно слушал их, извлекая информацию.

Это были крепкие, твердые ребята,—подчинившиеся бы любому приказу, в том числе и самому бессмысленному.

Маршировали они достаточно четко, хотя бедра у них безмолвно кричали от боли.

Кикаха сумел попасть в задний ряд взвода, и когда они свернули на улицу, где не было ни местных, ни завоевателей, он исчез в дверном проеме.

Дверь, у которой он стоял, нельзя было, конечно, открыть снаружи. Она закрывалась изнутри большим засовом, применявшимся всеми гражданами Таланака для защиты от рыскающих по ночам воров.

Где есть цивилизация—есть и воры.

Кикаха в данную минуту был благодарен этому факту. Во время предыдущего длительного визита в Таланак он преднамеренно свел близкое знакомство кое с кем из уголовной среды. Эти люди знали много потайных ходов выхода и входа в город, и Кикаха хотел проверять о них на случай, если ему это понадобится.

Более того, он находил знакомых ему преступников, главным образом, контрабандистов, интересными людьми. Одна из них, Калатол, была более чем интересной.

Она была прекрасна. У нее были длинные прямые черные волосы, очень длинные и густые ресницы, гладкая бронзовая кожа, налитая фигура, хотя, подобно большинству местных женщин, она была чуточку широковата в бедрах и немножко толстовата в лодыжках. Кикаха редко требовал от других совершенства. Он соглашался, что небольшая асимметрия—фундамент истинной красоты.

Поэтому и стал любовником Калатол в то же самое время, когда ухаживал за дочерью императора. На этой двойной жизни он в конце концов споткнулся, и брат императора вместе с шефом подиции вежливо попросили его покинуть Таланак. Он мог вернуться, когда дочь императора выйдет замуж и, как водится у знати, закроется в гинекее. Кикаха уехал, даже не попрощавшись с Калатол. Он посетил одно из небольших вассальских королевств на востоке,—страну цивилизованного народа, называвшегося коацл-слет.

Ее давным-давно покорили, и теперь она платила дань Таланаку, но народ все еще говорил на своем исконном языке и придерживался своих исконных, несколько странных обычаяев. Находясь там, Кикаха прослушал, что дочь императора вышла, как и подобало по традиции, замуж за своего дядю. Он мог бы возвратиться, но он вместо этого вернулся обратно к Хровака, медвежьему народу, в горы у Великих Прерий.

Поэтому он теперь должен добраться до дома Калатол и выяснить, не могла бы она его тайно вывести из города, если она вообще примет его, подумал Кикаха. Когда он видел ее в последний раз, она попыталась убить его. Если она с тех пор уже простила его, то снова разгневается, потому что он вернулся в Таланак и не попытался повидаться с ней.

«Ах, Кикаха!—пробормотал он про себя.—Ты считаешь себя таким умным и всегда умудряешься все запутать! К счастью, я единст-

венный, кто знает об этом. А я-то, какой там не длинный у меня язык, никогда не проболтаюсь».

Взошла луна. Не серебряная, подобно земной, а зеленая, как сыр, составлявший, по словам юмористов-фольклористов, лунный материал. Она была в два с половиной раза больше земной луны и набухала в беззвездном черном небе, отбрасывая серебристо-зеленый свет на нефритовую улицу.

Гигантский диск двигался по небесам, и его свет, словно тянувшая его упряжка мышей, просачивался вперед и вскоре засиял перемычку дверей, у которых стоял Кикаха.

Кикаха поднял взгляд на луну и пожелал находиться там. Он много раз гулял по ее поверхности, и если бы он смог добраться до одних скрытых в Таланаке маленьких врат, он мог бы снова погулять по ней. Однако все шансы были за то, что фон Турбат знал об их местонахождении, поскольку он знал о больших вратах. Даже если так, стоило бы выяснить наверняка, но одни из маленьких врат находились в часовне в трех улицах над самой нижней, а другие—в храме. Захватчики перекрыли все ведущие к ним улицы и начали обыск дома за домом с самого нижнего уровня.

Они будут постепенно подниматься, действуя по теории, что если Кикаха прячется, то его будут гнать вверх, пока он не наткнется на солдат, расположенных на двух уровнях непосредственно ниже дворцов. В то же время другие промежуточные улицы будут патрулироваться, но не часто и мелкими отрядами: на большее у фон Турбата не хватит солдат.

Кикаха покинул двери и прошел через улицу и через вал, спустился по богам, зверям, людям, абстрактным символам и пиктограммам, выступавшим из поверхности горы между двумя улицами. Спускался он медленно, так как опоры для рук и ног не всегда были надежными на гладком камне, и потому что у подножья спуска на улицу располагались солдаты.

Они держали факелы, и некоторые сидели на лошадях.

На полпути он прильнул к стене, неподвижный, как муха, заметившая где-то вдали угрожающую ей огромную темную руку. По нижней улице зацокали копыта четырех конных патрульных. Они ненадолго остановились поговорить с расположившимися у спуска часовыми, а потом тронулись дальше. Кикаха тоже тронулся в путь, добрался до улицы и заскользил вдоль стены, вдоль фасада домов, от одной тени у дверей к другой. Он все еще нес лук и колчан, хотя без них, спускаясь, мог бы двигаться более гладко и бесшумно, но они могли ему отчаянно понадобиться, и он пошел на риск, связанный с их бряцанием и неудобной тяжестью.

Он продвигался так, пока луна не приготовилась уплыть за монолит на северо-западе, прежде чем он добрался до улицы, на которой

жила Калатол. Это был район бедняков, рабов, недавно купивших себе свободу, квартир и таверн для матросов и контрабандистов с речных кораблей торговых флотов, для наемных охранников и возчиков фургонов караванов с Великих Прерий. Здесь так же проживало множество воров и убийц, против которых у полиции не имелось ничего осозаемого, а другие воры и убийцы прятались там от правосудия.

В обычный день даже в это позднее время на улице Подозрительных Запахов толпилось бы множество людей, и стояли бы шум и гам, но введенный завоевателями комендантский час оказался единственным.

Не видно было ни одного человека, кроме нескольких патрулей, а все окна и двери были закрыты на засовы. Этот уровень был, подобно многим нижним улицам, выдолблен тогда, когда тишкетмоаки начали свой труд по переделке горы в метрополис.

Дома и лавки стояли здесь на самой улице. По крышам этих домов шла вторичная улица с другими домами, по крышам домов этой улицы—третичная улица, выше—еще одна улица.

Иными словами, ступенчатая пирамида существовала в меньшем масштабе внутри большого.

К этим улицам по крышам домов добирались по узким лестницам, выдолбленным из нефрита между пятым и шестым домом на главной улице.

Вверх по лестнице можно было гнать мелких животных вроде свиней и овец, но поднимающийся конь рисковал подскользнуться на камнях.

Кикаха прошмыгнул через улицу Зеленых Птиц, находившуюся непосредственно над четвертым уровнем домов улицы Подозрительных Запахов. Дом Калатол—если она все еще там жила—выходил фасадом на третий уровень. Он собирался перелезть через ограду, повиснуть на руках, а потом спрыгнуть на крыши домов четвертого уровня и схожим образом на улицу третьего уровня. Но тут не было выступов, по которым бы можно было спуститься ниже.

Перейдя улицу Зеленых Птиц, Кикаха услышал цоканье железных подков. Из тени, отбрасываемой крыльцом фасада, выехали трое всадников на вороных конях. Один был рыцарем в полной броне, а двое других—ратниками. Кони мчались галопом,—всадники низко пригнулись к шеям лошадей, а за их спинами развесились черные плащи,—зловещий дым от огня дурных намерений.

Они находились достаточно далеко, чтобы Кикаха мог сбежать от них, перескочив через парапет и спрыгнув вниз, но у них, вероятно, имелись луки и стрелы, хотя он и не мог разглядеть их, но если они достаточно быстро слезут с коней, то смогут застрелить его. Лунный свет был вдвое мощней, чем на Земле в полнолуние. Более того, даже

если их стрелы не попадут в него, они позовут других и начнут обшаривать дом за домом.

Кикаха подумал, что теперь-то поиски начнутся, чтобы там не случилось, но... нет, если он сможет убить их, прежде чем их услышат другие... наверное... стоит попробовать...

При иных обстоятельствах Кикаха стал бы целиться во всадников. Он любил лошадей, но когда дело шло о спасении его жизни, сентиментальность испарилась. Все создания должны умереть, но Кикаха намеревался добиться, чтобы к нему смерть пришла как можно позднее.

Он целился в лошадей и одну за другой быстро свалил двух. Лошади тяжело упали на бок, и ни один из всадников не поднялся. Третий рыцарь продолжал, не отклоняясь, скакать вперед, нацелив копье в грудь Кикахе. Стрела прошла сквозь шею лошади. Она упала головой вперед, вскинув копыта над хвостом.

Всадник вылетел из седла,—большую часть своего полета он удерживал копье, но затем бросил его, подтянул ноги и ударился о землю в позе зародыша.

Сорванный с головы конический шлем стукнулся о камень, подскочил и покатился по улице. Рыцарь заскользил по камню боком, срывая плащ, ложившийся позади него, словно его отделившаяся тень.

Рыцарь сумел подняться, несмотря на тяжелые доспехи, и вытащил меч. Он было открыл рот, чтобы кликнуть всякого, кто мог бы услышать его и прибежать на помощь. Стрела прошла меж зубов и сквозь спинной мозг, и рыцарь рухнул на землю,—меч зазвенел по нефриту.

К седлу мертвого коня мертвого рыцаря была приторочена серебряная шкатулка.

Кикаха попытался открыть ее, но ключ, должно быть, находился у рыцаря:

Времени искать его у Кикахи не было.

На улице лежали три убитых коня, убитый человек, возможно, еще двое убитых людей, и никаких криков в отдалении, указывающих, что кто-то услышал это шум.

Однако туши и трупы не долго останутся незамеченными. Кикаха бросил вниз лук и колчан и помчался дальше. Меньше чем через минуту он стоял на улице третьего уровня и стучал по толстой деревянной раме окна Калатол. Он стукнул три раза, сосчитал до пяти, постучал два раза, сосчитал до четырех и постучал один раз. В другой руке он держал нож.

Не слышалось никакого замеченного им ответа.

Он подождал, сосчитав до шестидесяти, по коду, каким его помнил, а затем снова постучал, как предписывалось. Сразу же после

этого сверху до него донесся стук копыт и какой-то шум. Послышались крики и зов рога. На улице выше и на главной улице ниже стали вспыхивать огни. Забили барабаны.

Вдруг ставни распахнулись, и Кикаке пришлось быстро пригнуться, чтобы не получить ею по лицу. Внутри комнаты царила темнота, но бледно светился призрак женского лица и обнаженного торса.

Наружу хлынул запах чеснока, рыбы, свинины и заплесневелого сыра. Кикака ассоциировал с этими ароматами красоту обработанного нефрита. Первый визит к Калатол обесчестил его. Он ничего не мог тут поделать—он был человеком ассоциаций, не всегда желательных.

В данный момент совокупность арматов означала Калатол, бывшую одновременно и прекрасной, и страшной. Её слова были скверными, а характер—был столь же горячим, как исландский гейзер.

—Шш!—прошипел Кикака.—Соседи!

Калатол изрыгнула новый поток кощунственных выражений.

Кикака рукой крутился ее голову, чтобы напомнить, что он легко может сломать ей шею и толкнул ее назад так, что она, зашатавшись, упала и влез через окно в комнату. Закрыв и заперев комнату, он повернулся к Калатол. Та встала и, найдя масляную лампу, зажгла ее. В ее трепетавшем свете она подошла, покачивая бедрами, к Кикаке, затем обняла его и принялась целовать лицо, шею и грудь, заливая их слезами и шепча сквозь слезы нежные слова.

Кикака игнорировал ее дыхание, густо насыщенное похожим на смолу вином, заплесневевшим сыром, чесноком и целовал ее в ответ, а затем спросил:

—Ты одна?

—Разве я не поклялась оставаться верной тебе?—возмутилась она.

—Да, но я об этом не просил. Это была твоя идея.

Он усмехнулся:

—Кроме того, как нам обоим хорошо известно, ты не можешь прожить без мужчины больше недели.

Они рассмеялись и прошли в заднюю комнату, являющуюся квадратной, за исключением изгибающихся верхних частей, образовывавших купол. Это была ее спальня, а также кабинет, поскольку именно здесь она планировала контрабандные операции и распределяла разные товары. Тут была заметна только мебель.

Мебель, главным образом состояла из кровати,—широкой низкой рамы из дерева снатянутыми поперек кожаными ремнями и наваленными на эти ремни шкурами пум и оленей. Кикака сразу же улегся на нее. Калатол воскликнула что он выглядит усталым и голодным. Она пошла на кухню, а Кикака крикнул ей вслед чтобы она принесла

ему только воды, хлеба и ломтиков сущеного мяса или немного сушеных фруктов, если они у нее есть. Как бы он не был голоден, но сыра он вынести не мог.

Поев, он спросил ее, что она знает о вторжении.

Калатол села к нему на кровать. Она, казалось, была готова продолжать заниматься с ним любовью, начиная с того места, где они кончили несколько лет назад, но Кикаха охладил ее. Ситуация сейчас была чересчур чревата гибелью, чтобы думать о любви.

Калатол, бывшая женщиной практичной, какие бы у нее не имелись иные изъяны, согласилась. Она встала и надела юбку из зеленых, черных и белых перьев и розовый плащ из хлопчатника. Затем она прополоскала рот вином, растворенным в десятикратном количестве воды, и бросила на язык бисеринку мощных благовоний, а потом снова усилась рядом с ним и начала рассказывать.

Даже несмотря на то, что Калатол была подключена к тайным информационным каналам уголовного мира, она не могла сообщить ему всего, что он хотел знать.

Захватчики появились словно из ниоткуда, выйдя из задней комнаты в большом храме Оллимамла. Они хлынули наружу, ворвались во дворец и, сокрушив телохранителей, а затем и гарнизон, захватили императора и всю его семью.

Взятие Таланака было хорошо спланировано и исполнено почти безупречно. Покуда второй предводитель, фон Свингебарн, удерживал дворец и начал реорганизовывать в помощь фон Турбату таланакскую полицию и вооруженные силы, последний повел все увеличивавшихся в численности завоевателей из дворца в город.

— Все были парализованы, — рассказывала Калатол. — Это случилось настолько неожиданно... Эти белые люди в доспехах хлынувшие из храма Оллимамла... словно сам Оллимамл послал их, и это усилило паралич.

Вставшие на их пути граждане и полиция были изрублены, а остальное население либо бежало в здания, либо, когда слух дошел до самых нижних уровней, пыталось скрыться по мостам за реку. Но мосты быстро перекрыли.

— Странно это, — сказала Калатол.

Она поколебалась, а затем с силой продолжила:

— Странно то, что это все сделано, кажется, не из-за желания завоевать Таланак. Нет, захват города был, как ты это называешь, побочным продуктом. Захватчики решили, кажется, взять город только потому, что считают его прудом, где водится очень желанная рыба.

— В смысле — я, — уточнил Кикаха.

Калатол кивнула.

— Я не знаю, почему эти люди так сильно хотят заполучить тебя. А ты?

— Я тоже не знаю, — ответил Кикаха. — Могу предположить, но не стану. Мои догадки только собьют тебя с толку, да и излагать их долго. Для меня первое дело выбраться из города и смыться. И вот тут-то, моя любовь, и вступаешь в игру ты.

— Теперь-то ты любишь меня.

— Если бы было время... — ответил он.

— Я могу спрятать тебя там, где у нас будет сколько угодно времени, — заявила она. — Конечно, там есть и другие...

Кикаха гадал, не скрывает ли она чего-то. Он находился не в таком положении, чтобы вести себя с ней грубо, но повел себя грубо, схватил ее за запястье и крепко сжал его. Она поморщилась от боли и попыталась вырвать руку.

— Какие другие?

— Перестань делать мне больно, и я тебе скажу, быть может тебе скажу. Поцелуй меня, и я наверняка скажу тебе.

Дело стоило того, чтобы потратить несколько секунд, и потому он поцеловал ее. Благовония из ее рта наполнили ему ноздри и, казалось, просочились до кончиков ног. Он чувствовал головокружение и начал гадать, не заслуживает ли она награды после всего этого времени разлуки.

Тут он засмейлся и мягко высвободился.

— Ты и впрямь самая прекрасная из всех, кого я когда-либо видел, а я видел многих, — сказал он. — Но по улицам гуляет смерть и ищет меня.

— Когда ты увидишь эту другую женщину... — проговорила она.

Она снова стала застенчивой, и тогда ему пришлось внушить ей, что застенчивость автоматически означает для нее боль.

Ее это не возмутило, а физически, порадовало, поскольку для нее эротическая любовь означала определенную дозу грубости и боли.

Троє чужаков, похоже, бежали из самых глубин храма Оллимамма, всего на несколько минут опередив фон Турбата. Они тоже были светлокожими. Одна из них — черноволосая женщина, которую Калатол, очень ревнивая и не склонная кого-то хвалить, тем не менее назвала самой прекрасной из всех, кого она когда-либо видела. Спутниками ее были огромный, очень толстый мужчина и другой, низкорослый и тощий. Все трое носили странную одежду, и никто из них не говорил по-тишкетмоакски. Они разговаривали на вишпавамле, —литургическом языке жрецов. К несчастью, спрятавшие эту троицу воры знали только несколько слов вишпавамла, да и те из ответов мирян во время служб.

Тут Кикаха понял, что эти трое—Господы. Повсюду в этом мире лингвистический язык был языком Господов.

Их бегство от фон Турбата указывало, что они лишились собственных вселенных и укрылись в этой.

Но какое имел отношение мелкий король фон Турбат к делам, связанными с Господами?

—За эту троицу предложена награда?—поинтересовался Кикаха.

—Да, десять тысяч кватлумлов за каждого, а за тебя—тридцать тысяч и высокий официальный пост во дворце императора. И даже возможно, хотя на это только намекалось, брак с членом царской семьи.

Калатол замолкла. Ее желудок глухо заурчал, словно переваривая предложенные награды. Сквозь вентиляционные шахты в потолке посыпались слабые голоса. В комнате, где царила прохлада, стало жарко.

Из подмышек у Кикахи сочился пот, на темно-бронзовой коже женщины поблескивали капельки. Из средней комнаты, кухни-ванны-туалета, доносились журчание воды и тихие голоса.

—Ты, должно быть, упала в обморок при мысли обо всех этих деньгах,—проговорил Кикаха.—Что помешало тебе и твоей шайке заполучить их?

—Мы воры и контрабандисты, даже убийцы, но я не предатель. Розоволикие предложили эти...

Она оборвала фразу, увидев что Кикаха усмехается, и усмехнулась в ответ:

—То, что я сказала, правда. Сумма, однако же, огромная, а поколебать нас заставила, если тебе требуется знать, хитрый ты кайот, мысль о том, что произойдет после того, как уйдут розоволикие или если случится бунт. Мы не хотим, чтобы толпа разорвала нас на куски или подвергла пыткам из-за того, что некоторые люди могут счесть нас предателями.

—А также?

Она улыбнулась и продолжила:

—А также трое беглецов предложили заплатить нам во много раз больше того, что предлагали розоволикие, если мы выведем их из города.

—А как они это сделают?—подумал вслух Кикаха.—У них на счету нет ни одной вселенной.

—Что?

—Они способны предложить вам что-нибудь осозаемое прямо сейчас?

—На всех бывших драгоценности, стоявшие больших наград,—ответила она,—некоторые такие—я не видела ничего похожего. Они не от мира сего!

Кикаха не сказал ей, что это выражение было в буквальном смысле правдой.

Он собирался спросить ее, не имел ли кто-нибудь из них оружия, но сообразил, что даже если у троицы таковое и имелось, троица, разумеется, не станет сообщать об этом своим провожатым.

—А как насчет меня? —осведомился он.

Он не спросил, что предложила троица кроме драгоценностей.

—Ты, Кикаха, —любимчик Господа или так; во всяком случае говорят, что ты знаешь, где спрятаны сокровища земли. Разве бедный человек вернул бы большой изумруд Ошкоацму?

—Розоволикие достаточно скоро забараивают в твои двери, —сказал вместо ответа Кикаха. —Они перевернут весь этот район вверх дном. Куда мы отправимся отсюда?

Калатол настояла на том, чтобы он дал ей завязать себе глаза, а потом надеть на голову капюшон. Находясь не в таком положении чтобы спорить, он согласился. Она удостоверилась, что он в капюшоне не мог ничего увидеть, а затем быстро повернула его дюжину раз вокруг своей оси.

После этого он по ее приказу опустился на четвереньки.

Послышался скрежет камня, поворачивающегося на оси, и она повела его по проходу настолько узкому, что он скреб стенки обоими боками. Затем Кикаха встал, и держась за ее руку, поднялся, спотыкаясь, на сто пятьдесят ступенек, прошел две пятьдесят шагов по слегка наклонной поверхности, спустился на триста шагов по скату и прошел еще сорок шагов по прямой линии. Калатол остановила его и сняла с него капюшон и повязку.

Он зажмурился. Его привели в окружную камеру, выкрашенную в зелено-черную полоску, имевшую сорок футов диаметром и около трех футов ширины с вентиляционной шахтой наверху. На концах укрепленных по стенам факелов, корчилось пламя. В помещении имелись кресла из нефрита и дерева, несколько сундуков, куча рулонов тканей и мехов, бочонки пряностей, бочонок воды, стол с тарелками, сухарями, заплесневелым сыром и кое-какая мебель, выполнившая функции санузла.

Вдоль стены сидели на корточках шестеро тишкетмоаков. Блестящие черные пряди спадали им на глаза. Некоторые курили сигарки. Они были вбранены мечами, кинжалами и секачами.

В креслах сидели трое светлокожих.

Один был низкорослым, тощим как скелет, с наждачной кожей, большеносым, с акульим ртом. Второй был человеком-ламантином, переваливавшимся через подлокотники кресла водопадами жира.

При виде третьей Кикаха ахнул:

—Подарга!

Женщина была самой прекрасной из всех, когда-либо виденных

им. Но он видел ее прежде. То есть это лицо существовало в его прошлом. Но тело не принадлежало этому лицу.

—Подарга! —снова воскликнул он.

Он заговорил на испорченном ликонском, употреблявшемся сю и ее орлицами:

—А я и не знал, что Вольф вынул тебя из твоего тела гарпии и вложил тебя —твой мозг — в тело женщины. Я...

Он остановился. Она смотрела на него с непроницаемым выражением. Наверное, она не хотела, чтобы он позволил другим узнать, что произошло, а он, обычно такой молчаливый, когда того требовала ситуация, настолько потерял самообладание, что...

Но ведь Подарга открыла, что Вольф являлся в действительности Джадавином, похитившим ее первоначально с пелопоннеса три тысячи двести лет назад и вложившим ее мозг в тело гарпии, созданное в биолаборатории. Она отказалась позволить ему исправить содеянное. Она так сильно ненавидела его, что осталась в своем птиценогом теле и поклялась отомстить ему.

Что заставило ее изменить свое решение.

Но ее голос, однако, принадлежал не Подарге. Это, конечно, могло быть результатом смены телесной оболочки.

—Что ты там бормочишь, лаблаббий? —спросила она на языке Господов.

Кикаха почувствовал желание дать ей по физиономии. Слово лаблаббий являлось уничтожительным выражением Господов, обозначавшим человеческие существа, обитавшие в их вселенных, перед которыми они строили из себя богов. Лаблаббии были маленькими ручными зверьками в той вселенной, откуда пришли Господы. Они ели лакомства, предлагаемые им хозяевами, но съели бы также при первом удобном случае и экскременты. И они часто сходили с ума.

—Ладно, Подарга, притворяйся, что не понимаешь по-микенски, —сказал он. —Но осторожнее в выражениях. Я к тебе особой любви не испытываю.

Она, казалось, удивилась.

—А ты — жрец?

Кикаха был вынужден признать, что Вольф, бесспорно, превосходно сработал ее. Великолепное тело, кожа такая же белая и без единого изъяна, как он ее помнил, такие же длинные, черные волосы, прямые и сверкающие. Черты лица не были, конечно, совершенно правильными, имелась легкая асимметрия, в результате которой получилась такая красота, которая при иных обстоятельствах заставила бы его страстно желать ее.

Она была одета в светло-зеленый халат, по виду шелковый, и сандалии, почти так, словно приготовилась лечь в постель, когда ей помешали. Подарга спуталась с этими Господами?

И тут отчаянно постучал мысленно по плечу. Конечно же, она находилась во дворце Вольфа, когда туда вторглись. Но что случилось потом?

— Где Вольф? — спросил он.

— Кто, лаблаббий? — отозвалась она.

— Его, бывало, звали Джадавин, — процедил он сквозь зубы.

Она пожала плечами.

— Его там не было, если бы был, то его бы убили Черные Колокольники.

Кикаха пришел в еще большее замешательство.

— Черные Колокольники?

Вольф однажды рассказывал о них, но недолго, потому что их разговор прервала, поднявшая другую тему Хрисенда. Позже, когда Кикаха помог Вольфу отбить свой дворец у Ваннакса, он собирался спросить Вольфа о Черных Колокольниках, да так никогда и не собрался.

Один из тишкетмоаков резко обратился к Калатол. Кикаха понял его. Ей требовалось сказать Кикахе, чтобы он поговорил с этими людьми. Тишкетмоаки этой речи не понимали.

Отвечая на его вопросы, светлокожая женщина пояснила:

— Я, Анана, — сестра Джадавина. Этот худощавый — Нимстоул, прозванный Господами Петельником, а этот другой толстый, — Джудубра.

Теперь Кикаха понял. Анана, прозванная Ослепительной, являлась одной из сестер Вольфа. И он использовал ее лицо в качестве образца, когда создавал в биолаборатории лицо Подарги. Скорее всего, черты ее лица он взял по памяти, поскольку он не видел свою сестру Анану выше тысячи лет. А это означало, что к настоящему времени он не видел ее выше четырех тысяч лет.

Теперь Кикаха вспомнил, что Вольф говорил, будто Черные Колокольники применялись когда-то частично в качестве хранилищ памяти. Господа, зная, что даже сложный человеческий мозг не мог вместить знаний, накопленных за тысячи лет, экспериментировали с переводом памяти.

Теоретически ее можно было, когда надо, переправить обратно в человеческий мозг или вывести на обозрение иным способом.

Послышался стук. Распахнулась круглая дверь в стене на другом конце и вошел еще один человек. Он жестом подозвал других и те собирались вокруг него и зашептались. Наконец Калатол покинула группу и заговорила с Кикахой.

— Награду устроили, — прошептала она. — Кроме того, этот розово-ликий король фон Турбат провозгласил, что как только тебя поймают, он уберется из города, и все станет, как и прежде.

—Если бы ты планировала выдать нас, то не стала бы мне этого рассказывать,—отозвался он.

Но вполне возможно, что она применяла сверххитрость, пытаясь заставить его расслабиться перед тем, как они нанесут удар. Восемь против одного. Он не знал, что могут сделать Господы, так что не следует рассчитывать на них. При нем все еще оставались два его ножа, но в такой маленькой комнате... а, ладно, когда придет время—увидим.

—Фон Турбат также сказал,—добавила она,—что если тебя в двадцать четыре часа не доставят к нему, он убьет императора и его семью, а потом и всех жителей города. Он сказал это, находясь наедине со своими офицерами, но один раб послушал его. И теперь весь город знает об этом.

—Если фон Турбат говорил по-немецки, как же мог понять его раб?—недоуменно спросил Кикаха.

—Фон Турбат говорил с фон Свидебарном и несколькими другими на священной речи Господов,—пояснила она.—Раб прислуживал в храме и знал священную речь.

Должно быть, Черные Колокольники являлись нерасчехленными пока прожекторами, способным пролить свет на эту тайну. Кикаха знал, что двое тевтонских королей могли кое-как понять священника во время службы, но не знали священного языка, настолько хорошо, чтобы разговаривать на нем. Следовательно, эти двое не были тем, кем казались.

Ему не дали времени задавать вопросы.

—Розоволикие нашли камеру за стеной моей спальни,—сообщила Калатол,—и скоро вломятся сюда. Мы не можем оставаться здесь.

Двое мужчин покинули комнату, но быстро вернулись с раздвижными лестницами. Их на всю длину вытянули в вентиляционную шахту. При виде этого Кикаха почувствовал, что плохо понимает ситуацию.

—Теперь ваш патриотизм требует, чтобы вы вручили нас фон Турбату. Так?

Двое мужчин полезли по лестнице в шахту, а другие побудили Господов и Кикаху отправиться следом.

—Мы слышали, что император одержим демоном,—ответила на конец Калатол.—Его душу загнали в залунный холод. В его теле обосновался, хотя и не со всеми удобствами, демон. Жрецы тайно распространяли эту историю по всему городу. Они призывают нас бороться с этим самым страшным злом из всех зол, и мы не выдали тебя, Кикаха, любимец Господа Оллимамла и не заложим также других.

—Одержим?—переспросил Кикаха.—Откуда вам известно?

Калатол не отвечала, пока они не поднялись по шахте и не оказались в горизонтальном туннеле.

Один из контрабандистов зажег потайной фонарь, а другой втащил лестницу, согнулся и понес дальше.

—Император вдруг стал говорить только на священной речи, так что стало очевидным, что он не понимает по-тишкетмоакски, а жрецы сообщали, что фон Турбат и фон Свингебарн тоже говорят только на священном, и что у них есть свои жрецы, переводящие для них приказы.

Кикаха не понимал, почему сочли, что император, одержим демоном.

Предполагалось, что литургический язык опалил уста демонов, когда те пытались говорить на нем. Но он не собирался указывать на нелогичность, когда это благоприятствовало ему.

Группа спешила вперед по туннелю, и толстый Джудубра громко сопел и жаловался. Сквозь шахту его пришлось проталкивать, так что он порвал одежду и поободрял кожу.

Кикаха спросил Калатол, хорошо ли сохранился храм Оллимамла. Он надеялся, что тайные врата поменьше не обнаружили.

Она ответила, что не знает.

Кикаха спросил у нее, как они собираются выбраться из города. Она ответила, что будет лучше, если он этого не узнает. И тогда он, попав в плен, не сможет предать других. Кикаха не стал с ней спорить. Хотя он понятия не имел, как они покинут город, он мог себе представить, что произойдет после того. Во время своего прошлого визита он выяснил, как именно она и ее друзья провозили контрабанду мимо таможни. Она не подозревала, что он об этом знал. Кикаха заговорил с Ананой.

—Эта женщина, Калатол, говорит, что ее император, и по меньшей мере и двое захватчиков, одержими демонами. Она имеет в виду, что они вдруг, кажется, потеряли способность или желание говорить на каком-либо языке, кроме языка Господов.

—Черные Колокольники,—ответила, помолчав Анана.

В этот момент впереди по туннелю грянули крики. Отряд остановился. В обоих сторонах туннеля появились огни. Голоса доносились как с верхних, так и с нижних шахт.

—Если у вас есть оружие,—обратился к Господам Кикаха, то приготовьтесь им воспользоваться.

Они не ответили. Отряд построился единой цепью, взявшись за руки и контрабандист увел их в перекрестный туннель. Они прошли узинным шагом около пятидесяти ярдов, слыша, как голоса охотников становятся все громче, прежде чем услышали отдаленный рев воды. Фонарь зажгли снова. Вскоре они оказались в небольшой камере, не имевшей выхода, если не считать отверстие в полу шириной в четыре

фута у противоположной стены. Из него проникали рев, влага и вонь.

—Шахта идет под крутым углом, а туннель сточных вод, с которым она соединяется, находится пятьюдесятью футами ниже. Съезжать, однако, будет не больно,—объяснила Калатол.—Мы воспользуемся этим путем, если не получится во всех других поблизости. Если пройдешь по этой шахте до конца, то упадешь в туннель, полный сточных вод, почти вертикально обрушившимся в реку в какой-то подводной точке. И если выживешь и всплынешь в реке, то тебя поймают расположенные там патрульные лодки розоволиких.

Калатол сказала им, что надо делать.

Они уселись и поехали вниз по трубе, тормозя руками и ногами. Проехав две трети пути вниз—или это так показалось—они остановились. Здесь они полезли через отверстие в неизвестную властям шахту, выдолбленную несколькими поколениями преступников. Она вела наверх, в сеть, находившуюся над тем уровнем, с которого они только что бежали.

Калатол объяснила, что требовалось добраться до места, где они могли вступить в другую большую трубу для сточных вод. Эта, однако, была сухой, потому что ее замуровали с превеликим трудом и потерей нескольких жизней тридцать лет назад большая шайка уголовников. Поток наверху разделился на два других сточных туннеля. Сухой туннель шел прямо в них под уровнем воды. Неподалеку от его горла находилась шахта, шедшая горизонтально к подводному выходу, отделенному от стоков, охраняемых розоволиками. Она находилась неподалеку от причалов, где стояли речные торговые суда. Чтобы добраться до судов, им придется проплыть милю по широкой реке.

Тремя улицами выше, по-прежнему внутри горы, отряд вышел к горизонтальной шахте, открывшей им путь к бегству, а сухой туннель шел под углом в пятьдесят пять градусов к горизонтальному.

Кикаха так никогда и не выяснил, что там произошло. Он не думал, что тевтоны могли узнать, где беглецы. Должно быть несколько поисковых партий отправилось наобум, в разные районы, и эта, случайно оказавшаяся в нужном месте и увидела свою добычу прежде, чем добыча увидела ее.

Внезапно вспыхнули огни, послышались крики, вопли, что-то с глухим стуком ударялось в тела. Несколько тишкетмоаков рухнули, а затем Калатол упала навзничь впереди Кикахи. В тусклом свете валявшегося перед ним фонаря он увидел синевато-черную от освещения кожу, отвисшую челюсть, склоненные в вечность глаза и торчавшую из ее черепа в дюйме над правым ухом арбалетную стрелу. Кровь обильно залила иссиня-черные волосы, ухо и шею.

Он переполз через тело, онемев от потрясения, вызванного вне-

запным нападением и ожиданием грядущей стрелы. Кикаха юркнул в туннель, казавшимся свободным от врагов. Позади него в темноте послышалось тяжелое дыхание. Анана подала голос, назвавшись. Она не знала, что случилось с другими.

Они ползли, и шли утиным шагом, пока не заболели ноги и спины. Они произвольно сворачивали направо и налево без всякой системы и дважды поднимались по вертикальным шахтам. Настало время, когда они очутились в полной темноте и тишине, за исключением стучавшей в ушах крови.

Кажется, они обогнали гончих.

Отдохнув, они направились вверх. Было крайне важно выждать, пока ночь не скроет их передвижение на поверхности. И сделать это оказалось трудно. Хотя они и устали и пытались уснуть, они без конца пробуждались, словно прыгая с трамплина, бессознательного состояния высоко в воздух открытых глаз, дрыгая ногами и дергая руками. Они знали об этом, но не могли полностью уснуть и забыться, а также «нормально» бодрствовать, кроме тех случаев, когда выплывали из кошмаров. В отверстии на конце шахты, выходившей на поверхность горы, уже появилась ночь.

Они полезли вверх и наружу, видя патрули внизу и слыша их на верху. Подождав, пока не стихнет наверху, они полезли через валы и вверх по следующей стене и так до следующего уровня улицы. Когда они не могли передвигаться снаружи, они ползли по вентиляционной шахте.

Нижние районы города ярко освещались факелами.

Солдаты и полиция основательно прощупывали нижние уровни. Потом, когда они поднялись выше, кольцо солдат стало плотнее из-за уменьшения площади.

Повсюду были поисковые партии, осуществляющие проверку на месте.

—Если тебя полагалось взять живым, то почему они стреляли в нас? —спросила Анана.—Они не могли достаточно хорошо видеть нас, чтобы различить цели.

—Они были возбуждены,—ответил Кикаха.

Он устал, проголодался, мучился жаждой и испытывал бешеную ненависть к убийцам Калатол. Печаль придет позже, чувство вины—никогда. Он никогда не страдал от такого чувства, если не имел реальные причины. У Кикахи имелись некоторые невротические недостатки и невротические достоинства—будучи человеком, их никак не избежать—но неуместного ощущения вины среди них не числилось. Он ни в коем случае не был виновен в ее смерти. Она впуталась в это дело по своей собственной воле, зная, что может умереть.

От ее смерти можно было даже получить немного радости: на месте Калатол мог оказаться Кикаха.

Кикаха отправился по секции шахт за едой и питьем. Анана не хотела оставаться, поскольку боялась, что он, возможно, не сумеет опять найти ее. Она дошла с ним до трубы, ведущей в потолок дома, где одна семья громко хрюкала и громко воняла вином и пивом. Он вернулся с веревкой, хлебом и сыром, фруктами и мясом и двумя бутылками воды.

Они снова ждали, пока ночь не выплыла из-за монолита и не вцепилась мертвой хваткой в город. Тогда они снова направились вверх, когда можно—снаружи, когда нельзя—внутри. Анана спросила его, почему они поднимаются и он ответил, что поневоле, так как город в любом месте кишмя кишел врагами.

6

В полночь они выбрались из вентиляционной шахты в другой дом и прошли мимо спящих. Этот дом стоял на улице, находящейся ниже императорского дворца.

Дальше не будет никаких соединений внутренних шахт. Поскольку все лестницы и спуски охранялись, они могли добраться до своей цели, только поднявшись на некоторое расстояние снаружи. Это будет нелегко. На протяжении сорока футов поверхность горы преднамеренно оставлена гладкой.

Затем, когда они крались в тени у подножья стены, они наткнулись на обутые в сапоги ноги, торчавшие из темной ниши.

Ноги принадлежали мертвому часовому, рядом с ним лежал еще один мертвец. Один был заколот в горло, а другой удавлен проволокой.

—Здесь побывал Нимстоул!—прошептала Анана.—Его, не зря, знаешь, прозвали Петельником.

В трехстах ярдах впереди по улице вспыхнули факелы приближившегося патруля. Кикаха выругал Нимстоула за то, что тот оставил тут тела. На самом-то деле для патрулей не составляло большой разницы, убиты ли часовые или отсутствуют на своих постах. Тревогу поднимут в любом случае.

Небольшие ворота в стене оказались незапертыми. Запереть их можно было только снаружи. Кикаха и Анана, забрав оружие часовых, прошли в ворота и взбежали по крутой лестнице меж высоченных гладких стен. К тому времени, когда они добрались до верха, они сильно запыхались и жадно глотали воздух открытыми ртами.

Снизу послышались крики. В крошечных воротах появились факелы, и солдаты стали взбираться по лестнице. Забили барабаны, затрубили трубы.

Кикаха и Анана побежали, но не ко дворцу справа от них, а к крутому лестничному маршру слева. На вершине лестницы поблески-

вали серебряные крыши и железные решетки, откуда до них донесся запах животных, соломы, старого мяса и свежего навоза.

— Царский зоопарк, — сказал Кикаха. — Я бывал здесь.

На противоположном конце длинной дорожки, вымощенной каменной плитой, что-то блеснуло, словно нить в шлейфе ночи.

Оно пронеслось в лунном свете и оказалось в тени, а затем расстяло в огромных дверях колосального белого здания.

— Нимстоул! — воскликнула Анана.

Она бросилась было за ним, но Кикаха грубо оттащил ее назад. С искаженным лицом, белым, словно отлитым из лунного серебра, и широко раскрытыми, как у разъяренной совы, глазами, она резко вырвалась из его рук.

— Ты смеешь прикасаться ко мне, лаблаббий?

— В любое время, — отрезал он. — Перво-наперво, не называй меня больше лаблаббием. Я тебя не просто ударю, я убью тебя. Я не обязан сносить это высокомерие, это презрение. Оно целиком основано на пустоте, ядовитом и болезненном эгоцентризме. Назови меня так еще раз, и я убью тебя. Ты меня, знаешь ли, ни в чем не превосходишь. Именно ты и зависишь от меня.

— Я завишу от тебя?

— Разумеется, — подтвердил Кикаха. — У тебя есть план бегства, такой, который может сработать, даже если он дикий?

От усилия взять себя в руки, Анана содрогнулась. Затем она заставила себя улыбнуться. Если бы Кикаха не знал о скрытой ярости, то счел бы эту улыбку самой прекрасной, очаровательной, и соблазнительной из всех виденных им в двух вселенных.

— Нет, у меня нет плана. Ты прав. Я завишу от тебя.

— Ты, во всяком случае, реалистка, — заметил он. — Большинство Господов, как я слышал, настолько высокомерны, что скорее умрут, чем признаются в какой угодно зависимости или слабости.

Эта же гибкость, однако, делала ее и более опасной. Он не должен забывать, что Анана — сестра Вольфа.

Вольф говорил ему, что его сестры Вала и Анана являлись, вероятно, самыми опасными из всех женщин. Даже делая скидку на вполне простительную семейную гордость и определенное преувеличение, они, вероятно, были крайне опасными особами.

— Оставайся здесь! — скомандовал Кикаха.

Он бесшумно и быстро бросился вслед за Нимстоулом. Он не мог понять, как двое Господов сумели пройти прямо сюда.

Как они узнали о малых тайных вратах в храме? Способ мог быть только один: во время своего краткого пребывания во дворце Вольфа они видели карту с их местонахождением. Анана не была с ними когда это случилось или, если и была, то по какой-то своей личной причине хранила молчание.

Но если про них могли узнать двое Господов, то почему Черные Колокольники не нашли их тоже, ведь времени у них было больше? Через минуту он нашел ответ. Колокольники знали о вратах и поставили перед ними двух часовых. Но этих двоих убили, одного закололи, а другого ударили.

Дверь на углу здания была открыта настежь и оттуда лился свет. Кикаха осторожно прокралась через узкое отверстие в небольшое помещение. В камень пола были вделаны четыре серебряных полумесяца, а четыре, висевшие на настенных колышках, исчезли. Двое Господов использовали врата для побега и прихватили с собой остальные полумесяцы, чтобы никто больше не воспользовался ими.

Разъяренный Кикаха вернулся к Анане и сообщил ей эту новость.

—Этот путь отпадает, но мы еще не повержены,—закончил он.

Кикаха тронулся дальше по изогнутой дорожке из диоритовых камней, инкрустированных по краям небольшими алмазами. Он остановился перед огромной клеткой. В ней стояли бок о бок две птицы и прожигали Кикаху взглядами. Ростом они достигали двух с половиной метров. Головы их были бледно-красными, клювы—бледно-желтыми, крылья и тела зелеными, как полуденное небо, ноги—желтыми, а глаза—алыми щитами с черными шишками.

Одна птица заговорила голосом гигантского попугая:

—Кикаха, подлый Обманщик, что ты здесь делаешь?

В этой огромной голове находился мозг женщины, похищенной Джадавином три тысячи лет назад с берегов Эгейского моря. Мозг этот был трансплантирован, для развлечения Джадавина, в созданное в его биолаборатории тело орлицы. Эта орлица оставалась одной из немногих, имевших человеческий мозг. Громадные зеленые орлицы, сплошь самки, воспроизводились путем партеногенеза. В живых оставалось еще около сорока из первоначальных пяти тысяч.

Другие из миллионов ныне живущих являлись их потомками.

Кикаха ответил на микенском греческом:

—Девиванира! А что ты делаешь в этой клетке? Я думал, ты птичка Подарги, а не императора.

Девиванира завизжала и вцепилась клювом в прутья решетки. Стоявший слишком близко Кикаха отпрыгнул, но рассмеялся:

—Вот так, правильно, глупая птица! Привлечи их, чтобы они примчались сюда и могли помешать нам сбежать!

—Сбежать?—вскрикнула другая орлица.

—Да,—быстро ответил Кикаха,—сбежать. Согласитесь помочь нам выбраться из Таланака, и мы выпустим вас из клетки. Но говорите «да» или «нет» сейчас! У нас мало времени!

—Подарга приказала нам убить тебя и Джадавина-Вольфа!—заявлялась орлица.

—Вы можете попробовать совершить это позже,—предложил он.—Но если вы не дадите мне слово помочь нам, то умрете в клетке. Вы хотите снова взлететь, снова увидеть своих подруг?

На лестнице, ведущей ко дворцу и зоопарку, появились факелы и Кикаха повторил:

—Да? Нет?

—Да!—бросила Девиванира.—Клянусь грудями Подарги, да!

Анана вышла из тени помочь ему. До сих пор орлицы не видели отчетливо ее лица.

Они подпрыгнули, захлопали крыльями и каркнули:

—Подарга!

Кикаха не сообщил им, что она приходилась сестрой Вольфу, а лишь сказал:

—У лица Подарги имелся образец.

Он побежал к складу, радуясь, что осмотрел его во время своей экскурсии с императором, и вернулся с несколькими мотками веревки. Затем он спрыгнул в сделанную в камне яму и всем телом навалился на железный рычаг. Дверь заскрипела и распахнулась.

Анана стояла на карауле с луком и стрелой наготове. Девиванира, сгорбившись, прошла через дверь и стояла смирино, пока Кикаха привязал каждый конец веревки к ноге. Антиопа,—другая орлица, покинула клетку и дала привязать веревку к ногам.

Кикаха растолковал им, что они, как он надеялся, могли сделать. Когда солдаты вбежали в сад, две огромные птицы прыгнули к краю окружавшего зоопарк низкого вала. Это не являлось их нормальным способом передвижения, когда они находились на земле, и обычно они предпочитали широкий шаг. Теперь же, только расправив крылья чтобы облегчить движение, они могли избежать риска покалечить ноги.

Кикаха очутился между ног Девиваниры с веревкой под ягодицами, ухватился за обе ноги над огромными когтями и крикнул:

—Готово, Анана? Отлично! Девиванира! Взлет!

Обе орлицы, даже обремененные тяжестью людей, подскочили в воздух на несколько футов и тяжело забили крыльями. Кикаха почувствовал, как врезалась в его тело веревка. Его рвануло вперед и вверх, вал вылетел из-под него. Серебристо-зеленые, отражавшие пламя факелов угловатые стены и улицы города оказались под ними, но стремительно надвигались.

Немного ниже, по меньшей мере, в трех тысячах футов отсюда, у подножья горы, текла черная, с отблеском серебра река.

Затем гора заскользила в опасной близости. Орлицы могли нести относительно большой груз, так как их мускулы были намного сильнее, чем у земных орлов, но они не могли достаточно быстро махать крыльями, чтобы поднять взрослого человека.

Самое большое, что они могли сделать,—это замедлить скорость снижения.

Вот так они и снижались, параллельно стенам, лихорадочно хлопая крыльями, когда мучительно медленно подлетали к выпирающей улице, или, это так казалось Кикаке, двигаясь вперед, проносились над улицей и, казалось, вновь обрушивались вниз, слишком близко к белой, или коричневой, или красной, или серой нефритовой поверхности, а затем яростно били крыльями и снова летели вперед.

Людям приходилось подтягивать ноги чтобы не задеть за стены во время большей части полета со свистом, гулом.

Дважды их царапало, скребло и стукало о ветки деревьев, когда они пролетали сквозь вершины крон.

Один раз орлицам пришлось резко снизиться, чтобы не врезаться в высокую деревянную раму, построенную непонятно зачем на крыше. Затем орлицы потеряли некоторое расстояние до поверхности горы, а двух пассажиров стукнуло с потерей кожи и некоторой толики крови о коричнево-черный нефрит, бывший по счастью гладким. Орнаментальные выступы сломали бы им кости или нанесли глубокие перозы.

Затем самый нижний уровень,—улица Отвергнутых Жертв, названная так по какой-то так и не выясненной Кикакой причине, остались позади. Они пролетели чуть ли не в дюйме над нефритовой оградой наружного края улицы. Кикака был настолько уверен, что налетит на нее и будет разорван в клочья, что и в самом деле ощутил боль.

Они падали к реке под крутым углом.

В этом месте река была шириной в милю. На противоположном берегу находились доки и корабли, а чуть дальше от них—другие корабли на якоре. Большинство из них было длинными двухпалубными галерами с высокими кормовыми палубами и одной-двумя мачтами с прямым парусным оснащением.

Кикака в два счета увидел все это, а затем, когда орлицы снизились к пятнистой серо-черной поверхности, сделал то,—о чем заранее договорился с Ананой.

Он был уверен, что орлицы попытаются убить их, как только окажутся вне опасности быть пойманными внутри города, он велел Анане при первом же удобном случае выпустить ноги орлицы и прыгать в воду.

До реки оставалось еще футов пятьдесят, когда Девиванира сделала первую попытку достать его клювом. К счастью для Кикаки, она не смогла достаточно нагнуться, чтобы схватить его.

Огромный желтый клюв рассек воздух в восьми дюймах над его головой.

—Отпускай! —завизжала тогда орлица.—Ты утянешь меня в воду! Я утону!

У Кикахи возникло искушение именно так и поступить. Однако, он боялся, что ей придет в голову очевидное. Если бы она смогла в достаточной мере сохранять высоту, в то время как Антиопа снижалась бы, ее голова могла бы оказаться на одном уровне с Кикахой. Тогда Антиопа смогла бы применить против него свой клюв, а потом две птицы могли бы поменяться местами и добраться до Ананы.

Он бросился спиной назад, перекувырнулся, дважды выпрямился и без всплеска вошел в воду вниз головой. Он вынырнул как раз вовремя, чтобы увидеть конец прыжка Ананы. Они находились в 250 ярдах от ближайшей из пяти стоявших на якоре галер. В полутора милях ниже по реке к ним двигался свет факелов, а под ним поблескивали шлемы солдат; поднимались и падали весла.

Теперь орлицы перелетали реку, поднимаясь ввысь,—черные на фоне лунного света.

Кикаха окликнул Анану и они поплыли к ближайшему судну. Одежда и ножи тянули его ко дну, поэтому он скинул одежду и бросил в глубину большой нож.

Анана сделала то же самое. Кикахе не нравилось терять ни одежду, ни нож, но испытание последних сорока восьми часов и нехватка пищи высосали из него всю энергию.

Наконец они добрались до галеры и вцепились в якорную цепь втягивая воздух и не в состоянии сдержать громкие всхлипывания. Однако, никто не появлялся на палубе корабля установить причину шума. Если там и был сторож, то он спал.

Дозорная лодка быстро продвигалась по направлению к ним. Кикаха, однако, не думал, что его и Анану увидели. Он сказал ей, что они должны сделать. Набрав в легкие побольше воздуха, Кикаха нырнул под корпус корабля. Он перевернулся, когда счел, что прошел полпути и поплыл вдоль продольной оси к корме. Каждые несколько гребков он щупал дно судна. Наконец, он всплыл под нависшей кормой, так и не достигнув успеха. Анана, исседовавшая дно передней половины, встретилась с ним у якорной цепи. Она тоже доложила о неудаче.

Кикаха проговорил, тяжело дыша:

—Существуют неплохие шансы, что ни на одном из пяти судов не существует потайных камер для контрабандистов. Фактически мы можем проверить это, и ничего не найти. В то же время приближается патруль.

—Наверное, нам следует попробовать путь по суше,—высказалась свое мнение Анана.

—Только если не сумеем найти скрытых камер,—ответил он.—На суше у нас мало шансов.

Он поплыл вокруг галеры к следующей и там повторил свой поиск вдоль киля. Второе судно, также как и третье, оказались имеющими сплошное дно. К тому времени, хотя Кикаха и не видел этого, но знал, что патрульная лодка подплыла еще ближе.

Вдруг с другой стороны лодки что-то, казалось, грохнуло, словно слоновье ружье. Затем грохнуло второй раз, и сразу же послышались пронзительные крики орлиц и людей.

Хотя Кикаха и не мог ничего видеть, он догадался, что случилось: зеленые орлицы вернулись, чтобы убить его, но сначала — решили отомстить за свое плениение ближайшим людям. Поэтому они внезапно рухнули с ночного неба на солдат в лодке. Гром вызвали их крылья, внезапно расправленные для торможения. Теперь они, должно быть, находились в лодке и рвали солдат клювами и когтями.

Послышался всплеск и новые вопли, а затем наступила тишина.

Звуки триумфа, словно затрубил слон, затем хлопанье гигантских крыльев. Кикаха с Ананой нырнули под четвертое судно и таким образом укрылись от орлиц и продолжили поиски.

Кикаха, вынырнув под кормой, слышал шум крыльев, но не видел птиц. Он ждал в тени кормы, пока не увидел их, поднимавшихся ввысь и летевших от соседней галеры. Они могли бросить охотиться на него или же могли намереваться снова рухнуть с небес. Ананы в поле зрения не было.

Она так долго не показывалась, что Кикаха понял: она либо нашла то, что они искали, либо утонула, либо скрылась сама по себе.

Он проплыл под носом галеры, и вскоре его рука прошла над краем вырезанного в киле колодца. Он стал всплывать, открыл глаза и увидел наверху отблеск серого света. Затем он вынырнул на поверхность и оказался в квадратной камере, освещенной небольшой лампой. Он сморгнул воду и увидел стоявшую на четвереньках Анану с ножом в руке, и глядевшую на него с полки.

Полка находилась в двух футах над водой и тянулась по периметру всей камеры.

Рядом с рукой, в которой она держала нож, виднелись черные волосы мужчины.

Это был тишкетмоак, и он крепко спал.

Анана улыбнулась и пояснила:

— Он спал, когда я появилась из воды. Неплохое обстоятельство, между прочим, потому что он мог проткнуть меня, прежде чем я бы поняла, что произошло. Поэтому я треснула его по шее, чтобы гарантировать его дальнейший сон.

Полка достигала четырех футов в длину и столько же в ширину и была голой, если не считать нескольких шкур, одеял и бочонка с нарисованными на нем пиктограммами, означавшими джин, да несколько деревянных контейнеров с металлическими обручами, со-

держащих, как надеялся Кикаха—еду. Голое состояние полок указывало, что контрабандные товары уже удалили, так что никакого наплыва явившихся за добром пловцов не будет.

Из лампы поднимался дым ко множеству мелких дырочек в потолке и в верхней части стены. Кикаха, приложившись щекой рядом с некоторыми из них, ощутил легкое движение воздуха. Он был уверен, что никто из находившихся непосредственно над ними на палубе не смог бы заметить света, но ему необходимо удостовериться.

—Существует неизвестное количество судов, снаряженных такими камерами,—сказал он Анане.—Иногда капитаны знают о них, иногда—нет.

Он показал на тишкетмоака.

—Мы допросим его позже.

Он связал ему лодыжки, а потом, перевернув, скрутил руки за спиной. Затем, хотя ему хотелось лечь и уснуть, он опять нырнул в воду. Вынырнул он неподалеку от якорной цепи, по которой и влез на корабль. Рыская по галере, он не обнаружил никаких сторожей и получил хорошее представление о конструкции судна.

Более того, он нашел несколько ломтей сущеного мяса и сухарей, завернутых в водонепроницаемые кишки. Орли в поле зрения не было, а патрульную лодку унесло так далеко, что он не мог разглядеть в ней никаких тел—если они там и остались.

Когда он вернулся в потайную камеру, то обнаружил, что туземец проснулся.

Кикаха допросил его и тот рассказал, что прячется тут от полиции—по какому обвинению, он не уточнил. О вторжении он не знал, а в рассказ Кикахи явно не поверил.

Кикаха обратился к Анане.

—Нас должно было увидеть много народу, так что с поисками в городе покончат и будут искать в старом городе, на фермах, в сельской местности, а также обыщут все суда. Затем, когда они не найдут нас, то могут позволить возобновить нормальную жизнь. И это судно может уйти туда, куда направлялось.

Кикаха спросил у Петорока (так звали туземца) где он может добывать достаточно еды, чтобы им троим хватило на месяц.

Глаза Ананы расширились и она недоверчиво переспросила:

—Жить месяц в этой влажной вонючей дыре?

—Если ты вообще хочешь жить,—ответил Кикаха.—Я искренне надеюсь, что мы здесь так долго не пробудем, но я бы хотел иметь резервы на случай чрезвычайных обстоятельств.

—Я сойду с ума,—возразила она.

—Сколько тебе лет?—осведомился он.—По меньшей мере около десяти тысяч, верно? И за это время ты не научилась надлежащей психологической настройке для преодоления подобных ситуаций?

—Я никогда не предполагала, что окажусь в такой ситуации,— зарыдала Анана.

Кикаха улыбнулся.

—Это что-то новенькое после десяти тысячелетий, да? Тебе бы следовало радоваться избавлению от скуки.

Неожиданно она рассмеялась.

—Я устала и сделалась раздражительной. Но ты прав. Лучше умирать от страха, чем от скуки. А то, что случилось...

Она развелла руками, показывая, что у нее нет слов.

Получив от Петорока сведения, Кикаха снова отправился на палубу. Он спустил на воду лодку, подгреб к берегу и совершил взлом пакгауза. Наполнив лодку продовольствием, он погреб обратно к судну. Здесь он привязал лодку к якорю, а затем нырнул, чтобы привести Анану. Множество ныряний и плаваний, тормозившихся перетаскиванием продуктов в сетях, еще больше утомили их. И к концу своих трудов они так устали, что едва смогли подтянуться на полку в камере. Кикаха отпустил лодку вниз по течению, а затем нырнул в последний раз.

Он трясясь от холода и истощения сил, ему отчаянно хотелось спать, но он не смел оставить туземца без охраны. Анана предложила разрешить эту проблему, убив Петорока. Пленник слышал, но не понял, поскольку они говорили на языке Господов. Однако он увидел, как она провела пальцем по горлу, и сообразил, что они обсуждают. Он побледнел.

—Я не стану этого делать без надобности, — отверг предположение Ананы Кикаха. — Кроме того, если он даже умрет, нам все равно придется сторожить. Что, если яхтятся другие контрабандисты? Нельзя, чтобы нас застали спящими. Калатол и ее компания оказались способными устоять перед наградой, хотя я не уверен, что они могли бы и дальше держаться, но другие могут оказаться не такими благородными.

Он взял стражу на себя и удерживался от сна, только черпая воду и плеская ее в лицо, разговаривая с Петороком и расхаживая взад и вперед по полке. Когда он счел, что прошло два часа, он разбудил Анану с помощью похлопывания по щекам и воды. Взяв с нее обещание, что она не поддастся сну, он закрыл глаза. Это произошло еще дважды, а потом его разбудили в третий раз. Но теперь он должен был вставать в караул.

Анана закрыла ему рот ладонью и прошептала на ухо:

—Тихо! Ты храл! На борту люди.

Долгое время он лежал, прислушиваясь к топоту ног, крикам и разговорам, грохоту, с которым передвигали туда-сюда груз и простукивали переборки и палубы чтобы обнаружить скрытые отсеки.

После тысячи двухсот секунд, каждую из которых Кикаха мысленно отсчитывал, поисковая партия двинулась дальше. Он и Анана снова попытались поочередно наверстать потерянный сон.

7

Когда они почувствовали себя достаточно отдохнувшими, чтобы бодрствовать одновременно, он спросил у нее, как она попала в эту ситуацию.

—Черные Колокольники,—ответила она.

Анана подняла правую руку. Средний палец украшало кольцо из совершенно черного металла с большим темно-зеленым камнем.

—Я отдала контрабандистам все свои драгоценности, кроме этого кольца,—сказала она.—С ним я отказалась расстаться, заявив, что сперва им придется убить меня. Каждую минуту я думала, что они все-таки убью меня ради него. Давай вспомним, как это началось.

Первоначально Черные Колокольники были искусственной Формой жизни, созданной учеными Господов около десяти тысяч лет назад. Ученые создали Колокольников в ходе поисков истинного бессмертия. Теперь слушай дальше. Колокольник имеет форму колокола черного цвета из материала, не поддающегося разрушению. Даже если присоединить его к водородной бомбе, Колокольник переживет ядерный синтез. Равно Колокольника можно запустить в сердце звезды, и он выйдет без единой царапины хоть через миллиард лет. Итак, сперва ученые сконструировали Колокольника таким образом, чтобы тот был чисто автоматическим. Он не обладал собственным разумом, он был всего лишь прибором. Помещенный на голову человека, он засекал электрический потенциал человеческой кожи и автоматически выпускал две очень тонкие, но жесткие иглы. Они проникали через череп в мозг. Через иглы Колокольник мог разрядить содержимое человеческого мозга, то есть мог размотать цепочки гигантских белковых молекул, составляющих память, а также мог диссоциировать сложные невральные узоры подсознания и сознания.

—Какой в этом был смысл?—не понял Кикаха.—Зачем бы Господу захотелось выскребать, то есть разряжать себе мозг? И разве он не стал бы тогда пустым?

—Да, но ты не понимаешь. Разряженный и размотанный мозг принадлежал человеческому подданному Господов, рабу.

Шокировать Кикаху было нелегко, но теперь он был поражен и почувствовал дурноту.

—Что? Но...

—Это было необходимо,—серьезно произнесла Анана.—Раб все равно бы умер, так какая разница? Но Господь мог бы жить, даже если бы его тело смертельно ранили.

Она не объяснила, что научные средства Господов давали им воз-

можность жить тысячи, наверное, даже, миллионы лет, если не произойдет никаких несчастных случаев: убийство или самоубийство. Кикаха, конечно, это знал. Нестарение в меньшей степени, чем у Господов, было распространенным у человеческих существ вселенной, что создал Вольф. Воды этого мира содержали в себе обеспечиваемые Вольфом вещества, не дававшие человеческим существам стареть приблизительно тысячу лет.

Они так же сокращали плодовитость, поэтому тут не существовало никакого доста уровня рождаемости.

Колокольники должны были обеспечить средство, благодаря которому можно было перевести мысленное содержимое в мозг носителя. Таким образом, Господь мог продолжать жить в новом теле, пока старое умирало от ран. Колокольника сконструировали так, чтобы мысленное содержимое Господа могло храниться в самом деле очень длительное время, если того потребуют чрезвычайные обстоятельства. Колокольник имел и энергоблок для функционирования хранимого ума, если возникнет такое желание. Более того, Колокольник автоматически черпал нервную энергию носителя для подзарядки энергоблока. Разматывание и дематрицирование являлось на самом деле методом сканирования мозга Колокольником, а потом записи его в структуру колокола. Фактически дубликацией мозга. Результатом дубликации являлось опустошение первоначального мозга, т. е. он становился чистым.

— Я повторяюсь,—сказала она,—но только для гарантии, что бы ты меня понял.

— Я поспеваю за твоей мыслью,—сказал он,—Но это опустошение, дематрицирование, сканирование и дубликация не кажутся мне истинным бессмертием. Это все равно, что перелить мысленное содержимое из одной головы в другую. Это не настоящая пересадка мозга. Все на самом деле сводится к записи церебральных комплексов, лобных долей мозга и, как я полагаю, затылочной части мозга тоже, чтобы охватить весь разум—или у Колокольников нет подсознания. В ходе уничтожения оригинала, а потом прокручивания записей-дисков, если угодно, для построения идентичного мозга в другом контейнере. Однако мозг второй стороны—не мозг первой. В действительности первая сторона мертвa. И хотя вторая сторона думает, что она—первая, потому что у нее мозговой комплекс первой стороны, она—всего лишь дубликат.

— Устами младенца глаголет истина,—усмехнулась Анана.—Это было бы верно, если бы не существовало такой штуки, как дух или душа, как называете ее вы, люди. Но у Господов имелись неоспоримые доказательства, что вкепространственное, вневременное существование возникающие одновременно с каждым разумным существом, имеется в действительности. Оно есть даже у вас, людей, и он

дублирует психическое содержание тела или сомы, они отражают психо-сому, или, наверное, наоборот. Так или иначе, душа—это вторая половина «настоящей личности». Когда в Колокольнике строится дубликат сомы-мозга, душа или дух переходит в Колокольника, а когда Колокольник вновь переправляет мысленное содержимое в нового носителя, то и дух переходит в этот же носитель.

—У вас есть доказательства существования этой души?—поинтересовался Кикахा.—Фотографии, чувственные указания и так далее?

—Я таких никогда не видела,—ответила она,—и, равным образом, не знала никого, видевшего эти доказательства. Но нас заверяли, что одно время доказательства существовали.

—Прекрасно,—заметил он с сарказмом, который она, может быть, уловила, а может, и нет.—Так что дальше?

—Эксперимент, как я считаю, занял свыше 50 лет, прежде чем Колокольники стали стопроцентно безопасными и идеально действенными. Большинство исследований проводилось на рабах-людях, которые часто умирали или становились идиотами.

—Во имя науки!

—Во имя Господов,—отрезала она.—Во имя бессмертия Господов. Но подопытные люди, а позже и подвергшие опыту Господа сообщали о почти невыносимом чувстве отрыва от действительности, муках разлуки, испытываемых, покуда их разум обитал в Колокольниках. Видишь ли, у мозга имеется некоторое восприятие окружающего мира, если выдвинуты иглы-антенны. Но восприятие это очень ограничено. Чтобы преодолеть изоляцию и страх, способности восприятия антенн улучшили. Через антенны сделались доступными звуки, запахи и ограниченное зрительное чувство.

—Эти Черные Колокольники—бывшие Господа?—спросил напрямик Кикаха.

—Нет. Ученые случайно открыли, что используемый Колокол обладает потенциальными возможностями развития в существование. То есть, неиспользуемый колокол был младенцем-Колокольником. Если с ним беседовать, играть, научить говорить, узнавать, развивать свою эмбриональность—то он становился не ящью или механическим устройством; а личностью, довольно чуждой и странной, но все-таки личностью.

—Иными словами,—сказал он,—конструкция для обитания человеческого сознания могла сама по себе стать сознанием?

—Да. Ученые были заворожены. Они организовали отдельный проект по выращиванию Колокольников. Они обнаружили, что Колокольник мог стать столь же сложным и столь же умным, как и взрослый Господь. В то же время первоначальный проект забросили,

хотя недоразвитые Колокольники использовались как тара для хранения памяти Господов.

—Думается, я знаю, что случилось,—произнес Кикаха.

—Никто не знает, что там на самом деле случилось,—продолжила она.—В проекте участвовали десять тысяч вполне взрослых Колокольников и множество младенцев. Каким-то образом Колокольник сумел вонзить свои иглы-антенны в череп Господа. Он размотал и демонтировал мозг Господа, а потом перевел себя в мозг носителя. Впоследствии захватили одного за другим и других, занимавшихся этим проектом Господов.

Кикаха угадал правильно. Господа сами создали своих чудовищ Франкенштейна.

—В то время мои предки создавали свои личные, сделанные на заказ вселенные,—рассказывала она дальше.—Они и впрямь были Господами—богами, если таковые когда-либо существовали. Родная вселенная, конечно, продолжала оставаться основой для подавляющей массы населения. Многие из Колокольников в телах носителей сумели выбраться из родной вселенной в личные вселенные. К тому времени, когда открылась истина, было невозможно узнать, кто захвачен, а кто нет. Почти десять тысяч Господов были, так сказать, «колоколизированы». Война Черных Колокольников продолжалась двести лет. Я родилась именно в это время. К этому сроку большинство ученых и техников Господов погибли. Половина населения тоже умерла. Родную вселенную опустошили. Это было концом науки и прогресса и началом солипсизма Господов. Уцелевшие имели в своем распоряжении много энергии, устройств и машин, но понимание принципов, служивших основой этой энергии и этих машин, было утрачено. Со всеми Колокольниками, кроме пятидесяти, было покончено. Девять тысяч девятьсот пятьдесят Колокольников поместили в специально созданную для них вселенную. Эта вселенная—с тройными стенками, чтобы никто не мог забраться туда, и ни выбраться оттуда.

—А недостающие пятьдесят?

—Их так и не нашли. С того времени Господа жили в атмосфере постоянной подозрительности, на грани паники. И все же не было никаких доказательств, что каких-то Господов колонизировали. Со временем паника утихла, но про пятьдесят оставшихся не забыли.

Она подняла правую руку.

—Видишь, это кольцо? оно может засечь Колокольника, когда тот окажется, на расстоянии двадцати футов. Оно, конечно, не может засечь Колокольника, обитающего в теле носителя, но Колокольники не любят находиться слишком далеко от колоколов. Если что-нибудь случится с телом носителя, Колокольник захочет иметь возможность переправить свой разум обратно в колокол прежде, чем умрет тело. Кольцо, засекая колокол, включает имплантированную в

мозг Господов сигнализацию. Эта сигнализация стимулирует определенные районы нервной системы так, что Господь слышит звон колокола. Теперь, насколько я знаю, звон колокола тревоги не раздавался около десяти тысяч лет. Но он раздался для нас троих меньше двух недель назад, и мы поняли, что древний ужас вырвался на волю.

—Те пятьдесят теперь нашлись? —поинтересовался он.

—Не все пятьдесят. По крайней мере, я видела лишь нескольких, —ответила она. —По-моему, случилось вот что: все пятьдесят Колокольников были спрятаны в какой-то вселенной. Они пролежали около десяти тысячелетий в состоянии анабиоза. Потом какой-то человек, какой-то лаб...

Она запнулась, увидев выражение его лица, а затем продолжила:

—Какой-то человек наткнулся на тайник. Ему стало любопытно и он надел один из колоколов на голову. Колокольник автоматически выпустил антенны. Одновременно Колокольник пробудился от десятитысячелетнего сна. Он анестезировал человека через кожу, чтобы тот не мог бороться, вонзил иглы в череп и мозг, разрядил невральную конфигурацию и память человека и перевел себя в его мозг, а затем эти пятьдесят начали свою быструю и бесшумную компанию. Нельзя сказать, сколько вселенных они захватили, скольких Господов — пленили или вселились в них, но им не повезло с тремя: Нимстоулом, Джудубром и Ананой. Она и Нимстоул сумели уведомить о ситуации Джудубру, и тот разрешил им укрыться в своей вселенной. Только Черные Колокольники могли заставить Господа забыть о своей вечной войне со всеми другими Господами. Джудубра как раз восстанавливал свою оборону, когда ворвался враг. Все трое Господов были вынуждены бежать через врата во дворец Вольфа в этой вселенной. Они выбрали его мир, так как прослышали, что он теперь стал слабым и мягкотелым, он не станет пытаться убивать их если они будут дружелюбны. Но дворец оказался пустым, если не считать талосов, полуметаллических, полубелковых машин, бывших слугами и стражами Вольфа и Хрисенды.

—Вольф исчез? —переспросил Кикаха. —И Хрисенда тоже, но куда?

—Я не знаю, —ответила Анана. —У нас было мало времени для расследований. Мы вынуждены были бежать через врата из центра управления, не зная, куда попадем. Мы вышли в храме Оллимамла, из которого бежали в город Таланак. Нам посчастливилось наткнуться на Калатол и ее шайку. Не прошло и четырех дней, как в Таланак вторглись дракланцы. Я не знаю, как Черные Колокольники захватили фон Турбата и других.

—Они прошли через врата в Дракландию, —ответил Кикаха, —и захватили двух королей, без ведома поданных, конечно. Они, вероятно, не знали, что в Таланаке, но, должно быть, узнали обо мне, как я пола-

гаю, из фильмов и записей во дворце. Они явились сюда за вами—Господами, но прослышали, что здесь и я, явились также и за мной.

—Зачем ты им нужен?

—Затем, что и многое знаю о тайных вратах и ловушках во дворце. В первую очередь, хотя бы, они не смогут проникнуть в арсенал, если не узнают схему разгадывания кода. Вот почему они хотят взять меня живым; ради имеющихся у меня сведений.

—Во дворце есть какой-нибудь летательный аппарат?—спросила она.

—У Вольфа таких никогда не было.

—Я думаю, Колокольники доставят несколько штук из моего мира, но им придется разобрать их, чтобы пропустить через узкие врата во дворце, а потом снова—собрать их. Но когда люди увидят аэролет, Колокольникам придется дать некоторые объяснения.

—Они могут заявить народу, что это волшебные суда,—возразил Кикаха.

Кикаха пожелал, чтобы у него оказался рог Шамборимена или как его иногда называли, Ильмарволкина. Когда в резонансной точке любой вселенной на нем играли нужную последовательность нот, эта точка становилась вратами между двумя вселенными.

Рог можно было также использовать для прохождения через врата между разными точками на этой планете. Все это дело с соответствующими полумесяцами врат можно обойти. Но Анана не видела рога. Вероятно, Вольф взял его с собой, куда бы они там не отправились.

Последовавшие дни и ночи не отличались комфортом. Они расхаживали для гимнастики взад-вперед и позволяли также и Петороку поразмять мускулы, покуда Кикаха держал завязанную на его шее веревку.

Они спали беспокойно. Хотя они и согласились поменьше жечь лампу, так как хотели поберечь масло, большую часть времени они держали ее зажженой.

На третий день на борт поднялось много народу.

Вытащили якорь, и судно явно направилось к причалу. Сквозь деревянные переборки и палубы донеслись звуки погрузки. Она продолжалась сорок восемь часов без передышки. Затем судно покинуло причал, и гребцы взялись за работу. Колотушка, задававшего ритм барабанщика, скрип уключин, плеск и свист весел продолжались долгое время.

Путешествие заняло около шести дней, а затем судно остановилось, бросило якорь, и по стенам камеры забарабанили звуки разгрузки. Кикаха был уверен, что они плыли на запад, к краю Великих Прерий.

Когда все, казалось, стихло, он выплыл. Вынырнув на стороне, обращенной к сухе, он увидел причалы, другие галеры, костер перед большим бревенчатым зданием и невысокий, густо заросший лесом холм на востоке.

Это был конечный пограничный городок для речных судов. Товары здесь перегружались в большие фургоны, которые затем караванами отправляются к Большой Торговой Тропе.

Кикаха не собирался отпускать Петорока, но спросил его, желает ли он остаться с ними или предпочел бы рискнуть присоединиться к тишкетмоакам.

Петорок ответил, что его разыскивают за убийство полицейского, и он рискнет отправиться с ними.

Они прокрались на ферму неподалеку от городка и похитили одежду, трех лошадей и оружие. Чтобы сделать это, понадобилось вырубить фермера, его жену и двух сыновей, пока те спали. Затем они проехали мимо обнесенного частоколом городка и форта.

За час до рассвета они выехали к краю Великих Прерий и решили некоторое время следовать по Торговой Тропе. Целью Кикахи была деревня Хровака в горах за тысячу миль отсюда. Там они могут составить план компании, связанной с применением некоторых тайных врат на этом уровне.

Во время их заточения в потайной камере на галере Кикаха пытался поддерживать боевой дух Ананы, постоянно шутя и смеясь, хотя и тихо, чтобы их не услышали, но теперь он, казалось, взорвался, так много он болтал и смеялся. Анана сделала замечание по этому поводу, сказав, что он теперь был самым счастливым человеком, какого она когда-либо видела—так он сиял от радости.

—Почему бы и нет?—ответил он.

Он махнул рукой, показывая на Великие Прерии.

—Воздух наполнен солнцем, зеленью и жизнью. Перед нами огромные холмистые прерии, во многом похожие на равнины Северной Америки до прихода белого человека, но куда более экзотические, или романтические, или колоритные, или какое бы прилагательное ты не выбрала. Тут пасутся миллионы бизонов, диких лошадей, антилоп, оленей, за которыми охотятся крупные хищники: полосатый лев прерий или феликс атрокс, бегающий лев, являющийся гепардообразной эволюцией пумы, страшный волк и прерийный волк, койот и прерийная собака! Прерии кишат жизнью! Не только доколумбовские животные, но и привезенные Вольфом через врата с Земли и вымершие там, такие, как мастодонт, мамонт, прерийный верблюд и многие другие. И есть кочевые индейские племена: сплав американских индейцев и скифско-сарматских белых кочевников из древней России и Сибири, и полукони, созданные Джадавином—кентавры, чья речь и обычай такие же, как и у племен прерий. О, здесь можно

много о чем порассказать, и много, чего я еще не знаю, но когда-нибудь узнаю! Понимаешь ли ты, что площадь суши этого уровня больше, чем у Северной и Южной Америк моей родной Земли, вместе взятых? Это сказочный мир! Мой мир! Я верю, что родился для него, и что было больше, чем случайностью, что мне повезло попасть именно сюда! Это опасный мир, но какой мир, включая и Землю, не опасен? Я оказался самым везучим из людей, сумев проникнуть сюда, и не вернулся бы на Землю ни за какие коврижки. Это мой мир!

Анана слегка улыбнулась и сказала:

— Ты можешь быть преисполнен энтузиазма, потому что ты молод: Подожди, пока тебе не исполнится десять тысяч лет. Тогда ты найдешь мало удовольствий.

— Я подожду, — ответил он. — Мне пятьдесят лет, но я ~~взгляжу~~ и чувствую себя выбириющим двадцатипятилетним, если ты извинишь такое украшательно-прозаическое прилагательное.

Анана не знала, что значит украшательно-прозаическое. И Кикаха, как умел, объяснил ей. Он выяснил, что Анана кое-что помнила о Земле, так как бывала там несколько раз. Самый последний ее визит приходился на 1888 год н. э. Она отправилась туда, как выражалась, «на каникулы».

Они подъехали к лесу, и Кикаха сказал, что им следует разбить лагерь на ночь. Он отправился поохотиться и вернулся с оленем-пигмеем. Он освежевал его, а потом зажарил над костром. Потом все трое нарубили веток и сделали помост на развилке двух больших веток дерева. Они согласились стоять по часу на страже.

Анана сомневалась, можно ли спать, пока бодрствует Петорок, но Кикаха заверил, что им незачем беспокоиться. Парень был слишком напуган мыслью о пребывании одиноким в этом диком kraю, чтобы подумывать убить их или просто сбежать.

Именно тогда-то Анана и призналась, что она рада, что с ней Кикаха.

Он был приятно удивлен и заметил:

— Ты в конце концов, все-таки человек. Может быть, для тебя есть какая-то надежда.

Она рассердилась и, повернувшись к нему спиной, притворилась спящей. Он усмехнулся и заступил в свой караул.

Луна в небе набухала зеленью. Вокруг было много звуков, но все далекие. Иногда трубил мамонт или мистодонт, ревел, как гром, лев, один раз заржал дикий конь, а один раз донесся свист гигантской ласки. Этот свист заставил его замереть и вызвал тонкое ржание со стороны их лошадей. После человека и полуконя он больше всего страшился в прериях гигантской ласки. Прошел час. Ласка больше не шумела и не показывалась, и лошади, казалось, расслабились. Он рассказал Петороку об этом животном, предупредил его ~~вглядывать~~

ся во все тени в поисках огромного, длинного скользящего тела ласки и без колебаний стрелять из лука, если подумает, что увидел ее. Он хотел гарантировать, что Петорок не заснет на посту.

Кикаха стоял в карауле на рассвете.

Он увидел отблеск света на чем-то белом в небе. Затем он ничего не мог разглядеть, но минуту спустя солнце снова сверкнуло на этом предмете в небе. Он находился далеко, но быстро рос, падая вниз, и имел форму длинной иглы. Когда он приблизился, Кикаха разглядел выпуклость на его спине, что-то вроде закрытой рубки и, мельком, силуэты четырех людей.

Затем аэролет пропал среди прерий.

Кикаха разбудил Анану и рассказал ей об увиденном.

—Должно быть, Колокольники привезли аэролет из моего двораца,—решила она.—Это плохо. Аэролет может не только быстро покрыть большую территорию, но и вооружен двумя дальнобойными лучеметами, и у Колокольников, должно быть, есть также и ручные лучеметы.

—Мы можем путешествовать ночью,—размышлял вслух Кикаха,—но даже так нам иногда придется спать днем на открытых местах. В Великих Прериях есть множество небольших лесистых участков, но на нашем маршруте они не всегда будут доступны.

—У них может быть больше чем один аэролет,—заметила Анана.—И один из них может летать по ночам. У них есть средства видеть ночью, а также засекать на некотором расстоянии тепло, излучаемое живым телом.

Ничего не оставалось делать, кроме как въезжать в открытые прерии и надеяться, что случай не сведет Колокольников с ними. На следующий день, когда Кикаха выехал на гребень невысокого холма, он увидел вдали всадников. Но это были не кочевники прерий, как он ожидал, и не тишкетмоаки. Их доспехи сверкали на солнце: щлемы и кирасы.

Кикаха обернулся, чтобы предупредить остальных.

—Это, должно быть, тевтоны из Дракландии,—сказал он.—Я не знаю, как они так быстро попали сюда. Минуточку! Они, вероятно, прошли через врата примерно в десяти милях отсюда. Их полумесцы вделаны в макушки двух зарытых рядом с колодцем валунов. Я подумывал сделать крюк в ту сторону и обследовать, хотя в этом было мало смысла. Эти врата односторонние.

Тевтонов, должно быть, отправили искать Кикаху и отрезать ему дорогу, если он попытается пробраться к горам Хровака.

—Им понадобится миллион воинов, чтобы разыскать меня в Великих Прериях, и даже тогда я мог бы ускользнуть от них,—сказал Кикаха.—Но этот аэролет—это нечто новое.

Три дня прошло без происшествий, если не считать одного слу-

чая, когда они наткнулись в небольшой ложбине на семейство львов. Взрослые самец и самка вскочили на ноги и предупреждающе зарычали. Самец весил по меньшей мере четыреста килограмм, и его рыжевато-коричневое тело покрывали бледные полосы.

Его грива у него была очень маленькая, волосы густые, но не больше дюйма длиной. Самка была поменьше, не более трехсот килограмм. Два детеныша были размером со взрослых оцелотов.

Кикаха тихо велел остальным, схавшим позади него, натянуть поводья, а затем медленно повернул своего дрожавшего жеребца прочь от львов и заставил его уходить шагом.

Львы рванулись на несколько шагов вперед, но остановились, сверкая глазами и рыча. Они, однако, не сделали никакой попытки напасть. Лежавшее за ними полуусыденное тело дикого полосатого осла объясняло, почему они не так уж и рвались напасть на непрошенных гостей.

На четвертый день они увидели караван фургонов тишкетмоакских торговцев. Кикаха скакал примерно в полумиле от него.

На таком расстоянии его не могли опознать, а он хотел узнать как можно больше об этом караване. Он не мог ответить на вопросы Ананы о точной цели своего любопытства, он просто любил знать всякое, чтобы не пребывать в неведении, если изменится ситуация, вот и все.

Анана боялась, что Петорок воспользуется случаем и сбежит к каравану, но Кикаха держал наготове лук, а Петорок достаточно насмотрелся на его способность орудовать луком, чтобы уважать ее.

Караван насчитывал около сорока фургонов. Они были двухэтажного десятиколесного типа, предпочтительного тишкетмоаками для тяжелой транспортировки по прерии. Каждый фургон тянула упряжка из десяти мулов, более крупных, чем першероны. Имелось также множество фургонов поменьше, оборудованных спальнями и пищевой для защищавших караван кавалерии. Охрана насчитывала около пятидесяти человек, плюс имелись косяки запасных лошадей для кавалерии и мулов для фургонов. Всего там ехали около трехсот пятидесяти мужчин, женщин и детей.

Кикаха ехал параллельным курсом и изучал караван. Наконец Анана осведомилась:

—Что ты думаешь?

Он усмехнулся:

—Этот караван пройдет в двухстах милях от гор Хровака. Добираться туда потребуется чертовски долгое время, так что пришедшее мне на ум будет не очень практическим. Это слишком дерзко и кроме того, надо учесть и Петорока.

Послушав некоторое время ее мольбы, он рассказал ей все, что думал. Она сочла его сумасшедшим.

Все же после некоторого раздумывания они признали, что сама нестандартность и рискованность этой идеи, ее неожиданности могли и в самом деле заставить ее сработать, если им повезет. Но, как он говорит, приходилось учитывать и Петорока.

Некоторое время всякий раз, когда тот находился недостаточно близко, чтобы слышать, она настойчиво предлагала убить его. Анана утверждала, что он заколол бы их в спину, если бы знал, что будет после этого в безопасности. Кикака согласился с ней, но не мог убить его без большого оправдания.

Он подумывал бросить его в прерию, но боялся, что его поймают те, кто ищет их.

Они держались подальше от каравана, но двигались несколько дней параллельно с ним, на расстоянии нескольких миль. По ночам они отступали даже дальше, поскольку Кикака не хотел, чтобы карааванщики застали его врасплох. На третий день он думал вообще покинуть караван и тронуться в южном направлении. Однако, увидел как что-то сверкнуло в небе, и поскакал к группе редко росших деревьев, обеспечивающих некоторое укрытие. Привязав лошадей к кустам, трое путников вползли по высокой траве на холм и следили за караваном.

Они находились достаточно далеко, так что могли едва-едва различить фигуры людей. Аэролет снизился перед ведущим фургоном и парил примерно в футе над землей. Караван остановился.

Долгое время у аэролета стояла группа людей.

Даже на расстоянии Кикака видел, как они сильно размахивали руками.

Торговцы протестовали, но через некоторое время повернулись и пошли обратно к ведущему фургону. Тут начался процесс, занявший весь день, хотя тишкетмоаки работали, как бешеные. Все фургоны разгрузили, а потом обыскали.

—Хорошо, что мы не привели свой план в действие,—заметил Кикака.—Нас наверняка бы нашли. Эти парни—я имею в виду Колокольников—работают основательно.

Они той ночью ушли поглубже в лес и не разводили костра. Утром Кикака, подкравшись поближе увидел, что аэролет исчез. А тишкетмоаки, вставшие, должно быть, очень рано, почти кончили погрузку. Он вернулся к лагерной стоянке и поговорил с Ананой.

—Теперь, когда Колокольни проверили этот караван, маловероятно чтобы они проинспектировали его вновь. Теперь мы могли бы сделать то, что я предлагал—if бы не Петорок.

Он, однако, пересмотрел свой план отправиться на юг. Вместо этого он решил держаться поближе к каравану. Ему казалось, что Колокольники какое-то время не вернутся в этот район.

На пятый день Кикака отправился поохотиться в одиночку.

Вернулся он с небольшим оленем за седлом. Петорка и Анану он оставил на южном склоне холма. Они все еще находились там, но Петорок лежал, распростершись на спине, с открытым ртом и застывшим взглядом. Из его солнечного сплетения торчал нож.

—Он пытался напасть на меня, этот лаблаббий! — заявила Анана. — Он хотел, чтобы я переспала с ним. Я отказалась, и он пытался силой заставить меня.

Это была правда; Петорок часто посматривал на Анану с явным вожделением — так бы поступил любой мужчина. Он никогда не пытался дотронуться до нее или сделать какие-то неприличные замечания.

Это не означало, что он не планировал сделать это при первом удобном случае, но Кикаха не верил, что Петорок осмелился бы приставать к ней. Он фактически испытывал ужас перед Ананой и очень боялся оставаться с ней наедине.

С другой стороны, не было никаких доказательств, что Анана лжет. Дело было сделано, и его цель было переделать, поэтому он лишь сказал:

— Вытащи свой нож и вытри его. Я все гадал, что ты сделаешь, если я скажу, что хочу переспать с тобой. Теперь я знаю.

Она удивила его, сказав:

— Ты не он. Но ты никогда не узнаешь, если не попробуешь, не так ли?

— Так, — резко ответил он.

Он с любопытством посмотрел на нее.

Господа, по словам Вольфа, были основательно аморальными людьми. То есть большинство из них. Анана была чрезвычайно привлекательной женщиной, которая могла быть, а могла и не быть фригидной. Но десять тысяч лет казались долгим сроком для сохранения у женщины фригидности.

Наверняка в великой науке Господов существовала техника или средства для преодоления фригидности.

С другой стороны, окажется ли страстная женщина способной оставаться страстной после десяти тысяч лет?

Но Вольф говорил, что даже долгоживущие Господа жили одним днем. Подобно смертным, они были захвачены потоком времени. Память их была далека от совершенства, к счастью для них. Так что, хотя они и были подвержены намного большей тоске и скуке, чем так называемые смертные, эти чувства все же их не захлестывали. Процент самоубийств среди них был на самом деле ниже, чем у сравнимой группы людей, но это могло быть отнесено к тому факту, что те, кто имел склонность к самоубийству, давным-давно разделались с собой.

Каковы бы там не были ее чувства, она ему их не открывала. Если она страдала от сексуальной фрустрации, как в давнее время

страдал он, она не показывала никаких признаков этого. Наверное идея переспать с ним, низким, даже отталкивающим смертным, была для нее немыслима. И все же он слышал рассказы о проявляемых Господами сексуальных интересах к своим более привлекательным человеческим подданным. Вольф сам говорил, что, когда он был Джадавином, он предавался разгулу с прекрасными женщинами этого мира, используя свою неотразимую мощь, чтобы получить то, что он хотел.

Кикаха пожал плечами. В данный момент требовалось поразмыслить о более важных вещах. Выживание перевешивало все прочее.

9

В последующие два дня им пришлось ехать далеко от каравана из-за того, что охотничьи партии с него широко разошлись в поисках бизоньего, оленьего и антилопьего мяса. И тогда, уклоняясь от охотников, путники чуть было не наткнулись на небольшой отряд охотников-саткивлаков.

Эти индейцы, разрисованные с головы до ног в черно-белую полоску, с закрученными на макушках в спираль длинными черными волосами, и с продетыми сквозь перегородки в носах костями, с ожерельями из львиных зубов на шее, одетые в шаровары из львиных шкур и мокасины из оленьей кожи, проскаакали в ста ярдах от Ананы с Кикахой. Но они уделяли все время стрельбе по бизонам в тылу бежавшего стада и не увидели их.

Кроме того, тишкетмоакские охотники гнались за теми же бизонами, но они находились по другую сторону стада, отделенные от индейцев милей почти сплошных тел.

Кикаха вдруг принял решение. Он сообщил Ананé, что сегодня ночью настало их время. Она поколебалась, а затем сказала, что они вполне могут попробовать, что, разумеется, следует попробовать все, что уберет их из поля зрения Колокольников.

Они ждали, пока караванщики не кончили есть жареное мясо, пить джин и водку и не отправились, пошатываясь, спать. По обеим сторонам каравана расставили с интервалом непьющих часовых, но фургоны находились в пределах границ Большой Торговой Тропы, отмеченной резными деревянными изображениями Бога Торговли, и поэтому они по-настоящему не тревожились о нападении людей или полуконей. Какое-нибудь животное могло забрести в лагерь, гигантская ласка или лев могли попытаться задрать коня или даже человека, но это было маловероятно, поэтому атмосфера была расслабленной.

Кикаха снял с лошадей всю сбрую и хлопнул их по крупу, чтобы они ускакали.

Он испытывал легкое сожаление о них, поскольку они были одо-

машиненными животными и вряд ли могли процветать в диких Великих Прериях. Но им придется рискнуть, так же, как и ему.

Затем они с Ананой, привязав к спинам тюки с водой в бутылках, сущеным мясом и овощами, с ножами в зубах поползли в залитой брызгами лунного света темноте к каравану. Мимо двух часовых, расположенных на расстоянии сорока ярдов друг от друга, они пробрались незамеченными. Они направились к огромному десятиколесному фургону, бывшему двадцатым в колонне.

Они проползли мимо небольших фургонов, в которых хранили спящие мужчины, женщины и дети. К счастью, с караваном не было собак, и по веской причине: гепардоподобная пума и ласка особенно любили собачье мясо, до такой степени, что все путешественники давным-давно перестали брать с собой собак для путешествия по прерии.

Устроить жилое помещение внутри плотно упакованного груза на нижнем этаже фургона оказалось нелегко. Им пришлось вытащить множество деревянных ящиков и рулонов тканей и ковров, а потом опять разложить их над норой, где они будут проводить свои дневные часы. Выбитый груз с большим трудом вогнали туда, куда он только влез. Кикаха надеялся, что никто не заметит, что раскладка стала не такой, какой была, когда фургон покинет берег реки.

У них имелись две пустые бутылки для санитарных целей, а одеяла обеспечили им довольно удобную постель—пока фургон не показался утром в путь. Рессор у фургона не было, и хотя прерия казалась довольно гладкой идущему, пешком, в фургоне неровность почвы становилась преувеличенной.

Анана жаловалась на то, что она чувствовала когда находилась замкнутой в камере галеры, но теперь она чувствовала себя погребенной под обвалом. Снаружи температура резко поднималась в полдень—свыше двадцати четырех градусов по Цельсию, но отсутствие вентиляции и близость тел угрожали удушить путников. Им пришлось сесть и уткнуться носами в отверстия, чтобы получить достаточно кислорода.

Кикаха расширил эти отверстия. Он очень не хотел этого делать, так как это увеличивало опасность их обнаружения караванщиками. Однако, пока фургон путешествовал, никто не собирался заглядывать на нижний этаж.

В первый день им почти не удалось поспать.

Ночью, пока караванщики спали, они вылезли наружу и проползли мимо часовых в открытую прерию. Здесь они вымылись в ручье, снова наполнили бутылки водой, справили естественные надобности, которые было невозможно или крайне неудобноправлять в фургоне. Они проделали гимнастические упражнения, чтобы снять оцепенение с мускулов, вызванное стесненными условиями, а также тряской и рывками фургона. Это казалось самой наглой выходкой в мире—

прятаться прямо под носом, не упоминая уже о ягодицах, тишкетмаков. Будучи один Кикаха мог чувствовать себя более удобно, более непринужденно. Но хотя Анана особенно не жаловалась, ее не совсем подавленные стоны и брань порядком надоели ему. В этих тесных, замкнутых условиях было невозможно не прикасаться часто друг к другу, но она каждый раз реагировала чересчур сильно.

Она велела ему оставаться на своей собственной половине «гроба», не делать таким очевидным свое тело и так далее.

Кикаха начал всерьез подумывать о том, чтобы предложить ей скрываться от Колокольников самостоятельно или, если она откажется, нокаутировать ее, вытащить из фургона в какое-нибудь место и оставить там. Временами он фантазировал о том, чтобы перерезать ей горло или привязать к дереву так, чтобы до нее могли добраться волки или львы.

Он сказал себе, что это дьявольский способ начать любовный роман.

Тут он спохватился. Да, он так подумал: любовный роман. Так! Как же это он мог влюбиться в такую злобную, высокомерную смертоносную суку?

Мог. Как сильно он не бесился, ненавидел и презирал ее, он начинал ее любить.

В любви для Кикахи не было ничего нового ни в этом, ни в том, другом мире, но никогда—при таких обстоятельствах.

Несомненно, если не считать Подарги, выглядевшей на лицо точь в точь как Анана, и странной, действительно неземной Хрисанды, Анана была самой прекрасной женщиной из всех, кого он когда-либо видел.

Но для Кикахи это автоматически не приводило к любви. Он, конечно, ценил в женщинах красоту, но подвергался большой возможности влюбиться в женщину с приятным характером, сообразительную, с чувством юмора, чем в неприятную и тупую красавицу. Если женщина была всего лишь разумно привлекательной или, наверное, даже заурядной внешности, он мог бы влюбиться в нее, если находил в ней определенные свойства, а Анана была определенно неприятной особой.

Так почему же он испытывал к ней чувство любви бок о бок с враждебностью?

«Кто знает?—подумал Кикаха.—Очевидно, не я. И это само по себе приятно, поскольку я не хотел бы стать для самого себя вкусным и непредсказуемым».

Плохо в этом романе было то, что он, по всей вероятности, будет односторонним. Она могла проявить чувственный интерес к нему, но он был бы эфемерным и сопровождался бы презрением. Она, разумеется, никогда не сможет полюбить лаблаббия. Если уж на то пошло,

он сомневался, что она вообще сможет полюбить кого бы то ни было. Господа находились по ту сторону любви. По крайней мере, так говорил Вольф.

Второй день прошел быстрее, чем первый, оба оказались способными проспать больше. Той ночью их загнал на дерево львинный прайд пришедший к ручью на водопой вскоре после прибытия людей. Наконец, когда часы шли, а львы не проявляли ни малейшего желания брести восьсяи, Кикаха впал в отчаяние, скоро станет невозможным проклынуть обратно в фургон.

Он сказал Анане, что им придется слезть и попытаться приугнуть больших кошек.

Как обычно, у Кикахи имелся новый мотив, кроме очевидного. Он надеялся, что если Анана имеет какое-то припрятанное или имплантированное в тело оружие, то теперь она откроет его. Но у нее его не имелось, либо она считала ситуацию недостаточно отчаянной, чтобы воспользоваться им. Она сказала, что может, если пожелает, попытаться отпугнуть этих чудовищ, но намерена оставаться на дереве, пока они не уйдут.

—При обычных обстоятельствах я бы с тобой согласился,—признался он,—но мы должны в течении ближайшего получаса вернуться в фургон.

—Я не должна,—огрызнулась она.—Кроме того, ты не подстрелил нам ничего на обед, прежде чем мы вернемся. Я не хочу провести еще один голодный день в этом гробу.

—У тебя там имелась масса сущеного мяса и овощей,—возразил он.

—Я весь день голодала,—ответила Анана.

Кикаха принялся спускаться с дерева. Львы, казалось, не обращали на него ни малейшего внимания, но один самец взметнулся в воздух и его лапа с длинными когтями прошла в шести дюймах от ноги Кикахи.

—Они, кажется, не намерены пугаться,—заметил он.—И иной раз бывают, но сегодня, ну...

С высоты дерева даже в лунном свете он мог разглядеть часть каравана. Вскоре луна ушла за монолит и за ней с востока последовало солнце. Караванщики начали просыпаться и развели костры. Возникла суета с приготовлением завтрака, а затем лагерь начали сворачивать. Вскоре множество колоритных солдат в деревянных шлемах с длинными перьями, в алых стеганных кирасах-тегинях, в юбках кельтах из зеленых перьев и окрашенных в желтый цвет легинах вскочили на коней. Они образовали полумесяц, внутри которого шествовали мужчины и женщины, несшие котелки, чайники, кувшины и другие столовые принадлежности. Они направлялись к водопою.

Кикаха застонал. Ему случалось иногда перехитрить самого себя, а это мог быть один из таких случаев.

Не существовало никакого сомнения относительно его выбора. будет намного лучше столкнуться лицом в лицу со львами, чем оказаться захваченными в плен тишкетмоаками. Хотя он, возможно, и сумел бы уговорить их не выдавать его тевтонам, но он очень сильно сомневался в этом. В любом случае он не мог позволить себе положиться на их милость.

—Анана,—сказал он.—Я двигаю на север и двигаю быстро. Ты идешь со мной?

Она посмотрела вниз, на большого льва, выгнувшего спину у подножья дерева и уставившегося вверх огромными зелеными глазами. Его пасть была широко открыта. Четыре клыка—два верхних и два нижних—казались длинными, как кинжалы.

—Ты, должно быть, рехнулся,—сказала она.

—Ну, и оставайся, если хочешь. До скорого, если вообще когда-нибудь встретимся.

Он начал спускаться по другой стороне дерева, подальше от льва. Огромный зверь поднялся и зарычал, а потом поднялись другие и направились к приближившимся людям. Ветер донес их запах.

С минуту, львы, казалось, не знали, что делать.

Затем самец под деревом зарычал и улизнул, а другие последовали за ним.

Остальную часть пути до земли Кикаха проделал по воздуху, а затем побежал в том же направлении, что и львы. Он не оглядывался, но надеялся, что у Ананы хватит присутствия духа последовать за ним. Если солдаты поймают ее или даже увидят, они обищут весь район, логично заключив, что поблизости могут оказаться и другие беглецы.

Он услышал, как топают по земле ее ноги, а потом она оказалась непосредственно позади него. Тут он оглянулся, но не на нее, а в поисках признаков кавалерии. Он увидел, как над небольшим бугром показалась голова солдата, и, схватив Анану, увлек ее в высокую траву.

Послышался крик—всадник увидел их.

Этого и следовало ожидать. А теперь что?

Кикаха встал и посмотрел. Первый всадник уже был виден полностью. Он привстал в стременах и показывал рукой в их направлении. За ним подъезжали и другие. Затем ведущий, взяв пику наперевес, поскакал к ним.

Кикаха оглянулся. Кругом прерия,—здесь и там высокая трава, несколько деревьев. Вдалеке виднелась серая многообразная масса, являвшаяся стадом мамонтов.

Львы скрывались где-то в траве.

—Следуй за мной! —скомандовал он.

Он бросился бежать быстрее, чем когда-либо бегал в жизни. Позади него орали солдаты и цокали копыта лошадей.

Большие кошки должны стать его джокером. Если он сумеет спугнуть их и не попасть в когти сам, то, может быть, они и сбегут от солдат.

Но львы его подвели. Они рассеялись, слегка скакая и не паникуя, они просто не желали в данный момент развернуться и драться. Они не представили им возможности бежать, пока встревоженные львы будут рвать лошадей и всадников.

Некоторые из всадников обошли его, а затем повернулись и очутились лицом к нему, образовав полумесяц из пик. Позади него другие пики создали полуокружность. Они с Ананой очутились между двух полумесяцев без всякого места для маневра, если только не броситься на острия пик.

—Вот что я получил за то, что был слишком умным, —сказал он Анане.

Она не засмеялась. Она и сама не испытывала желания смеяться.

Кикаха испытывал его еще меньше, когда их привели обратно к каравану, связанных и беспомощных. Начальник каравана Клискат уведомил их, что вознаграждение устроили.

Хотя он слышал о Кикахе и, конечно, восхищался им и уважал его как любимчика Господа, но, дела изменились, не так ли?

Кикаха был вынужден признать, что так. Он спросил у Клиската, жив ли еще император. Вопрос удивил Клиската. Конечно же, император жив. Именно он-то и предлагал вознаграждение. Именно он и провозгласил союз с розоволиковыми чародеями, летавшими в бескрайнем фургоне. И так далее.

Намерение Кикахи отговорить караванщиков держать его в пленах, разъяснив им истинное положение в Таланаке, не сработало. Имперская система сигнальных барабанов познакомила пограничные городки с условиями в столице.

Верно, что некоторые из этих новостей оказались ложными, но Клискат не поверил Кикахе относительно их. Кикаха не мог винить его.

Двоим пленникам дали полный завтрак, женщины вымыли их, умастили маслом тела и волосы, причесали, надели на них свежую одежду. Во время всего этого начальник каравана, офицеры и взявшие их в плен солдаты спорили. Начальник думал, что солдатам следует поделиться с ним наградой. Офицеры считали, что следует выделить долю и им, а затем притопали несколько представителей остальных караванщиков и потребовали, чтобы вознаграждение было раздelenо поровну на весь караван.

При этих словах начальник и солдаты начали орать на новопри-

бывших. Наконец, начальник успокоил их. Он сказал, что есть только один способ решить вопрос: передать дело на рассмотрение императору. По существу это означало передачу дела верховному суду Таланака.

Солдаты возразили. Дело будет тянуться годами, прежде чем его решат. К тому времени судебные издержки пожрут много наградных денег.

Припугнув всех этой угрозой, Клискат предложил компромисс, который, как он надеялся, окажется удовлетворительным: одна треть пойдет солдатам, одна треть гражданским лидерам каравана, начальнику и офицерам, а одна треть будет разделена поровну между оставшихся.

Снова возник спор, продолжавшийся весь обед и ужин. Караван все это время оставался на месте.

Затем, когда все согласились более или менее охотно на дележ награды, начался новый спор. Следует ли каравану двигаться дальше, взяв пленников с собой, в надежде, что магический воздушный корабль появится снова, как обещали розоволикие чародеи.

Тогда можно будет передать пленников чародеям. Или большому отряду солдат следует отвести пленных обратно в Таланак, в то время как караван двинется дальше по своим делам?

Некоторые возражавшие говорили, что чародеи могут и не вернуться, а даже если и вернутся, у них не найдется в лодке места для беглецов.

Другие говорили, что избранные проводить пленников домой могут потребовать всю награду себе. К тому времени, когда караван вернется к цивилизации, может обнаружиться, что конвоиры уже потратили денежки и подавать в суд будет бесполезно.

И так далее, и тому подобное.

Кикаха спросил у одной женщины, как розоволикие обращались с главой каравана.

—Розоволиких было четверо, и каждый занимал кресло в волшебном судне.—ответила она.—Но за них говорил жрец. Он сидел у ног того, что в переднем кресле справа. Розоволикие говорили на языке Господов—я узнаю его, по крайней мере, когда слышу, хотя и не разговариваю на нем, как жрецы—а жрец слушал, а потом говорил с главой на нашем языке.

Поздно ночью, когда луна одолела полпути через небесный мост, спор все еще продолжался. Кикаха с Ананой отправились спать в свои постели из мехов и одеял на верхнем этаже фургона. Они проснулись утром и обнаружили, что лагерь свернулся.

Было решено взять пленников с собой в надежде, что волшебная летающая лодка вернется, как обещали ее пассажиры.

Двоим пленникам разрешили идти днем позади фургона. Весь день их караулили шестеро солдат, и еще шесть стояли на страже у фургона ночью.

10

На третью ночь события стали развиваться именно так, как и надеялся Кикаха.

Шестеро караульных отнеслись к решению поделить награду на весь караван очень критически. Они провели добрую часть ночи, перешептываясь между собой, и Кикаха, бодрствовавший часть этого времени и пробовавший свои путы, подслушал многое из сказанного ими.

Он предупредил Анану не устраивать никаких криков или борьбы, если ее разбудят часовые. Их растолкали с предупреждением хранить молчание или умереть с перерезанными глотками. Их провели между двух бессознательных часовых к небольшой группе деревьев. Здесь их ждали лошади, оседланные, навьюченные и готовые принять на спины шестеро солдат и двух пленных, и также запасные вьючные лошади. Отряд медленно отъехал на несколько миль, а затем пустился легким галопом. Их бегство продолжалось всю ночь и половину следующего дня. Они не остановились на привал, пока не почувствовали уверенность, что их не преследуют. Поскольку они покинули Торговую Тропу и повернули далеко на север, то погони не ожидалось.

На следующий день отряд продолжал двигаться параллельно Торговой Тропе. На третий день они направились под углом обратно к ней. Такое долгое пребывание за пределами безопасного Торгового пути заставляло их испрочничать.

Кикаха с Ананой ехали в центре отряда. Руки им связали, но не так туго, чтобы они могли держать поводья. В полдень отряд остановился. Они только-только прикончили сваренного в котелках кролика с зеленью, когда раздался крик караульного с ближайшего холма. Он галопом прискакал к ним и крикнул, когда его смогли расслышать:

—Полукони!

Котелки опрокинули на костер, а влажный пепел закидали землей. Солдаты в панике упаковали большую часть своих столовых приборов. Пленников снова заставили сесть на лошадей, и отряд рванулся на юг, к торговой тропе, лежавшей во многих милях от них.

Вот тут-то солдаты и увидели двигающуюся по прерию волну бизонов. Это было громадное стадо—несколько миль в попечнике, а в длину, казавшееся бесконечным.

Правый фланг находился в трех милях от них, но земля дрожала от топота четверти миллиона копыт.

По какой-то причине, известной только бизонам, те понеслись бегом. Стадо мчалось на запад, и притом столь быстро, что их отряд мог и не суметь вовремя проскакать перед ними до Торговой Тропы. У них был шанс, но они не знают, насколько он хорош, пока не окажутся намного ближе к стаду.

Полукони увидели людей и пустились полным галопом. Их было около тридцати: вождь в длиннохвостой шляпе с полным оперением, множество закаленных воинов в повязках с перьями и трое-четверо юнцов.

Кикаха застонал: ему показалось, что они из племени шойшателей. Однако они находились еще настолько далеко, что их раскраска была совсем неразличимой. Но ему чудилось, что осанка у вождя такая же, как у полукона, выкрикивающего ему угрозы, когда он укрылся в форту.

Затем он рассмеялся, потому что не имело значения какое это племя. Все племена полуконей ненавидели Кикаху, и все обошлись бы с ним по возможности наиболее жестоко, если бы поймали его.

Он крикнул предводителю солдат Таквоку:

—Срежь веревки с наших запястий! Они нам мешают! Не беспокойся, мы не сможем скрыться от вас!

С минуту было похоже, что Таквок действительно мог срезать веревки. Опасность, связанная со скачкой в такой близости от Кикахи, опасность, что лошади будут сшибать друг друга с ног, или Кикаха вышибет его из седла, вероятно, заставили его изменить решение. Он покачал головой.

Кикаха выругался, а затем пригнулся к шее жеребца и попытался ускорить его бег. Жеребец не откликался, потому что он и так уже бежал с предельной скоростью.

Конь Кикахи хоть и летел стрелой, но на полкорпуса отставал от жеребца, на котором скакала Анана.

Наверное, они обладали примерно равной беговой способностью, но более легкий вес Ананы создавал эту разницу. Другие не слишком отстали от них и разворачивались в грубый полумесяц с изогнутыми от него рогами, по трое с каждой стороны. Полукони как раз переваливали через пригорок. Они на мгновение замедлили бег, вероятно, изумившись при виде громадного стада, а затем, размахивая оружием, устремились вниз с холма.

Стадо с грохотом неслось на запад.

Солдаты и пленники находились от бизонов справа — под углом в сорок пять градусов. Прежде чем перевалить через холм, полуконы немного отклонились на запад, а их большая скорость давала им возможность сократить расстояние между собой и намеченными жертвами.

Кикаха, наблюдая за клином, образованным флангом огромной

колонны животных и ее фронтом—почти квадратным—увидел, что отряд мог проскочить перед стадом. Дальше же скорость и удача означала безопасность по другую сторону стада или перспективу быть смытыми мчавшимися бизонами. Отряд не мог проскакать прямо перед надвигающимся стадом. Придется скакать одновременно вперед и под углом от животных.

Могли ли лошади сохранить свою нынешнюю скорость, не споткнется ли какой-нибудь конь или все кони, станет известно в самом скором времени.

Он поощряюще крикнул Анане, когда та ненадолго оглянулась, но грохот копыт, сотрясавший землю и звучавший, словно вулкан, готовый взорваться, порвал его голос в клочки.

Рев, запах животных и пыль напугали Кикаху. В то же время он испытывал возбуждение. События совершенно неожиданно оказались такими крупномасштабными, а скачка была такой прекрасной с призом в виде смерти или внезапной безопасности, что он почувствовал себя так, словно был сродни богам, если не богом. Именно в этот миг, когда смерть стала такой близкой и такой вероятной—он почувствовал себя бессмертным.

Миг быстро прошел, но пока он продолжался, Кикаха знал, что переживает мистическое состояние.

Затем он, казалось, направился к столкновению с углом стада, образованным флангом и фронтом.

Теперь он мог разглядеть лохматые коричневые бока гигантских бизонов, горбы, вздымающиеся, словно скачущие с волны на волну бурные дельфины, темно-коричневые лбы, массивные, опущенные, истекающие слюной черные морды, ноги, работавшие столь быстро, что почти сталкивались: пену, срывающуюся из открытых зубастых ртов на густую лохматую шерсть на груди и верхней части ног.

Сперва он не мог расслышать ничего, кроме этого грохота, словно от разверзшейся земли, настолько мощного, что он на секунду ожидал, что прерия расколется под копытами, и вырвавшись огонь и дым.

Он почувствовал запах миллиона бизонов, зверей, вымерших на земле десять тысяч лет назад, чудовищ с рогами в десять футов в размерах, потевших от ужаса и разрывавших сердце трудом их бегства.

Присутствовал также острый запах его коня.

—Хайя!—заорал Кикаха.

Он обернулся к полуконям, желая, чтобы руки у него не были связаны, и он имел оружие, чтобы погрозить им. Он не услышал собственногозывающего крика, но надеялся, что полукони увидят его открытый рот и ухмылку и поймут, что он насмехается над ними.

К тому времени полукони оказались в ста пятидесяти ярдах от своей добычи.

Они прилагали лихорадочные усилия догнать врагов, их огромные широкоскульные лица искажались от мучительной боли.

Они не могли приблизиться достаточно быстро и знали это. К тому времени, когда их дичь пронесется под углом перед правым плечом стада, они будут примерно в пятидесяти ярдах позади, а к тому времени, когда они достигнут фронта стада, их дичь ускакет слишком далеко вперед, а после этого их будут постепенно настигать бизоны, и прежде чем они смогут добраться до другой стороны стада, они падут под нависшими лбами, изогнутыми рогами и режущими копытами.

Несмотря на это, полуконы продолжали нестись галопом вперед. Один необстрелянный юнец в налобной повязке, не ведавший скальпа или пера, сумел опередить других. Он оставил других позади с такой быстротой, что у Кикахи расширились глаза. Он никогда раньше не видывал такого скоростного полукона, а он повидал многих. Необстрелянный все скакал и скакал, с лицом, искаженным от столь интенсивных усилий, что Кикакха не удивился бы, увидев, как порвались бы мускулы его лица.

Рука полукона ушла назад, а затем вперед, и пика полетела над ним, снижаясь по дуге, и Кикакха вдруг понял, что то, что он считал невозможным, вот-вот произойдет.

Пика предстояло угодить в круп или в ноги его жеребца. И она снижалась по кривой, перелетая через скакавших позади него солдат.

Кикакха дернулся поводья, направляя жеребца влево, но тот рванул голову вбок и только чуть замедлил бег. Затем Кикакха почувствовал легкий толчок и понял, что пика воткнулась в тело. Затем его конь перекувырнулся, его передние ноги подкосились. А задние все еще мчались и посыпали круп в воздух. Шея жеребца вылетела из-под Кикакхи и он воспарил в воздухе.

Кикакха не знал, как он это сделал.

Что-то в нем взяло управление на себя, как было и раньше, и он не упал и не заскользил по земле. Он приземлился бегущим во весь дух, имея слева черно-коричневую стену стада. Позади него, так близко, что он слышал даже сквозь рев стада, раздавался гром лошадиных копыт. Затем этот звук оказался повсюду вокруг него, и он не смог больше оставаться на ногах из-за своей инерции и заскользил, рухнув лицом в траву.

Тень пролетела над ним. Это была тень коня и всадника, когда конь перепрыгнул через него. Затем все семеро миновали его. Он увидел, как Анана оглянулась через плечо, как раз перед тем, как надвигающееся стадо отрезало ее — и также всех солдат — от его взора.

Они ничего не могли для него сделать.

Задержка даже на секунду означала для них смерть под копытами бизонов или копьями полуконей. Он поступил бы точно также, если бы сам был на коне, а она упала бы со своего.

Полукони наверняка должны были победоносно кричать. Жеребец Кикахи убит, из его крупа торчало копье, а шея была сломана. Их величайший враг, Обманщик, столь часто ускользавший от них, когда они думали, что он в их руках, теперь не мог скрыться, если, конечно, не броситься под копыта бизонов, несшихся с грохотом меньше чем в трех метрах от него.

Эта мысль, может, и осенила их, потому что они развернулись к нему, а бросивший копье попытался отрезать его. Другие отбросили прочь свои копья, дубинки, томагавки и ножи и атаковали голыми руками. Они хотели взять его живым.

Кикаха не стал колебаться. Он как можно скорее вскочил на ноги и бежал теперь к стаду. Бока животных набухали перед ним, они достигали шести футов роста в холке и бежали так, словно само время гнало за ними и угрожало заставить их вымереть, подобно их соратьям на Земле.

Кикаха бежал к ним, видя краешком глаза несшегося к нему галопом юнца. Он издал дикий крик и прыгнул вперед, вытянув перед собой руки.

Его стопа ударила о массивное плечо, и он вцепился в лохмы меха. Оттолкнувшись вверх, он скользнул, упал вперед и оказался лежащим животом на спине бизона. Он смотрел вниз, на крутую долину, образованную правым и левым боками двух бизонов.

Он быстро поднимался и опускался, чувствуя подступавшую дурноту, а также медленно скользил назад.

Отпустив стиснутый им клочок волос, он вцепился в другой, справа от него и сумел так извернуться, что его ноги оседали спину бизона. Перед ним очутился горб, и он повис, ухватившись за его волосы.

Если Кикаха лишь немного верил в случившееся, то юнец-полуконь, думавший, что Кикаха уже у него в руках, и вовсе не верил своим глазам.

Он неся рядом с бизоном, на котором сидел Кикаха, и его глаза были широко раскрыты, а рот искашен гримассой. Он вытянул перед собой руки, словно все еще думал, что сребет ими Кикаху. Хотя Кикаха ненадежно держался за лохмы горба, он не хотел их отпускать, но знал, что полуконь через мгновение оправится от потрясения, и тогда он выхватит нож или томагавк из-за пояса и метнет в Кикаху, а если и промахнется, то у него есть запасное оружие.

Кикаха поднял ноги так, что оказался сидящим на корточках на хребте огромного бизона—ступни вместе,—вцепившись одной рукой в мех. Он медленно повернулся, несмотря на трясущее движение

вверх-вниз. Затем он бросился на спину следующего бизона, бежавшего плечом к плечу с только что покинутым им животным.

Что-то темное пролетело, вращаясь, над его правым плечом. Оно попало в горб ближайшего бизона и, отскочив, упало между бизонами. Это был томагавк.

Кикаха снова подтянулся, на этот раз быстрее, подобрал под себя ноги и прыгнул. Одна его нога соскользнула, когда он покинул спину, но он был так близко к другому бизону, что ухватился за мех обеими руками. Он повисел так некоторое время, покуда пальцы его ног чуть касались земли всякий раз, когда бизон опускался в своем галопирующем беге. Затем он позволил себе немного соскользнуть вниз, оттолкнувшись от земли и перебросил себя вверх. Кикаха закинул одну ногу через спину бизона и, подтянувшись, уселся на нем верхом.

Юнец-полуконь все еще держался вровень с ним, а другие немногого поотстали.

Наверное, они подумали, что он упал между бизонами, и был растоптан в пыль.

Если так, то они, должно быть, испытывали потрясение, увидев его восставшим из мертвым. Обманщика, хитрого, скользкого, увертливого врага, насмехавшегося над ними из пасти смерти.

Юнец, должно быть, увидев Кикаху, малость сошел с ума. Неожиданно его громадное тело, четыре летящие копыта, воспарило, и он какое-то время стоял на спине бизона у края стада. Он прыгнул на следующего, ему на горб, словно скачущий по движущимся горам орхар.

Теперь настала очередь Кикахи испытывать изумление и тревогу. Полуконь держал в руке нож и усмехался Кикахе, словно говоря: «Наконец-то тебе предстоит умереть, Кикаха! И меня будут воспевать по вигвамам и типи народов прерий и гор, живущие повсюду люди и полукони».

Именно такие мысли, должно быть, проносились в этой огромной голове. Он стал бы самым знаменитым обитателем прерий и окрестностей, если бы преуспел. Его бы называли Убийцей Обманщика, Который Проскакал По Бешенным Бизонам, Чтобы Перерезать Горло Кикахе.

Но на третьем горбе его копыто соскользнуло, и он бухнулся через горб и упал между двух бизонов, взметнув задние ноги и задрав к небу хвост.

И тут ему настал конец, хотя Кикаха не видел, что делали копыта бизонов.

И все же попытка была великолепной и почти успешной, и Кикаха отдал ему честь, хотя он и был полуконем, а затем снова начал думать о выживании.

Некоторые кентавры подтянулись вровень с ним и начали пускать в него стрелы.

Прежде чем выпустили первую стрелу, он соскользнул по боку бизона, на котором скакал, вцепившись обеими руками в мех и зацепившись согнутой ногой за спину. Позиция его была ненадежной, так как тяжелый галоп на каждом подскоке немного высвобождал его из захвата, а соседний бизон находился так близко, что он подвергался опасности быть раздавленным.

Стрелы пролетели над ним, что-то коснулось его торчавшей в воздухе ноги.

Один томагавк отскочил от макушки бизона. Неожиданно бизон начал кашлять, и Кикаха гадал, не проникла ли в его легкие стрела.

Бизон стал бежать медленнее, чуть споткнулся, оправился и снова продолжал бег.

Кикаха протянул руку к следующему бизону, захватил пригоршню шерсти, отпустил другую руку, вцепился в мех, разогнул правую ногу, и его тело качнулось вниз. Словно на джигитовке, он ударился оземь обеими ногами, его тело взметнулось вверх и, перебросив левую ногу через спину, он зацепился как раз за горбом.

За его спиной только что покинутый им бизон упал, пронзенный двумя торчавшими из него стрелами.

Затем бизоны позади него прыгнули, но третий споткнулся, и возникла куча-мала из по крайней мере десяти огромных тел, лягавшихся, боровшихся, истекающих кровью, а затем умиравших, когда все новые бизоны врезались в них, проносились над ними и по ним.

Впереди что-то происходило. Он не видел, что именно, так как висел на боку у бизона, и ему загораживали обзор хвосты, крупы и ноги. Но животные замедляли бег и поворачивали влево.

Бизон справа от него заревел, словно его смертельно ранили. Так оно и было.

Он споткнулся, к счастью, в другую сторону от Кикахи, иначе он раздавил бы его в лепешку, если бы упал на него. Бизон рухнул, из огромной дыры в горбу хлестала кровь.

Кикаха стал осознавать два обстоятельства. Первое—грехот бежавшего стада уменьшился настолько, что он мог расслышать отдельных животных поблизости, когда те мычали или ревели. Второе—вдобавок к другим запахам теперь добавился запах паленого мяса и шерсти.

Бизон с другой стороны упал, а затем бизон, несший Кикаху, остался один. Он мчался дальше, мимо туш только что убитых бизонов. Он перескочил через самку со срезанной наполовину головой. Когда бизон свалился, удар вырвал шерсть из цепких рук Кикахи. Тот

упал, перекатившись несколько раз и вскочил на ноги, готовый сам не ведая к чему.

Окружавший мир покачнулся, а затем выпрямился.

Кикаха стоял, хватая воздух открытым ртом, трясущийся, потный, окровавленный, испачканный бизоным навозом, пеной и грязью, но он был готов прыгнуть в ту или иную сторону, в зависимости от ситуации.

Повсюду валялись мертвые бизоны. Попадались то тут, то там мертвые полукони. Уцелевшие из стада теперь мчались налево. Поток из миллионов тонн, мяса и копыт с ревом уносился прочь мимо него.

Раздался треск, настолько неожиданный и громкий, что Кикаха подпрыгнул. Впечатление складывалось такое, словно тысяча больших кораблей одновременно напоролись на риф. Что-то, убившее всех бизонов подряд на протяжении мили перед стадом, убило их одного за другим за шесть-семь секунд, а бежавшие позади этого ряда споткнулись о них, и пошла свалка.

Внезапно бежавшее стадо остановилось.

Бизоны, оказавшиеся достаточно удачливыми, чтобы вовремя остановиться, с глупым видом стояли на месте, посапывая, погребенные в огромных курганах из туш, но все еще живые, ревели. Они были единственными, имевшими достаточно мотивов к оглашению каких-либо эмоций. Другие с трудом переводили дух.

Кикаха увидел причину смерти и остановки стада. Слева, в четверти мили от него; примерно в двадцати футах над землей парил аэролет. Он был иглообразным, бескрылым, белую нижнюю часть его украшали арабески, а его верхняя часть являлась прозрачным обтекателем.

Под колпаком виднелись пять силуэтов.

Он гнался за солдатом, пытавшимся спастись на коне. Гнался—не то слово.

Аэролет двигался достаточно быстро, но лениво, не делая никаких усилий, немедленно оказался за хвостом коня. Из установленного на носу аэролета цилиндра вырвался яркий белый луч. Его конец коснулся крупа коня, и тот упал. Всадник выбросился из седла, тяжело покатился, но быстро вскочил на ноги.

Кикаха огляделся по сторонам. Анана находилась в четверти мили отсюда и в другом направлении. Поблизости от нее стояло несколько солдат и еще двое лежали на земле, словно мертвые. Один—задавлен собственным конем. Все они явно были перебиты лучом с аэролета.

Перебиты также были и все полукони.

Колокольники перебили всех лошадей, чтобы не дать отряду скрыться. Они могли даже не знать, что разыскиваемые ими мужчи-

на и женщина находились в этой группе. Они могли заметить погоню и, свернув, посмотреть, а потом решили спасти преследуемых, потому что у них могли быть какие-то сведения. С другой стороны, Анана и Кикаха были более светлокожие, чем солдаты в их отряде. Однако цвет кожи тишкетмоаков несколько варьировался, имелось небольшое количество не столь сильно пигментированных, поэтому Колокольники, должно быть, решили проверить их. Или...

Существовало много возможностей. Но ни одна сейчас не имела значения. Важно было, что он и Анана оказались, видимо, беспомощными. Они не могли скрыться. И оружие Колокольников казалось неодолимым.

Кикаха не думал попросту сдаваться, хотя он так устал, что почти испытывал подобное желание. Он раздумывал, и пока он думал, он услышал стук копыт и звук вырывавшегося с хрипом дыхания. Он бросился вперед и в сторону, надеясь уклониться от возможного нападения.

Копье пролетело мимо него, а затем скользнуло по земле. Позади него раздался рев. Кикаха круто обернулся и увидел несущегося к нему полукона, который был тяжело ранен, его задняя часть обгорела, хвост наполовину обуглился, а задние ноги могли едва двигаться, но он твердо решил что, прежде чем умрет, достанет Кикаху. В левой руке он держал тяжелый длинный нож.

Кикаха подбежал к копью, схватил его и метнул. Полуконь в отчаянии заорал и попытался уклониться. Скованный своими покалеченными ногами, он двигался недостаточно быстро. Он получил копье в свою человеческую грудь—Кикаха целил в выступавший орган мехов ниже груди и попал. Полуконь упал, потом поднялся с трудом на передние ноги, в то время как здание отказывались двигаться. Правой рукой он вырвал из груди копье, повернул его и, игнорируя хлынувшую фонтаном кровь из раны, снова бросил его. Это оказалось сюрпризом для Кикахи, бежавшего вогнать копье поглубже и таким образом прикончить полукона.

Но рука умирающего ослабла; и копье, покинув его руку, пролетело несколько футов и вонзилось в землю у ног Кикахи. Полуконь издал крик глубокого отчаяния. Наверное, он надеялся на прославление в песне здесь и высокое положение в советах умерших. Но теперь он знал, что если какой-нибудь полуконь и убьет когда-нибудь Кикаху, то им будет не он.

Он упал на бок, выронив при падении нож. Его передние ноги несколько раз дернулись, огромное свирепое лицо обмякло, а черные глаза уставились на врага.

Кикаха быстро огляделся вокруг, увидел, что аэролет летит в фуле над землей примерно в четверти мили от него. Он явно загонял оставшихся в живых солдат, бросившихся бежать на своих двоих. Ана-

на лежала на земле. Он не знал, что с ней случилось. Наверное, она прикидывалась убитой, что, собственно, он и собирался сделать сам.

Он вымазал себя кровью кентавра, лег перед ним и поместил нож так, чтобы он казался частично скрыт его бедром, а потом поместил острие копья между своей грудью и рукой. Древко торчало вертикально вверх, выглядя издали так, словно копье попало ему в грудь.

Это был трюк, порожденный отчаянием и малой вероятностью на успех, был все же единственным, оставшимся теперь у него, и существовал шанс, что Колокольники, будучи нелюдьми, могут попасться на определенные человеческие хитрости. В любом случае он использует его, и если это не сработает, ну, он ведь и в самом деле не ожидал, что будет жить вечно...

Кикаха сказал себе, что это вранье, потому что он, как, в общем и, большинство людей, ожидал, что будет жить вечно. И он сумел пока что выжить только потому, что дрался более энергично и хитро, чем большинство его противников.

Довольно долгое время, как ему показалось, ничего не происходило. Ветер овевал прохладой кровь и пот, пот высох, а кровь запеклась. Солнце опустилось в последнюю четверть зеленого неба. Кикаха желал, чтобы наступили сумерки, что увеличило бы его шансы, но если бы желание было конем, он ускакал бы отсюда.

Над его глазами промелькнула тень. Он напрягся, думая, что она может быть от аэролета. Но резкий крик подсказал ему, что это прилетела обедать ворона.

Вскоре пожиратели падали слетаясь со всех сторон: вороны, канюки, гигантские грифы, кондоры, ястребы, орлы, среди которых будут и огромные зеленые орлицы, пташки Подарги.

Койоты, прерийные лисицы, обыкновенные волки и страшные волки будут держать нос по ветру и сбегутся на обильный пир.

Более крупные хищники, не слишком голодные, чтобы есть мясо, добывшее не ими, подберутся на мягких лапах в высокой траве, а потом зарычат, отпугивая зверей поменьше. С ревом и рычанием, цапаньем между собой, посетят пиршество полосатые прерийные львы и расшвыряют ударами когтистых лап меньших зверей и птиц.

Кикаха подумал об этом и снова вспотел. Он шуганул ворону, шипя и ругаясь уголком рта. Вдали завыл волк. Проплыл над головой кондор и медленно накренился, собираясь спланировать, вероятно, на какую-то тушу павшего бизона.

Затем прошла еще одна тень. Сквозь полузакрытые веки он увидел, как аэролет бесшумно проскользнул над ним. Он опустил нос к земле и начал снижаться, но Кикаха не мог следить за ним дальше, не поворачивая головы. Аэролет летел примерно в сорока футах над землей, и Кикаха надеялся, что на этом расстоянии еще можно повернуть, будто копье вошло ему в грудь или подмышку.

Кто-то крикнул на языке Господов. Голос раздался с наветренной стороны и поэтому он не смог разобрать многих слов.

После некоторого молчания до него донеслось несколько голосов, на этот раз с подветренной стороны. Если Колокольники все еще находились в аэролете, значит, он переместился куда-то между ним и Ананой. Кикаха надеялся, что какой-нибудь Колокольник выйдет и пойдет осмотреть его. Он надеялся, что аэролет не подлетит сперва к точке непосредственно над ним, где летевшие могли высунуться и разглядеть его. Он знал, что у Колокольников, вероятно, будут ручные лучеметы, и что они будут держать их наготове. Вдобавок, оставшиеся в аэролете Колокольники воспользуются большими проекторами для прикрытия вышедших наружу.

Он не услышал шагов приближавшегося Колокольника. Этот парень, несомненно, навел на Кикаху свой лучемет, готовый выстrelить: если ему подумается, что Кикаха притворился мертвым или потерявшим сознание, и у Кикахи не будет никаких шансов.

Но удача еще не покинула Кикаху. На этот раз она явилась в виде бизона. Тот поднялся позади Колокольника и, заревев, попытался атаковать его. Колокольник резко обернулся. Кикаха перекатился, используя мертвого полуконя в качестве щита, и выглянул из-за него. Бизон был тяжело ранен, он снова упал на бок, прежде чем успел сделать три шага. Колокольник даже не воспользовался лучеметом. Но его спина оказалась на минуту повернута к Кикахе, а внимание находившихся в аэролете, казалось, занимал другой вышедший Колокольник. Он шел к куче бизонов рядом с Ананой.

На корме один из сидевших в аэролете повернулся. Он развернул лучемет на турели. Вышедший Колокольник разуверяющее помахал ему рукой и показал на тушу. Колокольник в аэролете вернулся к наблюдению за другим Колокольником. Кикаха поднялся и бросился на своего Колокольника с ножом в руке. Тот медленно обернулся и был полностью захвачен врасплох.

Он вскинул лучемет, а Кикаха швырнул нож, хотя тот был незнакомым и, вероятно, непригодным для такой работы.

Кикаха потратил буквально тысячи часов, практикуясь в метании ножей. Он бросал ножи многих разновидностей на разные расстояния, под разными углами, даже стоя на голове. Он заставлял себя заниматься с жесткой дисциплиной. Он метал ножи до тех пор пока не начинал думать, что дышит ножами, а вид ножа заставлял его терять аппетит.

Бесконечные часы тренировок, пот, разочарование, дисциплина окупились. Нож вошел в горло Колокольника и тот упал спиной на землю. Лучемет упал рядом с ним.

Кикаха бросился к оружию, подхватил его, увидел, что хотя оно было и незнакомой модели, но действовало так же, как и другие. Для

активации оружия вдавливался маленький предохранитель на плоскости рукоятки. Потом можно было нажимать на курок. Он слегка выступал из пластины на внутренней стороне рукоятки.

Колокольник на корме аэролета разворачивал в сторону Кикахи большой проектор. Его луч полоснул белым и пропахал в земле дымящуюся полосу. Он попал в тушу бизона и ее охватило пламя. Проектор еще работал не на полную мощь.

Кикахе не пришлось стрелять в Колокольника. Луч ударил по Колокольнику сбоку, и тот рухнул за борт.

Затем луч поднялся и упал, и аэролет оказался разрезанным пополам. Другие в рубке уже были сражены.

Кикаха осторожно поднялся и крикнул:

—Анана! Это я, Кикаха! Не стреляй!

Вскоре из-за холма рогатых и лохматых туш появилось белое лицо Ананы. Она улыбнулась ему в ответ и крикнула:

—Все в порядке! Я прикончила их всех!

Он мог разглядеть выброшенную вперед руку, подходившего к ней Колокольника. Он направился к ней, но не без опасения.

Теперь, когда у нее появились лучемет и аэролет—во всяком случае, часть аэролета—будет ли он нужен ей?

Не успев сделать и четырех шагов, он понял, что она все еще нуждается в нем.

Он ускорил шаг и улыбнулся. Она не знала этого мира так, как он, а сражавшиеся против нее силы были крайне мощными.

Она не собиралась отвергать такого ценного союзника.

—Как, во имя Шамбаримена, ты сумел пережить все это?—спросила Анана.—Я могла бы поклясться, что тебя растоптало стадо, и что до тебя добрались полуконы.

—Полуконы испытывали еще большую уверенность,—ответил он.

Он усмехнулся и рассказал ей, что произошло. Она с минуту помолчала, а потом сказала:

—Ты уверен, что ты Господь?

—Нет, я человек, и всего лишь американец.

—Ты весь дрожишь,—заметила она.

—Я от природы легко возбудим,—ответил он.

Он все еще усмехался.

—Ты и сама выглядишь, словно сродни осиновому листу.

Она взглянула на дрожавший в его руке лучемет и улыбнулась.

—Мы оба многое пережили.

—Христа ради, тут незачем оправдываться,—сказал он.—Ладно, давай-ка посмотрим, что у нас здесь имеется.

Солдаты стали маленькими фигурками вдали.

Они бросились бежать, когда Анана принялась орудовать лучеме-

том, и явно не собирались возвращаться. Кикаха от души порадовалася. У него не имелось никаких планов для них, и он не хотел, чтобы к нему взывали о помощи.

—Я прикинулась мертвой,—сказала Анана,—бросила в него копье и убила его. Колокольники в аэролете были настолько захвачены врасплох, что замерли. Я подобрала лучемет и убила их.

Это был милый, чистый, простой рассказ. Кикаха ему не поверили. Ей не помогло отвлечение, как ему, и он не мог представить, как она могла вскочить на ноги и метнуть копье прежде, чем пустят в ход лучемет. Того Колокольника пронзили копьем в раны, которую мог нанести лучемет. Кикаха был уверен, что при ближайшем рассмотрении на трупе нашлась бы маленькая прожженная дырочка. Вероятно, на доспехе тоже, потому что Колокольник носил юрту, рубаху и конический шлем.

Однако не годилось шарить по телу и дать ей знак о своих подозрениях. Он последовал за ней к аэролету, две половинки которого все еще висели в полуметре над землей. В обеих частях распростерлись мертвые Колокольники, а в передней половине лежал обугленной массой жрец-тишкемоак, переводчик Колокольников.

Кикаха вытащил тела и изучил аэролет.

Тут имелось четыре ряда из двух сидений в каждом с тянущимся между ними узким проходом.

Первый ряд находится там, где сидел пилот, второй пилот, или штурман. На панели имелось множество приборов и индикаторов разного вида. Они были помечены иероглифами, которые, как сказала Анана, происходили из классической письменности Господов и употреблялись редко.

—Этот аэролет—из моего дворца,—определила она.—Их у меня было четыре. Я полагаю, Колокольники разобрали все четыре и пронесли их через врата.

Анана сообщила ему, что две части не падали потому, что, когда аэролет остановился, плита-киль была заряжена гравитонами в состоянии статиса. Оборудование для управления находилось в передней части, которая все еще могла летать, как целый аэролет.

Кормовая часть будет некоторое время продолжать парить над землей. Затем, когда гравитационное поле распадется, она медленно опустится.

Кикаха решил, что будет позором потерять кормовой проектор или позволить ему попасть в руки кого-нибудь другого.

—У нас только два ручных лучемета. Другие погибли, когда ты прошлась лучом по аэролету. Давай возьмем его с собой.

—И куда мы направимся?—спросила она.

—К Подарге, гарпии-царице зеленых орлиц,—ответил он.—Она в данный момент единственный полезный союзник, который прихо-

дит мне на ум. Если мне удастся удержать ее от попытки убить нас достаточно долгое время, чтобы поговорить с ней, она, может быть, согласится нам помочь.

Он перелез в кормовую часть и достал из багажника кое-какие инструменты. Он начал было отсоединять большой проектор от турели, но внезапно остановился и сказал Анане:

— Я не могу дождаться минуты, когда увижу выражение твоего лица и лица Подарги! Вы будете смотреть сами на себя!

Она не ответила. Используя лучемет и нож, она нарезала мясо с тела детеныша-бизона. Они оба так проголодались, что у них возникло ощущение, словно их животы стали прожорливыми животными, питавшимися их собственными телами. Их требовалось быстро насытить или скормить им свои тела.

Хотя они настолько устали, что с трудом шевелили руками и ногами, Кикаха настоял на том, чтобы они после еды улетели. Он хотел добраться до ближайшего горного хребта. Там они могли бы спрятаться в пещере или под карнизом с аэролетом и выспаться. Оставаться в прерии было слишком опасно. Если поблизости крутился другой аэролет Колокольников, они могут заметить их и обследовать или попытаться связаться с ними.

Анана согласилась, что он прав, и уснула. Кикаха узнал у нее, как управлять аэролетом, поэтому он повел его к горам со всей быстротой, на какую был способен. Ветер не бил его в лицо, поскольку его защищал обтекатель, но он заползал в открытую кормовую часть, выл и барабанил по нему, по крайней мере, он не давал ему заснуть.

12

Они добрались до гор как раз тогда, когда солнце ушло за монолит, и он летал кругами пятнадцать минут, прежде чем нашел то, что ему требовалось. Это была неглубокая пещера. Она располагалась в шестистах метрах выше по крутой поверхности скалы. Кикаха загнал задним ходом аэролет в пещеру, отключил управление, лег на пол прохода и отрубился.

Даже при таком истощении сил и в безопасности пещеры он спал неглубоким сном, плавал как раз на поверхности подсознания. Он видел много снов и по меньшей мере дюжину раз просыпался. Тем не менее, он спал лучше, чем ему думалось, потому что солнце прочекнуло четверть неба, прежде чем он полностью проснулся.

Он позавтракал жареным мясом бизона и несколькими круглыми печеньями, найденными им в отделении под одним из сидений. Поскольку другой пищи в аэролете не нашлось, он сделал вывод, что аэролеты вылетали из лагеря, находившегося не слишком далеко от

места резни бизонов. Или же аэролет долго находился в полете, и пайки иссякли, или могло быть другое объяснение.

Если что и было наверняка в обоих мнениях, так это неуверенность.

К тому времени, когда проснулась Анана, она обнаружила, что ее спутник поел, проделал энергичные упражнения для снятия онемения мышц и плеснул водой на лицо и руки. Предыдущим вечером он вымылся в источнике, поэтому был достаточно презентабельным. Насчет бритв он не беспокоился, поскольку как раз перед тем, как покинуть деревню Хровака, он принял снадобье, задерживающее рост бороды на несколько месяцев. Это был подарок Вольфа.

Его можно было в любое времянейтрализовать другим снадобьем, если бы он пожелал отпустить бороду, но это снадобье стало недоступным. Оно осталось в хижине в деревне Хровака.

Анана обладала способностью, просыпаясь выглядеть так, словно готова была тут же отправиться на званый ужин. Она, однако, жаловалась на дурной привкус во рту. Она также выразила неприязнь к отсутствию единственности при естественных оправлениях.

Кикаха пожал плечами и заметил, что десятитысячелетней женщине следовало бы быть выше этих человеческих условностей. Она не огрызнулась в гневе, а лишь спросила:

—Летим теперь? Или можем сегодня отдохнуть?

Его удивило, что она, казалось, передавала власть ему. Это было не то, чего он ожидал бы от Господа. Но она явно обладала определенной эластичностью и гибкостью, реалистической позицией. Она признавала, что это его мир и что он знал его намного лучше, чем она. Также стало очевидным, что он обладал огромной способностью к выживанию. Ее же истинные чувства к нему очевидными не были.

Она, вероятно, собиралась поладить с ним ради своего же блага и отвязаться от него, если он станет помехой. Такую позицию он в некоторых отношениях одобрял. По крайней мере, они достаточно гладко действовали вместе, но не слишком гладко, поскольку она ясно дала ему понять, что никогда не позволит ему с ней заниматься любовью.

—Я целиком за отдых,—сказал он.—Но я думаю, что нам лучше будет отдохнуть среди Хровака. Мы можем спрятать это судно в пещере недалеко от деревни, а пока мы там живем, мы можем поговорить с моим народом. Я планирую использовать своих соплеменников против Колокольников, если они захотят. А они захотят, они любят подраться.

Вскоре после этого Анана заметила мигающий на приборном щитке огонек.

—Другой аэролет пытается вызвать этот,—сказала она,—или,

возможно, штаб-квартира во дворце Джадавина. Они, должно быть, встревожены, что от него нет сообщений.

—Я бы прибег к обману, поговорив с ними, но я недостаточно бегло говорю на языке Господов, чтобы одурачить их,—размышлял вслух Кикаха.—Могла бы попробовать и ты, но женский голос они тоже не примут. Путь себе мигает. Но меня беспокоит одно обстоятельство: у Колокольников есть какое-нибудь средство выследить этот аэролет?

—Только если мы будем несколько минут передавать сообщения,—уверенно сказала она,—или аэролет окажется в поле зрения. Это моя машина, и я оборудовала их некоторыми защитными устройствами, но не многочисленными.

—Да, но они могут черпать устройства из четырех дворцов,—вразил он.—Вольфа, твоего, Нимстоула и Джудубры. Они могут привезти из них устройства и снарядить свои аэролеты.

Анана указала, что если они это сделали, то не снарядили ими этого аэролета. Она зевнула и приготовилась вздремнуть. Кикаха заорал, что она проспала уже двенадцать часов, и ей следует пошевелить своей прекрасной задницей. Если они хотят выжить, им лучше включиться в работу, поторапливаться и так далее, со множеством более грубых выражений и переходов на личность.

Она признала, что он прав. Это удивило его, но не сняло настороженности. Она села в кресло пилота, надела ремни безопасности и сообщила, что готова.

Машина заскользила параллельно поверхности горы, а затем направилась к краю уровня, держась в нескольких футах над неровной поверхностью местности. Ей потребовалось два часа, чтобы выбраться с хребта, и к тому времени они оказались на кромке монолита, на котором покоялся индейский уровень.

Каменный утес почти вертикально уходил на высоту более тридцати километров.

У его подножья находился Океанос, который не был океаном, а был морем, имевшим форму кольца, опоясывающего монолит и нигде не достигавшего больше трех миль в ширину.

По другую сторону Океаноса находилась полностью видимая с этой высоты полоса суши, тянувшаяся вокруг этой планеты.

Полоса на самом деле достигала пятидесяти миль в поперечнике, но отсюда, с края монолита, она выглядела тонкой, как нить. На ее сравнительно гладкой, заросшей лесом поверхности жили человеческие существа, полулюдейские создания и сказочные звери. Многие из них были продуктами биолаборатории Джадавина, обязанными ему своим долголетием и своей немеркнувшей юностью. Там обитали водяные и русалки, козлоногие и козлорогие сатиры, фавны, маленькие кентавры и другие создания, сделанные Джадавином по-

хожими на существа из древнегреческой мифологии. Полоса являлась своего рода Раем—Садом Эдема с добавлением множества ино-планетных и иновселенных черт.

По другую сторону полосы сада находился край дна этого мира. Кикаха несколько раз бывал там, как он выражался, «на каникулах», а однажды был загнан туда ужасными гверлами, хотевшими убить его из-за Рога Шамборимена. Он заглянул через край и почувствовал волнение и страх.

Зеленая бездна внизу, под планетой, ничего кроме зеленого неба и ощущения, что он будет падать вечно, если потеряет опору.

Кикаха рассказал об этом Анане и заметил:

—Мы могли бы спрятаться там надолго. Это великолепное место—никаких войн, никаких кровопролитий, помимо расквашенного иногда носа. Оно предназначено для чувственных удовольствий, и никакого интеллектуализма, и оно становится утомительным через несколько недель, если не хочешь стать алкоголиком или наркоманом. Но Колокольники в конечном итоге доберутся и туда, а к тому времени они могут стать намного сильнее.

—Можешь быть в этом уверен,—подтвердила Анана.—Они начали изготавливать новых Колокольников. Я полагаю, что в одном из дворцов есть пригодное для этого оборудование. В моем-то нет, но...

—У Вольфа есть,—ответил он.—Даже и так Колокольнику потребуется десять лет, чтобы стать достаточно зрелым и образованным для занятия своего места в обществе Колокольников, верно? Между тем, их численность ограничивается первоначально пятидесятью. Я хочу сказать,—сорока шестью.

—Сорока шестью или пятидесятью, но они не остановятся, пока не захватят в плен или не убьют нас, троих Господов и тебя. Я сомневаюсь, что они до тех пор вторгнутся в какие-то новые вселенные. Они загнали всех нас в угол в этом мире и будут продолжать охоту, пока не доберутся до нас.

—Если мы не доберемся до них,—добавил Кикаха.

Она улыбнулась:

—Вот что мне в тебе нравится. Желала бы я, чтобы ты был Господом. Тогда...

Он не попросил ее уточнить и велел ей направить машину так, чтобы слететь вниз с монолита. Когда они снизились, то увидели, что казавшаяся гладкой, поверхность во многих местах была разломанной. Там имелись карнизы и выступы, обеспечивающие дороги для многих знакомых и незнакомых созданий. Имелись и трещины, которые иногда расширялись и становились сравнительно большими долинами. В долинах текли ручьи, из отверстий в крутых скалах вырывались водопады, была даже река шириной в полмили, с ревом выплескивающаяся из большой пещеры в конце трещины долины, а за-

тем падавшая с края в плескавшееся в двадцати двух километрах ниже море.

Кикаха объяснил, что площадь поверхности всех уровней этой планеты, то есть горизонтальных районов на вершинах монолитов, равнялась площади поверхности всех вод Земли. Это означало, что суши здесь—больше земной. Вдобавок существовалигодные для обитания районы и на вертикальных поверхностях монолитов. Одни они, вероятно, равнялись площади земной Африки. Более того, имелись огромные подземные территории, большие пещеры в громадной сети, тянувшейся повсюду под поверхностью суши. В них жили разные народы и звери, приспособившиеся к подземной жизни.

—Когда примешь во внимание все это, плюс тот факт, что тут нет никаких пустынь или районов, покрытых снегом и льдом, то поймешь, что пригодная для обитания суши этой планеты примерно в четыре раза больше земной.

Анана заметила, что она была на Земле лишь недолго и не помнит ее точных размеров. Однако планета в ее собственной вселенной была, если она правильно помнит, размером примерно с Землю.

—Положись на мое слово,—заверил ее Кикаха,—это чертовски большое местечко. За двадцать три года, что я пробыл здесь, я много путешествовал, но повидал только малую часть. Мне предстоит еще многое увидеть, если я, конечно, доживу до этого.

Машинам быстро снижалась и теперь парила примерно в трех метрах над катившимися валами Океаноса. Прибой с белым ревом разбивался о рифы или прямо у подножия монолита. Кикаха хотел удостовериться, что вода будет достаточно глубока.

Он велел Анане пролететь еще две мили. Здесь он выбросил в море четыре шкатулки и их колоколообразное содержимое.

Вода была чистая, и угол падения солнечного луча был как раз тем, что надо. Он долго мог видеть шкатулки, прежде чем их поглотила тьма. Они падали сквозь стаю рыб, светившихся оттенками всех цветов, и мимо гигантского спрута в пурпурно-белую полосу, протянувшего щупальце и коснувшегося одной шкатулки, пока она погружалась.

Выбрасывать здесь колокола по-настоящему-то и не требовалось, поскольку они были пустыми, но Анана не почувствовала бы себя спокойно, пока они не погрузятся за пределы досягаемости любых разумных существ.

—Шесть долой. Осталось сорок четыре,—заключил Кикаха.—А теперь—в деревню Хровака,—Медвежьего Народа,—моего народа.

Аэролет примерно семью милями следовал вдоль изгиба подножия монолита. Затем Кикаха взял управление на себя. Он направил аэролет вверх и через десять минут поднялся намного выше двадцати миль крутизны к краю Индейского уровня.

Еще час осторожного петляния по долинам и перевалам горных хребтов и полчаса рекогносцировки привели их к небольшому холму, на вершине которого находилась деревня Хровака.

Кикаха почувствовал себя так, словно ему всадили в череп боевое копье. Высокие заостренные бревна, образовывавшие стены деревни, исчезли. То тут, то там торчали из пепла почерневшие пни.

Большой зал совета с Л-образной крышей, вигвам для холостых воинов, медвежьи загоны, лошадиные стойла, амбар, коптильни и семейные бревенчатые избы — все исчезло, все было сожжено в серые холмики.

Предыдущей ночью прошел дождь, но с нескольких куч курился дым.

На склоне холма лежало с дюжины широко разбросанных обугленных трупов женщин и детей и обгоревшие трупы нескольких медведей и собак. Они бросились бежать, когда по деревне ударили излучеметов.

Он не сомневался, что это сделали Колокольники. Но как они связали его с Хроваком?

Его раненые мысли двигались медленно.

Наконец он вспомнил, что тишкетмоаки знали, что он происходил из Хровака. Однако они не знали даже приблизительного местонахождения деревни. Мужчины-хровака всегда путешествовали по меньшей мере на двести миль от деревни, прежде чем останавливались у Большой Торговой Тропы.

Здесь-то они и дожидались каравана. Хотя сыны медвежьего народа любили поговорить, они бы не открыли местонахождения своей деревни.

Конечно, у Хровака имелись старые враги и, наверное, они-то и уведомили Колокольников.

Существовали также фильмы о деревне и Кикахе, снятые Вольфом и хранившиеся во дворце. Колокольники могли прокрутить их и найти Хровака, поскольку местоположение показывалось в фильме на карте.

Почему они сожгли деревню и всех в ней? Чем этот акт мог послужить Колокольникам.

Тяжелым, останавливающимся голосом он задал тот же вопрос Анане. Она ответила сочувствующим тоном, и если бы он не был ошеломлен случившимся, то ее реакция приятно бы удивила его.

— Колокольники сделали это не из мести, — сказала она. — Они холодны и чужды нашему образу мышления. Ты должен помнить, что, хотя они и продукты человеческих существ, и были выращены и воспитаны человеческими существами, они являются, в сущности, механической жизнью.

Кикаха был не настолько ошеломлен случившимся, чтобы не за-

метить, что на сей раз она отождествляет Господов с человеческими существами.

—Разумеется,—продолжила она,—они обладают сознанием, что делает их не всего лишь машинами. Но они рождены из металла и в металле. Они столь же жестоки, как и любой человек, но их жестокость холодная и механическая. Жестокость применяется только тогда, когда они могут благодаря ей достичь чего-то желанного. Они могут знать страсть, т.е. половое желание, когда находятся в мозгу мужчины или женщины, точно так же, как они становятся голодными, когда проголодается телоноситель. Но они не совершают нелогичной мести, как совершил бы человек. Т.е. они не уничтожили бы племя потому, что тебе случилось полюбить его. Нет, у них должна была быть веская причина—во всяком случае, для них—сделать это.

—Наверное, они хотели гарантировать, что я не укроюсь здесь,—сказал он.—Они поступили бы умнее, подождав с нападением, пока я это сделаю. Они могли спрятаться где-нибудь в горах, откуда можно все наблюдать.

Если Колокольники следили за ними, то они и впрямь хорошо спрятались. Фактически, поскольку детектор тепла и массы на аэролете не указывал ничего, кроме нескольких мелких зверей и птиц. Колокольникам требовалось скрываться за чем-то крупным, в каком случае они тоже не могли бы видеть свою дичь.

Было более вероятно, что машина Колокольников после уничтожения деревни обыскала весь этот район. И не сумев найти Кикаху, они улетели куда-то дальше.

—Я сяду за управление,—мягко предложила Анана.—Объясни мне, как добраться до Подарги.

Он все еще был слишком скован, чтобы прореагировать на ее необычную заботливость. Позже он задумался над этим.

Теперь же он велел ей снова лететь к краю уровня и снизиться примерно на двенадцать метров. Затем она должна направить аэролет на запад, пока он не скажет ей, чтобы она остановилась.

Путешествие протекало бесшумно, если не считать воя ветра в открытом заднем конце машины. Он не разговаривал, пока машина не остановилась под огромным навесом сверкающей черной скалы.

—Я мог бы похоронить тела,—произнес он,—но это заняло бы слишком много времени. Колокольники могут вернуться для проверки.

—Ты все еще думаешь о них,—проговорила она.

В ее голосе были следы недоверия.

—Я хочу сказать, что тебя беспокоит, что ты не можешь их спасти от пожирателей падали? Не нужно. Они мертвые. Ты ничего не можешь сделать для них.

—Ты не понимаешь,—ответил он.—Когда я называл их своим народом, я говорил это серьезно. Я любил их, и они любили меня. Они были чуждым народом, когда я впервые встретился с ними, чуждым для меня. Я был юным среднезападным американцем середины двадцатого века, фактически, из другой вселенной, а они были потомками индейцев, приведенных в эту вселенную примерно двадцать тысяч лет назад. Даже обычаи индейцев Америки чужды и почти непостижимы для белого человека. Я усвоил их обычай и стал мыслить несколько похоже на них. Мне было легко и непринужденно с ними, а им—со мной. И был Кикака,—Обманщик, человек многих способностей; Кикака,—бич врагов медвежьего народа. Эта деревня была моим домом, а они—моими друзьями, самыми лучшими из всех, какие у меня когда-либо были, и у меня были также две прекрасные и любящие жены. Никаких детей, хотя Авивша думала, что она, возможно, беременна. Верно, что я образовал другие личности на двух других уровнях, особенно личность барона-разбойника Хорста фон Хорстмана. Но это все таяло и слишком давно исчезло из Дракландии. Хровака были моим народом, черт возьми! Я любил их, и они любили меня!

Тут он громко зарыдал. Рыдания сотрясали его тело, стремительно подступая к горлу. Даже после того, как он перестал рыдать, где-то в глубине его все еще оставалась боль. Он не хотел двигаться из-за страха, что боль еще больше усилится. Анана наконец прочистила горло и беспокойно зашевелилась.

—Все в порядке,—наконец произнес он.—Сажай его вон на тот карниз. Вход в пещеру Подарги примерно в десяти милях к западу. К нему опасно приближаться в любое время, но ночью особенно. Единственный раз, когда я там побывал, это два-три года назад, когда мы с Вольфом уговорили Подаргу выпустить нас из клетки.

Он усмехнулся и добавил:

—Цена заключалась в том, что я должен был заняться с ней любовью. У других пленников тоже требовали это, но многие из них не могли, потому что испытывали слишком сильный страх или слишком сильное отвращение или то, и другое. Когда это случалось, она разрывала их своими большими острыми когтями, словно бумажных. Потому, Анана,—продолжал он,—я в некотором смысле занимался с тобой любовью, по крайней мере, с существом с женским лицом—твоим лицом.

—Должно быть, ты чувствуешь себя лучше,—заметила она,—если можешь говорить в таком духе.

—Я должен немного пошутить, поговорить о вещах, крайне далеких от смерти,—бросил он.—Неужели ты не можешь этого понять?

Она кивнула, но ничего не сказала. Он тоже долгое время

хранил молчание. Они поели холодного мяса и сухарей. Разводить костер было бы немудро: свет мог привлечь Колокольников, или зеленых орлиц, или других созданий, ползающих вокруг, по скалам.

13

Ночь прошла без происшествий, хотя время от времени их будил рев, вопли, уханье, рычание, трубные звуки и посисты—все издали.

После завтрака они медленно двинулись на аэролете вдоль скальной поверхности.

Кикаха увидел над морем орлицу. Он направил аэролет к ней, надеясь, что она не попытается скрыться или напасть. Любопытство победило у нее другие эмоции.

Она покружила над машиной, которая оставалась неподвижной. Вдруг она пронеслась мимо, закричав:

—Кикаха!

Она спикировала вниз. Он ожидал, что она полетит на полной скорости к пещере Подарги. Вместо этого, поведя себя неожиданно, как и можно было ожидать от самки—так он заявил Анане—она снова взлетела к ним. Кикаха указал, что он собирается приземлиться на карнизе, где и хочет с ней поговорить.

Наверное, она подумала, что это даст ей шанс напасть на него. Она опустилась неподалеку от машины с легким вихрем сложенных крыльев и стояла, возвышаясь над ними, с желтым кривым клювом и пылающими черными и красными глазами у него над головой. Обтекатель был открыт,—Кикаха держал лучемет при виде которого она шагнула назад.

—Подарга!—пронзительно вскрикнула она, но больше ничего не говорила о лице Ананы.

Одна орлица на взгляд Кикахи ничем не отличалась от другой. Эта, однако помнила, как он сидел в клетке с Вольфом, и как потом орлицы штурмовали дворец на макушке самого высокого монолита, пике планеты.

—Я—Фивеста,—представилась она.

У нее был голос огромного попугая, как у всех зеленых орлиц.

—Что ты здесь делаешь, Обманщик? Разве ты не знаешь, что Подарга приговорила тебя к смерти или, если возможно, к пыткам перед смертью?

—Если это так, то почему ты не попытаешься убить меня?

—Потому что Подарга узнала от Девиванды, что ты освободил ее из клетки, и она знает, что в Таланаке случилось нечто серьезное, но она пока не смогла выяснить, что именно. Она временно считает приговор отложенным, хотя Джадавину-Вольфу—нет, пока не докопается до истины. Дан приказ перепроводить тебя к ней, если ты появишься, прося об аудиенции. Хотя я буду честна, Кикаха, и предуп-

реждаю тебя, что ты, возможно, никогда не покинешь пещеру, коль скроно вступишь в нее.

— Я не прошу об аудиенции,— поправил он.— И если я войду в пещеру, то на этом судне и полностью вооруженный. Ты передашь это Подарге? И передай заодно, что если она хочет отомстить тишикетмоакам за убийства и пленение многих ее орлиц, то я смогу помочь ей. Передай ей также, что по земле бродит великое зло. Оно сокнет свои холодные пальцы на ней, ее орлицах и их птенцах. Я расскажу ей об этом, когда... или скажу—если увижу с ней.

Фивеста побежала повторить то, что он ей сказал, и улетела, хлопая крыльями. Прошло несколько часов. Кикаха все больше нервничал. Он сказал Анане, что Подарга настолько безумна, что вполне способна действовать вопреки собственным интересам.

Он не удивился бы, увидев пикирующую с маскирующе-зеленого неба орду гигантских орлиц.

Но появилась всего одна орлица. Фивеста сообщила, что он может прибыть на летающей машине и привезти с собой человеческую самку. Он может прихватить все оружие, какое только желает—много ему будет толку от него, если он попытается лгать или обмануть Подаргу. Кикаха перевел все это Анане, поскольку они говорили на выродившемся потомке микенского греческого языка, наречии,—употреблявшемся Одиссеем, Агамемноном и Еленой Троянской.

Анана поразилась, а затем преисполнилась презрения.

— Человеческую самку! Неужели эта вонючая птица не узнает Господа, увидев его перед собой?

— Очевидно, нет,— отозвался он.— В конце концов, ты выглядишь точь в точь, как человек. Фактически ты можешь скрещиваться с людьми, так что я бы сказал, что ты—человек, даже если ты и иного происхождения. Или не иного? У Вольфа есть на этот счет кое-какие интересные теории.

Она пробурчала что-то бранное или уничтожительное на языке Господов. Кикаха направил аэролет вверх и последовал за орлицей ко входу в пещеру, где Подарга 500 лет держала дом и двор. Место она выбрала хорошее. Скала над входом шла несколько тысяч футов вверх и была почти такой же гладкой, как зеркало. Перед пещерой проходил широкий карниз, и приблизиться к ней по карнизу можно было только с одной стороны. Но эту тропу всегда охраняли сорок орлиц. Ниже карниза скала шла с наклоном внутрь. И армия очень решительных людей могла бы сбросить сверху веревки и позволить себе спуститься к пещере, но она была бы открыта для нападения.

Вход представлял собой круглое отверстие диаметром около десяти футов. Оно вело в длинный коридор из отполированного, тершими его пять веков пернатыми телами, камня.

Аэролет пришлось вести по туннелю с большим скрежетом и

скрипом. После пятидесяти ярдов такого передвижения он влетел в огромную пещеру. Она освещалась факелами и напоминавшими перья огромными растениями, пылавшими белым светом. Тысячи их свисали с потолка и торчали из стен, вогнав свои корни в скалу.

Долетавший откуда-то воздух мягко оевал щеки Кикахи.

Огромная пещера оставалась во многом такой же, какой он ее помнил, за исключением того, что порядка в ней стало больше. Подарга явно проделала какую-то уборку. Мусор с пола удалили, а сотни больших сундуков и шкатулок, содержащих драгоценные камни, произведения искусства, золото, серебро и другие сокровища, расставили вдоль стен или куда-то унесли.

Две колонны орлиц образовали проход для аэролета, пересекавший пятьдесят ярдов гладкого гранитного пола и кончавшийся у каменного возвышения высотой в десять футов, с лестницей, сделанной из блоков кварца. Старое высеченное из камня кресло исчезло. На его месте стояло помещенное посередине возвышения огромное кресло из усеянного алмазами золота, сработанного в виде Феникса с распростертыми крыльями. Кресло это раньше принадлежало радаманту Атлантиды, правителю второго по высоте уровня этой планеты.

Подарга захватила это кресло при налете на столицу примерно четыреста лет назад.

Теперь не существовало никакого радаманта, не осталось в живых почти никаких атлантов, а великий город лежал в руинах. А планы Вольфа вновь колонизировать эту страну прервало появление Черных Колокольников и его исчезновение.

Подарга сидела на краешке трона. Ее тело было телом гарпии, сотворенным Вольфом—тогда Джадавином—три тысячи двести лет назад, ноги—длинные и птичьи, толще, чем страусиные, чтобы они могли поддерживать вес ее тела. Нижняя часть тела тоже была птичьей, с зелеными перьями и длинным хвостом, а верхняя часть—телом женщины с великолепными белыми грудями, длинной белой щестью и лукаво-прекрасным лицом с длинными черными волосами и безумными глазами. Рук у нее не было—у нее имелись крылья, очень длинные и широкие, с ало-зелеными перьями.

Подарга окликнула Кикаху низким хрипловатым голосом:

—Останови свою воздушную машину тут! Больше ей приближаться нельзя!

Кикаха попросил разрешение вылезти из машины и подойти к подножью лестницы.

Она сказала, что это разрешено. Он велел Анане следовать за ним, а затем пошел к лестнице. Глаза Подарги широко раскрылись при виде Ананы.

—Двуногая самка!—восхитилась она.—Ты—создание Джадавина? Он придал тебе лицо, сработанное по образцу моего!

Анана знала, что ситуация была прямо противоположной, и ее гордость была глубоко уязвлена. Но при всей своей надменности она была далеко не глупа и ответила:

— Я считаю именно так. Я не знаю твоего происхождения. Я просто была, вот и все. Лет пятьдесят, я думаю.

— Бедное дитя! Значит, ты была игрушкой этого чудовища Джадавина! Как ты спаслась от него? Он устал от тебя и выпустил в этот злой мир жить или умереть, как определят события?

— Я не знаю, — сказала Анана. — Может быть, Кикаха думает что Джадавин проявил милосердие, удалив часть моей памяти, так что я не помню ни его, ни своей жизни во дворце, если я и впрямь там жила.

Кикаха одобрил ее рассказ. Она умела лгать ничуть не хуже его. Затем он подумал: «Ой! Она немного не подумала! Пятьдесят лет назад Джадавина не было не только во дворце, но и в этой вселенной. Он жил в Америке как подвергшийся амнезии человек, усыновленный человеком по имени Вольф. Господом во дворце тогда был Артур».

Он успокоил себя, что это без разницы. Если Анана утверждает, что она ничего не помнит ни о своем происхождении, ни о дворце, то ей не полагается знать, кто был Господом.

Подарга об этом явно не думала. Она обратилась к Кикахе:

— Девивания рассказывала мне о том, что ты освободил ее из клетки в Таланаке.

— А она рассказывала тебе также, что попыталась убить нас в уплату за данную ей свободу?

Подарга чуть приподняла крылья и прожгла его взглядом:

— Она выполняла приказ! Благодарность не имела к этому никакого отношения! Ты был правой рукой Джадавина, который теперь называет себя Вольфом!

Она сложила крылья и, казалось, расслабилась, но Кикаху это не обмануло.

— Кстати, где Джадавин? Что происходит в Таланаке? Кто такие эти дракландцы? — спросила она.

Кикаха рассказал ей. Он упустил двух Господов, Нимстоула и Джудубру, и представил дело так, будто Анана давным-давно прошла через врата на индейский уровень и была в Таланаке рабыней. Подарга испытывала безумную враждебность к Господам.

Если бы она обнаружила, что Анана принадлежит к их числу, и особенно если бы заподозрила, что Анана может быть сестрой Вольфа, она приказала бы ее убить.

Это поставило бы Кикаху в затруднительное положение, которое ему пришлось бы разрешить в одну-две секунды. Если бы он выбрал жизнь, то это все равно привело бы к смерти. То, что они вдвоем пе-

ребили бы, прежде чем их одолеют, множество орлиц, никакого не утешало.

«Или, наверное,—подумал он,—мы, может быть, и сумели бы спастись. Если бы я достаточно быстро застрелил Подаргу и таким образом вызывал бы среди орлиц сумятицу, а потом достаточно быстро забрался бы в аэролет и привел бы в действие большие проекты, то мы, возможно, сумели бы прорваться».

В этот момент Кикаха понял, что он выбрал позицию Ананы.

—Значит, Джадавин мог умереть,—произнесла Подарга.—Но мне бы этого не хотелось, так как я давно планировала захватить его в плен. Я хочу, чтобы он жил долго-долго, пока страдает пока расплачивается.

Подарга стояла на своих птичьих ногах, вытянув когти и визжала в лицо Кикахи. Тот прошептал уголком рта Анане:

—Ой! По-моему, она чокнулась. Приготовься стрелять!

Подарга прекратила орать и принялась расхаживать взад-вперед, словно взбешенная птица в клетке. Наконец она остановилась и сказала:

—Обманщик, с какой стати мне помогать тебе в войне против врагов Джадавина, оставляя в стороне, что они, возможно, лишили меня мести?

—Потому что тебе они тоже враги,—ответил он.

—Верно, что покамест они пользуются только человеческими телами. Но, по-твоему, Колокольники не подумывали об орлицах в качестве носителей? Люди—существа, прикованные к земле. Что может сравниться с пребыванием в теле земной орлицы, летающей высоко над планетой, в обители солнца, парящей, словно божество, над всеми зверями земными, домами и городами людскими, являющимися недосягаемыми и тем не менее всевидящими, охватывающими одним взглядом тысячи миль? Ты думаешь, что Черные Колокольники не поймут этого? А когда поймут—не наловят твоих орлиц, а возможно, и тебя? Не поместят над вашими головами колокола, не лишат ваши мозги мыслей и памяти, не размотают их насмерть, а потом не овладеют вашими мозгами и телами для своих надобностей? Колокольники используют тела из плоти и крови точно так же, как мы, люди, носим одежду. Когда одежда изнашивается, ее выбрасывают. Точно так же выбросят и вас, выкинут в кучу мусора, хотя для вас это, конечно, не будет иметь значения, поскольку вы умрете задолго до того, как умрут ваши тела.

Он на мгновение перестал говорить.

Орлицы, зеленые башни высотой в три метра, беспокойно переминались и издавали горловые звуки бешенства. Выражение лица Подарги оставалось непроницаемым, но Кикаха был уверен, что она крепко задумалась.

—Сейчас существуют только сорок шесть Колокольников,—сказал он.—Да, они обладают большой мощью, но их мало. Сейчас самое удобное время гарантировать, что они не станут намного большей угрозой, потому что они будут изготавливать новых детей-колокольников в лабораториях дворцов Господов. Можешь быть в этом уверена. Придет время, когда Черные Колокольники будут исчисляться тысячами, может быть, миллионами, потому что они захотят гарантировать выживание своего вида. Придет время, когда Колокольники станут настолько многочисленными и могущественными, что им будет невозможно сопротивляться. Тогда они смогут сделать все, что пожелают. Если они захотят насладиться телами зеленых орлиц, то сделают это без всяких «с вашего позволения».

После долгого молчания Подарга проговорила:

—Ты хорошо говоришь, Обманщик. Я немного знаю о том, что происходит в Таланаке, потому что некоторых из моих птичек захватили тишкетмоаки и заставили их говорить. Они мало что открыли. Они, например, никогда не слышали о Черных Колокольниках, но они говорят, что по утверждению жрецов, их правитель одержим демоном. Присутствие этой летающей машины и других, замеченных моими орлицами, подтверждает твой рассказ. Очень жаль, что ты не привез трофеинные колокола, чтобы мы могли посмотреть на них, вместо того чтобы выбрасывать их, как ты сделал, в море.

—Я не всегда такой умный, как себя считаю,—отозвался Кикаха.

—Нужно принять во внимание еще один момент,—продолжала Подарга.—Даже если твой рассказ только полуправда или чистая ложь. Но я давно планировала отомстить тишкетмоакам за то, что они убили несколько моих птиц, а других посадили в клетки, словно они обыкновенные звери. Они начали это делать, когда трон унаследовал нынешний правитель, Коцхамл. Это произошло всего три года назад, и с тех пор он пренебрегал древним взаимопониманием между своим народом и мной. В своем безумном решении добавить образчики в этот свой зверинец и поставить набитые чучела в том музее,—он повел против нас настоящую войну. Я послала передать ему, чтобы он немедленно прекратил, а он заточил моих посланниц. Он сумашедший,—он обречен!

Подарга продолжала говорить. Она явно устала от разговоров с орлицами и истосковалась по чужакам с интересными новостями. Теперь, когда Кикаха принес, вероятно, самую волнующую новость из всех когда-либо услышанных ею, помимо призыва штурмовать дворец Господа три года назад, она хотела говорить и говорить, не переставая. Так она и поступала с таким пренебрежением к чувствам своих гостей, какое мог продемонстрировать только абсолютный монарх. Она велела принести поесть и выпить и присоединилась к ним за большим столом. Они были рады подкрепиться, но через не-

ним за большим столом. Они были рады подкрепиться, но через некоторое время Анану стало клонить в сон, а Кикаха лишь еще больше оживился.

Он намекнул Анане, что было бы мудрым, если бы она легла спать. Она догадалась, что он имел в виду, но никак это не прокомментировала. Она поднялась и, пройдя к аэролету, вытянулась на полу на представленном Подаргой ковре.

14

Когда она проснулась, то увидела спавшего рядом с ней Кикаху. Его курносое длинногубое лицо походило на младенческое, но дыхание воняло вином, и от него пахло какими-то экзотическими духами.

Он вдруг перестал хрестить и открыл один глаз.

Его радужную оболочку пронизывали тонкие красные молнии вен. Он ухмыльнулся и проговорил:

—Доброе утро! Хотя, по-моему, сейчас ближе к полудню.

Затем он сел и похлопал ее по плечу.

Она дернулась от его прикосновения. Он улыбнулся еще шире.

—Неужели возможно, что высокомерная супербаба-Господь, Анана Ослепительная, может быть, чуточку ревнует? Немыслимо!

—Правильно, немыслимо,—подтвердила она.—Какое мне может быть дело? Как? Почему?

Он потянулся и зевнул.

—Это ты уж вычисляй сама. В конце концов, женщина, если ты даже и отрицаешь, что ты человек, хотя мы находились в тесном, почти интимном контакте,—если мне позволительно так выражаться, а мне позволительно, хотя я всего лишь повторяю сказанное тысячами других. Я не могу не привлекать тебя, даже если ты испытываешь при этом некоторое презрение к себе за то, что считаешь лаблаббия в каком-то смысле привлекательным.

—Тебя какие-нибудь женщины пытались когда-нибудь убить?—зарычала она.

—По меньшей мере, дюжина. Фактически, я подошел ближе к смерти от ран, нанесенных женщинами, чем всеми великими воинами, вместе взятыми.

Он нашупал два шрама под ребрами.

—Дважды они очень близко подошли к свершению того, что не могли сделать и самые решительные мои враги, и обе утверждали, что любят меня. Меняю такую любовь в любое время на открытую чистую ненависть.

—Я тебя, конечно, не люблю, но и не ненавижу,—высокомерно заявила она.—Я—Господь, а ты...

Ее прервала орлица, сообщившая, что Подарга хотела бы поговорить с ними, пока они завтракают. Орлица расстроилась, когда Ана-

на ответила, что она сперва хотела бы принять ванну, и нет ли среди всех сокровищ какой-нибудь косметики, духов и тому подобного. Кикаха слегка улыбнулся и сказал, что отправиться к Подарге и примет ответственность за ее не появление сразу же на себя. Орлица зашагала на негнувшихся ногах впереди Ананы в тот угол пещеры, где разукрашенный филигранью комод содержал все, что ей требовалось.

Подарга не проявила недовольства опозданием Ананы, поскольку думала о других вещах. Она поздоровалась с Кикахой так, словно испытывала к нему большое уважение, а затем сказала, что у нее есть кое-какие новости. На рассвете прилетела орлица с рассказом об огромном флоте воинов на реке, называемой Петчоттакл. Это был широкий и извилистый поток, тянувшийся вдоль опушки Леса Деревьев со Многими Тенями.

По реке двигалось свыше ста длинных лодок примерно по пятьдесят воинов в каждой. Так что флот насчитывал около пяти тысяч краснобородых, называвших себя Тиуда, т.е. Народ. Кикаха сказал, что он слышал о них от тишкетмоаков, жаловавшихся на них, на участившиеся набеги краснобородых на пограничные посты и городки. Но что собирался предпринять флот таких размеров?

Наверняка это должно означать набег на сам Таланак, и его осаду.

Она ответила, что Тиуда пришли с огромного моря на западе, за Сверкающими Горами. Кикаха сказал, что он еще не пересекал Сверкающие Горы, хотя давно собирался. Но он знал, что это море примерно в тысячу миль длиной и примерно в триста—шириной. Он всегда думал, что на его берегах жили индейцы, люди вроде тех, что обитали в прериях.

Подарга, довольная широтой своих знаний и сил, отозвалась что нет—ее орлицы докладывали, что давным-давно там жили оперенные шапки—индейцы, но потом Джадавин впустил с Земли племя высоких светловолосых людей с длинными бородами.

Они поселились на восточном берегу, построили городки-крепости и корабли. Со временем они покорили и поглотили темнокожее население. Сперва темнокожие были рабами, но в конце концов стали равными и слились с Тиуда, но с искажениями и многочисленными аборигенными заимствованиями.

Восточный берег моря был федерацией под совместным правлением королей: Браки—означавшим Борьба, и Саурги—Печаль. Но произошла долгая и тяжелая гражданская война, и Браки пришлось бежать с кучкой верных воинов и женщин.

Они перевалили через Сверкающие Горы и поселились вдоль верхнего течения реки. С годами их сила и численность увеличилась, и начались их налеты на тишкетмоакские посты, речные суда, а

иногда и караваны. Они часто сталкивались с полуконями, и не всегда побеждали их, как побеждали всех других врагов, но по большей части они преуспевали.

Тишкетмоаки выслали несколько карательных экспедиций, одна из которых уничтожила приречной городок, жителей же изрубили на куски, а теперь все выглядело так, словно краснобородые предприняли крупный шаг против народа Таланака. Они были дисциплинированными, высокими, свирепыми воинами, но явно не представляли себе ни размеров страны, против которой двинулись в поход, ни ее обороны.

—Возможно,—согласился Кикаха.—Но к тому времени, когда они доберутся до Таланака, они обнаружат, что оборона сильно ослаблена. К тому времени мы атакуем и, наверное, завоюем Нефритовый Город.

У Подарги мигом пропало хорошее настроение.

—Сперва мы нападем на краснобородых и рассеем их, как воробьев перед ястребом! Я не буду мостить им дорогу!

—А почему бы не сделать их своими союзниками?—предложил Кикаха.—Битва против Колокольников, тишкетмоаков и дракландцев будет нелегкой, особенно если учесть имеющиеся у них аэролеты и лучеметы. Нам понадобится вся помощь, какую мы только сможем заполучить. Я предлагаю привлечь их на нашу сторону. Добычи и убийств хватит на всех. Там всего этого более чем достаточно.

Подарга поднялась с места и одним взмахом крыла смахнула на пол столовую утварь. Ее великолепные груди вздымались и опускались от ярости.

Она прожгла его взглядом бешенных глаз, из которых начисто испарился разум. Кикаха не мог внутренне не съежиться, хотя встретил ее лицом к лицу достаточно храбро. Он сказал:

—Пусть краснокожие убивают наших врагов и умирают за нас. Ты утверждаешь, что любишь своих орлиц, ты называешь их своими птичками. Почему бы не спасти множество их жизней, усилив себя краснобородыми?

Подарга завизжала на него, а потом начала бесноваться и понесла уже сущий бред. Он понял, что допустил серьезную ошибку, не соглашаясь с ней по всем пунктам, но было слишком поздно исправлять причиненный вред. Более того, он почувствовал, как его собственный рассудок скользит по внезапно сорвавшейся ненависти к ней и ее надменным, нечеловеческим жестоким повадкам.

Но он сумел успокоить свой гнев, прежде чем тот смог увлечь его в прах, из которого не восстает ни один человек, и сказал:

—Я склоняюсь перед твоей высшей мудростью, не говоря уже о силе и могуществе, о, Подарга! Будь по-твоему, как и... должно быть!

Но после этого он пребывал в задумчивости и решил снова поговорить с Подаргой, когда она покажется более разумной.

Первое, что он сделал после завтрака, это вывел аэролет из пещеры и поднялся на тысячу семьсот метров — к вершине монолита. Затем он пролетел над вершиной горного пика — высоким хребтом неподалеку от края монолита. Здесь они с Ананой сидели в аэролете и громко говорили о том, что недавно произошло, а также соскальзывали в описание входа в пещеру Подарги. Он включил радио, чтобы их разговор передавался во всеуслышанье. Когда прошло несколько часов, Анана притворилась, будто только что заметила, что радио включено.

Она жестоко обругала Кикаку за такую неуклюжесть и глупость и выключила его.

Индикатор показывал точки двух аэролетов, приближавшихся с края монолита, поднимавшегося из центра Индейского уровня. оба прилетели из дворца Господа на вершине пикового монолита планеты.

Поскольку оба аэролета обнаружили, несомненно, их своими приборами, они обнаружат и район, где исчезла их дичь. Кикака повел аэролет на высшей скорости обратно к краю уровня и дальше вниз. Он парил перед входом в пещеру, пока из-за края не выскоцил первый из двух преследователей. Тогда он резко кинул машину в пещеру и через туннель, не обращая внимания на скрежет.

После этого они могли только ждать.

Большие проекторы и ручные лучеметы находились в когтях орлиц, планировавших взад-вперед на некотором расстоянии над пещерой. Когда они увидели два аэролета, то так и рухнули с зеленого неба.

Колокольники, несомненно, заметят над собой орлиц. Но не обратят на них внимания. Опознавши их, они сосредоточатся на стрельбе внутрь пещеры.

Тем, кто был в пещере, не пришлось долго ждать.

Одна орлица, держа в клюве лучемет, прилетела с докладом. Колокольники, по трое на каждом аэролете, были полностью захвачены врасплох. Их зажарили, а машины плавали там, где их остановили, совершенно невредимые, за исключением нескольких горевших сидений и расплавленного здесь и там металла.

Кикака предложил Подарге привести эти два судна в пещеру. У Колокольников должна иметься еще одна машина, и они могли отправить ее вниз, расследовать исчезновение этих.

Могло также быть больше, чем одна, поскольку такие суда, возможно, имелись и у других Господов.

—Двенадцать Колокольников долой. Осталось тридцать во-

семь,—сказал Кикаха.—У нас теперь есть кое-какая огневая мощь и транспорт.

Они с Ананой вылетели на половине аэролета. Он перебрался в один из аэролетов, пригнал его в пещеру, а затем снова вылетел пригнать второй. Когда все три аэролета встали бок о бок в огромной пещере, Подарга настояла на том, чтобы они обучили несколько избранных орлиц управлению судами. Кикаха попросил сначала вернуть их ручное оружие и проекторы, положенные им половине аэролета. Подарга колебалась так долго, что Кикаха подумал, что она собирается сейчас же повернуть их против них. Они были с Ананой совершенно беспомощны, так как одолжили свое оружие для гарантии успешности плана. У него еще имелся нож, который он твердо решил метнуть в солнечное сплетение Подарги, если та покажет какой-то признак приказания орлицам схватить их. Это не спасет его с Ананой, но он, по крайней мере, прихватит с собой на тот свет и Подаргу.

Гарпия, однако, наконец, отдала своим орлицам желанный приказ. Лучеметы вернули, проекторы поставили обратно в их аэролет. И все же он испытывал беспокойство. Подарга не собиралась прощать ему дружбу с Вольфом, какие бы услуги он ей не оказал. Как только кончится его полезность, кончится и его жизнь. Это может случиться через тридцать минут или через тридцать дней от настоящего времени.

Когда у него появился шанс поговорить с Ананой наедине, он сообщил ей, чего надо ожидать.

—Я так и думала, что это случится,—сказала она.—Даже если бы ты и не был другом Джадавина, ты подвергался бы опасности, потому что был ее любовником. Она должна знать, что, несмотря на ее прекрасное лицо и груди, она—чудовищный гибрид и, следовательно, отвратительна для человеческих мужчин, которых она заставлял заниматься с ней любовью. Она не может тебе этого простить, она должна ликвидировать мужчину, который втайне презирает ее. А я в опасности: во-первых, потому, что у меня тело женщины, а она должна ненавидеть всех женщин, так как она приговорена к своему полуптичьему телу, а во-вторых, у меня ее лицо, и она не собирается позволить женщине с моим телом и ее лицом долго прожить, наслаждаясь этим. В-третьих, она безумна! Она пугает меня!

—Ты, Господь, признаешь, что боишься?

Она покачала головой.

—Даже после десяти тысяч лет я боюсь некоторых вещей. Одна из них—пытки, а я уверена, что она будет страшно пытать меня—если получит шанс. Более того, я беспокоюсь о тебе.

—Обо мне?—поразился он,—Лаблаббии?

— Ты — необыкновенный человек, — сказала она. — Ты уверен, что ты, по крайней мере, не полу-Господь? Наверное, сын Вольфа?

— Уверен, что нет. — Он усмехнулся. — Ты не станешь испытывать эмоции человеческой женщины, не так ли? Наверное, ты просто немного неравнодушна ко мне! Может быть, я чуточку тебя привлекаю? Возможно, да сгинет такая мысль, что ты даже желаешь меня? То есть, если Господь способен на любовь.

— Ты такой же сумасшедший, как и гарпия! — воскликнула она.

Она прожгла его взглядом.

— То, что я восхищаюсь твоими способностями и смелостью, не означает, что я могу под каким-либо видом рассматривать тебя как сожителя, равного мне!

— Конечно же, нет, — согласился он. — Если бы не я, ты погибла бы дюжину раз или визжала бы сейчас в камере пыток. Вот что я тебе скажу. Когда ты будешь готова признаться, что ты не права, я спасу тебя от смущения. Просто назови меня любимым, вот и все. Не нужно никаких оправданий или слез раскаяния, просто назови меня любимым. Я не могу пообещать, что влюблюсь в тебя, но я подумаю о перспективе стать твоим любовником. Ты чертовски привлекательная, во всяком случае физически. И я не хотел бы обидеть Вольфа, отвергая его сестру, хотя, если поразмысльить об этом, он тоже отзывался о тебе не очень-то нежно.

Он ожидал взрыва ярости. Но вместо этого она рассмеялась. Но он был уверен, что смех не служил прикрытием.

После, у них не осталось времени на разговоры. По распоряжению Подарги они занимались обучением орлиц владению аэролетом и оружием. Она также расспрашивала обоих о расположении Таланака, о том, где она могла ожидать наибольшего сопротивления, о слабых местах города и так далее.

Были отправлены сотни гонцов собирать в компанию других орлиц. Однако вновь прибывшие рекрутты должны были собираться у слияния реки Петчетакл с маленькой речкой Квакоймол. Здесь орлицы должны были располагаться и ожидать флот краснобородых. Ей приходилось разрешать много проблем.

Кормление собравшейся армии потребует реорганизации системы снабжения. Одно время орлицы были армией со столь же основательной дисциплиной и иерархией, как в любой человеческой организации.

Но яростный штурм дворца несколько лет назад погубил столько офицеров, что она так никогда и не потрудилась вновь организовать ее. Теперь же она столкнулась с этой неотложной, почти неодолимо трудной проблемой.

Она назначила определенное число охотниц. Поскольку речные районы Великих Прерий изобиловали крупной дичью, они дадут не-

обходимое армии продовольствие. В результате, однако, две орлицы из десяти будут отсутствовать, занимаясь почти все время охотой.

На четвертое утро Кикаха снова осмелился спорить с Подаргой. Он сказал ей, что будет неумным зря тратить оружие на краснобородых, что она могла бы приберечь его для места, где оно станет абсолютно необходимым, т.е. в Таланаке, где у Колокольников имелось оружие, которое можно вывести из строя только таким же схожим оружием.

Более того, теперь в ее распоряжении имелось достаточно орлиц, чтобы начать нападение на тишкетмоаков. Их прокорм был достаточно головной болью и без ожидания новых, а также...

Дальше он не продвинулся. Гарпия закричала, чтобы он помалкивал, если он не хочет, чтобы ему вырвали глаза. Она устала от его самонадеянности и нахальства. Он слишком долго жил, и слишком много бахвалился своими хитростями обманщика.

Более того, она терпеть не может Анану, безусловно, самое отталкивающее создание. Пусть он теперь найдет с помощью хитрости выход из пещеры, если сможет, пусть женщина спрыгнет со скалы в море, пусть они оба попробуют.

Кикаха помалкивал, но она не утиломирилась.

Она продолжала визжать на него по меньшей мере полчаса. Внезапно она остановилась и улыбнулась ему. У него по телу пробежал холодок.

Есть время ждать развития событий и есть время предвидеть их. Он вскочил со стула, задрав свой конец стола, хоть он был и тяжелым, так что тот опрокинулся на Подаргу. Гарпия завизжала, когда ее зажало между столом и стулом. Ее голова торчала над краем стола, а крылья хлопали.

Он бы тут же спалил ей голову, но она лично не являлась непосредственной опасностью, а две служанки-орлицы, держащие в клювах лучеметы. Но им пришлоось бросить их, чтобы поймать Подаргу, и в промежутке Кикаха подстрелил одну из них. Его лучемет на половиной мощности заставил вспыхнуть ее зеленые перья.

Анана выхватила свой лучемет и ее луч скрестился с его на второй орлице. Он крикнул ей, чтобы она бежала к ближайшему аэролету.

Она дышала ему в затылок, когда он нырнул в него, и без единого слова с его стороны схватила большой проектор. Кикаха уселся перед пультом управления и активировал моторы. Аэролет поднялся на фут и устремился ко входу в туннель. Три орлицы пытались остановить его своими телами. Судно прошло... тум... тум... тум... каждый раз подбрасывая Кикаху.

Затем его бросило вперед, и он стукнулся грудью о пульт—у него не было времени пристегнуться—когда судно застряло в узком ка-

менном отверстии. Он увеличил мощность. Металл заскрежетал о гранит, когда судно протаранило туннель, словно шомпол, проницающий пушку.

На секунду яркий круг выхода из туннеля им частично перегородила огромная птица.

Послышался глухой удар, затем стук, и аэролет вырвался на яркое желтое солнце и яркое зеленое небо с бело-голубым прибоем—краем моря в пятнадцати километрах ниже.

Кикаха обуздал свое желание поскорее бежать. Он поднял аэролет вверх, затем немного назад, и снизился, паря над входом. Как он и ожидал, выскоцил аэролет.

Это был один из захваченных орлицами.

За ним последовал полуаэролет. Анана разрезала оба по продольной оси установленным на полную мощность проектором.

Обе стороны аэролета отломились и упали, а с ними и разрезанные орлицы, и половины их зеленых тел еще долго виднелись, прежде чем их поглотила далекая глубина.

Кикаха опустил аэролет и выстрелил из носового проектора на полной мощности в туннель. Раздавшиеся внутри вопли сказали ему, что он мог убить несколько орлиц и по меньшей мере на долгое время нагнал на них страху. Тут он подумал разрезать камни над входом и заблокировать его, но решил, что на это потребуется слишком много энергии. К тому времени в воздухе кишмя кишили патрули орлиц с поверхности монолита и вновь прибывшие. Он врезался аэролетом в самую середину их, отбросив многих в сторону, в то время, как Анана сжигала других. Вскоре они прорвались сквозь стаю и понеслись на полной скорости над горным хребтом, отораживающим край уровня от Великих Прерий.

15

Затем он резко снизился над прерией, летя на бреющем полете, потому что чем ближе он держался к поверхности, тем меньше оставалось шансов, что их засечет аэролет Колокольников. Кикаха летел над самой травой и вспучивающимися холмами, деревьями, огромными седыми мамонтами и мастадонтами, гигантскими верблюдами с испуганными мордами, девятивутовым рыжевато-коричневым фелис атроксом—жестоким львом, длинноногими собакомордыми гепардо-львами, саблезубыми сmilodonами и лохматыми, тупыми на вид мегатериями—над многими тысячами видов зверей и птиц и миллионами полиферации жизни. Кикаха проносился над ними и летел дальше, видя за три часа то, чего не мог увидеть и за пять лет путешествия по земле.

Он пролетел поблизости от нескольких стойбищ Народов Прерий, мимо типи и круглых вигвамов вингашупта, хайхова, такотита

и над кавалькадой полуконей, над свирепыми воинами, охранявшими со всех сторон племя, и самками, тащившими на волокушках племенное имущество, и над молодняком, резвившимися и скакавшими, словно жеребята.

Эти зрелища вызывали у Кикахи дрожь восторга.

Одному ему из всех землян выпало счастье жить в этом мире. И покамест сму везло, и если он должен будет умереть в этом мире, то он не сможет сказать, что прожил жизнь зря. Напротив, ему даровалось то, что даровалось очень немногим людям, и он был благодарен судьбе. Несмотря на это, он намеревался продолжать жить. Было еще много того, что хотелось бы повидать, исследовать, чему подивиться, а также много интересных бесед, прекрасных женщин и врагов, с которыми требовалось драться насмерть.

Не успела последняя мысль прийти ему в голову, как он увидел в прерии странный отряд. Он притормозил и поднялся футов на пятьдесят. Это были конные дракланцы с небольшим отрядом тишкетмоакской кавалерии и тремя Колокольниками. Он разглядел серебряные шкатулки, притороченные к седлам их коней.

Они натянули поводья, несомненно думая, что в аэролете находятся другие Колокольники. Кикаха не дал им много времени на пребывание в заблуждении.

Он резко снизился, а Анана разрезала всех троих пополам, а остальные в панике убежали. Кикаха подобрал шкатулки и, позже сбросил их в широкую реку Петчотакл.

Он не мог вычислить, как этот отряд забрался так далеко от Таланака, даже если они скакали день и ночь. Более того, они ехали с противоположного направления.

Тут его осенило, что они, должно быть, прошли через врата в этом районе.

Он помнил врата, спрятанные в пещере, в группе невысоких, но с крутыми склонами каменистых холмов примерно в пятидесяти милях от края. Он направил аэролет туда и нашел именно то, что и ожидал. Колокольники выставили здесь сильную охрану, чтобы гарантировать, что Кикаха ими не воспользуется. Кикаха захватил их врасплох, сжег всех и загнал аэролет в пещеру.

Один Колокольник находился в нескольких футах от больших единых врат в виде кольца, к которым он и бежал. Прежде чем он добрался до них, Кикаха прошел в нем дырку.

—Шестнадцать долой. Осталось тридцать четыре,—заметил он.—И, может быть, еще множество в следующие несколько минут.

—Не думаешь ли ты пройти через врата?—недоверчиво произнесла она.

—Они должны быть связаны с храмовыми вратами в Таланаке,—

сказал он, вместо ответа.—Но, может быть, нам следует приберечь их до другого времени, когда у нас будут кое-какие резервные силы.

Он не стал объяснять, а велел ей вместо этого помочь ему избавиться от тел.

—Нам предстоит на время исчезнуть. Если через врата сюда пройдут еще какие-нибудь Колокольники, то они вряд ли узнают, что случилось, и вообще, что-нибудь.

План Кикахи имел приличные шансы на успех: но если только он сумеет убедительно говорить в следующей его фазе. Они летели над рекой, пока не увидели флот из множества лодок, по две в ряд, проплывавшихся на веслах вниз по реке. Лодки напоминали ему корабли викингов с их вырезанными на носах драконьими головами, и матросы тоже издали выглядели похожими на викингов. Они были рослымяи, широкоплечими, носили рогатые или крылатые шлемы и волосатые штаны и держали в руках секиры, мечи, тяжелые копья и круглые щиты. Большинство щеголяли длинными, выкрашенными в красный цвет бородами, но попадалось немало и чисто выбритых.

Когда он снизился, их приветствовали тучей стрел. Он настойчиво приближался к передовой лодке, где стоял человек в длинной белой жреческой мантии с красным воротником. Эта лодка выпустила все свои стрелы, а аэролет оставался в самый раз за пределами досягаемости секиры. Промельнули мимо или даже попали в машину копья, но Кикаха сманеврировал так, чтобы избежать попадания любого из них в открытую рубку. Он окликнул жреца на речи Господов, и вскоре король Бракия согласился через жреца поговорить с Кикахой. Они встретились на берегу реки.

У краснобородых имелась веская причина для враждебности. Всего неделю назад один аэролет поджег несколько их городков и убил множество юношей. Все налетчики обладали некоторым поверхностным сходством с Кикахой. Тот объяснил, что происходит, хотя для полного понимания потребовалось два дня. Его тормозила необходимость говорить через алсхуму, как называли по-тиудски жреца. Кикаха приобрел уважение Бракии, когда Витрус, жрец, объяснил, что Кикаха является правой рукой Аллавалданса—Всемогущего.

Продвижение флота вниз по реке пришлось задержать еще на день, пока вождей и жреца на аэролете возили к пещере с вратами. Здесь Кикаха снова растолковал свой план. Бракия хотел видеть практическую демонстрацию прохождения врат, но Кикаха возразил, что это предупредит Колокольников в Таланаке, что врата открыты для нападения.

Прошло еще несколько дней, прежде, чем Кикаха вчерне обрисовал, а затем детально продумал, как могут пять тысяч воинов промаршировать через врата. Проход стольких воинов за раз через врата потребует строгой синхронности, потому что в результате неверного

расчета времени воины в арьергарде будут разрезаны пополам при активизации врат. Но он указал, что Колокольники и дракландцы прошли большим отрядом, а значит и тиуд смогут таким же образом пройти. В то же время он был очень раздражен, нетерпелив и обеспокоен, но не смел этого показать. Подарга, должно быть, уже подняла свою огромную крылатую армаду в атаку на Таланак. Если она собиралась сначала уничтожить краснобородых, то вот-вот обрушиться на их флот.

К этому времени Бракии и вождям не терпелось отправиться в поход. Колоритные и восторженные описания Кикахой таланакских сокровищ обратили их в пылких энтузиастов идеи штурма.

Кикаха построил снаружи пещеры модель больших врат и проводил с вождями тренировки воинов, потребовавшие три дня и добрую часть ночи. К тому времени, когда воины показались ему в нужной мере квалифицированными, все стали измотанными и вспыльчивыми.

Бракия решил, что им нужен день отдыха. Отдых означал прикатывание больших бочек с пивом и огненным спиртным напитком из лодок в лагерь и распитие их, покуда жарилась дичь. Было много пения, криков, смеха и похвалы, немало драк, кончавшимися тяжелыми ранами или смертью.

Кикаха заставлял Анану оставаться в палатке, по большей части потому, что Бракия не прилагал больших усилий, чтобы не скрывать свое вожделение к ней.

Хотя он никогда не говорил ничего, кроме комплиментов, граничивших с непристойностями—совершенно неприемлемых в обществе тиудов, как заметил жрец—он мог предпринять какие-то действия если алкоголь растормозит его, а это означало, что Кикахе придется драться с ним, поскольку все считали само собой разумеющимся, что она его женщина. Фактически, для поддержания этого обмана, им приходилось разделять одну палатку. Той ночью Кикаха состоялся бы с Бракией в поединке, кто кого перепьет, поскольку потерял бы лицо, если бы отказался принять вызов короля. Бракия, конечно же, намеревался напоить его до беспамятства, а затем отправиться в палатку Ананы. Он весил, наверное, футов на сорок больше Кикахи и по идее должен был суметь перепить его.

Однако незадолго до рассвета Бракия свалился и уснул, к вящей забаве тех немногих краснобородых, которые не отрубились раньше него.

В полдень Кикаха выполз из палатки с таким ощущением в голове, словно он пытался перебодать бизона. Позже проснулся король и чуть не порвал мускулы на боках, смеясь над собой. Он не сердился на Кикаху, а когда появилась Анана, он приветствовал ее на более уверенный манер.

Кикаха порадовался разрешению этой проблемы, но не захотел начинать атаку в тот день, какой первоначально запланировал. Армия была не способна сражаться даже с женщинами, не говоря уже о врагах, ждавших в Таланаке.

Бракия приказал выкатить новые бочки, и пьяника началась опять. В это время на ветку над Кикахой сел ворон, птица размером с земного орла,—одно из очей Вольфа и заговорил хриплым и каркающим голосом:

—Привет, Кикаха! Долго же я искал тебя! Вольф—Господь, послал меня сообщить тебе, что он вынужден отправиться из дворца в другую вселенную. Кто-то похитил у него Хрисенду, и он собирается найти похитителя и убить его, а потом привезти свою женчину обратно.

Ворон-Око продолжал, описав, какие ловушки оставили активированными, какие врата—открытыми, и как он мог, если пожелает, безопасно проникнуть во дворец и покинуть его. Кикаха уведомил Око, что все изменилось, и рассказал ему об оккупации дворца Колокольниками. Ворон не слишком поразился этому. Он только что побывал в Таланаке, так как просыпал, что Кикаха находится там. Он видел Колокольников, хотя, конечно, не знал тогда, кто они такие. Они отбрасывали огромную тень, чернившую землю подписью под смертным приговором, а их крылья были, словно барабаны в день страшного суда. Расспросив его, Кикаха рассудил, что армада обрушилась на Таланак предыдущим днем.

Он прошел к Бракии и сообщил ему эту новость. К тому времени весь лагерь пьяно орал и смеялся.

Бракия отдал приказ. Затрубили большие роги, забили боевые барабаны, воины должны были пойти первыми вместе с Кикахой и Ананой, несшими большой проектор с аэролета. Следующей шла группа великих воинов, двое из которых несли второй проектор. После них—чисто выбритые юноши, которые не могли отращивать бороды и красить их в красный цвет, пока не убьют человека в бою. За ними шла вся остальная армия.

Кикаха, Анана, Бракия и шестеро вождей быстро шагнули в круг серого металла. Вождь отряда, шедшего за ними, начал считать, проверяя правильность времени активации. Внезапно группа очутилась в помещении, не являющимся ожидаемым Кикахой—огромной палатой храма. Это было помещение поменьше, хотя все-таки по большинству стандартов и немалое. Он мгновенно узнал в нем камеру врат неподалеку от середины города, ту, куда он не мог добраться, когда его преследовали Колокольники. Он вытолкнул тиуда из круга.

Те застыли от этого казавшегося магическим перехода.

Потом события происходили быстро, хотя они поглотили много часов, много энергии и много жизней.

Старый город казался объятым пламенем, повсюду бушевали пожары. Происходили они от факелов, брошенных орлицами. В нефритовом городе было мало горючего материала, но шипели и дымились тысячи орлиц, попавших под лучи проекторов Колокольников. На улицах и крышах домов валялись тела больших птиц, тишкетмоакских воинов и дракландцев. Большая часть боев теперь шла поблизости от вершины города, вокруг храма и дворца.

Задионники и орлицы были так заняты, что не заметили краснобородых, пока три тысячи воинов не прошли через врата в город. К тому времени было уже слишком поздно препятствовать проходу оставшихся двух тысяч. Сотни орлиц повернули с вершины города, чтобы атаковать тиуд, и в дальнейшем Кикаха помнил только то, что стрелял из проектора и поднимался на каждый кровавый, дымящийся, горящий уровень. Пришло время, когда заряды проектора иссякли и пришло использовать ручные лучеметы. Прежде, чем они добрались до вершины, те стали бесполезными, и тогда в ход пошли мечи.

В храме Кикаха наткнулся на груду обугленных тел, в которых только по пристегнутым к спинам серебряным шкатулкам можно было узнать Колокольников. Их было шестеро, и они попали под перекрестный огонь орлиц с ручными лучеметами.

Это, должно быть, произошло в самом начале,—в первые мгновения внезапной атаки. Орлиц с лучеметами убили из проекторов, но они нанесли ощутимые потери Колокольникам.

Он насчитал еще четырех Колокольников, прежде чем они с Ананой, Бракией и другими ворвались в огромное помещение, где Колокольники устроили большие постоянные врата. Подарга и ее оставшиеся боеспособные орлицы загнали в угол множество дракландцев, тишкетмоаков и двух, нет, трех Колокольников. Это были фон Турбат, фон Свиндебарн и император Коцхамл. Их окружали воины, численность которых стремительно таяла под яростными атаками гарпии и ее больших птиц.

Кикаха, с Ананой позади него и с краснобородыми сбоку, атаковал. Он врубился в гущу орлиц с тыла, полилась кровь, полетели перья и мясо. Он заорал в упоении—конец врагов был близок.

Затем, в последовавшей свалке, он увидел, что трое Колокольников бросили своих товарищей на произвол судьбы и побежали к большому кругу металла, вратами в углу. За ними помчалась Подарга и несколько орлиц. Кикаха бросился следом за ними. Колокольники исчезли, за ними последовала Подарга, и не отстававшие от нее орлицы молниеносно пропали, словно их и не было.

Он был настолько разочарован, что хотел заплакать, но не собирался кидаться за ними следом. Колокольники, несомненно, устроили ловушку для любых преследователей, и гарпия с орлицами обяза-

тельно угодят в нее. Кикаха не собирался попадаться, как бы сильно не желал заполучить в свои руки этих Колокольников.

Он начал было отворачиваться от врат, но ему пришлось защищаться от двух огромных птиц. Он сумел сильно поранить их, чтобы охладить их пыл сблизиться с ними, но они не отставали и постепенно теснили его к большим вратам в углу помещения. Одна из птиц выдвинулась и ударила его клювом. Он рубанул, заставив клюв быстро убраться. Но тут немного вперед выступила другая орлица и сделала аналогичный финт в его сторону. Кикаха не мог позвать на помощь, поскольку остальные были заняты своим делом.

Внезапно он понял, что его вынудят-таки воспользоваться вратами. Если он не воспользуется ими, то будет поражен одним из этих острых, огромных, кривых клювов.

Две птицы теперь разделились: одна заходила кружным путем ему в тыл или обе атаковали его с флангов, так что даже если он прикончит одну—другая убьет его.

Он отчаянно оглядел помещение, увидел, что Анана и краснобородые по-прежнему заняты, и поэтому сделал то, что должен был сделать. Он резко повернулся, прыгнул на диск, опять обернулся, чтобы защищаться нужные несколько секунд, прежде чем активируются врата, а затем что-то, наверное крыло, ударило его по голове и ввергло в полубессознательное состояние.

16

Он открыл глаза, глядя на странный и фантастический ландшафт.

Он находился в широкой и неглубокой долине. Землю, на которой он сидел, и окружающие холмы, покрывала желтая, похожая на мох растительность.

Небо отливало зеленью только что покинутого им мира. Оно было настолько темно-синим, что колебалось на грани черноты. Он подумал, что сейчас поздние сумерки, если бы солнце только что не миновало зенит. Налево от него в небе висела колоссальная фигура, похожая на башню. Она была цвета зеленого с синими и голубыми пятнами здесь и там и нечетко белыми массами на больших пространствах. Он очутился на луне, круглом спутнике ступенчатой планеты этой вселенной.

Забыв испытанное им раньше, он вскочил на ноги и, воспарив в воздухе, растянулся, приземлился на нос, а потом на локти и колени. Удар смягчила растительность, но его все же здорово грохнуло.

Кикаха осторожно встал на четвереньки и помотал головой. Вот тогда-то он и увидел бежавших фон Турбата, фон Свиндебарна и Коцхамла и гнавшихся за ними четырех орлиц во главе с Подаргой.

Но слово «бежавших», однако, определяло намерение, а не исполнение.

Тroe людей мчались невероятно длинными прыжками, часто кончавшимися тем, что они подскользывались, когда их ноги приземлялись на растительность или потерей равновесия при прохождении пика дуги.

Отчаяние усиливало их неуклюжесть, и при других обстоятельствах ситуация показалась бы комичной.

Она и показалась комичной Кикаке, не подвергнувшемуся никакой непосредственной опасности. Несколько секунд он смеялся, а потом отрезвел, так как сообразил, что его собственное положение окажется, вероятно, ничуть не менее опасным, наверное, даже более, потому что троица стремилась, казалось, к цели, которая могла убрать их куда дальше от преследователей.

Он слегка мог разглядеть край установленного во мху тонкого круглого камня. Он понял, что это должны быть какие-то врата. Троица знала, что пройдет из врат в помещение храма в эти врата на луне. Они, вероятно, преднамеренно установили их для этой цели, чтобы суметь заставить остановиться любых преследователей, застрявших на луне, в то время как они вернутся через врата в Таланак или, что более вероятно, во дворец Господа.

Врата, в которые они мчались, несомненно, были одноразовыми. Они примут и передадут первых шагнувших в них. После этого они закроются до тех пор, пока их не активируют вновь, а средства для активирования, находились, конечно же, не здесь.

Ловушка относилась к типу, высоко ценимому Кикакой, поскольку он сам любил устанавливать такие капканы и довольно часто делал это. Но ловца могли словить самого. Подарга и ее орлицы были преследователи не того типа, на который рассчитывали Колокольники, хотя им тоже мешало незнакомство со слабой гравитацией и шок, вызванный попаданием сюда, они помогали себе крыльями для удержания равновесия и приземления. Более того, они проходили дистанцию намного быстрее, чем люди, потому что они планировали.

Фон Турбат и фон Свиндебарн, прыгнув одновременно и держась за руки, приземлились точно на камень и исчезли. Коцхамл отстал от них на пять секунд, и когда он опустился на камень, то остался на месте. В спокойном и безжизненном воздухе прозвучал его отчаянный крик.

Подарга, развернув крылья для остановки, упала ему на спину, и он свалился под ее тяжестью. Подарга испустила долгий и громкий пронзительный крик, вырывая клочья мяса из спины павшего. Затем приземлившиеся орлицы подошли и окружили Подаргу и извивав-

шуюся жертву и, нагнувшись, драли тело клювами, как только получали шанс.

Шкатулка, которую носил на спине Коцхамл, была оторвана и лежала теперь в стороне, неподалеку от камня.

Двадцать три Колокольника долой.

Кикаха медленно поднялся на ноги. Как только Подарга и ее птички закончат свою работу, они поглядят вокруг и увидят его, если он быстренько не скроется из виду. Перспективы на это были не блестящие. Развалины города Корада находились в миле отсюда. Огромные белые здания сверкали на солнце, словно отдаленная надежда. Но даже если он вовремя доберется туда, то найдет там не надежду, а тюрьму. Единственные ближайшие врата, какими он мог воспользоваться, находились не в городе, а были спрятаны в пещере среди холмов, а между ним и пещерой находились Подарга и орлицы.

Кикаха воспользовался их сосредоточенностью на своей забаве для того, чтобы вновь научиться бегать. Он оказывался здесь много раз на довольно продолжительные периоды, поэтому адаптация шла, как плавание после многих лет жизни в пустыне.

Однажды усвоинная, эта способность уже не пропадает. Однако аналогия эта была только аналогией. Кикахе же потребовалось несколько минут, чтобы вновь научиться надлежащей координации.

За это время он покрыл расстояние в четверть мили. Затем он услышал пронзительные вопли, содержащие иные чувства, чем чувство кровопускания и удовлетворенной мести. Он оглянулся. Подарга и ее птицы увидели его и мчались за ним. Они высоко подпрыгивали и покрывали большие отрезки, планируя, словно летучие рыбы. Они еще явно боялись попробовать лететь.

Словно прочтя его мысли, они перестали прыгать и полностью поднялись в воздух. Они взлетели намного быстрее, чем взмыли бы на планете, и издали пронзительный крик, на этот раз крик разочарования. Полет в действительности принес им резкую потерю скорости.

Кикаха узнал это только потому, что рисковал часто оглядываться, когда воспарял в воздух. Затем он потерял скорость, когда поскользнулся при приземлении и пулевой полетел вперед и снова вверх и дважды перекувырнулся. Он попытался приземлиться на ноги или на четвереньки, но с силой врезался в землю. Из него вышибло дух. Он со свистом втянул воздух в легкие и заставил себя подняться, прежде чем полностью оправился.

Во время следующего прыжка он вытащил из ножен меч. Теперь дело выглядело так, что он может ему понадобиться раньше, чем он доберется до города.

Подарга и еще одна орлица оказались впереди него, хотя все еще высоко.

Они сделали вираж, а затем стали заходить на него длинным ровным планированием. Другие орлицы находились над ним и теперь пикировали на него, почти полностью сложив крылья.

Падавшие птицы и гарпия, несомненно, рассчитали конец своего спуска так, чтобы они совпали с его прыжками вперед.

Кикаха продолжал продвижение. Один взгляд вверх показал ему набухавшие тела орлиц, когда те падали на него. Они растопырили желтые когти, напрягли ноги, словно огромные амортизаторы, рассчитанные на столкновение с его телом. Подарга и ее орлица находили теперь почти параллельно земле. Они несколько раз похлопали крыльями для выпрямления пика.

Они находились примерно в шести футах от земли и ожидали, что вцепляться в Кикаху, когда он поднимется в первой дуге прыжка.

В предвкушении этого Подарга оскалила зубы, с ее когтей падала кровь.

—Кикаха!—звизжала она.—Наконец-то!

Кикаха гадал, увидела ли она меч в его руке или обезумела настолько, что ей стало все равно.

Это не имело значения. Он приземлился и снова взвился в прыжке, который продолжал возносить его и таким образом должен был привести в пределы досягаемости когтей Подарги. Но на этот раз он изо всех сил прыгнул прямо вверх. С скачок этот был поразителен, и Кикаха пронесся мимо удивленной Подарги и орлицы. А они завыли от ярости.

Затем послышались вопли паники и страха, глухие удары и гром хлопающих крыльев, когда падающие орлицы пытались остановить свое падение.

Кикаха приземлился и продолжал свое продвижение вперед.

На втором скачке он рискнул оглянуться через плечо. Подарга и орлицы валялись на земле. То тут, то там лежали зеленые перья, вырванные при столкновении гарпии и четырех орлиц с землей. Подарга лежала на земле с торчащими вверх ногами. Одна орлица валялась без сознания, две поднялись и в ошеломлении брали шатаясь, неведомо куда. Четвертая пыталась стать на когтистые лапы, но вновь и вновь падала, била крыльями и пронзительно кричала.

Несмотря на это происшествие и полученную им новую фору, он все-таки сдва поспел с безопасному входу всего на несколько футов опередив Подаргу.

Затем он обернулся и ударил ее мечом, но она отскочила назад, хлопая крыльями и визжа на него.

Рот ее был окровавлен, а глаза расширены безумным гневом. Кровь текла из большого пореза на боку, как раз под правой грудью. Во время столкновения или последней свалки ее ранило когтем.

Кикаха, видя, что за ней следуют только три орлицы, да и те еще на значительном расстоянии от них, выбежал из дверей и поднял меч. Подарга была настолько поражена этим, что к ней в какой-то миг вернулся рассудок. Она резко повернулась, подпрыгнула и забила крыльями. Он оказался поблизости от нее, и его меч свистнул, отрубив несколько хвостовых перьев. Затем Кикаха упал наземь и вынужден был снова укрыться в дверях.

Теперь уже орлицы пытались добраться до него.

Он легко ранил двух и они отступили.

Подарга остановилась и спланировала к ним. Кикаха пробежал по большому коридору и через громадное помещение со множеством покрытой искусственной резьбой столов и стульев. Он пересек помещение, пронесясь по другому коридору, через большой двор и — как раз вовремя — в другое здание. В дверях только что покинутого им здания появилась орлица, а из-за угла выскочила гарпия с другой орлицей. Как он и ожидал, на него набросились бы с тыла, если бы он оставался стоять в первоначальном дверном проеме.

Он побежал к комнате, имевшей, как он знал, только один вход, и заколебался. Следует ли ему занять позицию здесь или попробовать подземные шахты? Он мог скрыться в темных лабиринтах. С другой стороны, орлицы могут учゅять его, где бы он не спрятался. А в шахтах водились существа не менее смертельных, чем орлицы, и куда более неприятные. Их существование было его идеей, а Вольф создал их и поселил там.

Раздался вопль. Кикаха прыгнул через дверь и повернулся защищать ее. Решение приняли за него. У него не осталось иного выбора, кроме как добраться до шахт.

Кикаха больше не останавливался, и размышляя продолжая идти. Покуда он был свободен в передвижении, он чувствовал, что сумеет перехитрить своих преследователей и победить. Но теперь он оказался в ловушке и не знал как победить орлиц. Это, разумеется, не означало, что он сдался. Подарга оказалась бы в той же ловушке, что и он. Она понятия не имела, как выбраться с луны обратно на планету, а он имел. Можно будет поторговаться, если ему придется заключить с ней сделку. В то же время он посмотрит, как будут развиваться события.

Помещение было большое и сделано из мрамора.

В нем покачивалась на большой золотой цепи, свисавшей с центра потолка, хитро сработанная кровать из золота и серебра.

Стены украшали рисунки ярких цветов, изображавшие светлокожих, хорошо сложенных людей с красивыми лицами, в громоздких плащах и со множеством украшений из металла и драгоценных камней. Мужчины были безбородыми, и оба пола отличались прекрас-

ными длинными желтыми или бронзовыми волосами. Они играли в разные игры.

Сквозь окна некоторых нарисованных зданий виднелось нарисованное голубое море.

Фрески писал сам Вольф, обладавший талантом художника. Но вдохновил его на это, Кикаха, который фактически вдохновил его на все, имевшееся на луне, за исключением самого лунного шара.

Вскоре после того, как они отбили дворец, и Вольф утвердился в качестве Господа, он напомнил Кикахе, что тот давним-давно не был на луне. Кикаху это заинтриговало и он настоял на том, чтобы они посетили ее. Вольф сказал, что там не на что смотреть, кроме травянистых равнин, немногочисленных холмов и небольших гор. Тем не менее, они отправились туда на пикник, пройдя через одни из врат.

Хрисенда, большеглазая, тигроволосая дриада—жена Вольфа, подготовила полную корзину закусок и выпивки, словно она была земной американской домохозяйкой, готовившейся к прогулке в парк на краю городка. Однако они прихватили с собой оружие и несколько талосов, полубелковых роботов, выглядевших, словно рыцари в доспехах. Даже там Господь не мог абсолютно расслабиться. Ему требовалось всегда быть настороже на случай нападения другого Господа.

Они неплохо провели там время. Кикаха указал, что тут есть больше чем на что посмотреть, чем говорил Вольф. Тут имелось славное и пугающее зрелище висевшей в небе планеты. Ради одного этого следовало предпринять путешествие. И потом, здесь можно было позабавиться, прыгая, как кузнецик.

К концу дня, когда он сделался полупьян от вина, с которым на Земле так и не выпало счастья познакомиться, у него возникла небольшая идея, названная им «Проект Барсум». Они с Вольфом болтали о Земле и о некоторых книгах, которые любили читать.

Кикаха признался, что когда он был Полом Янусом Финнеганом и жил на ферме возле городка Терри-Хот, штат Индиана, то он любил произведения Эдгара Райса Бэрроуза.

Особенно он любил Тарзана, Дэвида Иннеса и Джона Картера и не мог сказать, что предпочитает одного другим. Наверное, он лишь чуточку больше любил Джона Картера.

И вот тут он сел так внезапно, что пролил содержимое бокала и восхликул:

—Есть! Барсум! Ты говорил, что эта луна размером с Марс, верно? И в твоих лабораториях все еще имеется громадный потенциал для биологических чудес, не так ли? Как насчет создания Барсума?

Он так развеселился, что подпрыгнул высоко в воздух, но не сумел точно направить себя и поэтому приземлился прямо на закуску.

К счастью, они уже почти все съели. Кикаха вымазался в еде и вине, но был настолько полон ликования, что не заметил этого.

Вольф терпеливо выслушал, улыбаясь, но его ответ отрезвил Кикаху:

— Я мог бы сделать разумную копию Барсума,— признался он,— и нахожу твое желание быть Джоном Картером довольно забавным. Но я отказываюсь теперь играть роль бога с разумными существами.

Кикаха уговаривал его, хотя и не очень долго.

Вольф был человеком таких твердых мнений, какого он никогда не встречал. Кикаха тоже был упрям, но спорить с Вольфом, когда тот уже принял решение, было все равно, что пытаться точить гранит, стряхивая воду на камень с концов пальцев.

Вольф, однако, сказал, что посадит на луне быстрорастущую растительность, похожую на мох.

Она скоро вытеснит зеленую траву и покроет луну от ледяной шапки на северном полюсе до ледяной шапки на южном.

Он сделает и больше, поскольку не хочет разочаровывать Кикаху просто ради каприза. Проект заинтересовал его. Он сработает в своих лабораториях тотов, бантов и других барсумских животных. Кикаха, однако, должен понимать, что это займет немало времени, и результаты могут отличаться от его спецификации.

Он даже попробует создать Древо Жизни и построит несколько разрушенных городов и проложит каналы.

Но он не будет создавать зеленых тарков, красных, желтых, черных и белых барсумцев. Как Джадавин он бы не поколебался, но как Вольф он не может.

Помимо его отказа играть роль Бога, научно-технические проблемы и труды, связанные с созданием на пустом месте целых народов и культур, были огромными: только для начала потребовалось бы свыше ста земных лет.

Понимает ли, например, Кикаха сложности марсианских яиц? Конечно, когда их откладывали, они были невелики, вероятно не крупнее футбольного мяча, а возможно, и меньше, поскольку Бэрроуз никогда не описывал их размеры, когда их только что снесла самка. Их полагалось помещать в инкубаторы под лучи солнца. Через пять лет проклевывался детеныш. Но за это время яйца вырастали, примерно, до двух с половиной футов в длину—по крайней мере, яйца зеленых марсиан, хотя можно предположить, что они крупнее, чем у марсиан человеческого типа.

Где яйца брали энергию для роста? Если энергия доставалась от желтка, то эмбрион вообще не развился бы. Яйцо являлось замкнутой на себя системой, оно долгий период не получало пищу от матери, как эмбрион через пуповину. Подразумевалось что яйца получали энергию, поглощая солнечные лучи. Теоретически они могли это

сделать, но приобретенная этим способом энергия будет очень невелика, учитывая малую приемную площадь яйца.

Вольф не мог в данный момент представить себе, какие биологические механизмы могут вызвать такую феноменальную скорость роста. Должен существовать откуда-то приток энергии, и поскольку Бэрроуз не сказал, откуда именно, выяснить придется Вольфу и гигантским белковым компьютерам у него во дворце.

— К счастью, мне не придется решать эту проблему, поскольку не будет никаких разумных марсиан, зеленых или иных.— Вольф улыбнулся.— Но я могу повозиться с ней, просто чтобы посмотреть, можно ли ее решить.

Были и другие материи, потребовавшие компромиссов при переделке луны. Воздух был таким же густым, как и на планете, хотя Вольф мог разрядить его. Но он не думал, что Кикахе понравится жить в нем.

Насыщенность атмосферы Барсума предположительно являлась эквивалентной той, что находится примерно в трех километрах над земной поверхностью. Более того, существовала деталь с двумя лунами Марса, Фобосом и Деймосом. Если установить на орbitах два спутника схожих размеров, то они сгорят через короткое время. Атмосфера луны простиралась вплоть до гравитационной складки, существовавшей между луной и планетой. Вольф, однако, запустил на орбиту две энергетические конфигурации, светившие столь же ярко, как Фобос и Деймос, и вращавшиеся вокруг луны с такой же скоростью и в тех же направлениях.

Позже, при трезвом размышлении, Кикаха понял, что Вольф был прав. Даже если бы была возможность запустить сюда создания из биолабораторий и воспитать их в духе культур, основанной на намеках романов Бэрроуза, это не было бы хорошим делом.

Не следует пытаться играть роль Бога. Вольф делал этот как Джадавин и вызвал много несчастий и страданий.

Или это все-таки можно было сделать? В конце концов, как подумал Кикаха, марсианам будет дана жизнь, и они получат столько же шансов любить, надеяться и так далее, как любые разумные существа в этом мире. Верно, что они будут страдать, узнают боль, безумие и душевные муки, но разве не лучше получить шанс на жизнь, чем быть навеки замурованными в нереальности просто потому, что кто-то подумал, что им будет лучше, если у них не будет шансов страдать? Разве сам Вольф не говорил, что лучше было жить, невзирая на то, что он вынес и мог вынести, чем никогда не существовать?

Вольф признал, что это верно, но сказал, что Кикаха предается рационализации. Ему хотелось поиграть в Джона Картера, точь в точь как он играл мальчиком на ферме. Но, Вольф не собирается идти на все труды, муки и время, требовавшееся для создания живых,

дышащих, мыслящих зеленых марсиан или красных гелиумцев только для того, чтобы Кикака мог проткнуть их мечом, или наоборот.

Кикака вздохнул, затем усмехнулся и, поблагодарив Вольфа за то, что тот сделал, отправился через врата на луну и прекрасно провел там целую неделю.

Он поохотился на банта, поймал арканом небольшого тота и объездил его, рыскал по развалинам Корада и Тарка, как он называл города, построенные талосами Вольфа. Затем ему стало одиноко и он вернулся на Планету. Он несколько раз возвращался сюда на «каникулы», один раз со своей женой-дракландкой и несколькими тевтонскими рыцарями, а однажды с отрядом хровака. Все, кроме него, становились на луне обеспокоенными, близкими к панике, и каникулы явно не удались.

17

Кикака уже три года не проходил через врата на луну, а теперь снова оказался тут при таких обстоятельствах, каких он ни за что бы не смог нафантазировать.

Гарпия и орлицы стояли снаружи, а он попал в западню внутри. Ничья. Он не мог выбраться, но и они не могли напасть на него без серьезных, может быть, всеобщих потерь.

У них, однако, имелось преимущество.

Они могли достать пищу и воду. У них было время, чтобы подождать, пока он ослабеет от голода и жажды, и не сможет сопротивляться или не сможет больше бороться со сном. Не существовало никакой причины, по которой им следовало бы не терять времени. На них никто не давил.

Конечно, в скором времени кто-то мог этим заняться. Казалось правдоподобным или по крайней мере, довольно вероятным, что Колокольники вернутся через другие врата. На этот раз они явятся со значительными силами.

Если Подарга подумала, что он будет оставаться в помещении, пока не отключится, то она ошибалась. Он испробует несколько фокусов, а если они не сработают—прорвется с боем. Существовал небольшой шанс, что он сможет разбить их или проскочить мимо них в подземелье. Это было маловероятно: клювы и когти действовали стремительно и ужасно. Но, впрочем, он тоже не подарок.

Кикака решил сделать их задачу еще тяжелее. Он прикатил колесоподобную дверь из промежутка между стенами, пока не осталось только узкое отверстие и крикнул Подарге:

—Ты, может, думаешь, что теперь я у тебя в руках? Но даже, если это и так, то что из этого? Здесь для твоих птах нет никаких гор, заслуживающих внимания! И топография угнетающе плоская! И

еду вам будет добыть нелегко! Все живущие на открытой поверхности животные—чудовищно огромные, а так же—жестокие бойцы! Что же касается тебя, Подарга, то ты не сможешь тут царствовать над своими сотнями тысяч. Если твои девственные орлицы отложат яйца для увеличения числа твоих подданных, то им будет трудно уцелеть при изобилующих здесь животных-яйцеедах, не говоря уже и об огромных белых обезьянах, которые тоже любят яйца и мясо, включая, я уверен, и орлиное! Ах, да, огромные белые обезьяны! Вы еще не встречали их, не правда ли?

Он подождал, пока они обдумают его слова, а затем добавил:

—Вы здесь застряли до самой смерти! Если вы не заключите со мной перемирия! Я могу показать вам, как вернуться на планету! Я знаю, где спрятаны врата!

Снова наступило молчание, затем произошел приглушенный разговор между орлицами и гарпией. Наконец Подарга отозвалась:

—Слова твои очень искушают, Обманщик, но меня они не одурачат. Все, что нам требуется сделать, это подождать, пока ты заснешь или ослабнешь от жажды, чтобы сопротивляться. Тогда мы возьмем тебя живым и будем пытать, пока ты не скажешь все, что нам нужно знать. И тогда мы убьем тебя. Какого ты мнения об этом?

—Не высокого,—буркнул он. Затем он крикнул:—Я сперва убью себя сам! Подарга, сучка-царица с куриными мозгами, какого ты мнения об этом?

Ее визг и хлопанье крыльев сказали ему, что она придерживается о его словах такого же мнения, как и он об ее.

—Я знаю, где врата, но без меня вы никогда не сумеете найти их! Принимай свое, так называемое, решение побыстрей! Я даю тебе полчаса, а потом начну действовать!

Он выкатил дверь, полностью закрыв проем, и сел, прислонившись спиной к красно-коричневому, гладко отполированному, твердому дереву. Они не смогут ворваться, не дав ему уйму времени для того, чтобы вскочить и подготовиться встретить их.

Он мог немного отдохнуть. Долгая тяжелая битва в Таланаке, шок, вызванный переброской на луну и последовавшая погоня истощили его силы, и он страстно желал отхлебнуть воды.

Должно быть, он задремал. Он выбрался из черных маслянистых вод. Во рту у него пересохло и першило. В глазах было такое ощущение, словно ему только что вставили в глазницы горячие и сваренные вкрутую яйца.

Поскольку дверь не двигалась, Кикака не мог понять, что его разбудило. Наверное, запоздало пришло в действие его чувство бдительности.

Он дал голове откинуться затылком к двери.

Сквозь нее слабо доносились волны и рев, и он понял, что разбу-

дило его. Он вскочил на ноги и наполовину откатил дверь во внутренний промежуток. С удалением толстой преграды, звуки боя в коридоре ударили в полную силу.

Гарпия и три орлицы столкнулись с тремя огромными рыжевато-коричневыми десятиногими зверями, похожими на кошек, двумя грибастыми самцами и гладкошерстной самкой. Это были бенсы, марсианские львы, описанные Бэрроузом, созданные Вольфом в его лаборатории и посланные на этой луне. Они кормились тетами, детенышами цитидров, большими белыми обезьянами и всем прочим, что могли поймать.

Обычно они охотились по ночам, но, должно быть, голод отправил их рыскать по городу днем. Или их мог разбудить весь этот шум и привлечь запах крови.

Какими бы не были причины, они загнали в угол загонщиц. Они убили одну орлицу, вероятно, в первой же внезапной атаке, как предположил Кикаха. Зеленая орлица являлась достаточно грозным противником, чтобы заставить сбежать одного-другого тигра, не потеряв ни пера. Однако пока что банты убили одну и нанесли другим достаточно ран, чтобы покрыть их кровью, сочившейся у них повсюду — из глубоких и мелких порезов на тела и головах.

Теперь они, рыча, отделились от своей намеченной добычи. Они шагали взад-вперед по коридору, а затем один бросался на орлицу. Иногда атаки были блефом, и бант опускался как раз за пределами досягаемости смертельных, как боевые секиры, клювов, а другой раз они ударяли одну из двух оставшихся орлиц огромной лапой с серповидными когтями, а потом образовался шквал сабельных клыков, желтых клювов, желтых и алых когтей, летели ключья рыжеватой шкуры или вырванные из гривы пучки волос, крутились в воздухе зеленые перья, выпучивались зеленые, или желтые, или красные глаза, хлестала кровь, раздавался рык и пронзительные крики, а потом бант высвобождался и бежал обратно к своим товарищам.

Подарга держалась позади двойных зеленых башен своих орлиц.

Кикаха смотрел и ждал. Вскоре все три банта напали одновременно. Один самец и орлица покатились и с треском врезались в дверь. Кикаха отпрыгнул назад, а затем шагнул вперед и вогнал меч в барахтавшуюся массу. Его не волновало, кого он заколет, банта или орлицу, хотя он все-таки надеялся, что жертвой окажется орлица.

Они были умнее и способны на большую сосредоточенность и приверженность к цели — в первую очередь к нему.

Но они откатились и в тело вошло только самое острие меча. Оба издавали столько шума, что он не мог сказать, кого ранил меч.

Всего лишь на мгновение, по центру коридора, для него открылся путь к бегству. Обе орлицы схватились со львами, Подарга прижа-

лась спиной к стене, сдерживая когтями разъяренную самку. У львицы текла кровь из обоих глаз и полуоторванного носа. Ослепленная кровью, она не решалась приблизиться к гарпии.

Кикаха стрелой пронесся по коридору, потом перепрыгнул через два тела, пытавшихся перекрыть ему путь. Его нога твердо опустилась на рыжеватую мускулистую спину, и он воспарил в воздух. К несчастью, он вложил в свой прыжок столько усилий, что стукнулся головой о мраморный потолок, разрезав кожу на макушке о большой, вделанный в мрамор алмаз.

Полуоглушенный, он, шатаясь, пошел вперед. В этот момент он был уязвим. Если бы на него обрушились орлица или лев, они могли бы убить его, как волк больного кролика, но они слишком были заняты попытками убить друг друга, и вскоре он выбрался из здания. Через несколько минут он выбрался из города и, делая огромные скачки, понесся к холмам.

Он проскакал мимо ободранного тела искалеченной при столкновении орлицы.

Рядом с ним лежало другое растерзанное тело. Оно принадлежало бенсу, который, должно быть, напал на орлицу, ожидая легкой добычи, но он ошибся и поплатился за ошибку.

Затем он проплыл над телом Коцхамла—скорее, частями тела: так как они валялись отдельно: голова, руки, ноги и прочие разные куски.

Он запрыгал вверх по холму, бывшему таким высоким, что его можно было удостоить названия горы.

В двух третях пути к вершине находился спрятанный за изогнутым входом гранита вход в пещеру. Казалось, не существовало причины, мешавшей ему не воспользоваться им. Всего лишь несколько минут назад его покинуло всякое везение, а теперь оно возвращалось к нему.

Пронзительный крик сказал ему, что удача, возможно, только кажется вернувшейся. Он посмотрел через плечо. В четверти мили от него Подарга и две орлицы мчались к нему, хлопая крыльями.

Никаких бенсов в поле зрения не наблюдалось. Очевидно, они оказались не способны удержать Подаргу и орлиц в углу. Наверное огромные кошки были рады дать им сбежать. При таком раскладе банты наверняка могли продолжать жить и могли насладиться поеданием одной убитой ими орлицы.

Что бы там не произошло, он снова подвергался опасности быть настигнутым на открытой местности.

Его преследовательницы научились теперь эффективно летать при меньшей гравитации. В результате они продвигались, примерно, на треть быстрее, чем на планете—так, во всяком случае, казалось Кикахе.

На самом же деле перенесенные ими схватки и потеря крови должны были замедлить их.

Подарга и одна из орлиц при более внимательном рассмотрении казались покалеченными. Крылья их двигались медленнее, чем в первый раз, и они отставали от другой орлицы. Эта, хоть и покрытая по зеленым перьям кровью, казалась пораненной не так глубоко. Она обогнала Кикаху и рухнула вниз, словно ястреб на суслика.

Суслик этот, однако, был вооружен мечом и определил, какие он предпримет меры. Заранее рассчитав, когда ее атака совпадет с его прыжком, он круто обернулся в воздухе. Он приземлился лицом назад, и вытянутые когтистые лапы орлицы оказались в пределах досягаемости меча. Она пронзительно закричала и растопырила крылья, тормозя полет, но Кикаха рубанул. Его меч не обладал той силой, какую придала бы ему надежная опора на земле, и удар закрутил его больше, чем ему хотелось бы, и он потерял равновесие при приземлении. Тем не менее, меч перерубил одну лапу на сочленении когтей с ногой и наполовину перерубил другую лапу. Затем Кикаха ударила о землю, упал на бок, и из него вышибло дух.

Он снова поднялся, сопя и чихая, словно поврежденная волынка. Он сумел подобрать меч там, где его выронил. Орлица была крыльями по земле, словно раненная курица, и даже не видела его, когда он обрушил меч ей на шею. Голова отвалилась, и один черный с алой каймой глаз злобно глянул на него, а потом стал тусклым и холодным.

Он еще втягивал в себя воздух, когда проскочил вход в пещеру, опередив на двадцать ярдов Подаргу и последнюю орлицу. Он приземлился в аккурат в отверстие на склоне холма, а потом прыгнул к концу пещеры, к гранитной стене в двенадцати метрах от входа.

Он прервал домашнюю сценку семейства больших белых обезьян: папа ростом в три метра, четырехрукий, белый и безволосый, если не считать огромного ежика белых волос на макушке буханообразного черепа, гориломордый, розовоглазый, сидел на корточках у стены справа. Он раздирал выступавшими клыками и острыми зубами оторванную ногу маленького тата, а ее в то же время сосали детеныши-близнецы.

С проектированием больших белых обезьян Вольф и Кикаха дали маху. Они позабыли, что единственными млекопитающими на Марсе были одно маленькое животное и человек. К тому времени, когда они поняли свою ошибку, то согласились, что теперь уже слишком поздно. Несколько тысяч обезьян уже поместили на луне и, казалось, не стоило уничтожать первые результаты биолабораторий и создавать новый, не млекопитающий вид.

Колоссальные приматы были удивлены не меньше его, но он имел преимущество находившегося в движении. Однако его задер-

живала необходимость выкатить маленький валун-ключ из каменно-го гнезда, а затем затолкать в тяжелую секцию задней стены.

В результате этого часть стены распахнулась, а часть ушла внутрь, открыв квадратную камеру примерно шести метров в попе-речнике. Неподалеку от задней стены в гранитный пол были вделаны семь полумесяцев. Справа на уровне глаз были прибиты колышки, на которых размещалось семь серебристых металлических полумеся-цев. Каждый из них требовалось соединить с соответствующим полу-месяцем на полу, сравнивая сходство иероглифов на них.

Когда два полумесяца соединились, образуя круг, они станови-лись вратами к заранее определенному месту на планете.

Двое врат являлись ловушками.

Воспользовавшись ими, неосторожный субъект оказывался бы переброшенным в не знающую побегов тюрьму.

Кикаха просканировал иероглифы с поспешностью, которая не нравилась ему, но медлить было нельзя.

Свет в задней камере был сумрачный, и он едва разбирал надпи-си. Теперь он понял, что ему следовало бы запастись тут осветитель-ным прибором, когда сделали эту пещеру. Но было слишком поздно да-же сожалеть. У него не было времени ни на что, кроме мгновенной необдуманной реакции.

В пещере стало шумно, как внутри литеавр.

Две взрослые обезьяны поднялись на своих кривых и сравнитель-но коротких ногах и рычали на него, в то время как две верхние руки молотили по груди, а две промежуточные руки хлопали по животам.

Прежде чем они смогли двинуться на него, их чуть не сшибли Подарга и орлица, ворвавшиеся, словно заряд из дробовика.

Они надеялись поймать загнанного в угол и относительно беспо-мощного Кикаху, хотя опыт прежних столкновений с ним должен был бы научить их осторожности. Вместо этого они променяли трех раненых, усталых и не желавших больше драться бантов на двух чудо-вищно больших, отдохнувших, подкрепившихся и разъяренных белых обезьян.

Кикахе хотелось бы посмотреть на битву и поддержать подбадри-вающими криками обезьян, но он не желал истощать свое везение, поскольку оно уже подавало указание приближения к толщине в нить. Поэтому он бросил два ловушечных полумесяца на пол и снял другие пять. Четыре он сунул под мышку, собираясь прихватить их с собой. Если гарпия спасется от обезьян и попытается воспользоваться полумесяцами, то кончит жизнь в дворцовой тюрьме.

Кикахе помедлил, хотя и знал, что лучше бы слишком долго не задерживать свое исчезновение.

Подарга вдруг вырвалась и понеслась через пещеру, словно бейс-больный мяч.

Она так быстро влетела в камеру, что ему пришлось бросить полумесяцы и поднять для защиты меч. Она ударила его сперва лапами, и он врезался в стену, отбив печень и почки.

Он не мог рубануть мечом, потому что, во-первых, она была уже слишком близко, а во-вторых, он в данный момент слишком страдал от боли, чтобы воспользоваться мечом.

Затем они вновь и вновь перекатывались по полу, и ее когти вцепились ему в бедра. Боль была мучительной. Подарга колотила его крыльями по лицу, голове и шее.

Несмотря на боль и шок от ударов, он сумел стукнуть ее кулаком по подбородку, а затем трахнуть рукоятью меча сбоку по ее голове.

Глаза ее скосились и остекленели, из носа хлынула кровь. Она упала на спину, раскинув крылья, словно разметанные руки. Когти ее, однако, остались вцепившимися ему в бедра, и Кикаке пришлось отковыривать их один за другим. Кровь стекала по его ногам и образовывала лужи у ног. Как раз когда он оторвал последний коготь, в камеру ворвался самец обезьяны. Кикака подобрал меч и обрушил его на вытянутую лапу. Удар отдался в его кисти и чуть не заставил его выпустить оружие. Но лапа, перерубленная на запястье, упала на пол.

Его окатило хлынувшей из обрубка кровью, на мгновение ослепив его. Он вовремя вытер кровь, чтобы увидеть, как обезьяна, визжа, удирает на двух ногах и трех оставшихся лапах. Она врезалась головой в последнюю орлицу, только что кончившую выпускать кишкы самке клювом и когтями.

Они сцепились и покатились по полу.

В этот момент Подарга пришла в себя. Она с визгом и лихорадочным биением крыльев взмыла с пола. Кикака подобрал полумесяц, увидел, что иероглиф в его центре совпал с ближайшим в полу и сложил два в противоположном конце. Затем он резко обернулся и рубанул Подаргу, метавшуюся кругом, пытавшуюся досрочно взбесить себя, чтобы напасть на него. Она отпрянула назад, а Кикака шагнул в образованное двумя полумесяцами кольцо.

—Прощай, Подарга!—крикнул он.—Счастливо оставаться и гнить тут!

Он не успел договорить до конца, как врата сработали. Он попал из пещеры без всякого ощущения перехода—как всегда—and очутился в другом месте, стоя внутри другого кольца из двух полумесяцев.

Контакт двух полумесяцев в пещере плюс появление его массы в излучаемом полумесяцем поле активировали врата после трехсекундной задержки. Его и незакрепленный полумесяц переправило к

полумесяцу, совпадавшему по частоте с полумесяцем в пещере на другом конце субкоинтиниума.

Он сбежал, хотя вскоре истечет кровью до смерти, если не найдет что-нибудь останавливающего кровотечение.

Тут он увидел, какую он допустил ошибку, действуя так быстро под давлением Подарги. Он поднял не тот полумесяц после того, как выронил пять, когда на него напала гарпия. В ходе борьбы один из ловушечных полумесяцев, должно быть, вышибли пинком из его угла и отправили к остальным. Именно его-то он и поднял и применил для ухода через врата.

Он оказался в тюрьме дворца Господа.

Однажды он похвастался Вольфу, что сможет сбежать из так называемой гарантированной от побегов камеры, если когда-нибудь попадет в нее. Он не думал, что любая тюрьма где бы то ни было сможет удержать умного и решительного человека. Побег может потребовать много времени, но совершить его можно.

Теперь он застонал, проклиная свой длинный язык.

Вольф-то устроил тюрьму на совесть.

Она располагалась под двадцатью метрами твердого камня и не имела никакой прямой физической связи с внешним миром. Она была целиком замкнутой на себя, самообеспечивающей системой, за исключением одного: еда и вода для заключенного передавалась из дворцовой кухни через врата, слишком маленькие, чтобы пропустить что-либо больше подноса.

В тюрьме имелись врата, через которые заключенного могли поднять в тюремную камеру во дворце, но их мог активировать лишь кто-то осведомленный во дворце наверху.

Комната была цилиндрической, длиной около двенадцати метров. Свет исходил неизвестно откуда, при этом не существовало никаких теней. Стены Вольф разрисовал сценами с древней планеты предков Господов. Вольф не ожидал никаких заключенных, кроме Господов, и поэтому нарисовал эти картины с расчетом на них. И в пейзажах фресок было что-то жестокое. Все они изображали широкие и прекрасные открытые просторы и не могли не напоминать заключенному о его тесном и замкнутом пространстве.

Меблировка отличалась великолепием и принадлежала к стилю, известному среди Господов как Средне-Тиамарзанский до Исхода. За дверцами больших бюро и шкафчиков находилось множество приборов для развлечения и просвещения заключенного.

Первоначально их в камерах не было, но когда Вольф отбил свой дворец, он поместил их сюда—он больше не верил в пытку даже скучай. Он обеспечил заключенных многим, так как сам иногда исчезал надолго и был не в состоянии выпустить их.

До настоящего времени в этой комнате не содержалось никаких

заключенных. По иронии судьбы, к кислому веселью Кикахи, ее первым посетителем станет лучший друг тюремщика, а тюремщик об этом так и не узнает.

Он надеялся, что Колокольники во дворце тоже не узнают о нем. В трех местах будут мигать лампочки, указывая, что в камере кто-то обитает один огонек будет пульсировать в спальне Вольфа, второй на пульте в центре управления, а третий на кухне.

Если Черные Колокольники наблюдают за каким-нибудь из них, то они должны встревожиться. Они никак не смогут узнать, что означают эти огоньки. Кухонные талосы будут знать, но даже если их спросят, они не смогут ответить. Они слышали приказы, но у них рты существовали только для еды, а не для болтовни.

Думая об этом, Кикаха поискал по шкафчикам средства для оказания первой помощи. Вскоре он наткнулся на антисептик, лекарства, бинты, словом все, что ему требовалось. Он очистил раны и подготовил пленки псевдокожи и наложил их для остановки кровотечения. Они сразу же начали оказывать свое целительное действие.

Затем Кикаха напился воды, а также открыл бутылку холодного пива. Он принял душ, вытерся и, поискав, нашел пилюлю способную так притупить его сверхстимулированные нервы, что он может уснуть и спокойно отдохнуть. С пилюлей, однако, придется подождать, пока он не поест и не закончит обследование тюрьмы.

Верно, ему не следует думать об отдыхе. Время не терпит. Трудно сказать, что происходит в Таланаке с Ананой и краснобородыми. В любой момент их может атаковать аэролет Колокольников с мощными лучеметами. И что сейчас делает фон Турбат?

Когда он сбежал от Подарги, фон Турбат вместе с фон Свингебарном, должно быть, вернулись во дворец. Удовольствуются ли они тем, что окопаются в нем, или же они, что казалось Кикахе более вероятным, вернутся на луну через другие врата? Они предположат, что он застрял там и таким образом вышел из игры. Но у них должны возникнуть некоторые сомнения. Вполне вероятно, что они возьмут для охоты на него по меньшей мере один аэролет и много солдат.

Он засмеялся. Они будут там пытаться лихорадочно обнаружить его, а он в это время будет, так сказать, прямо под их ногами. Существовала, конечно, возможность, что они найдут пещеру недалеко от Корада. В таком случае они используют все оставшиеся полумесяцы, и по крайней мере один Колокольник вскоре окажется в этой камере. Наверное, он допустил ошибку, ложась спать. Ему нужно действовать, и как можно скорее выбраться из этой камеры.

Кикаха решил, что он должен выпасть.

Если он не побlit, то рухнет без сил или станет таким медлительным, что будет слишком уязвим. С головокружением от бутылки вина и трех стаканов пива он подошел к маленькой двери в стене,

над которой мигал желтым светом топаз. Он открыл дверь и вынул из ниши серебряный поднос. На подносе стояло десять покрытых серебром и инкрустированных самоцветами блюд, содержащих изысканные яства.

Он опустошил все блюда, а потом вернул поднос и его содержимое в нишу. Ничего не произошло, пока он не закрыл дверцу. Секунду спустя он снова поднял ее. Ниша была пуста. Поднос переправился через врата в кухню, где талос вымоет и вытрет его. Через шесть часов талос поместит на кухонные врата другой поднос с едой и таким образом отправит его в погребенную в камне камеру.

Кикака хотел быть на ногах и готовым, когда поднос прибудет в следующий раз. К несчастью, в этой тюрьме не имелось никаких часов, так что ему придется полагаться на свои биологические часы, а они в нынешнем состоянии были ненадежными.

Он пожал плечами и сказал себе: «Какого черта?»

Он может только попробовать. Если он не добьется успеха в этот раз, то попробует в другой. Он должен высстать, потому что не знает, что от него потребуется, если он когда-нибудь выберется из тюрьмы.

На самом деле для него это лучшее место во вселенной, если Колокольники не найдут на луне пещеру с вратами.

Сперва он должен обследовать тюрьму, чтобы убедиться, что тут все в порядке, а также использовать все, что он найдет полезным. Он подошел к двери в одном конце камеры и открыл ее.

Он шагнул в маленькую голубую приемную, открыл дверь в противоположной стене и вошел в еще одну цилиндрическую камеру примерно сорока футов длиной. Она была роскошно изукрашена и меблирована, но в другом стиле. Мебель, однако, постоянно меняла форму, и всякий раз, когда он продвигался поближе к дивану, креслу или столу, тот ускользал от него. Когда он ускорил шаг, предмет увеличивал свою скорость настолько, чтобы оставаться вне досягаемости. Другая мебель тоже ускользала от него, если он вдруг направлялся к ней.

Комната была спроектирована с целью позабавиться и, в конечном итоге, разъять заключенного. Предполагалось, что это поможет ему отвлечься от мысли о своем незавидном положении.

Кикака бросил попытки поймать диван и покинул комнату через дверь в противоположном конце. Она закрылась за ним точно так же, как и другие. Он знал, что двери нельзя открыть с этой стороны, но продолжал пытаться просто на тот случай, если Вольф допустил ошибку. Эта тоже отказалась двигаться. Двери впереди распахнулись в маленькую комнату, а комната за ней оказалась студией художника.

Следующая комната оказалось в четыре раза больше предыду-

шей и состояла главным образом из плавательного бассейна. В ней имелся постоянный запас прохладной пресной воды, проходивший через врата из водохранилища наверху во дворце и утекавший тоже через врата. Приток осуществлялся через зарешеченное отверстие на конце бассейна, а отток — через отверстие в центре дна. Кикаха изучил устройство бассейна, а затем пошел в следующую комнату.

Комната не отличалась по размерам от первой. В ней находились гимнастические снаряды, и царilo гравитационное поле в полтора планетного, поле же планеты было эквивалентно земному. И многие снаряды были экзотическими даже для такого много путешествовавшего человека, как он.

Единственное, что заинтересовало его тут, это кое-какие веревки и канаты, натянутые с крючьев и брусьев в потолке для упражнений и лазаний.

Он смастерил из одной веревки лассо и, смотав, повесил на плечо, еще несколько веревок прихватил с собой.

В общем, он прошел через двадцать четыре помещения, и все они отличались друг от друга. В конце концов он вернулся в первоначальную камеру.

Любой другой заключенный предположил бы, что комнаты соединялись между собой, образуя круглую цепь, но он-то знал, что между комнатами нет никакой физической связи. Каждая отделялась от следующей двенадцатью метрами гранита.

Переход из одной комнаты в другую осуществлялся вратами, установленными в дверных проемах. Когда дверь распахивалась, врата активировались и заключенного мгновенно переправляло в другую приемную, выглядевшую точь в точь как та, в которую он, по его мнению, входил.

Кикаха осторожно вошел в первоначальную камеру. Он хотел удостовериться, что никакой Колокольник не прошел сюда через врата на луне, пока он обследовал тюрьму. Комната была пуста, но он не мог быть уверен, что Колокольник не прошел сюда, а потом не отправился так же, как и он, обследовать тюрьму. Он поставил друг на друга три стула и, неся их, проследовал в соседнее помещение, в комнату с ускользающей мебелью. Он выбрал диван и заарканил гротескно изукрашенный выступ на его спинке. Выступ изменил форму, но он мог подвергаться метаморфозам только в определенных правилах и пределах, а лассо держалось крепко. Диван двинулsя было прочь, когда он подошел к нему, но Кикаха лег, а потом подтянулся на лассо, пока диван метался туда-сюда. Толстые ковры не давали ему ободраться, хотя дело не обошлось без ожогов. Наконец он вцепился в диван и забрался на него. Только тогда тот остановился, задрожал, отвердел и стал таким же спокойным и постоянным, как

обыкновенная мебель. Однако, если бы Кикаха покинул его, к нему мигом бы вернулись его особые свойства.

Кикаха привязал один конец лассо к выступу, а затем заарканил спинку невинно стоявшего поблизости стула. Стул не двигался, пока Кикаха не попытался подойти к нему.

Кикаха спрыгнул с дивана и проделал серию маневров, подогнав все еще соединенные веревкой диван и стул ближе к выходу. С помощью других веревок и разных предметов, используемых в качестве гирь, он соорудил устройство Руби Голдберга.

Идея заключалась в том, что любой прошедший через вход, шагнет в лежавшую на полу веревку с петлей. Затем близость массы вошедшего обратит в бегство диван и стул, а это плотно затянет петлю вокруг голени вошедшего. Один конец петли был привязан к веревке, натянутой между диваном и стулом. Другая веревка, соединяла выступ на диване с золотой люстрой, усыпанной бирюзой и изумрудами. Кикаха, стоя на верхнем из трех принесенных им стульев, вытаскивал стержень, державший люстру на потолочном креплении. Он не полностью вытащил стержень, а оставил вполне достаточно, чтобы не дать люстре упасть. Когда диван вместе со стулом рванут вошедшего, натяжение привязанной к стержню веревки выдернет его до конца, как он надеялся и люстра с грохотом упадет на пол.

Если его расчеты верны, она упадет на того, кого потащит петлей за ногу.

На самом деле он не ожидал, что ловушка сработает. Он не думал, что найдется какой-то рассеянный, кто не заметит петлю, но все же шанс существовал.

И в этом, и в соседнем мире полно дураков и неуклюжих идиотов.

Он прошел в соседнюю комнату, студию художника.

Здесь он взял большой шар пластика.

Пластик отличался крайней податливостью и его можно было зафиксировать для сохранения нужной формы путем гипотермического впрыскивания в материал соответствующего реагента. Он унес шар и шприц в комнату с плавательным бассейном. Там он нырнул на дно бассейна и забил пластиком сливное отверстие. Он превратил пластиковый шар в диск, закрывший слив, а затем затвердил его с помощью шприца. После этого он выбрался из бассейна.

Уровень воды начал сразу же подниматься. Дело обстояло именно так, как он надеялся. Между входом и выходом воды не существовало никакого регулирования или обратной связи, и поэтому вода продолжала наливаться, даже когда заблокировали слив. Вольф это проглядел. Конечно, у него не было никаких причин заботиться об этом. Если заключенный хотел утопиться, он был волен так и поступить.

Кикаха ушел в следующую комнату.

Здесь он навалил к двери кое-какую мебель и статуи, вытерся и лег спать.

Он был уверен, что никто никогда не войдет в эту комнату, не столкнувшись, добираясь сюда, со множеством трудностей, и никто не сможет войти, не подняв большой шум.

Он проснулся рывком, чувствуя, как бренчат присоединенные к его нервам колокольчики. Сердце его молотило, словно крылья куропатки на взлете. Что-то с треском вломилось в его сны, нет, в комнату. Он выскоичил из-за дивана с мечом в руке. Он поднялся как раз вовремя, чтобы увидеть человека, ударившегося об пол вместе с волной воды. Затем дверь автоматически закрылась. Человек хватал воздух открытым ртом, словно он долгое время задерживал дыхание.

Это был длинноногий парень мощного сложения, с бледной кожей, большими веснушками и темными от воды волосами. Он не имел никаких ручных лукометов.

Его единственным оружием был короткий кинжал и меч. Доспехов он не носил. На нем была красная рубашка с короткими рукавами, большой кожаный пояс и желтые шаровары в полоску с лампасами.

Кикаха выпрыгнул из-за дивана и подбежал к нему, подняв меч. Человек, потрясенный, видя, что не может вовремя встать и защищаться, а также то, что Кикаха давал ему шанс капитулировать, выбрал единственный шанс, который мог выбрать умный человек.

Кикаха заговорил с ним на речи Господов. Человек озадаченно посмотрел на него и ответил по-немецки.

Кикаха повторил приказ по-немецки, а затем позволил ему подняться, чтобы тот мог сесть в кресло. Человек дрожал от холодной воды и, возможно, от мысли, что Кикаха все еще может сделать с ним.

Факта, что этот человек бегло заговорил по-немецки, хватало, чтобы убедить Кикаху, что он не может быть Колокольником. Речь выдавала в нем уроженца гор Айхорнер. Очевидно, Колокольники не хотели подвергаться неизвестным опасностям врат и поэтому послали пушечное мясо.

Пал До Шунтарт рассказал Кикахе все, что знал.

Он был баронетом, командовавшим гарнизоном замка короля Эггестхэма фон Турбата. Он оставался дома, пока происходило вторжение в Таланак. Внезапно фон Турбат и фон Свингеберн появились опять.

Они вышли откуда-то изнутри замка и приказали гарнизону и множеству других отрядов следовать за ними в «волшебную комнату замка». Фон Турбат объяснил, что их лютый враг Кикаха находится теперь на луне, и что необходимо отправиться туда с помощью ма-

гии—разумеется, белой магии—и отыскать его. Фон Турбат ничего не сообщил о том, что случилось с солдатами в Таланаке.

—Они все погибли,—сказал Кикаха.—Но как же фон Турбат разговаривал с вами?

—Через священника, как он и делал уже некоторое время,—ответил До Шуптарт.

—Тебе не кажется это странным?

До Шуптарт пожал плечами и сказал:

—Произошло внезапно столько странных вещей, что это всего лишь одна. Кроме того, фон Турбат утверждал, что он получил божественное откровение от Господов. Он сказал, что ему был дан дар говорить на святом языке, и ему запретили говорить на любом другом, потому что Господь хочет, чтобы все знали, как он благоволит к фон Турбату.

—Весьма хорошее оправдание,—заметил Кикаха.

—Над замком появилась магическая летающая машина,—продолжал До Шуптарт.—Она приземлилась, и мы помогли разобрать ее и отнести части в комнату, откуда нас магически переправили на луну.

Оказаться мигом переправленными на луну и видеть, что планета, на которой ты находился мгновение раньше, теперь висит в воздухе, угрожая упасть и раздавить всех, было ужасным испытанием.

Но человек может привыкнуть ко всему.

Искавшие обнаружили пещеру на склоне холма, наткнулись на тело орлицы без ног и головы. В пещере оказались две мертвых взрослых обезьяны и еще одна мертвая орлица. На полу лежало пять незакрепленных полумесяцев. Услышав это, Кикаха понял, что Подарга сбежала через врата.

Фон Турбат отобрал десять лучших рыцарей для испытания врат, по двое на круг. Он надеялся, что кто-то из них найдет и убьет Кикаху.

—Вас двое?

—Со мной отправился фон Карл Ротадлер,—пояснил До Шуптарт.—Он убит. Он наступил на петлю, но он так стремительно ворвался в комнату, что проскочил ее. Он всегда бросался в атаку, размахивая мечом, не выясняя сперва, что происходит. Он вбежал, и поэтому диван и стул быстро рванули прочь. Не знаю, как ты их зачаровал, но ты, должно быть, могучий маг. Они вытащили стержень, и люстра упала ему на голову.

—Значит, ловушка сработала, хотя и не совсем так, как было запланировано,—заметил Кикаха.—А как ты пробрался через комнату, заполненную водой?

—Когда убило Карла, я попытался вернуться тем же путем, которым пришел. Но дверь не открывалась. Поэтому я пошел дальше.

Когда я подошел к двери заполненной водой комнаты, мне пришлось толкнуть ее изо всех сил, чтобы открыть. Из отверстия брызнула вода. Я перестал ее толкать. Но я не мог вернуться, мне приходилось идти вперед. Я снова толкнул дверь. Давление воды было очень сильным. Я не мог открыть дверь до конца, а хлынувшая вода тут же сшибла меня с ног. Но я сумел пройти — я очень сильный. К тому времени, пока я пробрался, приемная почти заполнилась водой, и дверь закрылась, как только я оказался в большой комнате. Вода была прозрачная, а свет яркий, иначе бы я утонул, прежде чем нашел другую дверь. Я всплыл к потолку, надеясь, что там существует пространство, не заполненное водой, но его не оказалось. Поэтому я поплыл в другой конец комнаты. Давление воды открыло там дверь и пропустило часть воды в следующее помещение. Но дверь опять закрылась сама по себе. На самом-то деле она, должно быть, не раз уже делала это. Приемная заполнилась водой не большее чем на половину. К тому времени давление открывало также дверь и в эту комнату. Я подождал, пока она закроется. Затем, когда она начала снова чуть-чуть приоткрываться, я резко оттолкнулся ногами от пола и ввалился, как ты видел, словно незадачливый матрос, выброшенный бурей на пустынный остров.

С минуту Кикаха воздерживался от каких-либо комментариев. Он думал о затруднительном положении, в которое поставил себя и этого парня, вызвав наводнение в бассейне. В конечном итоге все двадцать четыре комнаты будут затоплены.

— О, кей,— сказал он.— Если я не смогу вычислить способ быстренько выбраться, то нам каюк.

До Штупарт спросил, что он сказал.

Кикаха объяснил. До Штупарт стал еще бледнее. Затем Кикаха обрисовал многое из того, что стояло за недавними событиями. Он пустился в некоторые подробности относительно Черных Колокольников.

— Теперь я понимаю многое из того, что в то время было для нас непостижимым,— сказал Штупарт.— Жизнь шла, как обычно. А фон Турбат и фон Свингебарн провозгласили священную войну. Они сказали, что Господь, Герр Готт, приказывает нам напасть на город на уровне ниже нас, и мы должны найти и убить трех прячущихся там еретиков. Большинство из нас никогда не слышали не о Таланаке, ни о тишкетмоаках, ни о Кикахе. Мы, разумеется, слышали о бароне-разбойнике Хорсте фон Хорстмане. Потом фон Турбат сказал, что Господь дал нам магические средства для перехода с одного уровня на другой, и объяснил, почему он пользовался только речью Господа. А теперь ты говоришь мне, что души моего короля и фон Свингебарда и несколько других были съедены, а тела захватили демоны.

Кикаха видел, что солдат не вполне еще понял суть дела, но не

пытался выводить его из заблуждения. Если он хочет мыслить суперными шаблонами, пусть себе. Важно, что он теперь знает, что два короля являются замаскированными и ужасными опасностями.

— Могу ли я доверять тебе? — спросил он Штупарта. — Поможешь ли ты мне теперь, когда знаешь истину? Убежден ли ты, что это правда? Конечно, все это не имеет значения, если я не смогу вычислить способ выбраться во дворец, прежде чем мы утонем.

— Я клянусь тебе в вечной вассальской верности!

Кикаху это не убедило, но он не хотел убивать его: Штупарт мог быть полезен. Кикаха велел ему забирать свое оружие и идти вперед обратно к камере, куда они прибыли. По возвращении туда Кикаха поискал записывающее устройство и нашел его. Это была одна из многих машинок, какими мог развлекаться заключенный. Но на уме Кикахи была другая цель, чем развлечения. Он взял черный кубик трех дюймов в поперечнике, нажал на красное пятнышко на нижнем квадрате и наговорил в него несколько слов на речи Господов. Затем он нажал на белое пятнышко сбоку, и его слова вернулись к нему, изданные кубиком.

Казалось, прошло несколько часов, пока не начал мигать топаз над дверцей в стене. Кикаха вынул поднос, содержащий еды достаточно для двоих. В кухне теперь мигали два огонька, и таласы, заметив это, обеспечили надлежащее снабжение.

— Ешь, — предложил Кикаха. — Следующего обеда тебе, возможно, придется ждать долго, если ты его вообще дождешься.

Штупарт вздрогнул. Кикаха попытался есть медленно, но внезапное легкое приоткрытие двери и струя воды заставили его жадно глотать пищу.

Дверь закрылась, но почти сразу же вновь приоткрылась на несколько дюймов и впустила еще больше воды.

Он положил блюдо на поднос и поставил его в стенную нишу. Он надеялся, что у талоса не окажется каких-то более срочных дел. Если они задержат перенос подноса обратно, то спасение для заключенных может прийти слишком поздно.

Кубик, положенный на поднос, начал вновь и вновь проигрывать записанные инструкции. Он был установлен на шестидесятикратное повторение, но талос мог не вынуть поднос прежде, чем кончится запись.

Топаз перестал мигать. Он поднял дверцу. Поднос исчез.

— Если талос сделает то, что я ему велел, то у нас полный порядок, — уведомил тевтона Кикаха. — По крайней мере, мы выберемся отсюда. Если же талос не подчиниться мне, тогда буль-буль, и конец всем нашим заботам.

Он велел Штупарту следовать за ним в приемную. Там они простояли около минуты.

—Если вскоре ничего не случится,—сказал Кикаха,—мы вполне можем поцеловать себе...

Они стояли в большой комнате на круглой пластинке из серого металла. Мебель в ней была экзотической, ранне-радамантского периода, а стены и пол—из розово-красного камня с черными прожилками.

Не имелось ни дверей, ни окон, хотя одна стена, кажется, являлась окном, дававшим вид снаружи.

—Зажгутся лампочки, указывающие, что мы теперь в этой камере,—сказал Кикаха,—будем надеяться, что Колокольники не сообразят, что это значит.

Все эти неожиданно вспыхивающие сигналы должны были вызвать тревогу у Колокольников. Они, несомненно, рыскали по дворцу, пытаясь выяснить, что случилось, и случилось ли вообще что-нибудь.

Вскоре часть казавшейся сплошной стены отодвинулась и исчезла. Кикаха пошел первым. Их ждал талос шести с половиной футов ростом и в доспехах, словно рыцарь. Он вручил ему черный кубик-магнитофон.

—Спасибо,—поблагодарил его Кикаха. Затем он приказал:—Посмотри на нас внимательно. Я—твой хозяин. Этот человек—мой слуга. Ты должен служить нам обоим, если этот человек, мой слуга, не будет делать чего-то, что может повредить мне. Тогда ты воспрепятствуешь таким попыткам. Другие существа во дворце—мои враги, и ты должен убивать всех, кого только увидишь. Сперва, однако, ты возьмешь этот кубик, после того как я наговорю в него сообщение, и дашь услышать его другим талосам. Он прикажет им атаковать и убивать моих врагов. Ты все понял?

Талос отдал честь, показывая, что до него дошло. Кикаха наговорил в кубик, установил его на повтор сообщений тысячу раз и отдал талосу. Талос снова отдал честь, повернулся и замаршировал прочь.

—Они превосходно выполняют приказы,—заметил Кикаха,—но последний, достигший их ушей, главный для них. Вольф знал это, но не хотел менять их конструкцию. Он сказал, что эта черта может однажды обернуться для него выгодой, и маловероятно, что о ней узнают захватчики.

Вслед за ним Кикаха растолковал Шуптарту, как обращаться с лучеметом, если тот когда-нибудь попадет ему в руки, а затем они отправились в дворцовый арсенал. Чтобы добраться до него, им требовалось пройти весь этаж в этом крыле, а потом спуститься на шесть этажей.

Кикаха выбрал лестницы, поскольку лифтами должны пользоваться Колокольники.

Величие дворца вызвало у тевтона благоговейный трепет. Огромные размеры комнат, меблировка, в каждой из которых содержалось достаточно сокровищ, чтобы купить все дракландские королевства, низвели его до ахавшего, охавшего, пресмыкавшегося существа. Он хотел остановиться, посмотреть, пощупать и, наверное, набить карманы. Затем он испугался, потому что абсолютная тишина и богатство заставили его почувствовать себя так, словно он находился в крайне священном месте.

—Мы можем бродить много дней, так и не встретив ни одной живой души,—высказался он.

—Могли бы,—согласился Кикаха,—если бы не знал, куда я иду.

Он гадал, насколько полезным окажется этот парень. При нормальных обстоятельствах он, вероятно, был первоклассным воином. Его владение собой в залитой водой комнате показывало, что он человек смелый и адаптивный. Но пребывание во дворце Господа было для него таким же пугающим, таким же мощным переживанием, как для земного христианина оказаться переправленным в град божий и открыть, что его захватили черти.

Неподалеку от подножия лестницы Кикаха уловил запах расплавленного металла, пластика и горелой протоплазмы. Он осторожно высунул голову из-за угла. В тридцати метрах по коридору лежал, растянувшись на груди, талос. Поблизости лежала бронированная рука, отрезанная от плеча лучеметом.

Двое Колокольников, или, во всяком случае, таковыми счел их Кикаха, по пристегнутым к спинам шкатулкам, лежали убитые. Другие двое, оба с лучеметами в руках, взволнивенно переговаривались.

Один держал в руке то, что осталось от черного кубика. Увидев его, Кикаха усмехнулся. Его повредили лучеметом, поэтому он должен был прекратить проигрывание записи. Следовательно, Колокольники не узнают, почему талос напал на них, и что за сообщение содержалось в кубике.

«Двадцать девять долой. Осталось двадцать два»—заключил Кикаха и убрал голову.

—Теперь они будут настороже,—произнес он себе под нос. Арсенал, вероятно, остался бы без охраны, если бы этого не случилось. Но теперь они знают, что кто-то подкрадывается с подветренной стороны, и наверняка будут остерегаться его. Ну, мы попробуем другой путь. Возможно, он опасен, впрочем, какой не опасен? Давай-ка поднимемся обратно по лестнице.

Он провел Шуптарта в комнату на шестом этаже. Она имела примерно шестьсот футов в длину и триста в ширину. В ней находи-

лись чучела животных и некоторых разумных существ из множества вселенных. Они прошли мимо прозрачного куба, в котором находилось, словно стрекоза в янтаре, существо, казавшееся полунасекомым, получеловеком. У него были антенны и огромные, но совершенно человеческие глаза, узкая талия, тощие ноги, покрытые розоватым пушком, четыре тощих руки, большая горбатая спина и четыре, как у бабочки, крыла, выступавшие из горба.

Несмотря на срочность действий, Шуптарт остановился посмотреть на незнакомое чудище.

—Этому экспонату десять тысяч лет,—сказал Кикаха.—Это квисвас, человек-жука, продукт биолаборатории Ананы или, во всяком случае, так мне сказали. Господь этого мира совершил набег на мир своей сестры и приобрел несколько образчиков для своего музея. Этот квисвас, как я понял, был в то время любовником Ананы, но нельзя верить всему, что говорят, особенно когда один Господь рассказывает о другом. Все это, конечно, случилось давным-давно.

Чудовищно большие глаза плялились сквозь толстый пластик десять тысяч лет, на пять тысяч лет раньше, чем на Земле возникла цивилизация.

Хоть Кикаха и видел его раньше, он все равно почувствовал трепет, беспокойство и свою незначительность. Как сильно и умно сражалось это существо за сохранение своей жизни? Наверное, так же энергично и бешено, как сражался теперь Кикаха.

Потом оно погибло, как должен погибнуть и он тоже, и было превращено в чучело и поставлено взирать невидящими глазами на борьбу других. Все прошло...

Кикаха мотнул головой и поморгал глазами. Философствовать—дело хорошее, если ты занимаешься этим в соответствующей обстановке, а таинственная к ней не относилась. Кроме того, допустим смерть приходит ко всем, даже к тем, кто избегал ее столь же изобретательно, как и он.

Ну и что из этого? Стоило грызться и за одну лишнюю минуту, при условии, что минуты, прошедшие прежде, были стоящими.

—Хотел бы я знать, какой была история этого существа,—тихо произнес Шуптарт.

—Наша история придет к схожему концу, если мы не двинемся дальше,—отозвался Кикаха.

В конце стены он покрутил выступ, выглядевший таким же неподвижным, как и другие украшения. Он повернулся на шестьдесят градусов вправо, потом на шестьдесят градусов влево, а затем дважды полностью повернулся его вокруг оси направо. Часть стены ушла в сторону. Кикаха испустил вздох, освобождаясь от вызванного неуверенностью напряжения. Он не был уверен, что правильно помнит код. Существовала сильная возможность, что непра-

вильная манипуляция приведет к чему угодно, от облака ядовитого газа до луча, разрезающего его пополам.

Он втащил за собой Шултарт. Тот начал было возражать, а потом поднял крик, когда они упали в неосвещенную шахту. Кикаха захлопнул ему ладонью рот и скомандовал:

—Тихо! И с нами ничего не случится!

Вихрь спуска унес его слова, Шултарт продолжал рыпаться, но затих, когда их падение стало замедляться. Вскоре они, казалось, прекратили двигаться.

Внезапно стены вспыхнули, и они увидели, что все-таки медленно падают. Шахта в нескольких футах под ними и в нескольких футах над ними оставалась темной. Свет сопровождал их по мере спуска.

Затем они очутились на дне шахты. Там не было ни пылинки, хотя из-за темноты наверху и безмолвия возникало такое ощущение, словно это место сотни лет не видело ни одного живого существа.

—У меня все-таки могло отказать сердце,—сердито сказал тевтон.

—Мне пришлось так поступить,—возразил Кикаха.—Если бы ты знал, что тебе предстоит упасть, ты ни за что бы не пошел сам по себе. Это означало бы требовать от тебя слишком много.

—Ты-то прыгнул,—не согласился Шултарт.

—Разумеется. Я много практиковался в этом. У меня тоже не хватало духу, пока я не увидел, как Вольф—Господь—несколько раз проделал это.—Это улыбнулся.—И даже на этот раз я не был уверен, что поле включено. Колокольники могли вырубить его. Разве это не сыграло бы с нами хорошую шутку?

Шултарт, казалось, не считал это забавным.

Кикаха переключился с него на более важное занятие. Для того, чтобы выбраться из шахты, требовалось отстучать по стенке код kostяшками пальцев.

Часть стенки отодвинулась, и они вошли в хорошо освещенную выбеленную комнату площадью примерно в тридцать квадратных футов. Она была голой, за исключением дюжины полумесяцев, вделанных в пол, и дюжины, висевших на стене. Полумесяцы не имели меток.

Кикаха поднял руку, сдерживая Шултарт.

—Больше ни шагу! Эта комната опасна, если не совершиТЬ ритуал без малейших отклонений. Я же не уверен, что помню его весь.

Тевтона прошиб пот, хотя воздух был прохладным.

—Я собирался спросить, почему мы сразу не пришли сюда,—произнес он,—вместо того, чтобы тащиться по коридору. Теперь я понимаю.

—Будем надеяться, что ты будешь понимать и в дальнейшем,— двусмысленно сказал Кикаха.

Он сделал три шага вперед прямо от входа, затем пошел боком, пока не поравнялся с крайним правым полумесяцем на стене. Он раз повернулся кругом и пошел к полумесяцу, жестко вытянув правую руку под прямым углом к полу. Как только кончики его пальцев коснулись полумесяца, он объявил:

—Порядок, солдат. Можешь теперь гулять, как тебе нравится— так мне представляется.

Но, изучая полумесяцы, он перестал улыбаться и проговорил.

—Один из них доставит нас через врата в арсенал. Но я не помню, какой. Второй справа или третий?

Шуптарт спросил, что случится, если выбрать не тот полумесяц?

—Один из них—не помню, какой—отправит нас в центр управления,—ответил Кикаха.—Я бы его и выбрал, если бы имел при себе лучемет или думал, что Колокольники не оборудовали в центре управления сигнализацию, поднимающую тревогу в случае появления добавочной массы, и если бы знал, какой именно этот полумесяц. Другой отправит нам прямиком обратно в подземную тюрьму, откуда мы только что выбрались. Третий отправит нас на луну, четвертый—на уровень Атлантиды. Я не помню точно, что делают другие, за исключением того, что один выкинет тебя во вселенную, являющуюся, мягко говоря, нежелательной.

Шуптарт вздрогнул и сказал.

—Я храбрый человек. Я доказал это на поле брани. Но здесь я чувствовал себя, словно ребенок, заблудившийся в кишащем волками лесу.

Кикаха не ответил, хотя и одобрил про себя искренность Шуптарта. Он не мог решиться относительно второго или третьего полумесяца. Он должен выбрать один из них, потому что обратно по шахте не подняться. Она, подобно многим маршрутам во дворце, была односторонней.

Наконец он заявил.

—Я почти уверен, что это третий. Вольф любит тройку или числа, кратные ей, но...—Он пожал плечами.—Какого черта? Не можем же мы вечно здесь стоять.

Он приложил третий полумесяц справа к третьему слева на полу.

—Я помню, что незакрепленные полумесяцы сходятся с противоположными закрепленными,—сказал он.

Затем они оба шагнули в образованный двумя полумесяцами круг и подождали примерно три секунды. Не возникло ни малейшего ощущения движения, ни молниеносного мерцания перед глазами, но они очутились в комнате площадью около трехсот квадратных фу-

тоб. На полках вдоль стен, на козлах или подставках на полу находились знакомые и экзотические доспехи и оружие.

—Мы выиграли,—воскликнул Кикака, выходя из круга.

—Мы возьмем несколько ручных лучеметов и зарядов, наводящиеся ракеты-шпионы и очки. Ах, да, несколько нейтронных ручных гранат малого радиуса действия.

Он прихватил также два хорошо сбалансированных ножа для метания. Шуптарт попробовал свой лучемет на небольшой мишени в глубине арсенала.

Металлический диск толщиной в шесть дюймов расплавился за пять секунд. Кикака пристегнул себе к спине ремнями металлическую коробку. В ней хранилось несколько ракет-шпионов, мощный приемник-передатчик для ракет и аудиовизуальные очки.

Кикака надеялся, что Колокольники еще не сталкивались с подобными штуками. Если они расставили часовых, выглядывавших из-за угла или рыскающих по коридорам, то их дело—труба.

Дверь была заперта Вольфом и, насколько мог определить Кикака, никто ее не открывал. У нее имелось много предохранительных устройств, мешавших входу посторонних снаружи, но не имелось ничего, мешавшего лицу, находившемуся внутри, беспрепятственно выйти. Кикака испытал чувство облегчения.

Колокольники не могли проникнуть сюда, а это означало, что у них нет ракеток-шпионов. Если только они не доставили их из других вселенных. Но поскольку аэролеты они не применяли, то Кикака предположил, что они у них отсутствовали.

Он надел очки на глаза и уши, держа в руках пульт управления, и направил ракету в открытые двери. Ракетка достигала в длину примерно трех дюймов и походила формой на сложенный из бумаги самолетик школьника. Она была прозрачной, и при сильном свете можно было под определенным углом разглядеть крошечные цветные детали. На носу у нее имелся «глаз», через который Кикака получал странный и ограниченный обзор, и «ухо», через которое он, по желанию, мог услышать приглушенные или усиленные звуки.

Он повернул ракетку в одну, потом в другую сторону, увидел что в коридоре никого нет, и сдвинул очки на лоб. Покинув арсенал, он закрыл зверь, зная, что та автоматически замкнется и вооружится.

Он пользовался собственными глазами для направления ракетки по прямой, а когда ему хотелось заглянуть за угол, сдвигал на глаза очки.

Используя ракету, они одолели примерно шесть миль горизонтального и вертикального пути, покинув одно крыло и пройдя в другое, чтобы попасть в здание, где находился центр управления.

Из-за их осторожности путешествие потребовало больше времени, чем требовал этот путь.

Один раз они прошли мимо колоссального окна неподалеку от края монолита, на котором располагался дворец. Шуптарт чуть не упал в обморок, когда увидел солнце. Оно было п о д ним. И ему приходилось смотреть вниз, чтобы увидеть его."

Разглядывание плоскости уровня Атлантиды, раскинувшегося на пятисотмилльном радиусе, а потом части следующего уровня и кусочка последующего, заставило его побледнеть.

Кикаха оттащил его от окна и попытался объяснить башенную структуру планеты.

Он действительно находился над солнцем, которое вращалось на уровне среднего монолита.

Тевтон сказал, что он это понимает, но он никогда не видел солнца иначе, чем со своего родного уровня и, конечно, с луны. Но оба раза солнце казалось стоящим высоко.

—Если ты думаешь, что это был пугающий опыт,—утешил его Кикаха,—то тебе следует как-нибудь поглядеть за грань мира с нижнего уровня, уровня Сада.

Они вошли в центральный массив здания, где располагался центр управления.

Здесь они продолжали путь еще медленнее. Они прошли гигантский зал, облицованный зеркалами, дававшим не внешнее физическое отражение, а внутреннее, психическое, каждое зеркало засекало волны различных участков мозга, а потом синтезировало их в музыку, цвета и ультра-инфра-звук и выдавало их обратно, как визуальные образы. Некоторые из них были ужасными, некоторые прекрасными, некоторые просто непристойными, а некоторые почти божественно угрожающими.

—Они ничего не означают,—заверил Кикаха тевтона,—если смотрящий не хочет истолковать, что они для него значат.

Шуптарт был рад двинуться дальше.

Затем Кикаха выбрал достаточно широкую лестницу, чтобы по ней могли промаршировать десять взводов солдат, выстроившихся в ряд. Она все закручивалась, и казалось, никогда не кончится,—словно шла в самое царство небесное.

20

Уставший тевтон взмолился об отдыхе,—Кикаха внял его мольbam. Кикаха послал ракетку-шпиона вперед—еще раз посмотреть что их ждет на пути к центру управления. На этаже ниже этого, там, где располагался центр управления,—Колокольников не было.

Были обгоревшие и расплавленные тела десяти талосов на первых десяти ступенях лестницы. Очевидно, они шли, чтобы напасть на Колокольников в центре управления, и их сразили из лучемета. Устройство, которое могло это сделать, притаилось на лестничной

площадке. Оно представляло собой небольшой черный ящик на колесах, с длинной тонкой шейкой из серого металла. На конце шейки или хобота виднелась крошечная лампочка. Эта лампочка могла засекать и поражать лучом движущуюся массу на максимальном расстоянии в сорок футов.

Устройство двигало длинной шейкой направо и налево, окхватывая детектором всю лестницу. Однако оно не заметило пронесшуюся над ним ракетку, а это означало, что змеиная шея, как окрестил ее Кикаха, была запрограммирована засекать только большую массу.

Кикаха повернул ракетку и направил вперед по коридору к двойным дверям центра управления. Они были закрыты. Через глаз ракетки он увидел, что из стен по всей длине коридора торчало много маленьких дисков—детекторов массы. Диапазон их действия был небольшим. В центре коридора должен был остаться узкий проход, чтобы предупрежденный мог пройти по нему, не подняв тревоги.

Здесь также должны были иметься какие-то визуальные приборы, поскольку Колокольники не стали бы пренебрегать столь важным средством наблюдения. Он очень медленно двинул ракетку под самым потолком, потому что не хотел чтобы ее увидели. И вскоре—заметил эти приборы. Они были спрятаны в пустотелых головах двух бюстов на высоких пьедесталах. Пустотелыми их сделали Колокольники.

Кикаха осторожно повел ракетку назад, а затем снял очки и повел Шуптарта вверх по лестнице.

Им не пришлось далеко идти, прежде чем они почувствовали запах горелой протоплазмы и пластика. Когда они поднялись на этаж, где произошла бойня, Кикаха остановил телевизор.

—Насколько я могу судить,—сказал он,—они окопались теперь в центре управления. Нам предстоит выкурить их или наброситься на них прежде, чем они свалят нас. Я хочу, чтобы ты все время следил за нашим тылом. Не спускай глаз! В центре управления есть множество врат, способных переправить их в любое место во дворце. Если Колокольники вычислили их, они воспользуются ими. Поэтому будь начеку!

Он находился вне поля зрения лучемета—«змеиная шея», стоявшего на лестничной площадке. Кикаха сел и растрепал волокна из своей самой тонкой веревки и завязал их вокруг ракетки. Затем он надел очки и направил ракетку вверх по лестнице. Из-за тяжести веревки она двигалась медленно. Змеиная шея продолжала обшаривать детектором поле перед собой, но не направила луча по ракетке или веревке.

Хотя это означало, что она запрограммирована реагировать на большую массу, это не означало, что она не передавала изображения Колокольникам в центр управления. Если те увидят ракетку и верев-

ку, то могут пойти в атаку и стрелять через перила. Кикаха вспел Шуптарту тоже следить за положением наверху и во все движущееся стрелять.

Ракетка проскользнула вокруг змеиной шеи раз, затем другой, таща за собой веревку. После этого она полетела обратно вниз по лестнице. Кикаха снял очки, отвязал веревку, ухватился ее за концы, слегка потянул, удостоверясь, что она не соскальзывает и с силой рванул из себя.

Змеиная шея дернулась вперед и прокувыркалась половину лестницы. Она валялась на боку, ее шея-глаз двигались взад-вперед, но не поворачивались к правой стороне лестницы. Кикаха приблизился к ней сзади и отключил, повернув диск на «спине».

Взяв машину под мышку, он отнес ее обратно наверх, держа в правой руке наготове лучемет. Неподалеку от лестничной площадки он опустился на ступени и столкнул машину на пол. Здесь он повернулся так, чтобы она располагалась лицом к бюсту в конце коридора за дверями в центр управления. Он покрутил, устанавливая диски, а затем следил, как она укатывает из поля зрения. Вскоре послышался оглушительный грохот. Кикаха опустил на глаза очки и послал ракетку посмотреть. Как он и надеялся, змеиная шея покатила прямиком по коридору, пока масса пьедестала и бюста не активировали ее. Ее лучемет прожигал пустотелый камень пьедестала, пока тот не расплавился. Бюст валялся на боку, и его передающая камера смотрела на стену.

Змеиная шея обратила свой луч к упавшему бюсту.

Кикаха спустился обратно по лестнице и удалился вглубь коридора, пока не оказался вне поля зрения всякого, кто мог выйти на лестничную площадку или посмотреть вниз по лестничному колодцу.

Он вновь надел очки и поместил ракетку в позицию над двойными дверями. Ракетка, прильнув к стене, стояла на носу и смотрела прямо вниз.

Кикаха ждал.—Минута проходила за минутой.

Он хотел снять очки и удостовериться, что Шуптарт следит за всем. Он поборол этот импульс—он должен быть готовым, к тому, что двери могут внезапно открыться.

В скором времени это произошло. Оттуда высунулась трубка перископа и повернулась в обоих направлениях.

Затем перископ убрался, и медленно вылезла белобрысая голова. Колокольник подбежал к змеиной шее и отключил ее. Кикаха был разочарован, так как он надеялся, что машина свалит-таки Колокольника. Однако она сканировала и поражала только объекты передней.

Бюст был полностью расплавлен. Колокольник некоторое время

смотрел на него, а затем подобрал змеиную шею и унес ее в центр управления. Кикаха послал ракетку через верхнюю часть дверного проема и вверх, под самый потолок центра, бывшего достаточно просторным, чтобы вместить авианосец выпуска 1945 года. Он пустил ракетку вдоль потолка, а потом—вниз, почти до пола, в месте за пультом управления, когда та достигла противоположной стены. Тут аудиовизуальный прием стал нечетким и ограниченным, и это заставило его подумать, что двери закрыты. Хотя ракетка могла передавать в ограниченном диапазоне и через материальные объекты, она сильно теряла свою действенность.

Зиматол рассказал Арсвурду о странном поведении змеиной шеи. Тот заменил ее другой, которая, как он надеялся, не разладится. Камеру он не заменил.

Все, что нужно, могла сделать и другая камера на противоположном конце коридора. Зиматол сожалел, что они так заняты попытками установить контакт с фон Турбатом на луне. Иначе бы они могли следить за мониторами и увидеть, что там произошло.

Кикахс хотелось продолжать подслушивание, но он должен был и дальше вести свою компанию. Он отключил ракетку в центре управления и привязал конец веревки к другой ракетке. Эту он послал вверх и вокруг змеиной шеи и послал ее вниз.

Она прокувыркалась намного дольше, резко остановившись, налетев на кучу тел талосов у подножья лестницы. Шея у нее торчала в воздухе. Кикаха подполз к ней, протянул руку через тело и отключил ее.

Он отнес ее обратно наверх и пустил против пьедестала и бюста в другом конце коридора. Он слетел вниз по лестнице, надел очки и запустил другую ракетку, прежде чем раздался грохот. Этот грохот дошел до его ушей через ракетку.

Ее глаза показали ему, что случилось то же самое. Он повернулся следить за дверью, но долгое время ничего не происходило. Наконец он переключился на ракетку в центре управления. Заматол утверждал, что разладка второй машины была слишком странной для случайного совпадения. Происходило что-то подозрительное и, следовательно, что-то опасное. Он не хотел снова выходить и расследовать.

Арсвурд ответил, что, нравится им это или нет, но они не могут оставаться здесь и рыскать по дворцу. Его требовалось убить—и этим врагом, вероятно, был Кикаха. Кто еще мог пробраться во дворец, когда были активированы все защитные средства, делавшие его неприступным?

Зиматол возразил, что это не мог быть Кикаха.

Разве фон Турбат и фон Свиндебарн отправились бы искать его на луну, если бы его там не было?

Это озадачило Кикаху. Что там делал фон Турбат, когда он должен знать, что его враг бежал через врата в камере пещеры? Или фон Турбат настолько подозрительно относился к хитрости своего архиврага, что думал, будто Кикаха что-то отправил через врата, чтобы придать делу такой вид, словно его больше нет на луне? Если это так, то что могло заставить его подумать, будто на луне есть что-то, способное удержать там Кикаху?

Тут он очень расстроился и чуть испугался. Не могла ли Анана отправиться туда за ним через врата? Не на нее ли охотились Колокольники? Такое было возможно, и это заставляло тревожиться его.

Зиматол, согласился, что только Кикаха мог натравить талосов на них. Арсвуд ответил, что тогда тем больше причин избавиться от такой опасности.

Зиматол осведомился, каким образом.

— Да уж не прячась здесь,—ответил Арсвуд.

— Тогда сам выди и поищи его,—посоветовал Зиматол.

— И выйду,—ответил Арсвуд.

Кикаха находил интересным то, что разговор был таким человеческим. Колокольники могли быть продолжением металлических комплексов, но они не походили на машин со сборочного конвейера. У них имелись все человеческие различия личностей.

Арсвуд пошел было к двери, но Зиматол позвал его обратно. Он заявил, что их долг требует, чтобы они не шли на ненужный риск. Их теперь осталось так мало, что смерть даже одного сильно уменьшил шансы на победу. Фактически, вместо того, чтобы нацеливаться сейчас на победу, они сражались за выживание. Кто бы мог подумать, что всего лишь лаблаббий сумеет так изобретательно и безжалостно поубивать их? Да ведь Кикаха даже не был Господом—он был все-навсего человеком.

Зиматол сказал, что они должны подождать, пока не вернутся двое их вождей. С ними нельзя вступить в контакт, что-то препятствует попыткам наладить связь.

Кикаха мог бы рассказать им, почему их усилия бесполезны. Структура пространственно-временной связи этой вселенной создавала особую деформацию, предотвращавшую неискаженную передачу по радио или лазеру. Если бы, к примеру, аэролет попытался пролететь между планетой и луной, то развалился бы в узкой зоне на попутни между двумя телами. Единственный способ путешествовать с планеты на планету—только через врата.

Двое Колокольников нервно говорили о многом.

Погибло двадцать девять из первоначальных Колокольников. Двое находились здесь, двое—во вселенной Нимстоула, двое—у Ананы, двое—у Джудубры. Зиматол считал, что их следует призвать на помощь, или еще лучше, чтобы Колокольники в этой вселенной по-

кинули ее и замуровали все врата. Имелось множество других вселенных. Почему бы им не отрезать эту навск? Если Кикаха хочет ее, пусть забирает себе. В то же время в безопасном месте они смогут сделать миллионы новых Колокольников. Через десять лет они будут готовы, тогда они вернутся, нападут на Господов и выметут их отовсюду.

Но фон Турбат, которого они называли Траумграссом, отличался необыкновенным упрямством. Он откажется сдаться. С этим соглашались оба.

Для Кикахи стало очевидным, что Арсвурд, несмотря на необходимость покинуть центр и найти врага, выходить не хотел и фактически не собирался этого делать. Ему, однако, требовалось казаться храбрым самому себе.

Эти двое не казались нечеловеческими, холодными, строго логичными, предельно безэмоциональными существами, описанными ему Ананой. Если удалить из их разговора определенные элементы, то они могли показаться просто двумя болтающими солдатами любой страны или вселенной.

Какой-то миг он гадал, нельзя ли убедить их образумиться, не смогут ли они удовольствоваться занятием места в этом мире, как и другие разумные существа.

Чувство это быстро прошло. Колокольники предпочитали захватывать человеческие существа, они не останутся замкнутыми в своих металлических колоколах: слишком искушающими были восторги и преимущества плоти. Нет, они не удовлетворятся пребыванием в колоколе, они будут продолжать чистить человеческие мозги и вселяться в обездоленные сомы.

Войну надо будет продолжать до конца, пока не погибнут все Колокольники или Кикаха.

В данный момент он чувствовал себя так, словно весь мир был бременем, возложенным на него одного.

Если они убьют его, то смогут двинуться, туда куда им заблагорассудится, потому что лишь немногие знают, кто они, и каковы их цели, а эти немногие, вероятнее всего, погибнут. Это был, как он хвалился, его мир, и Кикаха был самым везучим человеком в двух мирах, потому что он являлся единственным из землян, сумевшим перебраться через стену между двумя мирами. Этот мир намного превосходил для него Землю, и он сделал его своим в таком отношении, в каком не сумел сделать даже Больф,—Господь.

Теперь восторги и вознаграждения пропали, затемненные столь громадной ответственностью, что он и не думал о ней, потому что он не смог бы вынести таких мыслей.

Для человека с такой ответственностью он действовал безрассудно.

Именно потому-то, однако, он и прожил так долго.

Если бы он поступал с великой предосторожностью, сознавая свою важную роль, то его, вероятно, давно бы поймали и убили или же он сбежал бы, но стал бы совершенно бесполезным, потому что боялся бы предпринимать любые действия. Опрометчив он или нет, он будет поступать теперь так же, как поступал в прошлом. Если он рассуждал неверно, то станет частью прошлого, а Колокольники будут Господствовать в настоящем и будущем. Да будет так.

Он переключился на третью ракету и поместил ее как раз над дверьми.

Затем он положил пенал управления и очки рядом с собой и сказал Шуптарту, что собирался делать дальше. Тевтон счел эту идею безумной, но согласился. Они подняли талоса и поволокли тело, висившее, возможно, пятьсот фунтов, вверх по лестнице. Они потащили его по коридору в проход между полями детекторов и прислонили к дверям, а затем поспешно, но осторожно отступили на этаж ниже.

Быстро оглянувшись, Кикаха вновь надел очки. Он опустил ракетку над дверями, расположил ее сбоку от сидевшего талоса и швырнул ракетку на шлем-голову талоса. Удар поломал ракетку и поэтому он не мог наблюдать за ее действиями. Но он быстро послал наверх другую и установил ее над дверями. Талос упал именно так, как он хотел. Его голова и плечи оказались в поле детектора. В центре управления должна была дико зазвенеть сигнализация.

Ничего не произошло. Двери не открылись. Он ждал до тех пор, пока не смог больше выносить напряжение. Хотя для него было существенно важно держать ракету на посту над дверями, он отправил ее на пол, а затем снова переключился на ракету в центре управления. Он не видел ничего, кроме задней стенки пульта, и ничего не слышал. Не завывала никакая сигнализация, так что ее, должно быть, отключили. Колокольники не разговаривали и не издавали ни звука, хотя он включил усиление звука.

Кикаха снова переключился на ракету перед дверью. Двери были закрыты, так что он вернулся к ракете в центре. По-прежнему не было слышно ни звука.

Что происходит?

Не хотят ли они, чтобы он бросился в атаку?

Он вернулся к ракете в центре и послал ее по полу к стене. Она медленно поднялась по стене, участок на фут перед ней был ясно виден, а дальше все становилось нечетким. Он собирался ее завести под потолок, а потом опустить, надеясь, что увидит Колокольников раньше, чем те увидят ракету. Ракета могла применяться для убийства, как убивает пуля, но радиус ее действия настолько ограничен, что оператору требовалось находиться очень близко. Если Колокольник закричит и выдаст звуком свое местонахождение, и Кикаха су-

мёт послать на него ракету, прежде чем Колокольник успеет среагировать на неё.

Это был слабый шанс, за который он теперь был готов ухватиться.

Он привел ракету приблизительно туда, где должен был находиться пульт управления. Ракета опустилась прямиком до пола, ничего не видя и не слыша. Затем она поднялась и покружила в том районе, не засекая Колокольников. Он расширил территорию поисков. Конечно, Колокольники могли заметить ракету и отойти за пределы ее видимости и слышимости. Это не имело смысла, если они хотели держать оператора ракетки занятым, пока один или двое отправятся из центра на его поиски.

Они, вероятно, не знали, как действует ракета, но должны были понимать, что диапазон ее передачи ограничен, и что оператор должен находиться сравнительно недалеко.

Кикаха велел Шуптарту быть особенно бдительным относительно появления Колокольников на лестничной площадке и не забыть применить нейтронные гранаты, если у него появиться шанс.

Не успел он закончить эти инструкции, как Шуптарт заорал. Кикаха был так поражен, что вскинул руку вверху.

Пенал управления полетел прочь, так же, как и Кикаха. Срывая очки, он в то же время все катился и катился, чтобы сбить прицел каждому всякому, кто мог выстрелить по нему. Он понятия не имел, что заставило тевтона закричать, и не собирался сидеть смирно, отыскивая взглядом источник тревоги.

Выстреливший по нему луч опалил ковер. Он ударил из неожиданного места, с противоположного конца коридора. Из-за угла высывалась голова и рука, державшая лучемет. К счастью, Шуптарт выстрелил, как только увидел Колокольника и поэтому тот не смог направить луч прицельно. Затем Колокольник шмыгнул обратно. На таком расстоянии эффективность лучемета значительно снижалась. На коротком расстоянии он мог прожечь тридцатисантиметровую сталь и за секунду изжарить человека. На этом же расстоянии он только мог вызвать у него ожог третьей степени на коже или ослепить, если попадет по глазам.

Шуптарт отступил к первым нескольким ступенькам лестницы, где и укрылся за кучей талосов. Кикаха побежал прочь по коридору, остерегаясь того, кто может выскочить с ближайшей стороны. Один или оба Колокольника из центра прошли через врата в другую часть дворца и устроили атаку с фланга.

Либо один, либо оба отправились через врата куда-то еще—очевидно позвать на помощь других Колокольников.

Выругавшись, Кикаха круто повернулся и побежал обратно к брошенным очкам и пеналу управления.

Колокольник на противоположном конце высунул голову поблизости от пола и выстрелил. Штуттарт, находившийся под более тупым углом по отношению к Колокольнику, так как он был на лестнице, ответил своим лучом. Кикаха тоже выстрелил.

Колокольник убрался, прежде чем направлявшиеся над ковром лучи смогли пересечься на углу. Там, где ударяли лучи, несгораемый ковер расплавился.

Три гранаты находились слишком далеко, чтобы потратить время и рискнуть обегать за ними. Кикаха подхватил коробку, очки, круто повернулся и стремглав бросился назад по коридору. Он ожидал, что в ближайшем конце кто-то появится, и поэтому был готов шмыгнуть в ближайшую дверь. Когда он оказался в двух дверях от конца, он увидел высекающуюся из-за угла голову. Он нажал на спуск лучемета, водя лучом по плинтусу, а затем вверх к углу. Голова, однако, отдернулась назад прежде, чем луч смог попасть в нее. Кикаха пригнулся у стены и выстрелил мимо угла, надеясь, что какая-то часть энергии рикошетирует и ранит спрятавшегося за углом Колокольника.

Крик показал ему, что он кого-то напугал или подпалил.

Он усмехнулся и вернулся в дверной проем прежде, чем Колокольники используют тот же фокус на нем.

Усмехаться тут было нечему, но он не мог не испытывать чувства дикарского веселья, когда ему удавалось лишний раз одурачить врага.

21

Комната, в которую он отступил, была сравнительно небольшой. Во дворце имелись сотни подобных. Их главным предназначением было хранение сокровищ искусств.

Расположены они были со вкусом, так, словно в комнате жили или часто ее посещали.

Кикаха быстро огляделся, ища признаки присутствия врат, поскольку во дворце их было столько, что он смог запомнить лишь малую их часть, однако, не заметил ничего. Само по себе это ничего не значило, но на этот раз ему придется судить о вещах по внешнему виду, иначе он не сможет действовать.

Он натянул очки, делая это с огромной неохотой, так как они оставляли его слепым и глухим к событиям в коридоре. Он переключился на ракету в центре управления. Та, все еще находилась в воздухе, описывая круги в соответствии с его последним приказом. В ее радиус действия не появлялся ни один Колокольник. Затем он переключился на ракету перед дверьми и повел ее вниз по лестнице и коридору.

Чем ближе она подлетела к нему, тем лучше становилась передача звука и изображения, и тем лучше он управлял ею.

Шуптарт не давал вылезти Колокольникам в противоположном конце. Кто бы там ни был в этом, ближнем конце, именно они являлись непосредственной опасностью. Он послал ракету под потолок и за угол. Там притаились три Колокольника, все с ручными лучеметами. У одного слегка побагровело лицо, словно от солнечного ожога. В отдалении подходили еще двое, толкая перед собой грависани. На них стоял огромный лучемет, эквивалент пушки. Его луч можно было послать за угол, рикошетировать от стены и держать Кикаху на расстоянии, в то время как другие будут стрелять из лучемета. Потом под прикрытием их огня, большой проектор вытолкнут из-за угла и швырнут его полное воздействие по всей длине коридора.

Он сожжет или расплавит все на своем пути.

Кикаха не колебался. Он отправил ракету на полной скорости к человеку, толкавшему сани справа. Обзор его померк от внезапного увеличения скорости, а затем сцена потемнела. Ракета вонзилась в тело Колокольника или ударила во что-то другое, столь твердое, что поломалась. Кикаха достал из коробки, снятой со спины и находящейся рядом, следующую и послал ее из комнаты под потолком. Внезапно один Колокольник, заорав, чтобы сбить с толку всякого, кто мог быть в коридоре, выпрыгнул из-за угла. Колокольник увидел ракету и поднял лучемет. Кикаха послал ее к нему на полной скорости. Сцена затемнилась. Ракета либо глубоко проникла в тело, либо разбилась о твердый пол или стену, либо ее расплавили лучеметом.

Теперь у Кикахи не было времени чтобы отправить очередную ракету и посмотреть что там происходит. Если Колокольник избежал ее, он теперь заглядывает в дверь, ища оператора и, вероятно, зовет на помощь других.

Кикаха сорвал очки и с лучеметом в одной руке и с очками в другой двинулся к двери. Он оставил дверь открытой для лучшего управления и приема изображения ракеты. В некотором смысле это оказалось полезным, потому что Колокольник будет сперва заглядывать в комнаты с закрытыми дверьми. Но, когда он приблизился к дверному проему, то столкнулся с Колокольником. Кикаха держал лучемет перед грудью и нажал на спуск, как только в его поле зрения появилось плечо другого. Колокольник покернел, от жареной, отваливающейся слоями кожи повалил дым, белки глаз стали темно-кариими, затем передние камеры лопнули, закипев, волосы сгорели, белые зубы стали черными, губы распухли, а затем исчезли слой за слоем. Огнеупорная одежда расплавилась.

Все это произошло за четыре секунды.

Кикаха пинком закрыл дверь и нажал пластинку, заперев ее, затем пересек комнату и ткнул пластинку, отключавшую энергию по-

ля в окне. Он выбросил коробку с ракетами, чтобы ею не воспользовались Колокольники и, привязав один конец веревки к ножке бюро, выполз из окна. Отсюда до поверхности монолита было примерно тридцать километров. Эта часть дворца выступала над краем монолита. Если бы он захотел, то мог бы повернув голову охватить взглядом половину его площади. Однако в данный момент он не желал думать о долгом-предолгом падении. Он не спускал глаз с небольшого карниза примерно двумя метрами ниже конца веревки. Он соскользнул по веревке, пока не дошел почти до конца, а затем чуть качнулся обратно. Он твердо встал обоими ногами на карниз, а руками уперся в край окна. Его колени, слегка согнутые, оказались в опасной близости от невидимого силового поля. Держась одной рукой за край окна, он снял рубашку, обмотал ею руку, а затем вынул нож и медленно двинул его вперед, предварительно взяв в руку, обернутую рубахой. Затем он отвернул голову и закрыл глаза — силовое поле, активированное ножом его сожжет, и энергия, вероятно, выплеснется наружу и прожжет ткань и руку под ней. Энергия даже может отшвырнуть нож с такой силой, что тот выдернет его руку из окна и по инерции, его самого.

Кикаха, однако, питал надежду, что поле не будет включено. Это казалось маловероятным, поскольку Вольф наверняка, прежде чем уйти, активизировал все системы охранения и ловушки, если у него нашлось время, а если не нашлось, то это обязательно сделали Колокольники.

Свет обжег его даже сквозь закрытые веки, пламя лизнуло его по лицу, голым плечам, ребрам и ногам. Нож в его руке дернулся, но он продолжал держать его в радиусе поля даже тогда, когда ткань затлеяла и вспыхнула пламенем, а в руке возникло такое ощущение, словно ее запихнули в печь.

Затем он нырнул через окно на пол.

Существовала двухсекундная пауза между перезарядкой поля после его активации, и Кикаха прыгнул, надеясь, что все будет нормально. То, что он все еще был жив, хотя и пострадал, доказывало, что он рассчитал время правильно. Нож сделался перекрученным, докрасна раскаленным металлом на полу. Рубашка обуглилась, а его рука почернела и начала покрываться волдырями. В другое время это вызвало бы у него озабоченность. Теперь же его не волновало ничего, кроме тяжелых, калечащих ранений или смерти.

В этот момент мимо окна упала веревка с дымящимся концом. Проектор насеквозд прошел дверь и пережег веревку. Через минуту Колокольники кинутесь за ним вниз по лестнице. Что же касается бедняги тевтона, то ему лучше позаботиться о себе и побыстрее. Большой проектор, несомненно, сперва используют против него, чтобы смести его с пути. Если бы только у него хватило здравого

смысла дунуть вверх по лестнице и прочь, то он мог бы заставить Колокольников разделить силы.

Кикаха выглянул из дверей, не увидел никого и полетел по коридору вперед. При выходе к подножью лестницы он посмотрел наверх, прежде чем пересечь площадку перед ней. Покамест в поле зрения не появилось никаких Колокольников. Он побежал дальше по коридору, в потом вниз по необычно длинной лестнице и дальше через коридор, мимо зала ретропсихических зеркал. Он пробежал мимо нескольких лифтов, но не воспользовался ими, поскольку они могли быть заминированы или, по меньшей мере, иметь передающие устройства. Его целью была комната, содержавшая тайные врата, которыми он до этого не желал воспользоваться. Не воспользуется он ими и теперь, если его к этому не вынудят. Но он хотел быть рядом с ними в случае, если его загонят в угол.

В комнате он разобрал выглядевшее не сколоченным, а вырезанным кресло и вытащил из-под сиденья полумесяц.

Другой полумесяц вышел из толстого основания пьедестала для статуи. Оба полумесяца хотя и выглядели весившим полтонны, были не тяжелыми и легко переносимыми. Кикаха заткнул их за пояс на спине и затянул пояс так, чтобы их удержать. Полумесяцы причиняли неудобства, но являлись страховкой, стоившей этих затруднений.

По всему дворцу имелись тысячи таких спрятанных половинок врат и тысячи других, неотмеченных, — в открытых местах. Последними мог пользоваться всякий, но воспользовавшийся не будет знать, что его ждет на другом конце перехода. Даже Вольф не помнил, где находятся все спрятанные, да куда ведут все те, что открыты. Вольф занес их все в кодозаписыватель, но и сам кодозаписыватель был замаскирован и находился в центре управления.

Кикаха бежал прытко и умчался далеко, но недостаточно быстро. Когда он шагнул из комнаты, в дальнем конце коридора появился Колокольник. Другой выглянул из-за угла и противоположном конце коридора. Они, должно быть, заметили его, когда он бежал, и отправились этим путем, надеясь поймать его. По крайней мере, у одного хватило ума пробежать мимо места, где он был, и спуститься по лестнице чтобы перехватить его.

Кикаха отступил,dezактивировал силовое поле и выглянул из окна. Примерно шестнадцатью метрами ниже щел карниз, но ему не на чем было спуститься, и он не хотел испытывать еще одно поле, если в этом не возникнет абсолютной необходимости. Он вернулся к двери, выдвинул лучемет, не высывая сперва голову, и выстрелил в обоих направлениях. Послышались крики, но они были такими отдаленными, что он был уверен, что ни в кого не попал.

Дверь комнаты напротив была заперта. Он мог метнуться через коридор в нее в том случае, если окажется лучший путь для бегства.

Но если дверь заперта, а это вполне могло оказаться именно так, то Кикаха будет открыт для огня с обоих сторон, и у Колокольников будет прекрасный шанс поразить его, когда он бросится обратно.

Сожалеть об этом теперь было слишком поздно.

Если бы он не остановился достать полумесяцы, то мог бы все еще опережать их.

Он снова оказался загнанным в угол, и хотя у него имелся выход, он не хотел им воспользоваться. Во второй раз вернуться во дворец будет намного труднее, и тевтон будет представлен самому себе. Кикаха чувствовал себя так, словно бросает его на произвол судьбы, но ничего не мог с этим поделать.

Он сложил два полумесяца, образуя круг. Он выпрямился как раз тогда, когда в дверной проем влёгела граната и срикошетировала внутрь комнаты.

Она прокатилась около полутора метров и остановилась, вращаясь вокруг оси. Она находилась примерно в десяти метрах от него, и это означало, что он был за пределами досягаемости нейтронов.

Но сюда швырнут другие дис, оставленные им и, наверное, у Колокольников есть еще. В любом случае они привезут сюда большой просектор. Бесполезно откладывать неизбежное, пока не станет слишком поздно даже для этого.

22

Он шагнул во врата и очутился в камере храма Таланака. Там были Анана, краснобородые и множество тишкетмоаков. Они стояли по одному сторону и разговаривали.

При виде его они подпрыгнули, или закричали, или просто выглядели пораженными. Он шагнул было вперед, и тут они пропали. Небо осталось беззвездным, но с запада на восток по нему несся небольшой пылающий объект, а объект помедленнее тащился на запад. Наклоненная пизанская башня планетной массы висела, ярко пылая в небесах.

Вдали отливали белым при планетном свете мраморные здания Корадо. В сотне ярдов от него взвод дракландских солдат начал осознавать, что во вратах кто-то появился. Из-за холмов поднимался твердый предмет. Это был аэролет Колокольников.

Затем все пропало. Он очутился в пещере примерно трех метров в поперечнике и двух с половиной метров в высоту. Во входе ярко сияло солнце.

В отдалении стояло гигантское дерево с огромными лазурными листьями семиугольной формы. За ним виднелось несколько алых кустов и зеленых лоз, поднимавшихся, казалось, без всякой опоры, как поднимается в воздух веревка под музыку факира-индуса. За

ним проглядывала тонкая голубая линия; белая нить и тонкая черная линия—море, прибой и черный песок пляжа.

Он бывал здесь прежде несколько раз.

Это были одни из врат, какими он пользовался, чтобы попасть на самый нижний уровень—уровень Сада, во время своих «каникул».

Хоть и оцепенев, он понял, что попал в резонансную цепь. Где-то кто-то установил устройство, ловившее личность шагнувшего в любые из врат цепи. Пойманный не мог выйти, потому что время активации было слишком кратким. Т. е. мочь то он мог, но был бы разрезан пополам. Одна часть останется там же, а другая пойдет по вратам на следующий круг.

Пещера исчезла, и он очутился на макушке высокого узкого пика, стоявшего среди других пиков. Сбоку вдали находилось то, что, видимое сквозь проход, походило на Великие Прерии. Конечно же, это, должно быть, огромное стадо бизонов покрывало коричнево-зеленую прерию, словно черное море. Проплыл, заклекотав на него, парящий ястреб. У него была изумрудно-зеленая голова и закручающиеся спиральными по ногам перья. Насколько он знал, этот ястреб обитал только на индейском уровне.

Затем все пропало, и он снова оказался в пещере.

Она была больше, чем пещера Сада и темнее. К полумесяцам врат прикреплялись провода. Они тянулись по зеленому полу за огромный валун примерно в шести метрах. Где-то звенела сигнализация. У противоположной стороны стоял шкафчик с открытыми дверцами. На полках лежало оружие и разного рода приборы. Он узнал эту пещеру и также понял, что именно отсюда-то и происходит резонанс. Но ловца еще не было в поле зрения, хотя скоро он появится, если находился в пределах слышимости сигнализации.

Затем все пропало, и он очутился в камере из каменных плит, склоненных в одном направлении, словно их толкнула огромная рука, а часть потолка обвалилась внутрь. Небо было зеленое, а монолит, часть которого он видел, тонким и парящим, и поэтому он понял, что находится в камере, на уровне Атлантиды и что каменный столп—это тот, который поддерживает дворец Господа в тридцати километрах выше.

Потом пропало и это, и он очутился там, где начал свое невольное путешествие с прыжками, как в игре в «классики».

Он стоял в полумесяце в комнате дворца. На него пялились двое Колокольников, а затем они подняли свои лучеметы. Кикаха выстрелил первым, так как ожидал, что ему придется воспользоваться оружием, проведя лучом по груди обоих.

Тридцать четыре долой. Осталось шестнадцать.

И это пропало. Анана и Тиуд стояли теперь у врат. Кикаха крикнул ей:

—Резонансная цепь! Я попался...!

Он снова очутился на луне. Аэролет был теперь немного ближе, спускаясь вдоль склона холма. Сидевшие в нем, вероятно, еще не увидели его, но увидят на следующем обороте или после него. Все, что им требуется сделать, это держать луч поперек врат, и его разрежет, как только он появится.

Дракландские солдаты бежали теперь к нему. Некоторые стояли смирно, но взводили свои арбалеты.

Кикаха, же желая привлечь внимания Колокольников в аэролете, воздержался от охлаждения пыла солдат лучеметом.

Последовала пещера Сада. Затем он очутился на вершине пика на индейском уровне и очень поразился, так как ястреб влетел в район врат как раз тогда, когда появился он. Ястреб поразился не меньше. Он заклекотал и, приземлившись ему на грудь, вонзил в нее когти. Кикаха выставил одну руку перед лицом, чтобы защитить его, почувствовал страшную боль, когда клюв ястреба вонзился в обгоревшую руку, и отпихнул его. Толчок оторвал ястреба, но тот прихватил с собой кусок мяса из руки и груди. Ястреб вылетел из круга, но не был разрезан пополам. Ему лишь отсекло перья на кончике крыла.

Его движение совпало с границей поля, когда началось действие врат. Он прошел через границу в пещеру на дракландском уровне и в саму камеру.

Это была незапланированная точность времени до доли секунды.

Только что вошедший в пещеру, чрезвычайно толстый человек, держал в одной руке мертвого полуобугленного кролика, а в другой—лучемет. Он ожидал, что появится мужчина или женщина, хотя, конечно, не мог знать, когда именно, но он не ожидал клокочущей ярости, когтей и клюва ястреба на своем лице.

Кикаха получил возможность увидеть, как Джудубра выронил кролика и лучемет и вскинул руки перед лицом. Затем Кикаха очутился в камере атлантов. Он присел и подпрыгнул, насколько мог высоко и прямо, чтобы никакая часть его не покинула круга. Он был в пике своего прыжка с подтянутыми ногами, когда появился в дворцовой камере. Но его прыжок, предназначенный для того, чтобы вознести его над лучом, который могли направить поперек круга, оказался ненужным. Двое Колокольников валялись на полу, почерневшие, в горевшей одежде. В комнате было не продохнуть от запаха сильно обгоревших тел. Он не знал, что случилось, но на следующем круге в этой комнате должны вновь оказаться Колокольники.

Они, как он надеялся, будут знать о происходящем не больше чем он и будут озадачены. Однако они не настолько глупы, чтобы не понять, что убийца выскочил из врат, а потом вскочил обратно.

Анана тоже исчезла.

Он очнулся во вратах храма в Таланаке. Жрец, Витрус крикнул ему:

—Она прыгнула во врата! Она тоже поймана, и она...

Он очутился на луне. Аэролет был ближе, но не прибавил скорости. Затем из него выплеснулся луч света и сосредоточился на нем. Колокольники в аэролете вдруг заметили волнение солдат, бежавших к вратам, и целивших туда арбалеты, и включили свет, чтобы выяснить причину волнения.

Послыпался звон, когда арбалетчики выпустили свои стрелы. Кикаха очутился в пещере на уровне Сада. Следующая остановка — маленькая плоская площадка на вершине пика. Он посмотрел себе на грудь, с которой капала кровь, и на руку, тоже окровавленную. Он чувствовал боль, но не такую сильную, какую почувствует позже.

Кикаха был все еще нечувствителен для малых болей. Большой болью являлось его положение и неизбежный конец. До него доберутся либо толстяк в пещере, либо Колокольники. Толстяк, избавившись от ястреба, мог спрятаться за валуном и испепелить его, когда он появится. Существовала, конечно, надежда, что толстяк хотел захватить его в плен.

Он очутился в пещере. Ястреб и толстяк лежали мертвые, почерневшие, и ноздри Кикахи забил запах поджаренных перьев и мяса. Существовало только одно объяснение: Анана, ехавшая по цепи впереди него, сразила лучом их обоих. Толстяк, должно быть, все еще боролся с ястребом, и поэтому Анана застала его врасплох.

Если он сомневался, что она его любит, но теперь имел доказательство этого — она была готова пожертвовать жизнью, пытаясь спасти его. Она сделала это, почти не думая, у нее было мало времени, чтобы понять, что происходит, но она проделала это быстро и еще быстрее бросилась во врата. Она, должно быть, знала, что пройдет неперерезанной, только если кинется точно после активации. Она никак не могла определить точного момента его прыжка. Она увидела, как он появился и исчез, а затем рискнула.

Он подумал, что она наверняка любит его.

Если она могла заскочить, не пострадав, то он мог выскочить.

Материализовались, словно гигантский волшебный замок, атлантические развалины, и он прыгнул вперед. Он приземлился на полу комнаты во дворце, но незадетым.

Его пятка болела так, словно в нее вцепилась крыса. Кусочек кожи на краю пятки отхватило дезактивировавшимся полем.

Затем что-то появилось. Это была Анана. Она крикнула:

—Предметы! Бросайте их во...

Она пропала.

Ему не требовалось ломать голову над тем, что она хотела сказать, потому что он уже раньше надеялся, что она выберет эти сред-

ства, чтобы остановить резонансную цепь. Помимо отключения активирующего прибора, единственным способом остановить цепь было класть в пустые врата предметы с достаточной массой. В конечном итоге, когда все врата будут заняты, цепь остановится.

Явный метод разделения полумесяцев врат тут не сработал бы. Резонансная цепь включала магнитное притяжение между полумесяцами врат, которое могли разорвать только некоторые приборы во дворце, а они должны быть заперты в арсенале.

Не спуская глаз с двери, с лучеметом наготове он подтащил тело Колокольника к полумесяцам. Он подсчитывал секунды, пытаясь вычислить приблизительное время ее появления здесь. Пока он считал, он увидел уголком глаза возникновение и испарения во вратах пяти предметов. Появилась бочка, перерезанный по животу торс дракландского солдата, половина большого серебряного сундука с сыпавшимися из него самоцветами, большая нефритовая статуя и безголовое, почти бескрылое тело зеленоой орлицы.

Его охватила лихорадка беспокойства.

Тиуд в Таланаке, должно быть, выполнял приказ Ананы, отданный ею перед тем, как она прыгнула во врата. Они бросали предметы во врата как можно быстрее, но цепь разомкнется не сейчас, когда Анана очутилась на луне и если это так, то она наверняка будет схвачена и убита.

Затем, когда он вот-вот был готов опрокинуть во врата тело Колокольника, появилась Анана, но не исчезла, как в прошлый раз.

Кикаха пришел в такой восторг, что чуть было не забыл следить за дверью.

—Удача не покидает нас! — воскликнул он.

Потом он сообразил, что его могут услышать за пределами комнаты, и тихо добавил.

—Шансы, что цепь остановится, пока ты здесь, были почти нулевыми.

—Шанс тут не при чем,—ответила она.

Она шагнула из врат, обняла и поцеловала его. В любое время он бы пришел в восторг, теперь же он сказал:

—Позже, Анана. Колокольники.

Она отступила и сказала:

—Через секунду здесь появится Нимстоул. Не стреляй.

Маленький человечек внезапно очутился там. Он имел один лучемет в руке и один за поясом. Он также имел нож и намотанную вокруг плеча веревку. Кикаха отвел свой лучемет от двери и направил его на Нимстоула.

—В этом нет необходимости,—сказал Нимстоул.—Я ваш союзник.

—Пока не...?—уточнил Кикаха.

— Все, что я хочу сделать — это вернуться в свой собственный мир, — заверил его Нимстоул. — С меня больше чем достаточно этих убийств, и пребывания на грани смерти. Во имя Шамбаримена, разве одного мира недостаточно для одного человека?

Кикаха ему не поверил, но решил, что Нимстоулу можно будет доверять, пока не умрет последний Колокольник. Он сказал:

— Я не знаю, что происходило там, за дверью. Я ожидал атаки, но ей полагалось бы начаться уже давно. У них там большой лучемет. Они могли бы теперь выстрелить из него сюда и зажарить нас всех.

Он спросил у Ананы, что случилось, хотя частично догадывался. Она сказала, что Нимстоул зашел в пещеру и нашел своего партнера мертвым, пойманном тем, на кого он устроил ловушку. Нимстоул решил, что ему надоело прятаться в этой пещере. Он хотел получить шанс вернуться в собственный мир и, конечно, как положено Господу, стереть в порошок Колокольников. Он отключил резонансный прибор, когда снова появилась Анана. После этого потребовалось всего несколько секунд для установки резонатора так, чтобы он доставил двух человек с безопасными интервалами во Дворец, где Ана на видела Кикаху.

— Что ты хочешь сказать? — переспросил он. — Мне пришлось выпрыгивать! Я выскошил, но потерял кожу с пятки.

— Конечно, ты никак не мог знать, — сказала она. — Но если бы ты не прыгнул, то мог бы минуту спустя выйти совершенно безопасно.

— В любом случае, ты бросилась за мной, — решил он, — а это все, что идет в счет.

Она озабоченно разглядывала его. Он обгорел и кровоточил все еще капая кровью на пол. Но она ничего не сказала.

Для него нельзя будет ничего сделать до тех пор, пока они не найдут комнату, где имеются препараты для оказания помощи. Она могла находиться достаточно близко, если они, конечно, смогут выбраться из этой комнаты.

Кому-то требовалось посмотреть что творится в коридоре.

Нимстоул не собирался записываться в добровольцы, и Кикаха не хотел, чтобы это делала Анана, и поэтому выглянул сам.

Вместо ожидаемого им луча он увидел пустой коридор. Он сделал им знак выходить за ним и повел их в комнату примерно на четверть мили дальше по коридору.

Здесь он стерилизовал свои раны и ожоги, наложил на них псевдокожу и выпил снадобья для снятия шока и ускорения восполнения крови. Они также поели и напились, пока обсуждали, что им делать дальше.

Говорить было особенно не о чем. Единственное, что оставалось делать, это ждать, пока они не выяснят, что происходит во дворце.

Они ничего не выяснили, пока не вышли к огромной лестнице, ведшей на этаж с центром управления.

Там валялся мертвый Колокольник с почти целиком сожженными ногами, а за обуглившимся диваном лежал другой Колокольник. У этого обгорел бок, но степень ожога указывала, что энергия луча, прежде чем ударить его, была частично поглощена. Он был еще жив.

Кикаха осторожно приблизился к нему и, удостоверившись, что он не приходит в себя потерявшим сознание, опустился рядом с ним на колени. Он собирался применить грубые методы для приведения его в сознание с целью последующего допроса, но когда ему приподняли голову, Колокольник открыл глаза.

—Лувах! —воскликнула Анана.—Мой брат! Один из моих братьев! Но что он здесь делает? Как...

Она держала в руках предмет, который, должно быть, подобрала под диваном. Он был примерно двух с половиной футов длиной, из какого-то серебристого материала, изгибом и формой сильно напоминавший рог африканского буйвола. Однако на выходном отверстии у него был широкий растрub, а на конец наложен мундштук из мягкого золотистого материала. На верху рога вытянулись в ряд семь маленьких кнопок.

Кикаха сразу узнал рог Шамбаримена.

Надежда одним рывком подняла его на ноги.

—Вольф вернулся! —воскликнул он.

—Вольф? —переспросила Анана.—А, Джадавин. Наверное. Но что делает здесь Лувах?

У Луваха было лицо, которое при нормальных обстоятельствахказалось бы привлекательным. Он был Господом, но со своим курносым носом, широкой губой, веснушками и светло-голубыми глазами легко мог сойти за ирландца определенного типа.

—Поговори с ним, —предложил Анане Кикаха.—Может быть, он...

Она опустилась на колени рядом с Лувахом и заговорила с ним. Он, кажется, узнал ее, но выражение его лица могло означать все, что угодно.

—Он может не вспомнить меня в таком состоянии, —сказала она,—или боится. Возможно, он думает, что я собираюсь убить его. Помнишь, я же Господь.

Кикаха сбежал по коридору в комнату, где можно было взять воды. Он принес целый кувшин и Лувах жадно напился. Затем он шепотом рассказал Анане свою историю.

Спустя несколько минут она поднялась и рассказала все им:

—Он попал в ловушку, устроенную Уризеном, нашим отцом. Так, во всяком случае он думал в то время, хотя на самом деле ее ус-

троила Вала—наша сестра. Они с Джадавином-Вольфом стали друзьями. Вольф и его женщина-Хрисенда, попали в ловушку вместе с другими, еще одним братом и несколькими кузенами. Он говорит, что история эта слишком длинная, чтобы рассказывать ее сейчас. Уцелели только Лувах, Вольф и Хрисенда. Они вернулись воспользовавшись рогом. Он, как ты знаешь, может сдублировать резонанс любых врат, если эти врата не установлены на резонанс перемещающий без всякой системы. Они вернулись через врата в тайное отделение центра управления. Затем Вольф заглянул в центр управления через монитор. В нем никого не было. Он переключился на другие экраны и увидел множество убитых людей и талосов. Он, конечно, сперва не знал, что эти люди—Черные Колокольники, а потом увидел шкатулки. Вольф все еще не улавливал связи—ведь прошло столько времени—десять тысяч лет! Но он прошел через врата в центр управления вместе с Хрисендой. Просто для добавочной страховки он отправил Луваха через врата в комнату этажом ниже. Если бы кто-то напал на них в центре управления, то Лувах мог бы проскользнуть к ним в тыл.

—Вольф—не дуролом,—согласился Кикаха.

Он гадал, почему Вольф не увидел живых Колокольников, но вспомнил, что дворец был таким огромным, что Вольф мог потратить не один день на заглядывание во все комнаты. Ему, вероятно, так не терпелось отдохнуть после своих, несомненно, мучительных приключений и так радостно оказаться дома, что он несколько поторопил события. Кроме того, центр управления и окружающий район никто не занимал.

—Лувах сказал, что он поднялся по лестнице и собирался войти в центр управлений и сообщить Вольфу, что все чисто. В этот самый момент в самых больших вратах, установленных убитыми людьми, появились два человека,—Колокольники, конечно. С ними были части разобранного аэролета и большой проектор.

—Фон Турбат и фон Свингебарн!—догадался Кикаха.

—Должно быть, они,—согласилась Анана.—Они поняли, что случилось что-то не то после твоего появления и исчезновения во вратах на луне, а потом и моего. Они бросили свои поиски и...

—Расскажешь мне все остальное, пока я несу Луваха,—перебил ее Кикаха.—Мы доставим его в комнату, где можем заняться его ожогами.

С Нимстоулом, прикрывающим тыл, и Ананой—прикрывающей фронт, он отнес потерявшего сознание Луваха в комнату, где он не так давно лечился сам. Здесь он применил противошоковые медикаменты, средства восполняющие кровь и наложил Луваху псевдокожу.

— Тем временем Анана закончила рассказ.

Двое главных Колокольников, кажется, ожидали неприятностей и держались наготове. Они выстрелили из большого проектора и вынудили Вольфа с Хрисенда укрыться среди титанических пультов и машин.

Лувах нырнул и спрятался за пультом неподалеку от дверей. Двое Колокольников поддерживали прикрывающий огонь, пока проходило множество солдат, а с ними было существо, показавшееся Луваху странным, но Анана узнала по описанию Подаргу. Судя по мимолетному взгляду, брошенному на нее Лувахом, она была без сознания.

Ее несли несколько солдат.

—Подарга! Я думал, что она воспользовалась вратами в пещере, чтобы убраться с луны.—Кикаха недоумевал.—Интересно. Как ты полагаешь?

Несмотря на серьезность ситуации, он не мог удержаться от смеха. Одни из врат отправили бы ее в пещеру на горе с уровня Атлантиды. Там имелось шесть или семь врат, все помеченные для указания, на какой уровень они доставят воспользовавшегося вратами, но все знаки лгали, а код знали только Кикаха, Вольф и Хрисенда. Поэтому она воспользовалась полумесяцем, отправившим ее предположительно на атлантический уровень, где она оказалась сравнительно недалеко от своего дома.

Но она оказалась снова на луне, в той же самой пещере.

Почему же тогда там были только четыре полумесяца, когда ее возвращение должно было довести их число до пяти?

Подарга тоже была хитра. Должно быть, она пропустила что-то через врата, оставив только четыре полумесяца. Поскольку Шуптарт не упомянул о находке в пещере больших белых обезьян, то она, должно быть, пустила их через врата. Наверное, потому что она страдала подозрительностью и думала, какие мотивы имелись у полубезумной полуженщины-полуптицы? В любом случае она выбрала остаться на луне. Колокольники, возможно, именно на нее и охотились в развалинах Корада, когда Кикаха увидел их, находясь в резонансной цепи.

Луваха вынудили отступать из центра управления солдаты, некоторые из них держали лучеметы. Это удивило Кикаху. Должно быть, Колокольники дошли до крайнего отчаяния, если выдали дракланцам такое оружие.

Поэтому Луваху пришлось отойти, но, делая это, он убил множество своих преследователей. Затем он получил тяжелый ожог, поэтому не сумел убить оставшихся. Шестеро убитых носили на спине шкатулки.

—Вольф! Хрисенда!—воскликнул Кикаха.—Мы должны сейчас же отправляться туда! Возможно, они нуждаются в нас!

Несмотря на свое неистовство, он сумел сдержаться и вести себя осторожно, когда они приблизились к центру управления. Но пути они прошли мимо обугленных тел, свидетельства, что Лувах дрался хорошо.

Кикаха вел остальных шагом, более скрым, чем требовала осторожность, но он чувствовал, что Вольф, может быть, в этот самый миг остро нуждался в нем.

Путь к центру управления указывали обугленные трупы, поврежденная мебель и стены. Вонь от пережаренного мяса становилась тем сильнее, чем ближе они подходили к своей цели. Он страшился входить в центр. Было бы в самом деле трагично, если бы Вольф и Хрисенда пережили столь многое только для того, чтобы быть убитыми по возвращении домой.

Он мысленно укрепил себя, но, когда он, пригнувшись, вбежал в центр, огромное помещение казалось безмолвным, как червь в трупе. Повсюду валялись убитые, включая еще четырех Колокольников, но ни Вольфа ни Хрисенды не было.

Кикаха испытал облегчение от того, что ни сбежали. Но куда? Поиск показал, где они дали свой последний бой. Они окопались в углу у задней стены за огромным щитом видеомониторов. Экраны вдребезги разлетелись от лучей нескольких лучеметов, а металл шкафа был расправлен и разрезан. То тут, то там за пультами валялись тела дракландских солдат, попавших под лучи Вольфа или Хрисенды.

Фон Турбат (Траумгласс) и фон Свиндебарн тоже погибли. Они лежали у большого проектора, который продолжал излучать, пока у него не иссякла энергия. В металле стены, куда он целил, имелось двенадцатифутовое отверстие, а у его подножья—лужа все еще горячей лавы. Фон Турбата разрезало почти пополам, фон Свиндебарна зажарило от бедер до макушки. К их спинам все еще были пристегнуты шкатулки.

—Мы не досчитываемся только одного Колокольника,—прикинулся Кикаха.

Он вернулся к углу, где сражались Вольф и Хрисенда. Здесь к металлическому полу был прикреплен большой серый металлический диск. Должно быть, это были новые врата, помещенные здесь Вольфом с тех пор, как Кикаха последний раз побывал во дворце.

—Анана,—сказал он,—возможно, мы сумеем выяснить, куда ведут эти врата, если Вольф занес их в свою кодовую книгу. Он, должно быть, оставил мне записку, если у него нашлось время. Но ее могли уничтожить Колокольники. А может, и нет. Мы сперва должны отыскать того последнего и единственного Колокольника. Если он убрался отсюда, вернувшись через врата в твою вселенную или же к Нимстоулу с Джудуброй, то мы получим настоящую проблему.

—Это вызывает такой страх! —Анана содрогнулась.—Почему Господа не бросят драться между собой и не объединяться, чтобы избавиться от Колокольников?

Она пошла прочь. Ее беспокойство и почти паника, вызванные звоном в мозгу от близости шкатулок Колокольников, были очевидны.

—Я должна убраться отсюда,—сказала она,—или, по крайней мере, отойти на некоторое расстояние.

—Я еще раз осмотрю трупы,—сказал он.—Погоди! Где Нимстоул?

—Он был здесь,—ответила она.—Я думала, что... Нет, я не знаю, куда он исчез!

Кикаха почувствовал раздражение оттого, что она не держала под наблюдением маленького Господа, но он воздержался от замечаний, поскольку выражением гнева ничего не добьешься. Кроме того, недавних событий было достаточно, чтобы отвлечь любого, а потом ее сводил с ума звон в голове.

Она поспешно покинула центр. Он прошел через помещение, проверяя каждое тело, заглядывая всюду.

—Вольф и Хрисенда, безусловно, хорошо постояли за себя,—сказал он,—они действительно искривляли свои лучи, чтобы достать столь многих за пультами. Фактически ониостояли за себя слишком хорошо. Я этому не верю.

А Подарга?

Он подошел к дверям, где пригнулась на своем сторожевом посту Анана.

—Я не могу взять этого в толк,—сказал он ей.—Если Вольф убил всех нападавших, что маловероятно, то зачем ему с Хрисендоей понадобилось уходить через врата? И как, черт побери, Вольф сумел сразить лучом двух Колокольников, когда тем полагалось изжарить его первым же выстрелом из проектора? Где Подарга и недостающий Колокольник?

—Наверное, они тоже ушли через врата в разгаре боя,—предположила Анана,—или улетели из центра управления.

—Да, а где Нимстоул? Пошли. Начнем искать.

Она застонала. Он не винил ее. Из них обоих повыкачало энергию, но они не могли сейчас остановиться. Он побудил ее подняться, и вскоре они изучали тела в коридорах за пределами центра управления и на лестнице. Он удостоверился, что убил двух Колокольников ракетами-шпионами. Пока они рассматривали солдата, сгоревшего во время боя с Лувахом, до них донесся стон.

С лучеметами наготове они приблизились с двух сторон к перевернутому бюро.

За мебелью они обнаружили Нимстоула, сидевшего, привалив-

шился спиной к стене. Он держался за правый бок, и сквозь пальцы сочилась кровь. Поблизости от него лежал человек с пристегнутой к спине шкатулкой.

Это был недостающий Колокольник. В живот ему загнали нож по самую рукоятку.

—У него был лучемет,—сказал Нимстоул,—но заряд, должно быть, истощился. Он попытался подкрасться и убить меня ножом.

Кикаха изучил рану Нимстоула. Хотя кровь текла обильно, рана была неглубокой. Он помог Господу подняться, а затем удостоверился, что у того нет припрятанного оружия. Он помог ему войти в комнату, где спал Лувах, наложил на его рану псевдокожу и дал ему немного кровевосстановительного.

—И он притом мог добраться до меня,—жаловался Нимстоул.

—Так быстро он прыгнул. Но это вовремя предупредило меня.

Он поднял руку с таким же, как у Ананы, кольцом.

—Все Колокольники мертвы,—облегченно вздохнула Анана.

—В это трудно поверить,—отозвался Нимстоул.—Наконец-то! И последнего убил я!

Кикаха улыбнулся этому, но воздержался от комментариев, а просто предложил ему:

—Ладно, Нимстоул, поднимайся-ка на ноги и не пытайся что-нибудь выкинуть. Я на время запру тебя.

Он снова обыскал Нимстоула. Тот принял позу оскорбленного достоинства и заорал:

—Почему ты так поступаешь со мной?

—Я не верю в ненужный риск. Я хочу проверить тебя. Пошли. Дальше по коридору есть комната, в которой я тебя запру, пока не удостоверюсь насчет тебя.

Нимстоул всю дорогу протестовал, и Кикаха, прежде чем закрыть его, сказал:

—Что ты делал в такой дали от центра управления? Тебе полагалось быть с нами. Ты ведь не убегал от нас, верно?

—Ну и что с того, что убегал?—огрызнулся Нимстоул.—Битва закончилась или как я, по крайней мере, думал. Я собирался вернуться в свою вселенную, прежде чем эта сука Анана попытается убить меня, так как теперь она во мне не нуждается. Я не мог уповать на то, что ты удержишь ее. В любом случае не так уж плохо, что я покинул вас. Если бы я этого не сделал, тот Колокольник мог бы уйти или устроить вам засаду.

—Может быть, ты и прав,—согласился Кикаха.—Но так или иначе, ты останешься здесь.—Он закрыл дверь и запер ее, нажав кнопку на стене.

После этого они с Ананой продолжили долгий поиск. Они могли бы сократить работу для ног, осматривая комнату за комнатой, если бы воспользовались видеомониторами в центре управления, поскольку через них можно было увидеть много комнат и коридоров, не покидая дворец. Вольф деактивировал их, зная, что Кикаха сможет их включить, если вновь наведется во дворец. Колокольники не сумели найти источник управления и не располагали ни временем, ни достаточным числом рук, чтобы разобрать пульт управления и перемонтировать его. Теперь же Кикаха не мог воспользоваться мониторами так как во время боя они были уничтожены.

Они осмотрели сотни комнат, дюжины коридоров, десятки лестниц и все же охватили лишь малую часть одного здания, а им предстояло пройти еще очень много.

Они решили, что им надо подкрепиться и выпастися. Они проверили состояние Луваха, который удобно спал, и заказали из кухни обед. Поев, Кикаха решил подняться в центр управления и удостовериться, что там не произошло ничего важного. Он питал некоторые надежды, что может вернуться Вольф, хотя это казалось маловероятным. Существовали большие шансы, что врата действовали односторонне, если не воспользоваться рогом Шамбарамена, а тот был у Луваха.

Они потащились обратно вверх по лестнице: Кикаха не хотел пользоваться лифтами, пока не обретет уверенности, что они не заминированы. Как раз перед тем, как войти в центр управления, он остановился.

—Ты что-нибудь слышала?

Она покачала головой. Он жестом велел ей прикрыть его и, прыгнув к двери, покатился по полу за пульт управления. Некоторое время он лежал так, прислушиваясь. Вскоре он услышал тихий стон. Затем последовала тишина и еще один стон. Кикаха пополз по полу от пульта к пульту, ориентируясь по звукам.

Он был удивлен, хотя и не потрясен, когда обнаружил прилепившуюся к пульту Подаргу. Ее перья покернели и испускали зловоние, ноги обуглились так глубоко, что отвалились некоторые пальцы. Груди превратились в коричнево-красное мясо.

Рядом с ней лежал лучемет, когтистая лапа стискивала его рукоять.

Она вошла в центр, пока они с Ананой отсутствовали, и кто-то подстрелил ее.

По-прежнему, по-пластунски он произвел расследование и через минуту нашел ответственное лицо. Это был солдат, Шуптарт, которого он считал убитым Колокольниками. Но теперь, когда он подумал вновь, то ведь не смог опознать его ни в одном трупе. Это, прав-

да, не было неожиданным, поскольку многие обуглились до неузнаваемости.

Значит, тевтон сбежал от Колокольников и, вероятно, сбежал на нижние этажи. Он вернулся выяснить, что происходит. Подарга тоже вернулась после своего отлета из центра в разгар боя между Колокольниками и Вольфом. Эти двое, не имевшие на самом деле никаких причин конфликтовать, смертельно обожгли друг друга.

Кикаха заговорил с тевтоном, и тот что-то пробормотал. Кикаха нагнулся к нему поближе. Но слов было почти не разобрать, но некоторые из них он уловил. Они не походили на немецкие. Они были на речи Господов!

Кикаха вернулся к Подарге. Глаза ее были открыты и тускнели, словно на них медленно, слой за слоем накладывали тонкие вуали.

—Подарга! — позвал Кикаха. — Что случилось?

Гарпия застонала, а потом что-то произнесла, и Кикаха снова перазился. Она говорила на речи Господов!

После этого она умерла.

Кикаха позвал Анану. Пока она стояла на страже, он попытался допросить Шуптарта. Тевтон находился в глубоком шоке и быстро умирал. Но он казалось, узнал Кикаху, хотя только на миг. Наверное, жажда жизни, нахлынув, придала ему столько сил, чтобы высказать просьбу, способную спасти его — если бы Кикаха проявил милосердие.

—Мой колокол... там... надень его... мне на голову... Я буду...

Губы его дернулись, в горле что-то забулькало.

—Ты вселился в Шуптарта? — спросил Кикаха, — не так ли, вместо того, чтобы убивать его? Кем ты был?

—Десять тысяч лет, — прошептал Колокольник. — А потом... ты...

Глаза его стали такими, словно в мозг сыпалась пыль, челюсть отвисла, словно подъемный мост для выпуска души — если у Колокольников имелись души. А почему бы и нет, если они вообще у кого-либо имелись?

Колокольники были смертельными врагами, особенно ужасными из-за своего метода захвата. Но в действительности они являлись не более злобными и смертельными, чем любой человеческий враг, и хотя захват казался особенно ужасным, он не был таковым для жертв, чей разум умирал, прежде чем в тело вселялся Колокольник.

—Третий Колокольник захватил мозг Шуптарта, — сказал Кикаха. — Затем, он должно быть, сбежал на верхние этажи, рассчитывая, что если до меня не доберутся его дружки, то он-то позже обязательно доберется до меня. Он думал, что я приму его за Шуптарта. Теперь есть еще Подарга. Я бы сказал, что Колокольник переправился в нее на луне, но этого не может быть. На луне были только два Колокольника, фон Турбат и фон Свиндебарн. А Лувах сказал, что

видел, как они прошли через врата и центр укрепления. Поэтому передача, скорее всего, произошла после того, как скрылись Вольф и Хрисенда. Один из этих Колокольников вселился в Подаргу, но не раньше, чем эти двое перебили бывших с ними дракланских солдат, чтобы придать делу такой вид, будто все они были убиты Вольфом и Хрисеной. Потом они переключились на Подаргу и еще одного солдата, которого они должны были пощадить для этой цели. И вот Колокольник в этом-то солдате и прыгнул на Нимстоула. Так что теперь фон Турбат и фон Свингебари мертвы, несмотря на все их хитрости, а Колокольник в теле Подарги должен был, держу пари, притворяться, что она бросила попытки добраться до меня. Она должна была молить о дружбе, и вести себя так, словно действительно раскаивается, а когда моя бдительность ослабнет—убить. Знаешь, это действительно смешно. Ни Подарга-Колокольник, ни Шуптарт-Колокольник не знали, что другой—это замаскированный Колокольник, и поэтому они убили друг друга.

Он разразился громким смехом, но вдруг сделался задумчивым.

—Вольф и Хрисенда где-то застряли. Давай сходим в библиотеку и заглянем в кодовую книгу. Если он занес туда эти врата, то мы можем узнать, как их активировать и куда они делись.

Они направились к двери. Кикаха немного отстал, потому что его опечалил вид Подарги. Она обладала лицом Ананы и одного этого хватило, чтобы вызвать у него подавленное чувство, потому что она выглядела словно мертвая Анана. Более того, его отягощало безумие гарпии, мука, которую она терпела три тысячи двести лет. Она могла бы снова оказаться в женском теле, если бы приняла предложение Вольфа, но она слишком углубилась в свое безумие, она хотела страдать, а также хотела страшно отомстить человеку, поместившему ее в тело гарпии.

Анана остановилась так внезапно, что он чуть не врезался в нее.

—Этот звон!—простонала она.—Он начался опять!

Она закричала и одновременно вскинула лучемет.

Кикаха уже выстрелил. Он направил луч опасно близко к ней, в дверной проем, даже прежде, чем в нем кто-нибудь появился. И теперь лучемет работал на полную мощь, достигнув режущего эффекта. Он отсек кусок левого плеча Нимстоула.

Нимстоул отпрыгнул.

Кикаха подбежал к двери, но не выскоцил в коридор.

—Это фон Турбат или фон Свингебарн!—крикнул он.

Он быстро размышлял. Один из двух вождей забрался в Подаргу, другой переключился в тевтона. Затем они сожгли свои бывшие тела и покинули центр управления, отправившись оба своей дорогой с надеждой убить своих врагов.

Тот, что был в теле тевтона, напал на Нимстоула. Наверное, он

действительно ранил Господа, однако, он сумел переключиться в него.

Нет, этого не могло быть, поскольку для переключения требовалось двое Колокольников, и один должен орудовать Колоколом для пересадки другого.

—Разве ты не знаешь? —слабо проговорил он.—Тогда для нас еще есть надежда.

Анана отстегнула шкатулку от ремней Колокольника. Она открыла ее и, поморщившись, вынула большой черный колокол-колпак.

—Ты, может, думаешь, что умрешь, не сказав нам, кто тот Колокольник, и что он собирается делать. Но ты не умрешь,—пообещала она.

Она скомандовала:

—Кикаха, подержи его голову. Я собираюсь надеть на нее колокол.

Колокольник попытался было бороться, но он был слишком слаб и только чуть извивался. Наконец он спросил:

—Что вы собираетесь делать?

—Содержимое твоего ума будет автоматически переправлено в колокол,—сказала она.—Как тебе хорошо известно, это тело умрет, но мы найдем тебе здоровое тело и вложим в него твой ум, а когда мы проделаем это, то будем пытать тебя, пока ты не скажешь нам все, что мы желаем знать.

—Нет!

Колокольник застонал и снова попытался вырваться. Кикаха легко удерживал его, пока Анана помешала на его голову колокол.

Через некоторое время глаза Траумграсса остекленели и он умер. Кикаха посмотрел на низ колокола, когда Анана подняла его для обозрения. Две крошечные иглы втягивались обратно.

—Я думаю, что его разум был принят прежде, чем умерло тело,—сказал он.—Но, Анана, я не позволю тебе размагничивать мозг человека только для того, чтобы впустить эту тварь в его тело и получить некоторые сведения. Как бы там ни были важны эти сведения.

—Я это знаю,—сказала она.—Я бы тоже этого не сделала. Благодаря тебе я вновь обрела кое-что из своей утраченной человечности. Более того, под рукой нет никаких доступных для использования живых тел.

Она замолчала. Наконец, он не выдержал.

—Не смотри на меня. У меня не хватит духу.

—Я тебя не виню.—Она криво улыбнулась.—В любом случае я бы не хотела, чтобы это делал ты. Это сделаю я.

—Но...

Он остановился. Это требовалось сделать, и он полагал, что если

бы не вызвалась она, то это сделал бы он, хотя и очень неохотно. Он чувствовал некоторый стыд оттого, что позволял ей подвергаться тяжелому испытанию, но не в достаточной степени, чтобы заставить его настаивать на своей кандидатуре. Кикака обладал большей, чем некоторые, смелостью и первый заявил бы об этом. Но этот акт требовал больше, чем все, что у него имелось в данный момент или, вероятно, имелось, покуда действовал кто-то другой. Вызванное этим ощущением предельной беспомощности сделало бы из него труса. Он не смог бы вынести этого чувства.

—Здесь есть наркотики, способные добыть правду,—сказал он,—или, во всяком случае то, что считает правдой объект их действия. Получить факты от тебя—я имею в виду, от Колокольника—будет нетрудно, но ты действительно считаешь это необходимым?

Он знал, что это так. Он просто не мог смириться с мыслью, что она тоже покориться колоколу.

—Ты знаешь, какой ужас я испытываю перед колоколом,—ответила она.—Но я вложу в него свой разум и впущу одну из этих тварей в свое тело, если это наведет на след последнего Колокольника, последнего, раз и навсегда.

Он хотел было возразить, но удержал язык за зубами. Это требовалось сделать.

Хотя он называл себя трусом за то, что сам не мог решиться на такое, и по его коже пробегали мурашки от страха за нее,—все-таки позволил ей воспользоваться колоколом.

Прежде чем подвергнуться пересадке, Анана прильнула к нему и яростно поцеловала.

—Я люблю тебя,—сказала она.—Я не хочу этого делать! У меня такое чувство, словно я кладу себя в могилу как раз тогда, когда я могла ожидать переди твоей любви.

—Мы могли бы просто обыскать вместо этого дворец,—сказал он.—Мы бы обязательно выкурили Колокольника.

—Если он скрылся, мы никогда не узнаем кого искать,—возразила она.—Нет. Действуй! Сделай это! Быстрее! Я сейчас чувствую себя так, словно умираю.

Анана лежала на диване. Она закрыла глаза, пока он надевал ей на голову колокол. Затем он держал ее, пока тот не завершил свою работу. Ее дыхание, быстрое и неглубокое из-за беспокойства, через некоторое время замедлилось, веки затрепетали и открылись, глаза смотрели так, словно свет в них стал застывшим во времени, замершим в какой-то странной полярности.

Подождав несколько лишних минут для гарантии, что колокол закончил пересадку, он мягко снял его с ее головы и положил его в шкатулку на полу, после чего связал ей руки и ноги и плотно ее прикутил ремнями к дивану.

Он установил ей на голову колокол, содержавший разум Траумгасса.

Когда прошло двадцать минут, он почувствовал уверенность, что передача завершена.

Лицо ее ожило, глаза стали дикими, как у попавшего в силки ястреба, голос остался прекрасным голосом Ананы, но модуляции стали иными.

— Я могу определить, что нахожусь в теле женщины,— произнесла она.

Кикаха кивнул, а затем сделал укол наркотика ей в руку.

Он подождал минуту, а затем стал выкачивать нужные ему сведения.

Для извлечения фактов потребовалось меньше времени, чем для вступления в силу действия наркотика.

Господа ошибались относительно точного числа недостающих Колокольников. Их было пятьдесят один, а не пятьдесят, и Колокольники, конечно же, не посвятили своих врагов.

«Лишним» был Табууз.

Большую часть времени он находился внизу, в лабораториях дворца, где занимался созданием новых Колокольников.

Когда подняли тревогу из-за Кикахи, он поднялся из лаборатории. Он не получил шанса много сделать, но смог помочь Траумгассу нокаутировать Нимстоула, а потом пересадить его.

Траумгасс в теле маленького Господа должен был сделать еще одну попытку убить двух оставшихся врагов Колокольников.

В случае неудачи Табууз должен был отправиться через врата на Землю, со своим колоколом и своими знаниями.

Там, на Земле, спрятавшись в кишмя кишевшем человечестве, он должен был изготовить новых Колокольников для еще одной попытки завоевания.

— Какими вратами он воспользовался?

— Теми же, что воспользовались Вольф и Хрисенда,— ответил Траумгасс.— Они ведут на Землю.

— Откуда ты это знаешь?— Мы нашли кодовую книгу и раскололи код и таким образом выяснили, что эти врата ведут на Землю. Табууз получил приказ воспользоваться ими, если чрезвычайная обстановка потребует, чтобы он убрался из дворца в место, где мог бы спрятаться.

Кикаха был потрясен, но, по размышлении, и доволен.

Теперь у него появились две причины отправиться на Землю.

Одна, и самая важная,— это найти Табууза и убить его, прежде чем тот начнет осуществлять свой проект.

Вторая—он должен найти Вольфа с Хрисендою и сообщить им,

что они могут вернуться домой, если пожелают. Вольф, несомненно, захочет помочь ему и Анане в охоте на Колокольника.

Кикаха вновь поместила колокол на голову Ананы.

Через пятнадцать минут перекачивание разума Траумграсса в колокол завершилось.

Тогда Кикаха надела ей на голову колокол, содержащий ее собственный разум.

Примерно через двадцать минут она открыла глаза и радостно произнесла ~~его~~ имя.

Некоторое время она плакала, прижимаясь к нему.

Анана рассказала, что впечатление от пребывания в колоколе такое, словно ее мозг вырезали из головы и поместили в темную бездну.

Она не переставала думать, что с Кикахой может что-то случиться, и тогда она навсегда будет заперта в этом колоколе.

Она также знала, что сойдет с ума от этого и мысль о возможности остаться навеки безумной, приводила ее в еще большее неистовство.

Кикаха утешил ее, и когда Анана немного успокоилась, сообщил ей все, что узнал.

Анана сказала, что они должны отправиться на Землю, но им сперва следует отделаться от Траумграсса.

—Это будет легко,—сказал Кикаха.—Я помешу колокол в пластиковый куб и поставлю его в музес. Позже, когда у меня будет время—т.е. когда я вернусь с Земли—я доставлю его в Таланак. Можно будет разрядить его в приговоренного к смерти преступника, а потом убить. В то же время давай приготовимся к путешествию на Землю.

Он проверил по кодовой книге сведения, данные ему Колокольником.

Врата переносили во врата, находящиеся в Южной Калифорнии, без указания конкретного места.

—У меня бывали времена от времени приступы ностальгии,—сказал Кикаха,—но я преодолевал их. Это мой мир,—этот мир ярусов, зеленых небес и сказочных зверей. Земля мне кажется похожей на большой серый кошмар, когда я думаю о необходимости постоянно жить там. Но все же, у меня времена от времени возникает небольшая тоска по дому.

Он помолчал, а потом сказал:

—Мы, возможно, пробудем там какое-то время. Нам понадобятся деньги. Интересно, припас ли их где-нибудь Вольф?

Банк памяти подземной машины сообщил ему, где найти склад-хранилище земной валюты.

Кикаха вернулся из хранилища со странной усмешкой и мешком в руке.

Он вывалил содержимое мешка на пол.

—Множество американских долларов,—додумил он.—Много стодолларовых банкнот и дюжина тысячедолларовых. Но самые поздние выпущены в 1985 году.

Он засмеялся.

—Мы все-таки захватим их. Возможно, нам удастся продать их коллекционерам. Мы захватим также несколько драгоценных камней.

Он запрограммировал машины для изготовления одежды себе и Ананы.

Они были смоделированы такими, как он помнил самые последние американские моды 1946 года.

—Сойдут, пока мы сможем купить что-нибудь поновее.

Пока они готовились, они перенесли Луваха в комнату побольше и поудобнее и поручили присматривать за ним кухонным талосам.

Кикаха оставил Анану поговорить с братом, в то время как сам занялся сборами всего необходимого для путешествия на Землю.

Он достал некоторые медикаменты, наркотики, лучеметы, заряды к ним, метательный нож для себя и небольшой стилет с ядом в полой рукоятке для Ананы.

Рог Шамбаримена находился в футляре.

Он отнес футляр в комнату, где они находились.

—Я выгляжу, словно музыкант,—сказал он.—Мне надо будет постричься при первом же удобном случае, когда мы окажемся там. У меня такие длинные волосы, что я выгляжу как Тарзан. Я не хочу привлекать внимания. Ах, да, ты отыне вполне можешь называть меня Пол. Кикаха отпадает. Я теперь опять Пол Янус Финнеган.

Они попрощались с Лувахом, который пообещал охранять дворец в их отсутствие. Он позаботится, чтобы талосы отправили все тела в крематорий, и установит защиту дворца от мародерствующих Господов.

Он пребывал в экстазе от воссоединения с Ананой, даже если и не долго.

Он явно был необычным Господом.

Несмотря на это, как только они вышли из его комнаты, Кикаха осведомился у Ананы:

—Ты поговорила о старых временах, как я тебя просил?

—Да,—ответила она.—Нашлось множество вещей, которых он просто-напросто не мог вспомнить.

Кикаха остановился.

—Ты думаешь?

Она покачала головой и рассмеялась.

—Нет. Нашлось также множество вещей, которые он помнил и о которых Колокольник вообще не мог знать. Он напомнил мне о неко-

торых вещах, которые забыла я. Он, безусловно, мой брат, он не Колокольник, как ты подозревал, мой подозрительный любимый.

Кикаха усмехнулся и парировал.

— Тебе эта мысль пришла на ум в то же самое время, что и мне. Помнишь?

Он поцеловал ее.

Перед тем, как шагнуть во врата, активируемые кодовой фразой, он спросил:

— Ты спросил по-английски?

— Большую часть своих трех лет на Земле я провела в Париже и Лондоне, — ответила она. — Но я начисто забыла и французский, и английский.

— Изучишь снова. А пока, представь говорить мне.

Он постоял, словно не хотел так быстро отправляться в путь.

— Одно хорошо с отправкой на Землю. Нам придется выслеживать того Колокольника. Но нам не придется беспокоиться о столкновениях с какими-либо Господами.

Анана удивилась:

— Разве Вольф не говорил тебе? Рыжий Орк — тайный Господь Земли!

Конец третьей книги

ФИЛИП ДЖ. ФАРМЕР

ЗА СТЕНАМИ ТЕРРЫ

книга 4

Перевод с английского

*Эти приключения Кикахи посвящаются Джеку Кордсу, живущему в карманных вселенных Пеории и Пекина**

Двадцать четыре года небо было зеленым, но внезапно оно оказалось голубым.

Кикаха зажмурился. Он вновь очутился дома. Или скорее, опять очутился на планете, где родился. Он жил на Земле. Затем в «карманной» вселенной, названной им Многоярусным Миром. Теперь же, хотя его сюда и не тянуло, он вернулся «домой».

Он стоял в тени огромного козырька скалы. Ветер, гулявший по поверхности скал, дочиста вымели каменный пол. За пределами полу-пещеры лежали горы, покрытые соснами и елями. Воздух отличался прохладой, но должно было стать теплей поскольку было утро июльского дня в южной Калифорнии. Вернее, станет, если его расчеты правильны.

Поскольку он находился на высоком склоне горы, он видел очень далеко на юго-запад. Там за ближними долинами поменьше, расстилась большая долина, находившаяся по его предположениям, неподалеку от района Лос-Анджелеса. Она его удивила и встревожила, так как совсем не походила на то, что он ожидал увидеть. Ее покрывало густое серое облако ядовитого дыма, — будто состоящее из многих, многих тысяч домов, словно дно долины под этим облаком было забито кипящими и бурлящими гейзерами, извергающими вредные газы изнутри Земли.

Он не имел понятия, что произошло на Земле с той ночи 1946 года, когда его случайно перебросило из этой вселенной во вселенную Джадавина. Наверное, крупные долины в районе Лос-Анджелеса заполнили ядовитые газы, сброшенные каким-то враждебным государством. Он не мог понять, какой враг смог это сделать, поскольку Германия и Япония, когда он покинул этот мир, были разорены и наголову разгромлены, а Россия тяжело изранена.

* Пекин, здесь не столица Китая, а городишко в штате Иллинойс. Да и вселенные, здесь не вселенные, а университеты.

Он пожал плечами. Со временем все выяснится. Банки памяти под огромным дворцом-крепостью на вершине единственной планеты во вселенной зеленого неба гласили, что эти «врата» открывались где-то в горах неподалеку от озера под названием Эррухад.

Врата представляли собой круг неразрушимого металла, погребенный несколькими дюймами ниже скального пола. Их присутствие отмечало только нечетко нарисованное пурпурное кольцо на камне.

Кикаха, урожденный Пол Янус Финнеган, был ростом в шесть футов и один дюйм, весил сто девяносто фунтов и отличался широкими плечами, узкой талией и массивными бедрами. Бронзово-рыжие волосы обрамляли лицо с густыми, темными, изогнутыми бровями, лиственно зелеными глазами, прямым, но коротким носом, длинной верхней губой и глубоко раздвоенным подбородком. Он носил походную одежду, за спиной висел рюкзак. В одной руке он держал рукоять темного кожаного футляра, выглядевшего, словно в нем содержался музыкальный инструмент, вероятнее всего — горн или труба.

Волосы Кикахи доходили до плеч. Он подумывал подстричь их до возвращения на Землю, чтобы не выглядеть странным. Но время поджимало, и он решил подождать, пока не доберется до парикмахерской. Его легендой было то, что они с Ананой так долго провели время в горах, что у него просто не было шанса обкорнать свою гриву.

Женщина рядом с ним была настолько прекрасна, насколько это вообще возможно для женщины. У нее были темные волнистые волосы, безупречно белая кожа, синие глаза и превосходная фигура. Одета она была в походное туристское облачение: сапожки, джинсы, клетчатую рубашку лесоруба и каскетку с длинным козырьком. Она тоже несла на спине рюкзак, где лежали туфли, платье, нижнее белье, сумочка и несколько приборов, наверняка способных поразить или потрясти земного ученого. Волосы она причесала по моде 1946 года, как помнил эту моду Кикаха. Косметикой она не пользовалась, да она в ней и не нуждалась. Тысячи лет назад она навсегда сделала себе губы красными, как поступали все Господа женского пола.

Кикаха поцеловал женщину в губы и сказал:

— Ты, Анана, побывала во множестве миров, но держу pari, не была ни в одном более странном, нежели Земля.

— Я видела и прежде голубые небеса, — не согласилась она, — Вольф и Хрисенда опередили нас на пять часов. Колокольчик на два часа. И в их распоряжении большой мир, в котором можно застерьться.

Он кивнул и добавил:

—У Вольфа и Хрисенды не было никаких причин болтаться здесь поблизости, так как врата эти односторонние. Они отправятся к ближайшим двусторонним вратам, которые находятся в районе Лос-Анджелеса, если они еще существуют, те врата. Если же нет, то самые близкие находятся в Кентукки или на Гавайях. Так что мы знаем, куда они могут двинуться.

Он помолчал, облизывая губы, а затем добавил еще: —Что же касается Колокольника, то кто знает? Он может отправиться куда угодно или, возможно, где-то поблизости. Он попал в абсолютно чужой мир, он ничего о Земле не знает и не умеет говорить ни на одном из местных языков.

—Мы не знаем, как он выглядит, но мы найдем его,—уверенно произнесла она.—Я знаю Колокольников. Этот не станет прятать свой колокол, а потом убегать и скрываться, рассчитывая вернуться за ним позже. Колокольник не способен вынести мысли об уходе очень далеко от своего колокола. Он будет таскать его за собой, сколько сможет. И это будет единственным средством опознать его.

—Знаю,—отозвался Кикаха. Ему вдруг стало трудно дышать и на глаза его навернулись слезы. Внезапно он заплакал. На минуту Ана-на встревожилась, потом поддержала:

—Поплачь! И однажды я заплакала,—когда вернулась в свой родной мир. Я думала, что глаза у меня высохли навек, что слезы — это удел для смертных, но возвращение домой разоблачило мою слабость.

Кикаха вытер слезы, снял с пояса флягу, открыл ее и сделал большой глоток.

—Я люблю свой мир, мир с зелеными небесами,—заявил он.—Земля мне не нравится. Я вспоминаю ее без особой симпатии. Но надо полагать, любовь у меня к ней больше, чем я предполагал. Признаюсь, что время от времени я испытывал некоторую nostальгию, некоторое слабое стремление вновь увидеть ее, повидать знакомых мне людей. Но...

Под ними, наверное ниже на тысячу футов, гору отгибалась двухполосная дорога, продолжавшая подниматься вверх, пока не терялась за следующим поворотом. В верхней части появился автомобиль, пронесясь под ними, а затем скрылся за нижним поворотом дороги.

Глаза Кикахи широко раскрылись и он воскликнул:

—Я никогда прежде не видел такой машины. Она выглядела словно какой-то клопик. Жук. В поле зрения показался ястреб, оседлавший воздушные потоки, спланировал и пролетел примерно в ярдах ста от них.

Кикаха пришел в восторг.

—Это первый краснохвостый, которого я увидел с тех пор, как покинул Индиану!

Он шагнул на карниз, забыв на секунду, но только на секунду — об осторожности. А потом отпрянул обратно под защиту каменного козырька, сделал знак Анане и та подошла к одному концу карниза и взглянула, в то время как он сделал то же самое на другом. Внизу, насколько он мог видеть, никого не было, хотя обилие деревьев могло скрыть всякого, кто не хотел быть увиденным. Он вышел немного дальше и посмотрел тогда вверх, но из-за козырька не смог ничего рассмотреть. Путь вниз сперва не был виден, но обследование открыло выступы как раз под правой стороной карниза. Для начала они могли сойти, и коль скоро они начнут спускаться, появятся и другие опоры для рук и ног.

Кикаха осторожно свесился с карниза, нащупывая ногой выступ. Затем он влез обратно, лег на карниз и снова тщательно изучил дорогу и лес тысячей футов ниже. Где-то под ними подняли крик голубые сойки. Воздух служил вместо воронки, доставляя в его уши слабые звуки.

Он достал небольшой бинокль и подкрутил три диска на его поверхности. Затем вынул наушник и тонкий проводок со штепселям на одном конце и вставил этот штепсель в гнездо сбоку у бинокля. Он стал обводить биноклем лес внизу и в конце концов навел его на то место, где сойки подняли крик.

Благодаря прибору отдаленный лес вдруг стал близким, а слабые звуки громкими. Двигалось нечто темное и, настроив бинокль, он увидел лицо человека. Новый обвод биноклем и новая настройка дали ему возможность увидеть тела других людей. Каждый был вооружен винтовкой с оптическим прицелом, а у двоих были и бинокли.

Кикаха передал бинокль Анане, чтобы та взглянула сама, и спросил:

—Насколько ты знаешь, Рыжий Орк — Единственный Господь Земли. Она опустила бинокль и подтвердила:

—Да.

—Тогда он, должно быть, знает об этих вратах и установил какую-то сигнализацию и поэтому знает, когда они активированы. Может быть, его люди расположены поблизости, может быть вдалике.

Возможно, Вольф с Хрисендой и Колокольчик убрались прежде, чем сюда сумели попасть его люди. А может, и нет. В любом случае ясно, они поджидают нас.

Они никак не комментировали отсутствие постоянной ловушки во вратах или постоянной охраны. Рыжий Орк или какой-то там Господь не прислал их, превращая вторжение других Господ на его лич-

ную территорию в игру. Это была смертельная игра, но тем не менее игра.

Кикаха вернулся к обзору четверки под деревьями. Вскоре он сообщил:

—У них есть портативная радиация.

Он услышал над головой жужжащий звук. Перекатившись на спину, он поднял голову и увидел странную машину, только что вылетевшую из-за горы справа от него.

—Автогидроплан! —воскликнул он, а потом вдруг машина скрылась за горным пиком. Он вскочил и убежал в пещеру. Анана последовала за ним.

Стрекочущий звук роторов гидроплана превратился в рев, а затем машина зависла над карнизом. Кикаха начал осознавать, что машина не была настоящим автогидропланом. Насколько он знал, гидроплан не мог висеть неподвижно в воздухе или, как делал этот, раскачиваться из стороны в сторону, или поворачиваться на одном месте вокруг оси.

Корпус машины был прозрачен. Кикаха увидел внутри пилота и трех человек, вооруженных винтовками. Они с Ананой оказались в ловушке, им некуда было бежать и негде было спрятаться.

Несомненно, люди Рыжего Орка были отправлены сюда для выяснения: какое оружие принесли незваные, вторгшиеся гости. При таких обстоятельствах незваным гостям придется применить свое оружие, если они не предпочитают попасть в плен. Они не предпочитали. Оба произнесли активирующее кодовое слово, направили кольца на машину и произнесли последнее слово.

Мгновенно вырвались тонкие, словно иглы, золотые лучи, доставив полный заряд крошечных аккумуляторов колец.

В двух местах гидроплан раскололся и упал. Кикаха выбежал и глянул через край как раз вовремя, чтобы увидеть, как куски ударились о поверхность горы внизу. Одна часть взорвалась красно-белым шаром, распавшимся на дюжину шаров поменьше. Все обломки, в конце концов, упали не слишком далеко друг от друга у подножия горы. Пламя яростно плясало на них.

Лица четверки, что были под деревьями, побелели, а человек с портативной радиацией бросил в передатчик несколько слов. Кикаха пробовал сгустить луч, чтобы уловить их, но мешал шум горящей машины.

Кикаха радовался, что попал с первого раза, но его приподнятое, настроение затемняли некоторые моменты. Он понимал, что Властелин преднамеренно пожертвовал людьми в гидроплане, чтобы выяснить, насколько опасны его противники. Более того, до наступления ночи спуститься по горному склону будет невозможно, а тем временем Властелин нападет снова.

Они с Ананой вновь зарядили кольца крошечными аккумуляторами. Он продолжал следить за людьми внизу, в то время как она сканировала горные склоны. Вскоре слева появился красный автомобиль с откинутым верхом, спускавшийся по горной дороге. В автомобиле сидели мужчина и женщина. Машина остановилась неподалеку от охваченных пламенем обломков и парочка вышла посмотреть. Они постояли, поговорили, затем вернулись в машину и умчались.

Кикаха ухмыльнулся. Они, без сомнения, собирались уведомить власти. Это означало, что четверка не посмеет напасть. С другой стороны, власти могут забраться сюда и обнаружить его и Анану.

Он мог утверждать, что они простые туристы, и надолго власти задержать их не смогут. Но одно лишь временное пребывание под стражей даст Властелину возможность схватить их, как только их отпустят. Кроме того, им с Ананой будет несколько трудновато удостоверить свои личности, и, возможно, что власти смогут удерживать их, пока их кто-нибудь не опознает.

Конечно, у них не найдется никаких сведений об Анане, но если проверят его отпечатки пальцев, то найдут нечто труднообъяснимое. Они узнают, что он — Пол Янус Финнеган, родившийся в 1918 году неподалеку от города Терре-хот, штат Индиана, что во время второй мировой войны он служил в танковом корпусе Восьмой Армии, что он таинственно исчез из своей квартиры в здании в Блумингтоне, где посещал Университет Индианы, и что с тех пор его никто не видел.

Он, безусловно, всегда мог сослаться на амнезию, но как он сможет объяснить, что хронологически ему пятьдесят два года, а физиологически всего лишь двадцать пять? И как он объяснит происхождение странных приборов, что находятся в его рюзаке?

Он тихо выругался: по-тишкетмоакски, на латетском языке полуконей, на средне-верхненемецком Дракландии, на языке Властелинов и, наконец, по-английски. А затем переключил свое мышление на английский, поскольку наполовину забыл этот язык и должен был привыкнуть им пользоваться, если эти четверо будут торчать там, пока не появятся власти...

Но четверка не осталась. После длинных переговоров, явно получив приказ, четверо убрались. Они вылезли на дорогу, а меньше, чем через минуту, появился автомобиль. Он остановился, четверо сели в него и укатили.

Кикаха учтивал, что это может быть фильт, чтобы побудить его и Анану спуститься с горы. Тогда другой гидроплан застигнет их на горном склоне, или вернется четверка. Или то и другое вместе.

Но если он останется дожидаться, пока явится полиция, то возможно, не спустится до наступления ночи. А внизу будут поджидать

люди Орка и, возможно, применят какое-то прогрессивное оружие,—оружие Властелинов, так как не побоятся применять его ночью, да еще в столь отдаленном районе.

—Пошли,—скомандовал он по-английски Анане.—Мы сейчас спустимся вниз. Если нас увидит полиция, мы скажем, что просто путешествуем автостопом. Говорить предоставь мне. Я скажу, что ты финка и еще не говоришь по-английски. Будем надеяться, что среди полицейских не окажется настоящих финнов.

—Что?—переспросила Анана. Она провела на Земле три с половиной года в 1880-х и немного выучила английский, чуть лучше французский, но не забыла и то малое, что знала.

Кикаха медленно повторил.

—Это твой мир,—ответила она по-английски.—Ты—босс, ты и командуй.

Он усмехнулся, услышав такое заявление, так как очень немногие Властелины женского пола признавали когда-либо, что бывают ситуации, при которых мужчина будет для них господином. Он вновь свесился с карниза. Его начинал прошибать пот. Солнце теперь перевалило через гору и светило прямо на них, но в его обильном потоотделении оно было не виновато. Он вспотел из-за возможного нового появления людей Властелина.

Они с Ананой преодолели примерно две трети пути вниз, когда появилась первая полицейская машина. Она была черно-белой с большой звездой на борту. Из нее вылезли двое. Их мундиры походили на форму полиции штата, насколько он помнил ее на Среднем Западе. Спустя несколько минут появился еще один полицейский автомобиль и скорая помощь. Затем остановились еще две машины. Через некоторое время их скопилось уже около десятка.

Кикаха нашел тропинку, иногда становившуюся ненадежной, под углом направо по склону. Какую-то часть спуска они с Ананой могли оставаться скрытыми от людей внизу. Если их и увидят, то не должны, вроде бы, остановить. Полиция может направиться к ним, но она окажется настолько далеко позади, что погоня за ними станет безнадежной.

Или так, во всяком случае, казалось, пока не появился еще один гидроплан. Этот мотался взад-вперед, явно ища тела или кого-нибудь, кто уцелел. Кикаха с Ананой спрятались за большим валуном, пока машина не приземлилась недалеко от дороги. Тогда они продолжили свой спуск с горы.

Когда они добрались до дороги, то выпили немного воды и поели концентратов, принесенных ими из другого мира. Кикаха сказал ей, что они пойдут по дороге, направляясь вниз. Он также напомнил ей, что люди Рыжего Орка, вероятно, будут кататься взад-вперед по дороге, высматривая их.

—Тогда почему бы нам не спрятаться до наступления темноты?

—Потому что при дневном свете я замечу машину, определенно не принадлежащую Орку. Я не буду возражать, если она подвезет нас. Но если появятся люди Орка и что-нибудь затеют, при нас будут наши лучи и мы будем настороже. А ночью не разберешь, кто там остановился, чтобы нас подвезти. Мы могли бы вообще избегать дороги и двигаться параллельно ей по лесу, но это будет очень медленно. Я не хочу, чтобы Вольф или Колькольник чересчур нас опередили.

—Откуда мы знаем, что все они не двинулись в другом направлении? —усомнилась она.—Или что их не сцепил Рыжий Орк?

—Разумеется, мы не знаем,—согласился он.—Но держу пари, что эта дорога в Лос-Анджелес. Она ведет на запад и идет по склону

Вольф это поймет, а Колькольника, я полагаю, вниз побудит идти инстинкт. Возможно, я ошибаюсь. Но не могу стоять здесь целую вечность, пытаясь решить: что произошло? Идем.

И они тронулись в путь. Воздух был сладок и чист, пели птицы, на ветку высокой и полумертвый сосны выбежала белка и следила за ними своими яркими глазами. Тут попадалось много умерших и умирающих сосен. Очевидно, их поразила какая-то растительная болезнь.

Единственным признаком присутствия человека были скелетные опоры высоковольтных передач, да тянувшиеся вверх по склону горы алюминиевые кабели. Кикаха объяснил Анане, что они из себя представляют. Отныне ему предстоит объяснить многое. Он не возражал. Это даст ей возможность усвоить английский, а ему восстановить его.

Сзади них проехал автомобиль. Услышав его, Кикаха и Анана отошли на обочину дороги, готовые стрелять лучами из колец или, если понадобится, спрыгнуть вниз по склону. Он проголосовал автомобилю, в котором ехали мужчина, женщина и двое детей. Автомобиль даже не притормозил. Затем мимо них проехал грузовик, тянувший трейлер. Водитель, судя по его виду, собирался вроде бы остановиться, но подумав, поехал дальше.

—Эти машины! —воскликнула Анана.—Такие примитивные! Такие шумные! И они воняют.

—Да, но у нас есть все-таки атомная энергия,—возразил Кикаха.

—По крайней мере атомные бомбы у нас были. Во всяком случае, у Америки. Я думал, что к настоящему времени у них будут машины на атомной энергии. Для изобретения их имелось целое поколение.

Мимо них проехал микроавтобус с мужчиной, женщиной и двумя подростками. Кикаха уставился вслед микроавтобусу. Волосы у паренька оказались такими же длинными, как у Кикахи, и куда менее

причесанными. А у девчонки длинные желтые волосы гладко спадали на плечи, лицо покрывал густой слой косметики. Как у шлюхи, подумал Кикаха. Неужели у нее и в самом деле зеленые веки?

Родители, выглядевшие лет на пятьдесят, казались нормальными. Исключая то, что прическа мамаши определенно не относилась к 1946 году. И косметика на ее лице была достаточно обильной, хотя и не приближалась по густоте к девчоночьей.

Ни одной из увиденных машин он опознать не смог. На некоторых стояла эмблема «Дж. М.»*, но это был один-единственный знакомый элемент. Конечно, этого и следовало ожидать. Но он был поражен, когда следующий проехавший мимо автомобиль оказался жуком, увиденным им, когда он в первый раз свесился с карниза. Или он выглядел достаточно похожим, чтобы быть тем же самым «Ф. В.»**. Что бы это значило?

Он ожидал многих перемен, некоторые из них понять будет трудно. Он не мог придумать никакой причины, по которой покупатели приняли бы такой тесный, уродливый автомобиль, как Ф.В., хотя и помнил крохотный «Виллис» своего отрочества. Кикаха пожал плечами.

Потребуется слишком много времени и энергии для вычисления причин всего, что он увидел. Если он хочет выжить, ему придется сосредоточиться на непосредственной проблеме: убраться подальше от людей Орка. Если они служат ему...

Они с Ананой быстро шли раскованной походкой. Она начала расслабляться и проявлять интерес к окружающей природе. Она улыбнулась, сжала разок его руку и сказала:

— Я люблю тебя.

Кикаха поцеловал ее в щеку и ответил:

— Я тоже.

Анана начала говорить и вести себя как земная женщина, а не как супераристократка Властелинка.

Он услышал, как машины выезжают из-за поворота в четверти мили от них, и оглянулся. Это был черно-белый автомобиль полиции штата с двумя людьми в позолоченных шлемах. Он стал смотреть вперед, но уголком рта скомандовал:

— Если эта машина остановится, веди себя спокойно. Это полиция штата. Если я подниму вверх два пальца, беги и прыгай вниз по склону. Нет! По зрелым размышлению... слушай, мы поедем с ними.

Они могут отвезти нас в город или близко к нему, и тогда мы оглушим их кольцами. Усекла?

* «Дженерал Моторс».

** «Фольксваген».

Автомобиль, однако, пролетел мимо них, не останавливаясь и не притормозив. Кикаха вздохнул с облегчением:

—Мы выглядим не так подозрительно, как мне казалось.

Они пошли дальше по дороге. Пройдя примерно с четверть мили, они услышали позади себя слабый рев. Звук стал громче, потом Кикаха невольно оглянулся и усмехнулся:

—Мотоциклы. Уйма мотоциклов.

Рев стал очень громким. Они обернулись и увидели около двух десятков черных мотоциклов, мчавшихся из-за горы словно черная туча. Кикаха пришел в изумление.

Он никогда не видел ни мужчин, ни женщин, одетых подобно этим.

Некоторые из них пробудили рефлекс, который он считал умершим с объявлением мира в 1945 году. Рука его метнулась к рукоятке ножа в ножнах на поясе, а глазами он поиском кювет, куда можно было бы сигануть.

На трех мотоциклистиках были немецкие каски с нарисованными на сером металле большими черными свастиками. У двоих на шеях болтались на цепочках «Железные кресты» или металлические свастики.

На всех были темные очки и это совмещалось с бородами или длинными усами мужчин и густой косметикой женщин, придавая им вид инсектоидов. Одежда на них была темная, хотя некоторые из них и носили грязные, белые некогда футболки. На большинстве были сапоги.

Одна женщина щеголяла в кепи и ярко-красной драгунской куртке с желтыми галунами. На черных кожаных куртках и грязных футболках выделялись черепа со скрещенными костями, с виду походившими на фаллосы, и надпись «Лоботрясы Люцифера».

Кавалькада с ревом пронеслась мимо, некоторые газовали или махали парочке, а несколько мотоциклистов завиляли по дороге взад-вперед, нагибаясь со сложенными руками то в одну, то в другую сторону, как можно ниже. Увидев это, Кикаха оценивающе усмехнулся: когда они ходил в школу в Терре-хоте, у него был мотоцикл. И он любил его.

Анана, однако, наморщила нос:

—Вонь от горючего достаточно плоха. Но ты почувствовал, как пахнут они? Неделю не мылись... или месяц...

—Властелин этого мира очень небрежен,—согласился Кикаха.

Он помнил гигиенические обычай человеческих обитателей карманых вселенных, где правили другие Властелины. Хотя Властелины часто были весьма жестокими в обращении со своим человеческим имуществом, они настаивали на чистоте и красоте. Они уста-

навливали законы и религиозные правила, следившие за тем, чтобы чистота была основой всякой культуры.

Но бывали и исключения. Некоторые Властелины позволяли своим человеческим обществам вырождаться в общества, безразличные к грязи.

Анана объяснила, что Властелин Земли был уникален. Рыжий Орк правил в строжайшей секретности и анонимности, хотя и не всегда так поступал. В прежние времена, на заре развития человечества, он часто выступал в роли бога. Но затем забросил эту роль и ушел в подполье—иначе не скажешь. Он предоставил делам идти своим чередом. Этим объяснялись прошлые, настоящие и, несомненно, будущие передряги, в которых увязли земляне.

У Кикахи не оказалось достаточно времени, чтобы побольше узнать о Рыжем Орке, поскольку и узнал-то он о его существовании всего за несколько минут до того, как они с Ананой шагнули через врата.

—Они все выглядели такими безобразными,—добавила Анана.

—Я же рассказывал тебе, что здесь сеял человек,—отозвался он.

—Никакого селективного разведения не проводилось ни Властелином, ни самими людьми.

Тут они услышали приглушенный рев мотоциклов, и через минуту увидели возвращающихся к ним восьмерых мотоцилистов. Ехали на них только мужчины.

Мотоцисты проехали мимо них, притормозили, развернулись и поехали снова сзади. Кикаха и Анана продолжали идти. Три мотоцикла промчались мимо так близко, что он мог бы сбить их по одному. Он начинал догадываться, что следовало так и сделать, и подобным образом сократить неравенство в силах. Казалось очевидным, что им не избежать приставаний, если не худшего.

Кое-кто из мотоцилистов свистел Анане и выкрикивал приглашения или пожелания в различных непристойных выражениях. Слов она не поняла, но поняла интонации, жесты и ухмылки, сопровождавшие слова. Анана нахмурилась и сделала свойственный Властелинам жест.

Несмотря на то, что мотоцилистам был незнаком этот жест, они его поняли. Один от смеха чуть не свалился с мотоцикла. Другой оскалил зубы в усмешке.

Кикаха остановился и повернулся к ним лицом. Мотоцисты собрались вокруг пары съеживающимся полумесяцем и выключили двигатели.

—Ладно,—сказал Кикаха,—что вам нужно?

Ответил большебрюхий юнец с толстой шеей и вылезающими из-под грязного расстегнутого ворота рубахи густыми, жесткими, чер-

ными волосами. Он носил козлиную бородку и фуражку Африканского корпуса.

— Ну, знаешь, Рэд, будь мы Сволочами Сатаны, нам понадобился бы ты. Но мы не гомики и поэтому возьмем твою прекрасную даму с собой. Старик, ты понял?

— Старик, это же цыпочка высший сорт! — заявил высокий тощий парень со следами оспин на лице, большим адамовым яблоком и золотым кольцом в ухе. Длинные волосы свисали у него ниже плеч и падали на глаза.

— Кайфовейшая! — добавил парень с кустистой бородой, редкими зубами и шрамом на лице.

Кикаха знал, когда хранить молчание, а когда говорить, но иногда ему бывало трудно сделать то, что, как он считал, будет наилучшим. Сейчас у него не было ни времени, ни особого желания драться: его ожидало серьезное и важное дело. Фактически — чрезвычайной важности дело. Если Колокольник останется на свободе и достаточно хорошо адаптируется на Земле, чтобы сделать другие колокола, то он и ему подобные буквально заполонят Землю. Колокольник был не каким-то там научно-фантастическим монстром, он существовал и, если его не убить, прощай, Земля! Или прощай, человечество! Тела-то уцелеют, но мозги истощатся и их заполнит чужой разум.

К несчастью, спасение не могло стать избирательным. Если будут спасены другие, то и эти спасутся тоже.

В данный момент дело выглядело так, словно были какие-то сомнения относительно того, что Кикаха сумеет спасти даже самого себя, не говоря уж обо всем мире. Восьмерка слезла с мотоциклов и теперь приближалась к ним с разным оружием в руках. Троє держали длинные цепи, двое — железные трубки, один — пружинный нож, а двое последних — кастет и финик.

— Вы собираетесь напасть на нас среди белого дня и в такой близости от фараонов, я полагаю? — подивился он.

— Старик, — откровенно признался юнец в фуражке Африканского корпуса, — обыкновенно мы б вас не стали беспокоить. Но когда я увидел эту цыпичку, это было чересчур! Какая куколка! Я никогда не видел цыпочек, способной утереть ей нос.

— Чересчур! Мы должны поиметь ее! Врубаешься?

Что означало последнее слово, Кикаха не понял, но это не имело значения. Люди это были жестокие и собиравшиеся получить то, что им понадобилось.

— Вам лучше приготовиться к смерти, — посоветовал Кикаха. Вид у них стал удивленный. Юнец из Африканского корпуса признал:

— Отдаю тебе, Рэд, должное, у тебя высокий класс. Слушай, мы могли бы сплясать на тебе и с большим удовольствием выпустили бы

тебе кишки, мы б, в натуре, торчали от этого, но я восхищаюсь твоим стилем, старик. Дай нам поиметь цыпочку и через час-другой мы ее вернем.—Тут член Африканского корпуса усмехнулся и добавил:— Конечно, она, может, будет и не в том состоянии и такого качества, как сейчас, но какого черта? Никто не совершенен! Кикаха сказал на языке Властелинов:

—Если будет возможность, то укатим на одном из мотоциклов. Он довезет нас до Лос-Анджелеса.

—Эй, что за чудная феня?—африканец сделал знак парням и те, усмехаясь, шагнули вперед, помахивая цепями. Они замахнулись, собираясь хлестнуть, и Кикаха с Ананой брызнули из своих колец лучами. Кольца были установлены на «оглушающую» мощность. Троє выронили цепи, схватились за животы и согнулись пополам. Когда лучи попали по их макушкам, они упали лицом вниз. От внезапно лопнувших кровеносных сосудов лица их побагровели. Когда очухаются, то будут не один день страдать от тошноты и головокружения, а животы останутся красными и их будет саднить от разорванных вен и артерий. Остальные вдруг обрели странную неподвижность, а лица у них побелели.

Кикаха выхватил из ножен нож и метнул его в плечо африканца. Тот пронзительно вскрикнул и выронил свою финку. Анана нокаутировала его лучом, а Кикаха скосил остальных.

К счастью, в последующие несколько минут не проехало ни одной машины. Парочка уволокла стонущих парней, находящихся в полубессознательном состоянии, к краю дороги и столкнула вниз. Они прокатились по склону футов двадцать и разлеглись на скальном карнизе.

Затем все мотоциклы кроме одного тоже столкнули вниз в таком месте, где их ничто не могло остановить. Мотоциклы подскакивали и катились по крутым склонам, вновь и вновь переворачиваясь, разваливаясь, и некоторые полыхнули ярким пламенем.

Кикаха сожалел об этом, поскольку не хотел, чтобы дым привлек чье-то внимание.

Анана слышала, что собирались сделать с ней парни. Она спустилась по склону к сваленным в кучу телам. Установив кольца на самую низкую обжигающую мощность, она сожгла всем неудачливым самцам штаны и немало кожи. Надолго запомнят они Анану. И если впоследствии будут проклинать ее, то им следовало бы благодарить Кикаху, тот удержал ее от полного уничтожения.

Кикаха забрал бумажник африканца. Водительские права гласили, что его звали Альфред Роджер Гудрих. Его фотография ничуть не напоминала Кикаху, но с этим уж ничего не поделаешь. Среди прочего в бумажнике он обнаружил сорок долларов.

Он проинструктировал Анану, как держаться в седле позади него

и чего ожидать, когда они окажутся на дороге. Через минуту они выехали на шоссе, направляясь к Лос-Анджелесу. Не воскресил рев мотора счастливых воспоминаний о тех временах, когда он гонял свой мотоцикл по Индиане. Его беспокоила дорога и раздражала вонь бензина и масел. Он слишком долго прожил в тихом мире со сладким воздухом.

Обхватив его за талию, Анана долгое время молчала. Разок оглянулся и увидел, как разеваются ее черные волосы. Глаза ее за солнцезащитными очками, которые она позаимствовала у одного из Лоботрясов, были послузакрыты. Тени делали их непроницаемыми.

Позже она что-то ему крикнула, но ветер и шум двигателя отбросили слова назад.

Кикаха опробовал мотоцикл и решил, что его владелец снял множество деталей, главным образом, для снижения веса. Оказались снятыми, например, передние тормоза. Коль скоро он узнал в чем заключались слабые и сильные стороны машины, он погнал по шоссе, пристально наблюдая за дорогой впереди, но мыслями уносясь совсем в другие места.

Он прошел долгий и фантастический путь от того кампуса в университете Индианы до этой дороги в горах южной Калифорнии.

Находясь с Восьмой армией в Германии, он нашел в развалинах местного музея тот полумесяц из твердого серебристого металла.

Он забрал его с собой в Блумингтон, и там однажды появился человек по имени Ваннакс и предложил ему за этот полумесяц фантастическую сумму. Он отказался от денег. Позже, той же ночью, он проснулся и обнаружил, что Ваннакс вломился в его квартиру.

Ваннакс прикладывал к его полумесяцу другой металлический полумесяц, образуя круг. Кикаха бросился на Ваннакса и случайно ступил в этот круг. Не успел он и глазом моргнуть, как его перебросило в очень странное место.

Два полумесяца образовали врата, устройство Властелинов, проделывающее своего рода телепортацию из одной вселенной в другую. Кикаху телепортировало в другую вселенную, созданную Властелином по имени Джадавин. Но Джадавина в этой вселенной больше не было, другой Властелин вытеснил его оттуда, а самого забросил на Землю. Джадавин потерял память и стал Робертом Вольфом.

История Вольфа и Кикахи была длинной и запутанной. Кикаха помог Вольфу вернуться в свою вселенную. После серии приключений Вольф восстановил свою память. Он также восстановил свое господство над этой конкретной вселенной, созданной им, и поселился со своей возлюбленной Хрисендорой. Он правил во дворце на вершине,

похожей на Вавилонскую башню планеты, висевшей в середине вселенной, «стены» которой содержали меньший объем пространства, чем в пределах солнечной системы Земли.

Недавно Вольф и Хрисенда таинственно исчезли, вероятно, из-за козней какого-то Властелина из другой Вселенной. Кикаха наткнулся на Анану, бежавшую вместе с двумя другими Властелинами от Черных Колокольников. Первоначально Колокольники были созданы в лабораториях Властелинов устройствами, предназначавшимися для хранения разума Властелинов во время передачи разума из одного тела в другое. Но колоколообразные и неразрушимые машины развились в существа со своим собственным рассудком. Им удалось передать свой разум в тела Властелинов, а затем они начали вести против Властелинов тайную войну. Их раскрыли и началась долгая и жестокая борьба, в ходе которой всех Колокольников предположительно захватили в плен и заточили в специально созданной вселенной. Однако проглядели пятьдесят одного и они после десяти тысяч лет спячки вновь попали в человеческие тела и снова очутились на свободе.

Прямо или косвенно Кикаха убил их всех, кроме одного. Этот, обладая разумом и телом человека по имени Табууз, ушел через врата на Землю. Вольф и Хрисенда вернулись во дворец как раз в тот момент, когда он подвергся нападению Колокольников, и сбежали через врата на Землю. Позже этими же вратами воспользовался Табууз.

Теперь Кикаха и Анана искали Вольфа и Хрисенду. А кроме того, они также твердо решили найти и убить последнего Черного Колокольника. Если Табууз сможет от них ускользнуть, со временем он наделает новые колокола и с ними начнет тайную войну против людей на Земле, а позже вторгнется в личные вселенные Властелинов и будет разряжать из мозги и занимать их тела. Властелины никогда не забывали Черных Колокольников и до сих пор носили кольца, способные засекать металлические колокола их древних врагов и передавать предупреждение крошечному щиту и сигналы тревоги в мозгу каждого Властелина.

Жители Земли ничего не знали о Колокольниках. Ничего они не знали и о Властелинах. Кикаха был единственным землянином, проzinвшим о Властелинах и их карманных вселенных.

Жители Земли будут открыты нараспашку для захвата одного за другим, разрядки мозгов антеннами колоколов и захвату их разумами Колокольников. Война будет вестись столь коварно и незаметно, что лишь по какой-либо случайности люди смогут узнать, что на них напали.

Требовалось найти и убить Черного Колокольника Табууза любым способом.

В то же время Властелин Земли, именуемый Рыжим Орком, узнал, что в его владения через врата проникло пять человек. Он не мог знать, что один из них—Черный Колокольник. Рыжий Орк попытается захватить в плен всех пятерых. И его нельзя уведомить, что по Земле бродит Черный Колокольник, так как Рыжего Орка невозможно найти. Ни Анана, ни Кикаха не знали, где он живет. И вообще-то, всего несколько часов назад Кикаха узнал, что у Земли есть Властелин.

Через несколько минут они по склону съехали на плато. Небольшая деревня на перекрестке дорог была приятным местом, хотя и сильно коммерциализованным. Она оказалась чистенькой и светлой со множеством белых домов. Однако, проезжая по главной улице, они заметили закусочную под открытым небом. А там у раскладных столиков, развались, сидели остальные Лоботрясы Люцифера, поедая гамбургеры и запивая их пивом. Услышав знакомый рев «Харлей-дэвидсона», они подняли головы, а затем, увидев парочку, так и подпрыгнули. Один из них вскочил на мотоцикл и ударом ноги завел мотор.

Это был высокий непричесанный, длинноусый юнец, носивший шляпу кавалерийского офицера конфедератов, белую шелковую рубашку с оборками на шее и запястьях, черные сверкающие штаны в обтяжку с красными лампасами и сапоги с меховыми голенищами.

За ним мгновенно потянулись остальные. Кикаха не думал, что они обратятся в полицию. Было в них нечто, указывающее, что отношения их с полицией являются не особенно дружескими. Они отомстят собственной немытой рукой. Правда, маловероятно, что они что-либо предпримут, находясь в деревенском.

Кикаха врубил высшую передачу.

Когда они проехали поворот, который скрывал их от деревни, Анана полуобернулась. Она ждала, пока лидер не оказался в десяти футах от них. Он пригнулся к рулю и жестоко усмехался. Очевидно, он ожидал, что обгонит их и вынудит остановиться, либо просто скинет их машину своей с дороги. Позади него в ряд, так, что двое заехали на встречную полосу, мчались пять мотоцилистов, на которых было по одному седоку. Мотоцисты, обремененные двумя седоками, отстали футов на двадцать.

Кикаха быстро оглянулся и крикнул Анане. Та выпустила луч как раз такой длины, чтобы разрезать переднее колесо первого мотоцикла. Передняя часть машины рухнула, а седок перелетел через руль, разинув рот в крике, которого никто не мог услышать. Он ударился о покрытие дороги и долго скользил, тормозя лицом и телом. Пятеро мчавшихся позади него мотоцилистов попытались объехать того, что лежал на их пути. Словно стая рыб, они разделились, но

Анана разрезала колеса еще троим и они рухнули в общую кучу, а остальные двое затормозили на обочинах. Другие мотоциклисты вовремя сбавили скорость и избежали столкновения с упавшими.

Кикаха ухмыльнулся и крикнул:

—Молодец, Анана!

И тут же ухмылка слетела с его лица и он выругался.

Из-за поворота дороги, в полукилометре от них появился черно-белый автомобиль с красной мигалкой на крыше. Любые имевшиеся у Кикахи надежды, что автомобиль остановится, чтобы расследовать произшедшее на дороге, быстро растаяли. Машина круто развернулась, чтобы избежать наезда на упавших седоков и их мотоциклы, затем свернула обратно на дорогу и погналась за Кикахой, завывая сиреной и мигая своим красным глазом.

Автомобиль находился примерно в пятидесяти ярдах от них, когда Анана провела пучком по дороге и передним шинам. Она отключила луч так быстро, что колеса, вероятно, лишь немногого дезинтегрировали по ободам, но шины разрезало пополам. Машина немного осела, но продолжала катить дальше,—хотя так резко сбросила скорость, что двух полицейских с силой швырнуло вперед. Сирена заглохла, мигалка погасла, автомобиль затрясся и остановился. А Кикаха с Ананой умчались за поворот и больше не видели полицейских.

—Если это и дальше будет продолжаться, то у нас иссякнут заряды!—выругался Кикаха.—Черт, я хотел приберечь их на крайний случай. Не думал я, что у нас возникнет столько трудностей. А мы ведь только начали!

Они проехали еще миль пять, а потом увидели направляющийся к ним еще один полицейский автомобиль. Он поехал под уклон и на мгновение пропал из виду. Кикаха крикнул:

—Держись!

Он свернул с дороги, перескочив через небольшое углубление на широкое поле, больше усеянное камнями, чем травой. Его целью была группа деревьев примерно ярдах в ста от дороги. Он почти сумел добраться до нее, прежде чем в поле зрения появилась полиция. Державшаяся за него Анана крикнула, что полицейский автомобиль мчится за ними по полю. Кикаха притормозил. Анана провела лучом по полю перед приближающимся автомобилем. Вспыхнувшая земля взлетела вдоль борозды, а потом с грохотом рванули шины. Из радиатора хлынули вода и пар.

Под углом к машине Кикаха вывел мотоцикл обратно на дорогу. Оба полицейских выскочили из машины и, держа пистолеты обеими руками, принялись пальять. Шансы попасть в седоков с такого расстояния были невелики, но одна из пуль угодила в заднююшину. Та с

треском лопнула и мотоцикл завилял. Кикаха вырубил двигатель и они проехали накатом. Полицейские припустили к ним.

—Черт побери, я не хочу убивать!—ругнулся Кикаха, но...

Полицейские были здоровенными, пузатыми и, судя по их виду, им было где-то между сорока и пятьдесятю. На спинах Кикахи и Ананы висели рюкзаки примерно фунтов по тридцать, но физически оба им было по двадцать пять.

—Мы их обгоним,—решил он и они помчались по дороге. Полицейские стреляли и что-то кричали, но скорость их бега все падала и вскоре они лишь трусили. Полмили, и они встали и наблюдали, как уменьшается убегающая парочка.

Посмеиваясь, Кикаха сделал круг, вернувшись к машине. Он разок оглянулся и увидел, что полицейские сообразили, что их сбили с толку. Они снова побежали, но не слишком быстро. Сперва их руки и ноги усиленно работали, потом стали менее энергичными, а затем оба побрали к ним шагом.

Кикаха открыл дверцу машины, вырвал микрофон, сунул руку под приборную доску и оборвал все провода, соединенные с радио. К этому моменту его догнала Анана.

Ключи от машины все еще торчали в замке, а колеса оказались разрезанными, но не глубоко. Он скомандовал Анане садиться и, сев за руль, повернул ключ. Фараоны прибавили скорость и вновь принялись стрелять, но машина, подпрыгивая и сотрясаясь, укатила от них через поле, все увеличивая скорость. Одна пуля попала в заднее стекло и образовала в нем звездочку, а потом автомобиль выскоцил на дорогу и понесся вниз.

После двух миль скрежета и поршнеобразного движения Кикаха решил, что хорошенько понемногу. Он подвел машину к обочине, вылез, бросил ключи от зажигания в траву и они вновь пустились в путь пешком. Они прошли, наверное, ярдов пятьдесят, когда обернулись на шум автобуса. Он был весь разрисован спиральами, точками и кругами, квадратами и разноцветными яркими многоголучевыми звездами. По переду и бокам автобуса шла надпись ярко-желтыми буквами с оранжевым обводом: КОРОЛЬ ГНОМОВ И ЕГО ТУХЛЫЕ ЯЙЦА. Над названием красножелтой краской были нарисованы четвертные ноты, нотные строки, милые гитары и барабаны.

На какой-то миг, глядя на смотревшие сквозь окна лица, ему показалось, что автобус подобрал Лоботрясов Люцифера. И тут тоже преобладали длинные распущенные волосы, усы, бороды у мужчин и длинные прямые волосы и густая косметика—у женщин.

Но иными были лица: они выглядели дикими, но не зверскими или жестокими.

Автобус сбавил скорость, взвизгнув тормозами. Он остановился,

дверь распахнулась и высунувшийся из нее юнец с бородой и в огромных очках приглашающе махнул им рукой. Они подбежали к автобусу и поднялись в него под аккомпанемент дружного смеха и бренчание гитары.

Автобус, за рулем которого сидел юнец, смахивающий на Буффало Билла, рванул вперед. Кикаха осмотрелся, приглядываясь к лицам шести парней и трех девушек. В заднем конце автобуса сидели трое мужчин постарше и играли в карты на небольшом раскладном столике. Они подняли головы, кивнули и вернулись к игре. Часть автобуса была отгорожена, там, как он выяснил позже, находились туалет, ванная и небольшой гардероб. Гитары, барабаны, саксофон, флейта и арфа хранились на сиденьях или на полках над сиденьями.

Две девушки были одеты в юбки, сдва прикрывающие их ягодицы, темно-серые чулки и яркие блузки с оборками. На них было множество разноцветных бус, лица покрывал густой слой косметики; зеленые или серебристые веки, накладные ресницы, кольца вокруг глаз, как у панд, и зеленые(!) или бледно-лиловые(!) губы!

Третья девушка вовсе не употребляла косметики. Длинные черные волосы ниспадали ей до плеч, и она была одета в облегающий свитер без рукавов в красно-зеленую полоску с глубоким декольте, джинсы в обтяжку и сандалии. Некоторые из парней носили брюки-клеш, самые разнообразные рубашки и все, как один,—длинные волосы.

Король гномов оказался очень высокий туберкулезного вида юнцом с очень кудрявыми волосами, вислыми усами и огромными очками, сидевшими на самом кончике его большого носа. В ухе у него торчала серьга. Он представился как Лу Баум.

Кикаха назывался Полом Финнеганом, а Анану назвал Энн Финнеган. Она приходится ему женой, сообщил он Бауму, и лишь недавно приехала из Финской Лапландии. Он выдал такие сведения, так как считал, что они вряд ли наткнутся на кого-то, кто говорит на финском языке.

—Из страны Деда Мороза?—переспросил Баум.—Что и говорить, они и впрямь из страны Оз.—Он присвистнул, поцеловал кончики пальцев и выбросил их в сторону Ананы.—Кайфовая, чтоб мне лопнуть! Чересчур! Слушай, кто-нибудь из вас играет на каком-нибудь инструменте?—Он посмотрел на футляр в руке Кикахи.

Кикаха ответил, что нет. Он не собирался сообщать им, что когда-то играл на флейте, но не занимался этим с 1945 года, или что играл на инструменте, похожем на свирель, когда жил с Медвежьим народом на Индейском уровне Многоярусного мира. И не считал, что будет мудро объяснять, что Анана играет на великом множестве

инструментов, кое-какие из них походили на земные, а другие—совершенно отличались.

— Я использую этот футляр как чемодан,— объяснил он.— С тех пор, как мы покинули Европу, мы какое-то время находимся в дороге. Только что мы провели месяц в горах, а теперь решили наведаться в Лос-Анджелес. Мы никогда там не были.

— Значит, вам негде остановиться,— сделал вывод Баум. Говорил он с Кикахой, но пялился на Анану; глаза у него блестели, а рука не переставала двигаться, совершая жесты как бы лепившие Анану в воздухе.

— Она умеет петь?— неожиданно спросил он.

— Не по-английски,— ответил Кикаха.

Девушка в джинсах встала и сказала Бауму:

— Брось, Лу, с этой цыпочкой у тебя ничего не выйдет. Ее дружок убьет тебя, если ты ее хоть пальцем тронешь. Или она тебя сама убьет. Эта цыпочка, знаешь ли, на такое способна...

Лу, казалось, заколебался. Он подошел очень близко и взгляделся в глаза Кикахи, словно смотрел в микроскоп. Кикаха почувствовал странный, едкий запах его дыхания. Через мгновение ему показалось, что он понял его происхождение. Граждане города Таланак на Индейском уровне, вырезанного из нефритовой горы, курили наркотический табак, придававший их дыханию такой же запах. Кикаха, конечно, не знал, поскольку на Земле он ничего подобного не пробовал, и не имел опыта, но он всегда подозревал, что этот табак был марихуаной и что таланакцы, потомки древних ольмеков Мексики, привезли его с собой, когда прошли через обеспеченные Вольфом ворота.

— Ты меня не разыгрываешь?— спросил Лу у девушки, которую звали Му-Му Нансен, оторвавшись от лиственно-зеленых глаз Кикахи.

— В них обоих есть что-то весьма странное,— ответила Му-Му.— Очень привлекательное, очень мужественное и очень пугающее. Чуждое. По-настоящему чуждое.

Кикаха ощутил холодок на затылке. Анана, придинувшись к нему поближе, прошептала на языке Властелинов:

— Я не знаю, о чем она говорит, но мне это не нравится. У этой девушке есть дар видеть суть вещей, она зундра.

Слово зундра не имело точного или хотя бы приблизительного перевода на английский. Оно означало комбинацию психолога, ясновидящей и ведьмы с толикой безумия.

Лу Баум покачал головой, вытер со лба пот, а затем снял и протор очки, моргая близорукими глазами.

— Эта цыпочка—псих,— пояснил он.— С чудинкой. Но в кайф. Она знает, о чем говорит.

—Я улавливаю вибрации,—продолжала Му-Му.—Они меня никогда не подводят. Я могу прочесть характер только так.—Она громко щелкнула пальцами.—Но в вас, особенно в ней, есть что-то такое, чего я не улавливаю. Может быть, вроде того, что вы не от мира сего, знаете ли. Вроде как вы марсиане... или нечто в этом роде.

Невысокий коренастый молодой блондин с изрытым оспой лицом, называвшийся просто Стертым, поднял голову со своего сиденья, где он настраивал гитару.

—Финнеган не марсианин,—усмехнулся он.—У него четкий средне-западный акцент, словно он только что из Индианы, Иллинойса или Айовы. Я бы предположил, что хуже. Верно?

—Я хуже,—подтвердил Кикаха.

—Закройте глаза, люди добрые,—громко призвал Стертый.—Послушайте его! Скажи еще раз, Финнеган! Если его голос не точный дубль голоса Гэри Купера, то я съем несъедобное!

Кикаха произнес что-то для них и прочие рассмеялись.

—Гэри Купер! Ты когда-нибудь дублировал его?

Это, казалось, разбило напряжение, созданное словами Му-Му. Она улыбнулась, и снова села, но ее темные глаза то и дело стреляли мгновенными стрелами взглядов в сторону чужаков. Кикаха знал, что она не удовлетворена. Лу Баум сел рядом с Му-Му. Его адамово яблоко работало так, словно было поршнем насоса. На лице его утверждалось тяжелое, почти ошеломленное выражение, но Кикаха догадывался, что его все еще разбирает любопытство. И еще ему было страшновато.

Баум явно верил в репутацию своей подружки, как эксперта. Кроме того, он, вероятно, еще и побаивался ее.

Кикаху это не волновало. Ее анализ их, как чужаков, мог быть ничем иным, как маневром с целью отпугнуть Баума от Ананы.

Важно было как можно скорее попасть в Лос-Анджелес, с минимальными шансами оказаться замеченными людьми рыжего Орка. Автобус этот казался ему удачей, а как только они доберутся до подходящего места, чтобы свалить, они свалят. И прости-прощай, Король Гномов и его тухлые яйца!

Он разглядел оставшуюся часть обитателей автобуса. Троє мужчин, игравших в карты, подняли головы, когда он прошел, но ничего не сказали. Его слегка отталкивали их лысые головы, клочки седых волос, расплывшиеся и обрюзгшие черты лиц, глаза в красных прожилках, морщины, двойные подбородки и толстые животы. За двадцать четыре года, прожитые во вселенной Джадавина, он видел не более четырех стариков. Люди там жили тысячу лет, если им удавалось избежать несчастного случая или человекаубийства, и не старели до последней сотни лет. Так долго, правда, удавалось прожить немногим. И потому Кикаха забыл о существовании стариков и старух.

Он испытывал отвращение, хотя и не такое сильное, как Анана. Она-то выросла в мире, где вообще не было физически старых людей, и хотя ей исполнилось уже десять тысяч лет, она до сих пор не жила ни во вселенных, где бы жили некрасивые люди. Властелины были народом эстетичным и потому выпалывали некрасивых из своего имущества и давали уцелевшим шанс обладать долгой-предолгой юностью.

По проходу к нему подошел Баум и спросил:

— Ищешь что-нибудь?

— Мне просто любопытно,—ответил Кикаха,—есть ли тут какой-то способ выйти иначе, чем через переднюю дверь?

— В женской раздевалке есть запасной выход, а что?

— Просто люблю знать подобные вещи,—уклончиво произнес Кикаха. Он не видел, с какой стати объяснять, что он всегда узнавал, сколько имеется выходов и насколько они доступны.

Он открыл двери в обе раздевалки и туалет, а потом изучил запасную дверь, чтобы в случае необходимости суметь открыть ее мгновенно.

Следовавший за ним Баум заметил:

— Нахальства, друг мой, тебе, конечно, не занимать. Разве ты не знаешь, что любопытство сгубило кошку?

— Данной кошке оно сохранило жизнь,—отпарировал Кикаха.

Баум понизил голос и, подойдя поближе к Кикахе, спросил:

— У тебя действительно пункттик по этой цыпочке?

Фраза для Кикахи была новой, но он понял ее без труда. И ответил:

— Да. А что?

— Очень жаль. Я действительно обалдел из-за нее. Сам понимаешь, не хочу обидеть,—сказал он, когда Кикаха сузил глаза.— Му-Му настоящая куколка, но немного чудная, ты понимаешь, о чем я хочу сказать. Она говорит, что вы чудики и что в вас есть что-то странное, но мне это нравится. Я хочу сказать, что если тебе нужно немного денег, скажем одна-две тысячи, и ты просто передашь мне, образно говоря, доступ к своей цыпочке, передашь мне руль, а сам уйдешь немного богаче, ты понимаешь, что я имею в виду...

— Две тысячи!—усмехнулся Кикаха,—ты должно быть, очень сильно ее хочешь.

— Две тысячи не растут на денежном дереве, друг мой, но за такую цыпочку...

— Должно быть твой бизнес очень доходен, если ты можешь выбрасывать такую сумму,—заметил Кикаха.

— Старик, ты шутишь!—Баум, казалось, искренне удивился. Нужели ты на самом деле никогда не слышал обо мне и о моей группе?

Мы знамениты! Мы везде бывали, мы тридцать восемь раз попадали в первую десятку, мы выпустили золотую пластинку, мы давали концерты в Чаше*! Ты не в струе? И мы снова на пути к Чаше.

— Я долго отсутствовал, — пояснил Кикаха. — А что, если я возьму твои деньги, а Энн не упадет в твои объятия? Знаешь ли, я не могу заставить ее стать твоей женой.

Баум, казалось, обиделся.

— Цыпочки предлагают мне себя дюжинами каждую ночь. Я не шучу. Выбор у меня есть. Ты говоришь, что Энн, эта дочь Деда Мороза, или кто она там, отвергнет меня? Баума, Короля Гномов?

Черты лица Баума не только не отличались красотой и гармонией, но у него были прыщи и кривые зубы.

До этого момента интонации Баума были просительными, даже заискивающими, но теперь они стали торжествующими и в то же время презрительными:

— Я могу дать тебе тысячу, возможно, Солли, мой агент, сможет дать тебе пятьсот. На остальные я дам тебе чек.

— Рабство! — хмыкнул Кикаха. — Тебе ведь не может быть больше тридцати пяти, верно? И ты можешь вот так разбрасываться деньгами?

Он вспомнил собственную юность во времена Великой Депрессии. Как много ему приходилось работать просто для того, чтобы выжить, и как тяжело приходилось многим другим...

— Ты чудик, — подтвердил свой вывод Баум. — Неужели ты ничего не знаешь? Или ты меня разыгрываешь?

Голос выдавал переполненное его презрение. Кикаха ощутил желание рассмеяться ему в лицо, а также врезать по зубам. Но он не сделал ни того, ни другого. А сказал:

— Я возьму пятнадцать сотен. Но прямо сейчас. И если Энн на тебя наплюют, обратно деньги не получишь.

Баум нервно оглянулся на Му-Му, которая пересела на место рядом с Ананой.

— Подожди, пока не доберемся до Лос-Анджелеса. Мы остановимся перекусить, а потом ты можешь сваливать. Тогда я дам тебе деньги.

— И ты сможешь набраться храбрости и сообщить Му-Му, что Энн останется с вами, а я сваливаю? — поинтересовался Кикаха. — Отлично. За исключением денег. Я хочу получить их сейчас! Иначе я скажу Му-Му, о чем ты только что говорил.

Баум несколько побледнел и его челюсть, выступающая вперед, малость отвисла.

* Чаша — городской стадион Лос-Анджелеса.

— Ну, ты и змей! Нагости тебе не занимать! Ты думаешь, я обману тебя,—выдам легавым?

— Такая возможность приходила мне в голову,—ответил Кикаха, лихорадочно соображая, не означает ли легавые полицейских,—и я хочу подписанное заявление, за что я получаю эти деньги. Подойдет любое законное объяснение.

— Ты, может, и был долгое время вне струи, но не забыл никаких трюков, не так ли?—проговорил Баум уже не столь презрительно.

— Люди вроде тебя есть всюду,—лаконично отозвался Кикаха.

Он знал, что им с Ананой понадобятся деньги, а времени зарабатывать их трудом у них не было, так что хотел избежать необходимости грабить кого-либо. Если этот тошнотворный образец самонадеянности считал, что он сможет купить Анану, пусть расплачивается за возможность выяснить под силу ему это или нет.

Баум порылся в карманах и добыл оттуда восемь стодолларовых бумажек. Он вручил их Кикахе, затем оторвал от игры своего менеджера, толстого, лысого мужчину с огромной сигарой в зубах. Менеджер сильно жестикулировал и бросал на Кикаху тяжелые взгляды, но уступил. Баум вернулся с пятью стодолларовыми бумажками. Потом написал на обрывке бумаги записку, гласящую, что деньги пошли в оплату долга Полу Я. Финнегану. Вручив ее Кикахе, он настоял на том, чтобы Кикаха, в свою очередь, написал расписку в получении денег. Кикаха еще взял чек на оставшуюся сумму, хотя и не рассчитывал, что удастся превратить их в наличные. Он был уверен, что Баум приостановит выплату по этому чеку.

Кикаха оставил Баума и присел на место, где лежало множество журналов, книги в мягких обложках и Лос-Анджелес Таймс. Он потратил некоторое время на чтение и, когда закончил, сидел какое-то время, просто глядя в окно.

Бессспорно—с 1946 года Земля изменилась.

Стряхнув с себя состояние созерцательного раздумья, он взял замеченную им карту дорог Лос-Анджелеса. Изучив ее, он понял, что Вольф и Хрисенда могут оказаться в любом месте столь широко раскинувшегося теперь Лос-Анджелеса. Он, тем не менее, был уверен, что они двинулись скорее в этом направлении, нежели в Неваду или Аризону, поскольку ближайшие врата находились в районе Лос-Анджелеса. Они могли даже ехать в автобусе, шедшем несколько миль впереди этого.

Поскольку Вольф и Хрисенда воспользовались для своего бегства, чтобы не погибнуть от рук захватчиков, вратами во дворце вселенной Вольфа, используемыми в качестве пожарного выхода, то они должны быть одеты в одежду Властелинов, а Хрисенда может вообще быть без всякой одежды. Так что этой парочке невольно придется позаимствовать одежду у других. И им придется немедленно

найти темные очки, так как всякий, увидевший огромные фиолетовые глаза Хрисенды, поймет, что родилась она не на Земле. Или сочтут ее выродком, несмотря на потрясающую красоту.

И Вольф и Хрисенда были достаточно изобретательны, чтобы приспособиться. Особенно Вольф, поскольку провел на Земле больше времени будучи взрослым, чем Кикаха.

Что же касается Колокольника, то он окажется в абсолютно чужом и пугающем его мире. Ни на одном земном языке он не может сказать ни одного слова, он будет цепляться за свой колокол, что станет для него неудобным и затруднительным. Но двинуться он мог в любом направлении.

Единственное, что мог сделать Кикаха, это направиться к ближайшим известным вратам в надежде, что Вольф и Хрисенда сделают то же самое. Если они там встретятся, что вполне возможно, то смогут объединить свои силы, обдумать, какие шаги предпринять дальше, и спланировать наилучший способ обнаружения Колокольника. Если же Вольф и Хрисенда не появятся, то все придется решать Кикахе.

Рядом с ним села Му-Му. Она положила ладонь на его руку и заметила:

—Ох, ну у тебя и мускулы!

—Есть немного,—усмехнулся он.—А теперь, когда ты умаслила меня лестью о моих мышцах, что у тебя на уме?

Она нагнулась к нему, потервшись своей большой грудью о его руку, и сказала:

—Этот Лу! Каждый раз, стоит ему увидеть новую разумную привлекательную цыпочку, как он балдеет. Он ведь говорил с тобой, чтобы ты отдал ему свою подружку, не так ли? Держу пари, он предложил тебе за нее деньги?

—Предложил малость,—согласился Кикаха.—И что из этого?

Она ощупала мышцы его бедра и продолжила:

—В такую игру могут сыграть и двое.

—Ты тоже предлагаешь мне деньги?

Она отодвинулась от него, широко раскрыв глаза, а затем произнесла:

—Ты меня разыгryваешь? МНЕ платить ТЕБЕ?

В другое время Кикаха мог бы сыграть в эту игру до конца. Но, как ни банально это звучало, от него и в самом деле зависела судьба человеческой расы на Земле. Если Колокольник приспособится в этом мире и преуспеет в изготовлении других колоколов, а потом содержащиеся в них разумы захватят тела человеческих существ, то придет время, когда... сама Му-Му станет бездушной вещью, а затем в мозг и тело вселится другое существо.

Это, однако, могло и не иметь значения. Если поверить хотя бы

половине того, что он прочел в газете и журналах, то человеческая раса, вполне возможно, сама обрекла себя на гибель. И всю жизнь на этой планете. Земля, возможно, легко отделается, если в людей вселяются разумы Колокольников. Те были существа логичные и, дай им волю, расчистили бы бардак, в который, кажется, люди превратили всю планету.

Кикаха чуть содрогнулся. Такие мысли были опасны.

— Не может быть покоя, пока не умрет последний Колокольник.

— Что с тобой случилось? — голос Му-Му потрясал своею мягкостью. — Ты меня не любишь?

Он похлопал ее по бедру и сказал:

— Ты прекрасная женщина, Му-Му, но я люблю Энн. Однако вот что я тебе скажу! Если Королю Гномов удастся превратить Энн в одно из своих тухлых яиц, мы с тобой вместе будем творить музыку. И это будет не та какофония, что сейчас выблевывает радио.

От удивления она дернулась, а затем произнесла:

— Что ты имеешь в виду? Это же Роллинг Стоунз.

— Мхом им не обрасти, — согласился он.

— Ты не в струе! — воскликнула она. — Приятель, ты квадрат, квадрат, квадрат*! Ты уверен, что тебе не за тридцать?

Он пожал плечами. В юности его тоже не волновала такая музыка. Но временами она казалась приятной по сравнению с этим кричащим ритмом, вызывающим желание вцепиться в самого себя.

Автобус выбрался из пустынной местности в край позеленеет. Он стремительно летел по шоссе, несмотря на возрастающий поток транспорта. Солнце палило теперь со всей свирепостью, а воздух стал невыносимо горячим. Кроме того, он наполнился шумом машин и вонью выхлопных газов. Глаза у Кикахи заслезились, а в носу появилось такое ощущение, будто туда налихали иголок. Впереди расстипалось сероватое марево, потом они въехали в него и воздух показался несколько чище, а марево вновь оказалось впереди.

Му-Му сказала что-то о том, что смог в это время года действительно свирепствовать и особенно здесь. Кикаха прочел об этом в одном из журналов, хотя и не знал происхождения этого слова. Если именно в нем жили обитатели южной Калифорнии, то он не желал иметь к нему ни малейшего касательства. У Ананы глаза покраснели и слезились, она фыркала и жаловалась на головную боль, и что у нее закладывает носовые пазухи.

Му-Му оставила его и рядом с ним села Анана.

— Ты никогда ничего не говорил мне об этом, когда рассказывал о своем мире, — упрекнула она его.

* Квадрат — правильномыслящий человек.

— Я сам об этом ничего не знал, — возразил он. — Это появилось после того, как я покинул Землю.

Автобус ехал быстро и как-то беспорядочно. Он то и дело перескакивал с одной полосы на другую, когда протискивался между машинами, идя впритык с теми, что впереди, и бешено вырываясь вперед. Водитель пригнулся к рулю, глаза его, казалось, горели, рот приоткрылся и из него высакивал язык. Он не обращал внимания ни на визг тормозов, ни на пронзительные гудки, но наваливался на свой клаксон, когда хотел спугнуть кого-то впереди себя.

Клаксон ревел весьма громко и глухо и звучал, должно быть, для многих водителей, словно гудок локомотива. Они убирались на другую полосу, проделывая это иногда так быстро, что чуть не сметали с дороги другие машины.

Через некоторое время давка автомобилей стала такой сильной, что автобусу пришлось ползти, как и всем остальным, а иногда даже и останавливаться. На много миль впереди транспорт еле тащился. Густели жара и серое марево.

— Почему мы не можем установить в этом автобусе кондиционер? — обратилась Му-Му к Бауму. — Денег-то мы заколачиваем вполне достаточно!

— А часто ли мы попадаем на шоссе? — отпарировал менеджер.

Кикаха сообщил Анане о предложении Баума.

— Я не знаю смеяться мне или плакать, — ответила на это Анана.

— Немного того и немного другого тебе не помешают, — сказал Кикаха. — Ну, я пообещал, что не буду пытаться отговорить тебя, если ты решишь предпочесть его мне. В чем кажется он уверен на все сто процентов.

— Ты меня продаешь, вот и помучайся немного, пока я не приму решения, — пригрозила она.

— Разумеется. Обязательно помучаюсь, — ответил он, поднялся и прогулялся по проходу, потом посмотрел через заднее стекло автобуса. Через некоторое время Кикаха вернулся и сел на прежнее место. — За нами, по-моему, ползет большой черный «линкольн-континенталь», — сообщил он, понизив голос. — Я узнал одного из сидящих в нем. Я видел его, когда смотрел в бинокль с горы.

— Как они смогли найти нас? — голос ее остался ровным, но тело мгновенно напряглось.

— Может быть, они и не нашли. Может это просто совпадение. Возможно, они понятия не имеют, что находятся так близко к нам. А впрочем, опять же...

Это, казалось совершенно невероятным. Но как они догнали их? Расставили посты вдоль дороги и увидели, как они проехали на автобусе? Или у Орка такая широко раскинувшаяся организация, что ему доложил кто-то из автобуса?

Эту последнюю мысль он отмел как чистой воды парапоюю. Только время покажет, случайное это совпадение или нет. Пока, что, казалось, люди в автомобиле не интересовались автобусом. У них шел горячий спор. Трое из них были темноволосыми в возрасте между сорока и сорока пятью. Четвертый был молодой блондин с волосами, подстриженными по моде Юлия Цезаря. Кикаху изучил их, пока не запечатлел в памяти их черты. Затем вернулся на прежнее место.

Через некоторое время скорость транспортного потока возросла. Автобус несся мимо мрачных промышленных районов и задних фасадов захудальных зданий. Сероватый с зеленым оттенком смог не густел, но его разъедающее-раздражающее действие менялось.

— Твои соотечественники все время живут в этом,—посочувствовал Абана.—Они должно быть очень стойкие.

— Ты об этом знаешь не меньше моего.

Баум вдруг поднялся со своего места возле Му-Му и сказал водителю:

— Джим, когда подъедем к гражданскому центру, притормози и поищи забегаловку под открытым небом. Я проголодался.

Остальные запротестовали. Можно было бы поесть в отеле, когда туда приедут. Чего он спешил?

— Я голоден! — крикнул он. Посмотрел на них диким взглядом и с силой топнул ногой.— Я голоден! Я не хочу больше ждать! Кроме того, если нам, как обычно, придется пробиваться через толпу хипповок, мы можем еще и задержаться на немалый срок! Давайте перекусим сейчас!

Все пожали плечами. Очевидно, они уже сталкивались с подобным поведением Баума. Он выглядел так, словно того и гляди, примется визжать и пробивать пол ногами, словно в приступе ярости, если не сделает по-своему.

Однако, на этот раз это не было капризом. Му-Му закатила глаза, потом подошла к Кикаху и сказала:

— Он дает тебе знать, Рэд, что пришла пора откланяться. Тебе лучше забрать свое имущество и поцеловать на прощание подружку.

— Ты уже сталкивалась с этим прежде? — поинтересовалась Кикаху.— Почему ты так уверена, что Энн останется?

— Насчет нее у меня нет такой уверенности,— призналась Му-Му.— Я почувствовала в вас что-то чудное. И это ощущение не прошло. Скорее, оно даже усилилось.— А потом она удивила Кикаху, когда добавила: — Вы ведь убегаете, не правда ли? От легавых. И от других. Больше, чем от легавых. Кто-то сейчас наступает вам на пятки. Опасность я ниюхомчую.— Она сжала ему руку, нагнувшись и прошептала: — Если я смогу помочь тебе, то я буду в отеле неделю. Отель «Беверли Хилтон», а потом мы отправимся в Сан-

Франциско. Позвони мне. Я скажу в отеле, чтобы тебя соединили. В любое время.

Кикаха ощущал тепло от ее интереса и предложения о помощи. В то же время, он не мог не учитывать возможность того, что она, вероятно, знала больше, чем следовало бы его любому будущему другу. Не могла ли она быть связанный с Рыжим Орком?

Подумав, он отверг это предположение. Жизнь его была настолько полна опасностями, рискованными ситуациями, сменяющими одну другую, что у него появилась привычка, чтобы выжить, всегда учитывать наихудшее и планировать возможное противодействие, стремясь избежать этого худшего. В данном случае Му-Му могла быть не более, чем экспером, или просто весьма чувствительной личностью.

Автобус съехал с шоссе и покатил к Музикальному Центру. Кикахе хотелось бы изучить здешние высотные здания, напомнившие ему небоскребы Манхэттена, но он следил за большим черным «линкольном» и сидевшей в нем четверкой. Автомобиль свернул с шоссе вслед за автобусом и теперь их отделяло от автобуса две машины. Кикаха был готов допустить, что этот маневр тоже был не более, чем совпадением, но весьма сильно в этом сомневался.

Автобус подрулил к угол стоянки, в центре которой находился большой прилавок, где торговали гамбургерами. Дверца автобуса раскрылись, и шофер вылез первым. Баум взял за руку Анану и вывел ее. Уголком глаза Кикаха заметил это, он-то в это время следил за «линкольном», который тоже завернулся на стоянку, держась в пяти автомобилях от прилавка.

Баума сразу же окружило пять-шесть молоденьких девчонок, которые выкрикивали его имя и множество неразборчивых восклицаний. Баум улыбнулся им и помахал руками, чтобы они отошли. После минутной борьбы ему и мужчинам постарше удалось отеснить девчонок.

Кикаха, держа в руке футляр, последовал за Му-Му через автостоянку к раскладному столу под тентом, где уже сидели Анана и Баум. Официантка принесла гамбургеры, «горячие собаки», взбитые сливки и кока-колу. У Кикахи слюнки потекли, когда он увидел гамбургер. Прошло ведь, господи, больше двадцати четырех лет, как он в последний раз пробовал гамбургер! Он откусил, потом медленно прожевал. В мясе было что-то такое, какой-то неопознаваемый элемент, который ему не понравился. Эта невкусная субстанция присутствовала, кажется, и в латуке и в помидорах.

Анана поморщилась и на языке Господов опросила:

—Что вы кладете в эту пищу?

—Может быть, инсектициды,—пожал плечами Кикаха.—Хотя

кажется невозможно заметить миллионную долю или какая там она бы ни была. И все же, что-то тут есть.

Им больше повезло со взбитыми сливками и шоколадом. Сливки оказались такими же густыми, кремовыми и вкусными, как он помнил. Анана тоже одобрительно кивнула.

Четверка все еще сидела в «линкольне» и смотрела на него и Анану. Во всяком случае, на их группу.

—Ладно, Финнеган,—произнес Баум, посмотрев на Кикаху.—Давай, сваливай.

Кикаха взглянул на него и напомнил:

—Согласно сделке я сваливаю, если она согласится оставаться с тобой.

—Я просто пытаюсь пощадить твои чувства, мой средне-западный провинциальчик,—засмеялся Баум.—Но, будь по-твоему. Следи за мной и, может быть, чему-то научишься.

Он склонился к Анане, занятой разговором с Му-Му. Му-Му взглянула разок на лицо Баума, потом встала и отошла. Кикаха следил за Ананой и Баумом. Разговор был коротким, действие —внезапным и взрывным.

Анана отвесила Бауму оплеуху с такой силой, что звук ее можно было расслышать даже сквозь гомон его поклонниц и рев уличного движения. Наступило короткое затишье, а затем раздались гневные вопли со стороны гомонивших поклонниц. Баум гневно закричал, и правым кулаком замахнулся на Анану. Она ловко увернулась и скользнула со скамьи, а потом обзор Кикахе загородили окружающие ее люди.

Он сгреб со стойки кучу мелочи, оставленную клиентами. Сунув ее в карман, он нырнул в потасовку. Однако, его тут же чуть не сбили с ног люди, что пытались оттуда выбраться. Девушки врезались в него, царапались, визжали, норовили выдавить глаза и лягались.

Внезапно открылось свободное пространство. Он увидел лежащего на цементном полу Баума, прижавшего к груди ноги и державшегося за пах. Около него сидела девица, согнувшись пополам, и держалась за живот. Другая девица спиной к нему склонилась над столом и ее рвало.

Кикаха схватил Анану за руку и крикнул:

—Ходу! Вот шанс, которого мы ждали!

Держа футляр в одной руке, он повел ее к обратной стороне стоянки. Перед тем, как они забежали в узкий переулок между двух высоких зданий, он оглянулся. Машина с их преследователями въехала на стоянку, и трое сидевших в ней вылезли. Они заметили свою дичь и рванули к ним. Но они не были столь глупы, чтобы вытаскивать оружие до того, как догонят убегавших. Кикаха же не собирался допускать, чтобы их догнали.

А потом, когда они уже выбежали из переулка на соседнюю улицу, он подумал:

—А почему бы и нет? Я могу потратить не один год, пытаясь найти Рыжего Орка, но если я смогу заполучить в свои руки тех, кто на него работает...?

Соседняя улица была столь же деловой, что и только что покинутая ими. Пара перестала бежать, но шла быстрым шагом. Полицейский автомобиль, следовавший в том же направлении, вдруг прибавил скорость и его мигалка ожила. Автомобиль свернул, взвизгнув тормозами, преследуемый проклятиями старика, похожего с виду на алкаша.

Кикаха оглянулся. Троє все еще шли за ними, но не делали никаких попыток догнать их. Один говорил во что-то, скрытое у него в руке. Он говорил либо с человеком, который остался в машине, либо со своим боссом. Кикаха усвоил теперь, что с 1946 года радиопередатчики стали гораздо меньше и что человек мог пользоваться вполне обычным миниатюрным передатчиком. С другой стороны, он мог использовать прибор, неизвестный на Земле никому, кроме тех, кто работал на Рыжего Орка.

Они продолжали идти. Когда они прошли два квартала. Кикаха снова оглянулся. Большой черный «линкольн» остановился и троє садились в него. Кикаха задержался перед витриной ломбарда и посмотрел сквозь грязное стекло на обломки людских надежд.

—Мы дадим им шанс сцепать нас,—сказал он.—Не знаю хватит ли у них пороха сделать это средь бела дня, но если хватит, то вот что мы сделаем...

«Линкольн» поровнялся с ними и встал.

Кикаха обернулся и усмехнулся сидящим в «линкольне». Передняя и задняя дверцы с правой стороны открылись и три человека вылезли из машины. Они двинулись к парочке, не вынимая рук из карманов. В этот момент впереди по улице зазвала сирена. Троица резко дернула головами, посмотрев на внезапно появившийся полицейский автомобиль. Он пролетел между машинами, сделал кругой вираж, огибая стоявший «линкольн», и полетел дальше как раз под красный светофор. Он продолжал мчаться дальше, направляясь, явно не к суматохе за углом.

Троє небрежно повернулись и пошли к «линкольну». Кикаха воспользовался тем, что их внимание было отвлечено полицейским автомобилем и, прежде чем они успели обернуться,—очутился у них за спиной. Ткнув костяшками пальцев в спину самого старшего, Кикаха сказал:

—Если ты будешь дергаться, я прожгу в тебе дыру.

Держа палец на спуске кольца, Анана приставила его к спине молодого блондина со спутанными волосами. Тот застыл и челюсть у него мгновенно отвисла, словно он не мог поверить, что их дичь не только накинулась на них, но и сделала это, не обращая внимания на полсотни свидетелей.

«Линкольн» начал подавать сигналы. Водитель жестом велел троице поспешить с возвращением, а потом заметил, что Кикаха с Ананой вплотную прижались к спинам двоих. Третий, расслышавший слова Кикахи, помахал рукой водителю, чтобы тот уехал. «Линкольн» рванулся с места, визжа и сжигая шины и, не притормаживая, скрылся за углом.

—Это был умный ход! —похвалил Кикаха стоящего перед ним, один-ноль в вашу пользу.

Третий стал уходить.

—Я убью этого парня, если ты не вернешься! —пригрозил Кикаха.

—Убивай! —отозвался тот и продолжал идти.

—Отпусти своего, —велел Кикаха Анане на языке Господов. Мы оставим этого. Отправимся в уединенное место и там потолкуем.

—А что помешает другим последовать за ними?

—Ничего. В данный момент меня это не волнует.

Его волновало, но он не хотел, чтобы об этом знали другие.

Блондин презрительно фыркнул в их сторону и вразвалочку пошел прочь. Однако, было нечто в его походке, что выдавало его. Он испытывал большое облегчение от того, что удалось уйти невредимым.

Кикаха уведомил того, который остался о том, что с ним произойдет, если он попытается сбежать. Тот не ответил. Он казался очень спокойным. Истинный профессионал, подумал Кикаха. Лучше было бы придержать молодого блондина, который мог оказаться и не столь стойким при разговоре. Правда, было уже слишком поздно что-либо менять.

Проблема была в том, куда везти этого для допроса? Они находились в центре огромного метрополиса, незнакомого ни Кикахе, ни Анане. Судя по виду зданий и большинства пешеходов, здесь должно иметься несколько третиеразрядных отелей. Вполне возможно, там удалось бы снять номер и допросить пленника. Но тот мог все разрушить, если откроет рот и закричит. И даже, если удастся привести его в номер отеля, его приятели проследят за ними и вызовут подкрепление. Номер отеля станет ловушкой.

Кикаха отдал приказ, и они втроем двинулись вперед. Он шел с одной стороны пленника, а Анана с другой. Кикаха изучал профиль пленника, выглядевший грубоватым, но сильным. Это был человек лет пятидесяти, с темно-желтоватой кожей, карими глазами, боль-

шим кривым носом, толстогубым ртом и массивным подбородком. Кикаха спросил, как его зовут, и тот буркнул:

—Мазарен.

—На кого ты работаешь? —спросил Кикаха.

—На того, с кем тебе лучше бы не связываться,—отозвался Мазарен.

—Скажешь мне кто твой босс и как до него добраться, я тебя отпушу на все четыре стороны,—пообещал Кикаха.—А иначе буду поджаривать тебя, пока не скажешь. Ты знаешь, что у каждого человека есть предел терпения, и ты возможно, сумеешь долго терпеть, но в конце концов, все выдашь.

—Разумеется,—пожал широкими плечами пленник.—Ну и что?

—Ты и вправду такой преданный?

Тот презрительно взглянул на Кикаху.

—Нет, но считаю, что вам не выпадет и шанса сделать ему что бы то ни было. Больше я ничего говорить не стану.

Он закрыл рот и отвел взгляд.

Они прошли пару кварталов. Кикаха оглянулся. Из-за угла выехал «линкольн», подобрал двоих и теперь медленно катил по ближайшей к тротуару полосе.

Кикаха не сомневался, что те, в автомобиле, вступили в контакт со своим боссом и дожидались подкрепления.

Положение становилось безвыходным.

Потом Кикаха ухмыльнулся.

Он быстро переговорил с Ананой и они направили Мазарена к краю тротуара. Подождали, пока «линкольн» не поравнялся с ними, а потом шагнули на мостовую. Троє в машине уставились на них, словно не могли поверить собственным глазам. Кроме того, было похоже, что их охватило беспокойство. Когда Кикаха махнул им рукой, машина остановилась. Двое, сидевшие с правой стороны, вытащили пистолеты и направили их через окно, хотя и прикрывали, по возможности, стволы руками.

Кикаха толкнул Мазарена вперед и они обошли автомобиль спереди, подойдя к водителю. Анана осталась стоять по другую сторону, примерно, в пяти футах от машины.

Мазарен со злобой поглядел на него, потом открыл заднюю дверцу и начал залезать в машину. Кикаха впихнул его и влез вслед за ним. Анана тоже подошла к машине. Водитель обернулся, и двое других тоже повернулись, чтобы наблюдать за Кикахой. Анана прижала кольцо, вновь установленное на оглушающий удар, к голове человека на правом переднем сиденьи. Тот рухнул и в этот же момент Кикаха оглушил Мазарена.

Молодой блондин на правом заднем сиденье направил пистолет на Кикаху и нервно завопил:

—Ты, должно быть, спятил! Не шевелись, а то сделаю в тебе дыру!

Заряд из кольца ударили по затылку и распространился по костям черепа. Вероятно, он получил ожог головы. Она дернулась вперед, словно под ударом кулака, и рефлекторно сжавшийся палец нажал спуск. Автоматический пистолет сорок восьмого калибра разок грянул. Внутри машины выстрел получился очень громким. Мазарен дернулся и повалился назад, задев Кикаху тыльной стороной ладони.

Водитель заорал и рванул машину с места. Анана отпрыгнула в сторону, чтобы ее не переехали, а Кикаха закричал на водителя, но тот продолжал вдавливать педаль газа, выкрикнув в ответ не-приличное ругательство. Видимо, он собирался гнать и дальше, хотя впереди на светофоре горел красный, несомненно предполагая, что Кикаха не рискнет нокаутировать его, побоявшись результата нокаута.

Тем не менее Кикаха оглушил водителя и автомобиль немедленно потерял скорость. Он, правда, не останавливался и поэтому прокатился и врезался в заднюю часть машины, которая стояла перед светофором, ожидая когда красный свет сменится зеленым. Чтобы смягчить удар, Кикаха присел на корточки позади сиденья водителя. Его бросило вперед вместе со спинкой сиденья, но большую часть энергии удара погасило тело водителя.

Сразу после столкновения Кикаха открыл дверцу и выполз из машины. Человек в машине перед ним все еще сидел на своем месте и выглядел оглушенным. Кикаха протянул руку внутрь машины и вытащил из пиджака Мазарена бумажник. Ни в отделении для перчаток, ни на колонке руля не было регистрационной карточки на машину. Кикаха не мог себе больше позволить оставаться здесь, поэтому отошел от машины, а потом припустил бегом, услышав позади крики.

Он встретился с Ананой на перекрестке и они свернули за угол. Преследовал Кикаху только один человек, да и тот остановился, когда Кикаха грозно посмотрел на него.

Кикаха остановил проезжающее такси и они залезли в него. Вспоминая карту, изученную в автобусе, он велел водителю высадить их на Лорейн к югу от Уилшира.

Анана не спрашивала, что он делает, поскольку он приказал ей помалкивать. Он не хотел, чтобы таксист запомнил женщину, говорящую на иностранном языке, хотя все равно ее красота и их походная одежда отложатся в его памяти.

Он выбрал для высадки многоквартирный дом, велел шоферу остановиться подле него, расплатился и дал доллар на чай. Затем они с Ананой поднялись по лестнице и вошли в вестибюль, оказавшийся

пустым. Подождав, пока такси отъедет, они направились к Уилширу. Здесь и сели на автобус.

Через несколько минут Кикаха вывел Анану из автобуса и она осведомилась:

—А теперь что?

Хотя, кажется, в данный момент не очень-то интересовалась следующим их шагом, поскольку вглядывалась в бензоколонку на другой стороне улицы. Для Кикахи архитектура ее тоже была новой. Он мог сравнить ее только с чем-то из сериалов о Френке Гордоне. Анана, конечно, видела немало различных вселенных, с самыми различными архитектурными стилями. Но эта Земля была такой страшной.

Кикаха сообщил ей свои планы на дальнейшее. Они направятся к Голливуду и поищут мотель или отель в районах подешевле. Из газеты и журналов он узнал, что в том районе обитало множество проезжающих перекати-поле — их теперь называли хиппи — и более дикий элемент, из тех, что помоложе.

Через пару минут они поймали такси, и оно доставило их на Сансет-бульвар. Там они довольно долго прогуливались. Солнце зашло, на улицах зажглись фонари. Сансет-бульвар начал заполняться автомобилями, шедшими бампер в бампер. На тротуарах начиналась толкотня, собирались толпы народа, главным образом, хиппи, о которых он читал. Появилось там и немало «персонажей», каких и следовало ожидать в Голливуде.

Они остановили одного из бесцельно бродивших юнцов и спросили насчет хазы. Молодой парень с волосами до плеч и густыми усами по моде 1890 года, но одетый в дорогой на вид костюм, дал им несколько полезных советов. Он хотел поговорить еще и даже пригласил пообедать. Заворожила его явно Анана, а не Кикаха.

— До скорого, — решительно распроштался с ним Кикаха, и они отвалили. Спустя полчаса они уже сидели в номере отеля на боковой уличке. Номер был не люкс, но он более чем годился для Кикахи, прожившего большую часть последних двадцати четырех лет в первобытных условиях. Тут оказалось не так тихо, как ему хотелось, поскольку в соседнем номере шла гулянка. Радио или проигрыватель извергали из себя один из наиболее крикливых образчиков рока, то-пало множество ног и визжало множество голосов.

Пока Анана принимала душ, он изучил содержимое бумажников, забранных им у людей Орка. Фредерик Джеймс Мазарен и Джессиффи Веласкес Рамос жили, как извещали их водительские удостоверения, на бульваре Уилшир. Карта подсказала ему, что эти адреса находились поблизости от границы городского центра Уилшир. Он подозревал, что эта пара жила в отеле. Мазарену оказалось сорок восемь лет, а Рамосу — сорок шесть. Остальное содержимое бумажников со-

стояло из кредитных карточек (почти невероятных в 1946 году, если он правильно помнил), нескольких фотографий, на которых оба были сняты с женщинами, фотографий женщин, видимо, матери Рамоса, денег — около трехсот двадцати долларов и клочка бумаги в бумажнике Мазарена с десятью инициалами в одной колонке и номерами телефонов в другой.

Кикаха зашел в ванную и открыв дверь душа, сообщил Анане, что перейдет через улицу к телефонной будке.

—Почему ты не воспользуешься здешним телефоном?

—Он проходит через коммутатор отеля, — пояснил он, — и я не хочу рисковать, — могут подслушать.

Он прошел несколько кварталов до аптеки-закусочной, где добыл мелочь. Постоял минутку, раздумывая, не воспользоваться ли телефоном аптеки, а затем решил вернуться к будке рядом с отелем. Тогда он сможет следить за входом в отель, пока обзванивает номера.

На минутку он задержался у ряда с книгами в мягких обложках. Давненько он не читал книг. Ну, он читал тишкетмоакские книги, но тишкетмоаки не издавали ничего, кроме науки, истории и теологии. Жители яруса, называемого Атлантидой, издавали Беллетристику, но он провел у них очень мало времени, хотя и планировал как-нибудь пожить подольше. Существовали кое-какие книги семитской цивилизации Дракландии, но число романов среди литературы было невелико, а разнообразие весьма ограничено. Во дворце Вольфа была библиотека в двадцать миллионов томов, но Кикаха провел там недостаточно времени, чтобы прочесть хотя бы малую часть.

Он осмотрел подборку, сознавая, что не следует терять время на это, и наконец выбрал три. Одна была книгой Томаса Вульфа (но не известного ему Томаса Вульфа). Ему показалось, что она сможет дать ему представление о духе времени нынешней эпохи. Другие были документальными: книга Азимова (который, кажется, был тем же человеком, что и писатель-фантаст, которого он помнил) и книги по черной революции. Он направился к стойке с журналами и купил «Лук», «Лайф», «Сатедей», «Ревю», «Нью-Йоркер», «Лос-Анджелес мэгэзин» и несколько научно-фантастических журналов.

Держа книги, журналы и вечерний выпуск «Таймса», он пошел обратно к телефонной будке. Сперва он позвонил Анане и удостоверился, что с ней все в порядке. Затем, достав карандаш и бумагу, он стал по очереди набирать каждый из номеров, записанных на клочке бумаги из бумажника Мазарена.

Три номера оказались номерами женщин, отрицающих всякое знакомство с Мазареном. Три номера не ответили. Кикаха отметил их, чтобы позвонить попозже. Один номер, судя по доносившимся в трубке разговорам, мог быть установлен в конторе букмекера. Отве-

тивший мужчина говорил так же уклончиво, как и женщины. Восьмой звонок соединил Кикаху с барменом, которому Кикаха сказал, что ищет Мазарена.

—Разве ты не слышал, приятель? —спросил бармен.—Мазарена сегодня убили.

—Кто-то убил его? —произнес Кикаха в ответ так, словно был просто потрясен услышанным.—Кто это сделал?

—Никто не знает. Парень ехал с Фредом и несколькими ребятами, и вдруг этот парень ни с того ни с сего выхватил у Чарли из кармана пистолет, стреляет из него Фреду в грудь, а после смыается, нокаутировав Чарли, Рамоса и Зигги.

—Да? Эти ж ребята были профи. Должно быть, проявили беззаботность или что-то в этом духе. Слушай, а разве это не взбесит их босса? Он, должно быть, вне себя от бешенства!

—Шутишь, друг? Кэмбринга ничто не заставит выйти из себя. Слушай, я должен идти, клиент стоит. Заскакивай, поднесешь мне рюмку, и я тебе поведаю все кровавые подробности.

Кикаха записал фамилию Кэмбринг, а затем просмотрел телефонную книгу. В телефонной книге Лос-Анджелеса или других, окружавших его городков никакого Камбринга не оказалось.

Девятый номер оказался телефоном гаража в Калвер-сити. Ответивший заявил, что никогда не слышал ни о каком Мазарене. Кикаха сомневался, что ему сказали правду, но предпринять не мог ничего.

Последний номер был написан против букв Р. К. Кикаха надеялся, что они обозначают Р. Кэмбринг, но женщина, которая ему ответила, оказалась Роной Кольерс. Отвечая на его вопросы, она проявила такую же осторожность, как и прочие.

Он снова позвонил Анане, чтобы еще раз удостовериться, что с ней все в порядке. Потом вернулся в номер, где заказал обед из «цыплячьего восторга». Он съел все, что было в коробке, но в пище был тот же самый привкус чего-то неприятного и чего-то недостающего. Анана тоже съела все, но пожаловалась.

—Завтра суббота,—принялся он размышлять вслух,—если мы не найдем каких-нибудь многообещающих ниточек, то пойдем приобрести кое-какую одежду.

Он принял душ и успел вытереться. В этот момент принесли бутылку «Дикой индейки» и шесть бутылок «Тюборга». Анана попробовала и то, и другое и остановилась на датском пиве. Кикаха пригубил немного «бурбона» и скривился. Владелец винного магазина утверждал, что у него лучший в мире бурбон. Прошло слишком много времени с тех пор, как он в последний раз пробовал виски. Ему придется заново учиться пить его. Если, конечно, найдется для этого время, в чем он сильно сомневался. Подумав, Кикаха решил выпить

бутылку-другую «Тюборга», которое ему показалось вкусным, вероятно потому, что пивоварение было хорошо известно в многоярусном мире, и пить его он не отвык.

Он сидел в кресле, потягивая пиво, и вслух медленно читал по-английски газету для Ананы. В первую очередь он искал каких-нибудь сообщений о Вольфе, Хрисенде или Колокольнике. Наткнувшись в газете на заметку о Лоботрясах Люцифера, он выпрямился в кресле. Их обнаружили полуголых, избитых и обгорелых у дороги подле озера Эрроухэд. Полиции они рассказали байку, что на них напала соперничающая с ними банда.

Страницей дальше он нашел сообщение о гибели вертолета недалеко от озера Эрроухэд. Вертолет из аэропорта Санта-Моника принадлежал некому мистеру Кэмбрингу, который однажды был привлечен к суду, но не осужден, за подкуп муниципальных чиновников в связи с земельными сделками. Кикаха восторженно завопил, а потом объяснил Анане, какая это удача.

В статье не указывался адрес Кэмбринга, но Кикаха позвонил в контору «Тон Кэт Энтерпрайзис», что принадлежала Кэмбрингу. Телефон звонил долго и он, наконец, сдался. Тогда он позвонил в «Лос-Анджелес Таймс» и после серии отфутболиваний от одного к другому, во время которых ему тоже приходилось ждать по три-четыре минуты, получил искомые сведения. Мистер Рой Ариделл Кэмбринг жил на бульваре Римпо. Сверка с городской картой подсказала, что дом находится в нескольких кварталах севернее Уилшира.

—Это удача,—сказал он.—Я нашел бы Кэмбринга, если бы нанял для этого частного детектива, но это отняло бы много времени. Давай-ка ляжем спать. Завтра у нас будет много дел.

Однако прошел час прежде, чем они заснули. Анана хотела спокойно полежать в его объятиях, болтая о том, о сем, о своей жизни до того, как она встретилась с Кикахой, но главным образом, о приключениях, в которые она попала, едва встретилась с ним. На самом-то деле они знали друг друга не больше двух месяцев и их совместная жизнь была суматошной. Но она утверждала, что любит Кикаху, и вела себя так, будто это правда. Он ее любил, но у него хватало опыта общения с Господами, чтобы сомневаться, насколько глубоко способностью любить обладала личность, прожившая десять тысяч лет. Однако, верно, что некоторые из Господов могли жить мгновением куда интенсивнее, чем любой когда-либо встреченный им человек просто потому, что живущий вечно должен упиваться каждой минутой жизни, словно она была последней. Иначе он не смог бы вынести мысли о годах, бесконечных годах, ожидающих его впереди.

В то же время с ней он был счастлив, хотя был бы еще счастли-

все, если б мог найти хоть какой-нибудь досуг и покой, чтобы узнать ее получше. Именно на их недостаток она, собственно, и жаловалась. Не слишком много жаловалась, правда. Кроме того, она знала, что всему на свете рано или поздно приходит конец.

Думая об этом, он заснул. Где-то посреди ночи он внезапно проснулся. На секунду ему показалось, что кто-то проник в номер, и он выхватил из ножен, лежавших подле него, нож. Глаза его привыкли к темноте, которая была не слишком черной из-за просачивающегося сквозь жалюзи света от яркой неоновой рекламы за окном, да уличных фонарей. Он никого не увидел.

Медленно, стараясь, чтобы не скрипнула кровать, он встал с постели и осторожно прошелся по номеру, заглянул в ванну, потом посмотрел в шкафу. Окна были по-прежнему заперты изнутри, дверь закрыта, а придвинутое к ней бюро оставалось на месте. Под кроватью тоже никого не было.

Кикаха решил, что слишком долго спал на натянутой проволоке. Он ожидал, пусть даже и бессознательно, что того и гляди свалится.

Однако, он не мог ошибиться. Его разбудило что-то, работавшее глубоко внутри его. Как раз перед тем как проснуться, он видел сон. О чём?

Он никак не мог схватить его за хвост и вытащить из подсознания, хотя неоднократно пытался. Он расхаживал взад-вперед, все еще держа в руке нож, и старался воссоздать миг непосредственно перед пробуждением. Через некоторое время он сдался. Но заснуть вновь уже не смог. Он вновь поднялся, оделся, а потом осторожно разбудил Анану. При его нежном прикосновении к лицу она вскочила с постели с ножом в руке.

Отступив назад, он сказал:

— Все в порядке, любимая, просто я хотел сообщить тебе, что отправляюсь проверить дом Кэмбринга. Спать я больше не могу, я чувствую себя так, словно мне надо срочно сделать нечто важное. У меня и прежде бывало такое чувство и оно всегда оказывалось правильным.

Он не добавил, что иногда предчувствие подсказывало ему о серьезных, почти фатальных бедствиях.

— Я пойду с тобой.

— В этом нет необходимости. Я ценю твоё предложение, но лучше оставайся здесь и спи. Обещаю тебе не заниматься ничем, кроме разведки вокруг на безопасном состоянии. Тебе не придется ни о чём беспокоиться.

— Ладно,—согласилась она полусонно. Она полностью доверяла его способностям.—Поцелуй меня еще раз, пожелай спокойной ночи и ступай. Хорошо, что у меня не беспокойная душа.

В холле было пусто. На улице перед отелем было пустынно, хотя несколько машин и промчалось мимо него. Монотонный рев снижающегося над Международным аэропортом самолета звучал, казалось, прямо над головой, но по его огням было видно, что он находится в нескольких милях к юго-востоку. Кикаха потрусили по улице в южном направлении и надеялся, что не встретит никаких машин с фараонами. Из прочитанного им, он понял, что бегущий человек автоматически попадает под подозрение в любой части города, так же как и человек, гуляющий ночью в респектабельном районе.

Кикаха мог взять такси и доехать до места, близкого к его цели, но предпочитал следовать бегом. Ему не мешало потренироваться, если он собирается долго жить в этом городе, то быстро размякнет без тренировок.

Смог, казалось, исчез вместе с солнцем. По крайней мере глаза у него больше не горели и не слезились, хотя он запыхался, пробежав всего восемь кварталов. Должно быть, воздух вокруг был полон ядовитыми веществами. Или же он сдавал быстрее, чем считал возможным.

Судя по карте, дом Кэмбринга находился в трех с половиной милях от их пристанища.

Добежав до Рампо, он очутился в районе старых особняков. Район выглядел так, словно здесь жили только богатые люди. Правда, были заметны изменения. Некоторые из домов требовали ремонта, кое-какие были уже переделаны в многоквартирные. Но немало особняков было в отличном состоянии.

Дом Кэмбринга оказался огромным трехэтажным строением. По его виду можно было предположить, что он выстроен, около 1920 года кем-то, кто испытывал ностальгию по архитектуре, популярной среди богачеев Среднего Запада. В доме имелась высокая терраса, посередине лужайки к нему была проложена дорожка, а изогнутый подъездной путь вел к крыльцу. Недалеко от крыльца было припарковано три автомобиля. На лужайке росла дюжина могучих дубов и несколько сикомор, а среди деревьев располагалось несколько высоких, красиво подстриженных кустов. Весь участок, кроме передней части, окружала высокая кирпичная стена.

На первом и втором этажах за задернутыми занавесками горел свет. Свет горел и на втором этаже частично видимого Кикахе гаража. Он прошел мимо дома к углу. Здесь кирпичная стена шла вдоль тротуара. Часть пути дальше была еще одним подъездным путем к гаражу. Он остановился перед закрытыми железными воротами.

Вполне возможно, что на земле среди деревьев были установлены приборы электронного наблюдения, но тут ему придется рисковать. Кроме того, неплохо будет выяснить это прямо сейчас.

Он сомневался, что Рыжий Орк жил в этом доме. Кэмбринг, должно быть, был один из подчиненных Орка, стоявшим, вероятно, на иерархической лестнице довольно низко. Господь Земли обосновался бы с комфортом в истинно роскошным жилище за хорошо охраняемыми стенами.

Кикаха установил кольцо на теплопробивающую мощность на расстоянии до двухсот футов и взял нож в зубы. Вместо того, чтобы вернуться к фасаду, он прошел вдоль стены к боковой стороне дома. Забраться здесь будет трудней, но прикрытие было получше.

Он разбежался, отойдя на мостовую и прыгнул вверх. Пальцы цепко ухватились за край стены, он легко подтянулся и влез на стену. Кикаха вытянулся на стене и лежал, наблюдая, нет ли каких признаков деятельности в доме и гараже. Прошло минуты четыре. Автомобиль, мчавшийся по улице, свернул за угол в двух домах от него и полетел дальше по улице. Вполне возможно, что обитатели дома смогли заметить его в свете фар. Кикаха спрыгнул со стены на мягкую травянистую почву. Как вероятный путь к бегству,—он отметил ветвь, спиленную почти у самой стены.

Было около трех часов утра, если его не подводило чувство времени. Часов он не носил, но собирался обзавестись ими, поскольку теперь он находился в мире, где точное измерение времени было очень важным.

Следующие десять минут он провел, изучая район, непосредственно прилегающий к дому и гаражу. Три раза он забирался на дерево и пытался заглянуть в окно, но ничего не увидел. Он потыкался вокруг автомобилей, но побоялся открывать дверцы, опасаясь, что сработает сигнализация. Казалось, вполне вероятным, что гангстер вроде Кэмбринга будет больше беспокоиться о бомбе, подложенной в машину, чем о вторжении в свой дом. Большого черного «линкольна» здесь не было. Кикаха подумал, что его конфисковала полиция в качестве улики в деле об убийстве. Он несколько раз произнес номера машин, чтобы их запомнить, хотя у него был с собой листок бумаги и карандаш. За годы, проведенные в соседней вселенной он привык полагаться на свою память. Он развил ее до такой степени, какую двадцать пять лет назад could бы невероятной. У неграмотности есть свои плюсы. Сколько образованных людей на Земле могли бы вспомнить точную топографию сотен мест, или начертить карту пятитысячного маршрута, или прочесть наизусть эпическую поэму в три тысячи строк.

Минут через пятнадцать он проверил все, что мог, за пределами дома и точно знал, где и что находится. Теперь пришло время убираться. Он пожалел, что пообещал Анане ограничиться только разведкой. Искушение проникнуть внутрь было почти неодолимым. Если бы он смог захватить Кэмбринга и выжать из него кое-какие сведения

дения... Но он пообещал. И она осталась спать, поскольку верила, что он сдержит обещание. Это само по себе указывало, как сильно она его любила, потому что, если что и отсутствовало у Господов, так это вера другим.

Некоторое время он стоял, пригнувшись, за кустом в боковом дворе, зная что ему следует убираться, но ждал, надеясь, что произойдет нечто, что вынудит его предпринять какие-то действия.

Минута проходила за минутой.

Потом он услышал, как в доме звонит телефон. За занавеской окна на втором этаже зажегся свет. Кикаха поднялся, приблизился к дому и приставил к стене дома небольшой, похожий на кодокольчик прибор. От прибора тянулся шнур к вставленной в ухо затычке. Внезапно чей-то голос произнес:

— Да, сэр. Вас понял. Но как вы нашли их, если мне позволительно спросить?

Наступило краткое молчание, потом тот же человек продолжил:

— Извините, сэр. Я конечно, не хотел совать свой нос не в свое дело. Да, сэр, больше это не повторится. Да, сэр, я вас понял сразу. Я теперь точно знаю, что делать. Я позвоню вам, как только мы начнем операцию, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Сердце у Кикахи забилось чаще. Кэмбринг мог разговаривать прямо с Рыжим Орком. Во всяком случае, происходило нечто важное. Нечто угрожающее.

Он услышал шаги и звон зуммера. Голос произнес—надо полагать через интерком —«Одевайтесь и живо сюда! Рысью! У нас есть дело! Живей!»

Кикаха наконец-то решил, что ему делать. Если он услышит что-нибудь указывающее на то, что они направляются не за ними, то погодет пока они уедут, и тогда проникнет в дом. Условия так сильно изменились, что с его стороны будет просто глупо не воспользоваться их отсутствием. Анана должна будет это понять.

Если же он услышит что речь идет о нем и Анане, то смоется к ближайшей телефонной будке.

Он пошарил в карманах в поисках мелочи и выругался. После сделанных вечером звонков у него осталось всего одна десятицентовая монетка.

Семь минут спустя через боковую дверь вышли восемь человек. Кикаха следил за ними из-за дерева. Четверо сели в «мерседес-бенц», а четверо —в «меркурий». Он не мог понять кто из них Кэмбринг, так как никто не произнес ни слова, когда они появились на улице. Один из них открыл дверцу машины для высокого человека с пышными кудрявыми волосами и дерзким длинным носом. Кикаха подозревал, что это и есть Кэмбринг. Он, кроме того, узнал двоих:

молодого блондина и Рамоса, водителя «линкольна». Его голову стягивал белый бинт.

Машины уехали, оставив на подъездной аллее только один автомобиль. Остались и люди в доме. Он слышал, как женщина сонным голосом спрашивает Кэмбринга, что случилось, а мужской голос интересовался, почему он должен оставаться, когда ему хочется принять участие в действиях. Кэмбринг велел ему заткнуться. Им было приказано не оставлять дом без охраны.

Не успели машины исчезнуть, как Кикаха оказался у передней двери. Она была заперта, но короткий выстрел энергии из кольца прорезал металл насеквоздь. Он медленно толкнул дверь и шагнул в помещение, освещенное лишь светом из лестничного пролета в противоположном конце. Когда глаза его адаптировались, он разглядел на столе у стены телефон. Он подошел к нему, зажег спичку и набрал номер своего отеля. Телефон позвонил не более трех раз, прежде чем она ответила.

—Анана,—тихо проговорил он в трубку.—Я в доме Кэмбринга! Он и его люди отправились брать нас. Хватай свою одежду и быстро сматывайся оттуда, слышишь?! Даже не трудись одеваться! Засунь все в рюкзак и сматывайся. Оденешься за отелем! Я встречусь с тобой где договорились! Поняла?

—Подожди,—отозвалась она,—разве ты не можешь рассказать мне, что произошло?

—Нет! —отрезал он и тихо положил трубку на рычаг. Он услышал шаги в коридоре наверху, а следом скрип ступенек под тяжестью медленно спускающегося рослого человека.

Кикаха снова установил кольцо на оглушающую мощность. Ему было необходимо завалить кого-либо для допроса, и он сомневался, что женщина может знать об операции больше, чем мужчина.

Слабый скрип прекратился, Кикаха пригнулся у подножья лестницы и ждал. Внезапно в помещении вспыхнул свет и человек катапультировался из-за скрывавшей его стены. Одним прыжком спустился с лестницы, круто развернувшись в прыжке. В правой руке он держал большой автоматический пистолет, вероятно, сорок пятого калибра. Он приземлился лицом к Кикахе, тут же рухнув на спину и потеряв сознание от удара лучом. Голова у него откинулась, пистолет выпал из руки.

Кикаха услышал как женщина наверху испуганно спрашивает:

—Уолт? Что случилось? Уолт! Что стряслось?

Кикаха подобрал пистолет, щелкнул предохранителем и заткнул его за пояс. Потом поднялся по лестнице и оказался наверху в тот момент, когда там очутилась и женщина. Она открыла рот, собираясь закричать, но он захлопнул ее ладонью и поднес к ее глазам нож. Она обмякла, словно посчитав, что сможет умиротворить его,

не оказывая сопротивления. Она была, безусловно права, хотя бы в данный момент.

Это была высокая, хорошо сложенная блондинка лет тридцати пяти. Одета она была в прозрачное негляже. Изо рта разило виски, но очень хорошим.

—Вы, Кэмбринг и все прочие в этом доме являетесь для меня лишь одним,—заявил он,—только средством добраться до вашего большого босса. Вот и все. Я могу отпустить вас без единой царяпины, а потом нисколько не интересоваться вашей жизнью, если вы меня не будете беспокоить. Или же я могу убить вас. Здесь и сейчас. Если я не получу необходимых мне сведений. Вы меня понимаете?

Она кивнула.

—Я отпущу вас,—сказал Кикаха,—но один только крик — и я распорю вам живот. Понятно?

Она снова кивнула. Он отнял руку от ее рта. Она побледнела и дрожала.

—Покажите мне фотографию Кэмбринга,—приказал он.

Она повернулась и провела его в свою спальню, где показала фотографию на трюмо. Оказалось, это тот самый человек, в котором он заподозрил Кэмбринга.

—Вы его жена?

—Да,—ответила она, откашлявшись.

—Есть в доме еще кто-нибудь, кроме Уолта?

—Нет,—хрипло произнесла она.

—Знаете, куда отправился Кэмбринг?

—Нет,—сказала она и снова откашлялась.—Я не хочу знать о таких вещах.

—Он поехал забрать меня и мою женщину для вашего большого босса,—сообщил ей Кикаха.—Большой босс, несомненно, убил бы нас, выпытав все, что ему хотелось бы узнать, поэтому и я не стану проявлять милосердия ни к кому, связанному с ним, если они откажутся сотрудничать.

—Я ничего не знаю! —ухнула она,—Рой никогда ничего мне не говорит! Я даже не знаю, кто такой большой босс!

—Кто непосредственный шеф Кэмбринга?

—Поверьте мне, пожалуйста, я не знаю. Поверьте, не знаю. Он получает от кого-то приказы, это я знаю. Но я не знаю ничего!

Вероятнее всего, она говорила правду. Так что следующим шагом будет привести в чувство Уолта и выяснить, что знает он. Громила все еще валялся без сознания. Кикаха велел женщине, которую звали Кара, принести из ванной стакан воды. Он выплюнул воду на лицо Уолта. Спустя мгновение Уолт очнулся, но выглядел слишком разбитым, чтобы представлять какую-то угрозу. Казалось, его того и

гляди вырвет. По коже лба и носа расползлось большое черное пятно, а глаза были красными.

Допрос продолжался недолго. Допрашиваемый, чье полное имя оказалось Уолтер Эрих Фогель, утверждал, что он тоже не имеет понятия, кто босс Кэмбринга. Он даже не знает, куда отправился Кэмбринг. Этому Кикаха поверил, поскольку Кэмбринг ничего не сообщил о конечной цели их поездки. Он явно собирался сказать об этом своим людям после того, как они отправятся. Время от времени Кэмбринг звонил своему боссу, сказал Уолт, но номер телефона держал в голове.

— Это старая идея комми насчет ячеек,—сказал Фогель.— Поэтому вы можете пытать меня до судного дня и ничего от меня не добьетесь, потому что я ничего не знаю.

Кикаха снова подошел к телефону и, не спуская глаз с обоих пленников, набрал номер Ананы. Он не удивился, когда ответил Кэмбринг.

— Кэмбринг,—сказал Кикаха,—это говорит человек, за которым вы отправились. А теперь выслушайте меня, потому что это сообщение предназначено для вашего большого босса. Вы скажите ему или тому, кто там передает все сообщения, что на Земле гуляет на свободе Черный Колокольник.

Наступило молчание, вызванное, как надеялся Кикаха, потрясением, а потом Кэмбринг спросил:

— Что? О чем вы говорите, черт побери? Что за Черный Колокольник?

— Просто скажите своему боссу, что Черный Колокольник вырвался на свободу из мира Джадавина. Колокольник находится в этом районе, или, во всяком случае, находился вчера. Запомните Черный Колокольник прибыл сюда вчера из мира Джадавина.

Вновь молчание, потом Кэмбринг сказал:

— Послушайте. Босс знает, что вы скрылись. Но он сказал, что если у меня будет шанс поговорить с вами, то мне следует сказать вам, чтобы вы прибыли к нам. Босс не причинит вам вреда. Он хочет просто поговорить с вами.

— Возможно, это и так,—согласился Кикаха,—но я не могу позволить себе идти на риск. Да, передайте еще кое-что вашему боссу. Передайте ему, что я не собираюсь до него добираться. Я не Господь. Я просто хочу найти другого Господа и его женщины, которые прибыли в этот мир спасаясь от Черного Колокольника. Я могу сказать кто такой этот Господь. Это Джадавин. Может быть ваш босс вспомнит его. Это Джадавин, который сильно изменился. Борьба с вашим боссом Джадавина не интересует. Его это волнует меньше всего. Он всего лишь хочет вернуться в свой мир. Передайте это своему боссу, хотя я сомневаюсь, чтобы от этого был какой-то толк. Я

позвоню вам завтра домой около полудня, чтобы вы успели все передать своему боссу. Возможно, ваш босс захочет быть у вас, чтобы поговорить со мной.

—Что за тарабарщину вы несете, черт побери? —не выдержал Кэмбринг. Судя по голосу он здорово разозлился.

—Просто передайте своему боссу то, что я сказал, он поймет, —ответил Кикаха и положил трубку. Он усмехался. Если и было что-то способное напугать Господа, так это Черный Колокольник.

Спортивная машина, что оставалась перед домом, как он и думал, принадлежала жене Кэмбринга. Она сказала, что за ключами ей придется подняться наверх. Он ответил, что это его устраивает, но они с Фогелем составят ей компанию. Они прошли в ее спальню, где Кикаха слегка тюкнул Фогеля по затылку лучом из кольца. Потом забрал его бумажник и отволок хозяина бумажника в стенной шкаф, где и оставил покрапеть. Затем он потребовал у женщины деньги и она отдала ему шестьсот долларов в двадцати и пятидесяти долларовых купюрах. Его радовало, что ему пока что удавалось жить за счет его врагов.

Чтобы не оставлять ее без присмотра, он сорвал с окон несколько занавесей и поджег их лучом из кольца. Кара пронзительно закричала и бросилась в ванную за водой. Через мгновение Кикаха уже отъезжал на ее «ягуаре». Позади, из открытых дверей доносился ее крик, —она боролась с огнем.

Доехав до отеля, он дважды мигнул фарами, —сигнал Анане. Между двух домов появилась темная фигура. Она осторожно приближалась к автомобилю, пока не узнала Кикаху. Бросив на заднее сиденье их рюкзаки, Анана забралась в машину и спросила:

—Где ты достал эту машину?

—Позаимствовал у Кэмбринга, —засмеялся он. —Я оставил у Кэмбринга сообщение для Рыжего Орка. Сообщил, что на Земле разгуливает Черный Колокольник. Это должно его отвлечь. Возможно, даже это его настолько напугает, что он предложит перемирие.

—Только не Рыжий Орк, —вразбранила она. —Если, конечно, он не изменился, что вполне возможно. Я изменилась. Мой брат Лувах тоже. А ты говоришь, что и Джадавин изменился.

Он рассказал ей, какая идея пришла ему в голову для вступления в контакт с Вольфом.

—Мне следовало бы раньше до этого додуматься, но мы были слишком заняты. И кроме того, я многое забыл о Земле.

В настоящий момент им надо найти новое пристанище. Однако, у него не было полной уверенности в том, что там они будут чувствовать себя в безопасности. То, что их искали и нашли, было весьма примечательно. Должно быть, Рыжий Орк привел в действие очень большую организацию, чтобы их найти.

—Как он мог сделать это? —гадала Анана.

—При всем, что я знаю, его люди обзванивали все отели и мотели в районе Лос-Анджелеса. Однако, это такая огромная работа, что я сомневаюсь, что они могли пропустить большое количество. Может быть, они звонили наугад. Или, может быть, они прозванивали все, один за другим, и им просто повезло.

—Если это так, то мы не будем в безопасности, если снова остановимся в гостинице.

—Я не верю, что даже у Господа Земли достаточно большая организация, чтобы проверить за столь короткий срок все отели и мотели. Ладно, мы оставим этот район и отправимся в Долину, как ее здесь столь странно называют.

Когда они нашли мотель в Лавровом Каньоне, он столкнулся с затруднениями.

Портье хотел посмотреть его водительские права и записать номер машины. Кикаха не хотел обращать его внимания на это, но поскольку портье не проявлял никаких признаков желания проверить его слова, назвал ему выдуманный номер. А потом показал водительское удостоверение Рамосы. Портье записал номер и взглянул на фотографию. У Рамоса было квадратное лицо с большим кривым носом, черными глазами и шапкой черных волос. Несмотря на явную разницу, портье, казалось, ничего не заметил.

Однако теперь у Кикахи возникли подозрения. Этот парень был слишком гладким. Возможно, он действительно плевать хотел, был ли Кикаха тем самым человеком, за кого себя выдает или нет. Кикаха ничего не сказал, взял ключ и вывел Анану из вестибюля. Вместо того, чтобы подняться в номер на втором этаже, он встал за дверью, где его не было видно. Через минуту он услышал, как портье с кем-то говорит по телефону. Он заглянул. Портье сидел у коммутатора спиной к двери. Кикаха на цыпочках подкрался поближе.

—... не его, —говорил он.— Да, я проверил номер, как только они пошли к себе. Машина припаркована неподалеку. Послушайте, вы...

Он замолчал, так как повернул голову и увидел Кикаху. Он медленно отвернулся и сказал:

—О'кей. До скорого.

Он снял наушники, встал и улыбаясь, спросил:

—Чем могу вам помочь?

—Мы решили поесть перед сном. Мы не ели весь день,—тоже улыбаясь, ответил Кикаха.—Где здесь ближайший приличный ресторан?

Портье отвечал медленно, словно пытаясь сообразить какой подойдет. Кикаха помог ему.

—Без изысков, подойдет любое заведение.

Спустя мгновение они с Ананой уехали. Он видел, как они положили в машину рюкзаки и футляр, и поэтому, вероятно, не верил, что они вернутся.

Кикаха подумал, что они сегодня могут поспать и в машине при условии, конечно, что полиция не разыскивает эту машину. Завтра им придется купить одежду и пару чемоданов. Ему также нужно будет избавиться от этой машины, но взять напрокат или купить машину без надлежащих документов—проблема немалая.

Он подрулил к станции обслуживания и велел дежурному наливать полный бак. Юноша этот оказался разговорчивым и любопытным. Он хотел узнать, где они были, в горах? Он тоже любил туристские поездки.

Кикаха тут же сочинил байку. Они с женой бродяжничали по стране, но решили приехать и ловить кайф в Лос-Анджелесе. Денег у них маловато, и они думали продать эту машину и купить подержанный Ф. В. И хотели остановиться на ночь в каком-нибудь заведении, где не станут задавать лишних вопросов, если деньги у вас нужного цвета.

Дежурный уведомил их, что поблизости есть мотель, неподалеку от Тарзаны в Ван Найсе, и что он отвечает всем требованиям Кикахи. Он усмехнулся и подмигнул им, уверенный, что они занимаются чем-то незаконным, и пожелал им удачи. Может быть, он сумеет организовать для них выгодную продажу «яга».

Через полчаса они рухнули в постель в мотеле и сразу же уснули.

Он встал в десять. Анана еще крепко спала. Побравшись и приняв душ, он разбудил ее на достаточно короткий срок, чтобы сообщить ей, что он затеял. Он зашел в ресторан на другой стороне улицы, съел приличный завтрак, купил газету, потом вернулся в номер. Анана все еще спала. Он позвонил в отдел рекламы «Лос-Анджелес Таймс» и продиктовал текст в колонку личных объявлений. В качестве своего адреса он назвал мотель, кроме того, имя он использовал вымышленное. Он подумал было воспользоваться именем Рамоса, если сотрудник «Таймс» станет проверять адреса, но решил не связываться с Кэмбрингом. Он пообещал прислать чек сразу же, повесил трубку и забыл об этом.

Кикаха проверил утренние объявления в «Таймс». Там не оказалось ничего, что можно было бы истолковать как весточку от Вольфа.

Когда проснулась Анана, он сказал:

—Пока ты завтракаешь, я воспользуюсь телефонной будкой для звонка Кэмбрингу. Я уверен, что он получил указания от Рыжего Орка.

Кэмбринг ответил сразу, как будто ждал у телефона. Кикаха сказал:

—Это говорит ваш друг, посетивший ваш дом прошлой ночью, Кэмбринг. Вы передали мое сообщение о Черном Колокольнике?

Голос Кэмбринга звучал так, словно он сдерживал бешенство:

—Да, передал.

—Что он сказал?

—Он сказал, что хотел бы встретиться с вами. Устроить военный совет.

—Где?

—Где вам угодно.

—Хорошо,—подумал Кикаха,—он не считает, что я настолько глуп, чтобы прийти к нему. Но он уверен, что сумеет расставить мне ловушку, где бы я с ним не встретился. Если, конечно, он появится лично. В этом я сомневаюсь. Он для этого чересчур хитер. Он пошлет кого-нибудь представить себя. Этот кто-то может оказаться на ступеньку поближе к Господу.

—Я сообщу вам через полчаса, где мы встретимся,—сказал Кикаха в трубку.—Но до того, как я повешу трубку, скажите, больше ваш босс не ничего не передавал для меня?

—Нет.

Кикаха повесил трубку. Он нашел Анану в кабинке ресторана и, присев рядом, сообщил:

—Не знаю, задержал Орк Вольфа или нет. Я даже не знаю, на-верняка, повторил ли Кэмбринг ему мое сообщение о Вольфе и Хрисенде, но Орк знает, что до нашего появления врата активизировались дважды, и знает, что один из прошедших через них был Черный Колокольник. Я не думаю, что он зацепил Вольфа и Хрисенду, потому что, будь это так, он использовал бы их как способ поймать в ловушку меня. Он бы сообразил, что я галопом примусь их выручать.

—Вероятно,—согласилась она.—Но он мог посчитать, что незачем тебе давать знать о Вольфе и Хрисенде. Возможно, он совершенно уверен, что сможет поймать тебя и не рассказывая о них. Или возможно, он приберегает эти сведения до более удобного случая.

—Вы, Господа, бесспорно рассматриваете проблему со всех точек зрения,—иронически заметил он.—Звезды не видали более подозрительной компании.

—Чья бы корова мычала,—отпарировала она по-английски.

Они вернулись в номер, забрали рюкзак, футляр вышли к машине, и укатили, не сообщив о своем отъезде администрации, так как Кикаха не считал нужным давать кому-либо знать, что они делают, если это зависило от него. В Тарзане он зашел в универмаг и купил одежду для себя и Ананы. Это заняло полчаса, но он был не прочь заставить Кэмбринга подождать. Пусть они с его боссом немного попотеют.

Ожидая, пока ему подгонят брюки, он позвонил. Кэмбринг сразу ответил.

— Вот что мы сделаем, — заявил Кикаха. Я буду в одном местечке, близком к вашему дому. Когда я туда приеду, я позвоню вам и дам вам двадцать минут, чтобы добраться до места встречи. Если вы к тому времени не явитесь, я удаляюсь. Или же, если что-то покажется мне похожим на ловушку, я сматываюсь и больше вы меня не увидите — то есть свиданий не будет. Ваш босс тогда может сам ловить Колокольника.

— О каком таком Колокольнике вы твердите, черт побери? — рассердился Кэмбринг.

— Спросите своего босса, — посоветовал Кикаха, отлично зная, что на такое Кэмбринг не решится. — Слушайте, я буду на таком месте, что смогу все увидеть со стороны. Я хочу, чтобы со мной встретились только двое. Вы, поскольку я вас знаю, и ваш босс. Вы подойдете не ближе, чем на шестьдесят ярдов, и тогда вперед выйдет ваш босс. Идет? Пока!

В полдень, съев гамбургер и выпив стакан молока, он позвонил Кэмбрингу. Он находился в ресторане всего в нескольких кварталах от места встречи. Кэмбринг вновь ответил, прежде чем телефон успел позвонить три раза. Кикаха сообщил ему, где они встретятся и при каких условиях.

— Помните, — повторил он, — если я унюхою хоть что-нибудь подозрительное, то смоюсь как пасхальный зайчик с предродовыми схватками.

И повесил трубку. Они с Ананой ехали настолько быстро, насколько позволяло движение. Целью был Окружной Художественный музей Лос-Анджелеса. Кикаха припарковал машину за углом и положил ключи под коврик на случай, если к машине вернется один из них. Они проследовали к площади за музеем и прошли через автостоянку.

Анана отстала от него, чтобы всякий подумал, будто она идет одна. Ее длинные черные волосы были скручены пучком, на ней была белая блузка с оборками и с глубоким вырезом и очень облегающие шаровары в красно-зеленую полоску. Глаза прикрывали черные очки, с собой она несла зарисовки и карандаши. Еще у нее с собой была кожаная сумочка, в которой лежало множество предметов, способных поразить воображение любого, сведущего в науке землянина.

Покуда Кикаха останавливал такси, она медленно шла по траве. Кикаха дал таксисту двадцатидолларовую банкноту в знак доказательства своих добрых намерений и грядущих чаевых. Он велел ему ждать на стоянке с включенным двигателем, чтобы укатить по первому слову Кикахи.

Таксист поднял брови и осведомился:

—Вы ведь не собираетесь ограбить музей?

—Не собираюсь делать ничего противозаконного,—заверил его Кикаха.—Считайте меня эксцентричным. Просто иногда я люблю удаляться спешно.

—Если будет какая-либо стрельба, я смываюсь,—предупредил его таксист.—С вами или без вас. И доложу о вас фанам. Просто, чтобы вы знали заранее. Понимаете?

Кикаха предпочитал иметь не один путь бегства. Если в районе встречи будут болтаться люди Кэмбринга, они могут заметить позаимствованную у Кэмбринга машину и расставить ловушку для них. Он давал голову на отсечение, что именно этим они сейчас и занимаются. Но если путь к такси окажется перекрытым, ему придется выбрать дорогу к автомобилю, то он, безусловно, воспользуется этой машиной.

Однако он чувствовал, что таксист заслуживает доверия, так что не винил его за подозрения.

Он добавил к двадцатке десятку и сказал:

—Хотите, звоните фараонам прямо сейчас. Мне на это наплевать, я чист.

Надеясь, что таксист не воспользуется предложением, он повернулся и зашагал по цементу автостоянки, а потом по траве к смоляной яме. Анана сидела на бетонной скамейке и рисовала мамонта, казавшегося погружающимся в черную жидкость. Она была великолепной художницей, так что всякий, кто заглянул бы через ее плечо, увидел бы, что дело она знает.

Кикаха был одет в пурпурную рубаху без рукавов, джинсы с большим кожаным поясом и модной серебряной пряжкой. На нем также были темные очки. Под длинными рыжими волосами за ухом был спрятан приемник. Прибор, надетый на запястье, содержал аудиопередатчик с лучом в шесть раз более мощным, чем кольцо.

Кикаха занял позицию на другой стороне смоляной ямы. Он стоял неподалеку от ограды, за которой находилась статуя огромного доисторического медведя. Вокруг расхаживало человек пятьдесят, из которых никто не походил на людей Кэмбринга. Это, конечно, ничего не значило.

Спустя минуту Кикаха увидел въехавший на стоянку большой серый «роллс-ройс», из него вылезло двое и по прямой двинулись через лужайку к Кикахе. Один был Рамос. Другой был высоким, долговязым мужчиной, одетым в костюм делового человека, в темных очках и шляпе. Когда он подошел поближе, Кикаха разглядел человека лет пятидесяти с лошадиным лицом. Кикаха усомнился в том, что это Рыжий Орк, потому чтоника-

кой Господь, будь он хоть двадцать пять лет от роду, невыглядел бы старше тридцати.

В его ушах прозвучал голос Ананы:

—Это не Рыжий Орк.

Он снова огляделся. Двое слева от него стояли поблизости от фонтана перед музеем, еще двое находились справа от него, примерно в ярдах двадцати от Ананы. Они могли быть людьми Кэмбинга.

Сердце его забилось чаще. Он ощущал, как по шее пробежал холодок. Кикаха посмотрел за ограду на бульвар Уилшир. Там стояла машина с открытым капотом, хотя парковка там была запрещена в любое время. Какой-то человек заглядывал под капот, один сидел на переднем сиденьи, еще один — на заднем.

—Он собирается попробовать меня схватить, — произнес Кикаха. — Кажется, я заметил семерых.

—Ты хочешь отказаться от своего плана?

—Если захочу, ты знаешь условное слово. — Следи! Они подходят.

Перед ним остановились Рамос и долговязый.

—Пол? — обратился к нему долговязый, воспользовавшись именем, которое Кикаха назвал Кэмбрингом.

Кикаха кивнул, он заметил, как на автостоянку въехал еще один большой автомобиль. Он находился слишком далеко, чтобы Кикаха мог различить лица пассажиров, но водитель в шляпе и темных очках мог быть Кэмбрингом. В машине сидело еще трое.

—Вы Рыжий Орк? — спросил Кикаха, зная, что высокий, вероятно, имеет в кармане прибор, который передает разговор Господу, где бы тот ни был.

—Кто? Рыжий Орк? — переспросил высокий. — Меня зовут Клейст. Итак, мистер Пол, вы не против сообщить, что вы хотите?

Кикаха заговорил на языке Господов:

—Рыжий Орк! Я не Господь, а землянин, нашедший врата в мир Джадавина, которого ты, возможно, помнишь. Я вернулся на Землю, хотя и не хотел этого, чтобы выследить Колокольника. У меня нет ни малейшего желания здесь оставаться, я только хочу убить Колокольника и вернуться в мир, усыновивший меня. У меня нет намерения бросить тебе вызов.

—Что за тарабарщину вы несете, черт побери? — разозлился Клейст. — Говорите по-английски, приятель!

Рамос выглядел обеспокоенным и высказал свое предположение:

—Он обрэндил.

Вдруг у Клейста сделался ошарашенный вид. Кикаха догадался, что он получил приказания.

—Мистер Пол, — произнес Клейст, — я уполномочен предложить

вам полную амнистию. Только отправьтесь с нами и мы представим вас человеку, которого вы хотите увидеть.

—Нет,—отверг Кикаха,—я буду работать с вашим боссом, но не представлю себя в его распоряжение. Возможно, он отличный человек, но у меня нет причин доверять ему. Однако я хотел бы сотрудничать с ним в деле поимки Колокольника.

Выражение лица Клейста показывало, что упоминаниям о Колокольнике он не внял.

Кикаха вновь огляделся. Люди справа и слева подобрались поближе. Двое, сидевших в машине на бульваре Уилшир, вылезли. Один заглядывал под капот с третьим, но один из них глядел через ограду на Кикаху. Когда он заметил, что тот на него смотрит, он отвернулся.

—Вам было сказано, что явиться сюда должны только двое! —гневно заявил Кикаха.—Вы пытаетесь захлопнуть ловушку! Но вы наверняка думаете, что сможете похитить меня здесь среди всех этих людей?

—Ну, ну, ну, мистер Пол,—успокаивающе произнес Клейст.—Вы ошибаетесь! Не надо нервничать. Нас только двое и мы прибыли сюда поговорить с вами и только.

—Полицейский автомобиль только что подъехал к той машине на улице,—сказала в ухо ему Анана.

Клейст и Рамос переглянулись. Было очевидно, что они тоже увидели полицейский автомобиль. Но судя по их виду, удаляясь они не собирались.

—Если ваш босс хочет, чтобы я помог ему,—заявил Кикаха,—то ему придется придумать какой-то способ, гарантирующий мое возвращение.

Он решил, что с таким же успехом может приподнести свой сюрприз сейчас. Господь знал, что с Кикахой была женщина, и хотя он никак не мог знать, что она —Господь, он, должно быть подозревал об этом. Кикаха пробыл на Земле совсем недолго, но люди Рыжего Орка увидели ее с ним. И поскольку Господь Земли знал, что врата активизировались дважды до прихода Кикахи, то он должен был подозревать, что те кто прошел через врата раньше—тоже были Господами.

Теперь пришло время сообщить об этом Рыжему Орку. Это усилит позиции Кикахи и, возможно, остановит попытки взять его в плен именно здесь.

—Скажите своему боссу, что на Земле сейчас находятся еще четыре Господа,—произнес Кикаха.

Он не стеснялся увеличивать количество, если это помогало сбить с толку или расстроить врага. Могло наступить время, когда он

сможет воспользоваться двумя несуществующими Властелинами в качестве рычага.

—А также,—добавил он,—двою землян, прибывшие из мира Джадавина. Я сам и женщина, которая прибыла с Джадавином.

Это должно было покачнуть его. Он, должен был проявить еще большее любопытство. Должен был гадать, как двое землян вообще попали в мир Джадавина и как они вернулись сюда.

—Скажите своему боссу,—продолжал Кикаха,—что никто из нас, исключая Колокольника, не собирается причинять ему вреда. Мы хотим всего лишь убить Колокольника и убраться к чертовой башке из вашей вонючей вселенной.

Кикаха думал, что уж это-то Рыжий Орк может понять. Какой Господь в здравом уме захочет отнимать контроль над Зёмлей у ее Господа? Какой Господь захочет оставаться здесь, когда он может отправиться в куда более приятную, если даже и меньшую вселенную?

Клейст немного помолчал. Он слегка склонил набок голову, словно слушая невидимого демона на своем плече. А потом спросил:

—Какая с того разница, если тут четыре Господа?

Было ясно, что Клейст передавал вопрос не понимая его смысла.

Кикаха заговорил снова на языке Господов:

—Рыжий Орк! Ты забыл про устройство, которое носит любой Господь в своем мозгу. Про сирену, что звенит в голове у каждого Господа, когда он приблизится к металлическому колоколу Колокольника! При четырех Господах, что ищут Колокольника, шансы найти его куда больше!

Клейст бросил притворяться, что не имеет прямой связи со своим шефом, и спросил:

—А откуда он знает, что вы не Колокольник?

—Если бы я был Колокольником, то зачем бы мне вступать с вами в контакт, давая вам знать, что в вашем мире бродит на свободе враг?

—Он говорит,—доделил Клейст, лицо которого становилось все бессмысленней, как будто он превращался в механический передатчик,—что Колокольник постарался бы как можно скорее обнаружить Господов. В конце концов, Господь —единственный, кто знает о существовании Колокольников, конечно, кроме них самих. Или может что-либо предпринять против них. Поэтому вы бы и постарались найти его, точь в точь, как вы и поступаете. Даже если это и означает потерю вашей жизни. Колокольники хорошо известны тем, что жертвуют одним из своих, если могут подобным образом обрести преимущество. Он еще говорит—откуда ему знать, что эти так называемые Господа —не ваши собратья-колокольники?

Кикахे снова пришлось перейти на язык Господов:

—Рыжий Орк! Ты испытываешь мое терпение. Я обратился к тебе, так как знаю о твоих ресурсах! У тебя больше нет выбора, Рыжий Орк! Если ты вынудишь меня прервать с тобой контакты, то не сможешь тогда узнать, кто Колокольник и сон твой станет отвратительным из-за кошмаров о Колокольниках на свободе. Один единственный способ, которым ты можешь удостовериться, что я не Колокольник, это работать вместе со мной, но на моих условиях. На этом я настаиваю!

Единственный способ произвести на Господа впечатление — это быть даже более высокомерным, чем он.

Голос Ананы сообщил:

—Машина уехала. Должно быть, их спугнула полиция. Полицейский автомобиль тоже уезжает.

Кикаха поднял руку и шепнул в передатчик:

—Где остальные?

—Приближаются. Стоят у ограды и притворяются, что разглядывают статуи, но подбираются к тебе.

Он посмотрел мимо Клейста и Рамоса.

Два заподозренных им автомобиля были сейчас пусты, если не считать того, кого он принял за Кэмбринга. Другие рассредоточились на лужайке среди отдыхающих. Он заметил двоих, выглядевших мрачными, решительными и тяжеловесными, они могли быть людьми Кэмбринга.

—Мы отправимся налево от меня,—сказал Кикаха.—Вокруг ограды и через Уилшир. Если они последуют за нами, придется уходить пешком, по крайне мере, сначала.

Он бросил взгляд на Анану. Она встала и неторопливо направлялась к нему.

—Отлично,—произнес Клейст.—Я уполномочен принять ваши условия. Он обезоруживающе улыбнулся и шагнул поближе. Рамос напрягся.—Не могли бы мы куда-нибудь пройти? Здесь трудно вести разговор. Но туда, куда скажете вы.

Кикаха ощущал отвращение. Он как раз был готов согласиться, что лучше всего будет связаться с Рыжим Орком. Через него можно было бы выйти на Колокольника, Вольфа и Хрисенду, а после этого хоть потоп и, дьявол побери все последствия. Но Господь следовал своим правилам: он доверял своей силе, своей способности получить все и всех тогда, когда ему того хотелось.

Кикаха сделал последнюю попытку:

—Погодите! Ни шагу вперед! Спросите своего босса, помнит ли он Анану—свою племянницу, или Джадавина,—своего племянника? Помнит, как они выглядели? Если он сможет опознать их, то поймет, что я говорю правду.

Все бесполезно. Кикаха понял, что думает Рыжий Орк. Это должно было прийти в голову Кикахе. В головах Ананы и Вольфа могли поселиться разумы Колокольников.

Все еще улыбаясь, Клейст медленно сунул руку в карман пиджака так, чтобы Кикаха не подумал, что он полез за пистолетом. Он достал блокнот и ручку и сказал:

— Я запишу вам этот номер, чтобы вы могли позвонить...

Ни на секунду Кикаха не поверил, что ручка была лишь ручкой. Очевидно Орк доверил Клейсту лучемет, Клейст, однако, этого не знал, но он был обречен. Слишком многое он услышал во время разговора и получил прибор, которому на Земле еще не полагалось существовать.

Сообщить это Клейсту в надежде, что его можно убедить покинуть Господа, времени не было.

Кикаха отпрыгнул в сторону, в тот момент, когда Клейст направил ручку на него. Кикаха был быстр, но луч все же задел его по плечу и боком швырнулся на землю. Он покатился, заметив, как Клейст, вскинув в воздух руки, ручка отлетела прочь, а потом Клейст, зашатавшись, сделал шаг назад и упал на спину. Кикаха вскочил и коротким метнулся к ручке, хотя в левом плече и в руке было такое ощущение, будто по ним врезали лесиной. Рамос не сделал ни малейшей попытки схватить ручку. Вероятно, он не знал, чем она была на самом деле.

Женщины визжали, мужчины кричали, и вокруг было много беготни.

Схватив ручку-лучемет, и поднявшись на ноги, Кикаха увидел, что Клейст и еще трое валялись без сознания. К ним бежало шестеро—это были, должно быть, прибывшие позже—они распихивали всех на своем пути.

Последний из тех, кто подбирался к Кикахе, вытащив из кобуры под мышкой пистолет.

Заметив это, Рамос закричал:

— Нет! Без пистолета! Ты знаешь, почему!

Кикаха нацелил ручку-лучемет, которая, к счастью, приводилась в действие нажатием пружины, а не кодовым словом, и человек, казалось, сложился и приподнялся над землей. Он отлетел назад, ударившись о землю ягодицами, выпрямился и лежал, не двигаясь, вытянув руки, с посиневшим лицом. В нескольких футах от него ваялся пистолет.

Кикаха оглянулся и увидев бегущую к нему Анану, она выстрелила в тот же момент, что и Кикаха, так что бандит получил двойную порцию.

Кикаха прыгнул вперед, сгреб пистолет и швырнул его через ограду в смолянью яму. Они обежали ограду вокруг и вверх по склону

к тротуару. Перехода здесь не было, а уличное движение было достаточно интенсивным. Правда, в этот момент машины двигались медленно, поскольку в полуквартале впереди, на светофоре, горел красный свет.

Пара пробежала между машинами, вынуждая водителей давить на тормоза. Загудели клаксоны, и несколько человек обляяли их из своих машин.

Добравшись до противоположной стороны, они сразу оглянулись. Машины тронулись и семеро, что гнались за ними, оказались сразу же отрезанными и беспомощными.

— Все вышло как надо,—резюмировал Кикака.— Я надеялся, что смогу захватить Клейста и скрыться с ним. Он мог бы привести к Рыжему Орку.

Анана рассмеялась, хотя и несколько нервно:

— Никто не сможет обвинить тебя в недостатке самоуверенности. Что дальше?

— Сюда весьма скоро прикатят фараоны. Да, смотри, все люди Кэмбринга идут обратно. Держу пари, они получили приказ убрать Клейста и других до появления полиции.

Он схватил Анану за руку и припустился бегом.

— Что ты хочешь?—поинтересовалась она.

— Пока они заняты, мы перейдем обратно у светофора, а потом побежим по Керзон-стрит, словно черти. Кэмбринг там!

Больше она не спрашивала. Но уйти от врага, а потом прямиком отправиться к нему в пасть казалось самоубийством.

Теперь они оказались напротив людей Орка, примерно в ста ярдах от них. Кикака взглянул между деревьями, стоявшими в линию, и увидел, что здоровые поддерживают Клейста и троих других. Вдали взвыла сирена. Судя по тому, как люди Кэмбринга спешили, они понимали, что полиция едет по их душу.

Кэмбринг, выглядевший обеспокоенным, стоял около машины. Ощущив прикосновение к своей спине ручки и услышав голос Кикаки, он напрягся.

Он не оглянулся, а сел, как ему приказали, на переднее сиденье. Кикака и Анана забрались на заднее сиденье. Но и пригнувшись, Кикака продолжал упираться рукой в спину Кэмбринга.

Кэмбринг разок попробовал протестовать:

— Вам не может сойти с рук такое! Вы безумец!

— А ты... заткнись!—посоветовал ему Кикака.

Тридцать секундами позже Клейст, поддерживаемый двумя людьми, добрался до машины. Кикака распахнул заднюю дверцу и, нацелив на них ручку, приказал:

— Положите Клейста на переднее сиденье. Оба, придерживаю-

ших Клейста, остановились. Остальные, составляющие арьергард, потянулись за пистолетами, но Кикаха крикнул:

—Я убью и Клейста и Кэмбринга! И вас тоже—вот этим!

Он помахал ручкой. Все теперь уже знали, что ручка—это какой-то вид оружия, даже если точно не знали ее природы. Они, похоже, страшились ее больше, чем пистолета, вероятно потому, что природа ее была сомнительной.

Они остановились и Кикаха заявил:

—Я забираю этих двоих! Через минуту здесь появится полиция! Вам лучше сваливать и позаботиться о себе!

Двое, державших Клейста, пронесли его вперед и запихнули на переднее сиденье. Кэмбрингу пришлось оттолкнуть Клейста, чтобы не дать тому свалиться на него, словно мешок, набитый мусором. Кикаха вышел из машины и быстро обошел ее, занял место водителя, пока Анана держала остальных под прицелом ручки-лучемета.

Кикаха завел машину, подал, взвизгнув тормозами, назад, резко остановился, повернул и с ревом покинул автостоянку. Автомобиль резко подскочил, когда они перепрыгнули через поребрик между стоянкой и улицей. Кикаха крикнул Анане и та, пощупав Клейста за ухом достала передатчик. Это был металлический диск толщиной в почтовую марку и величиной с гривенник.

Она приспособила его себе за ухо, а также сняла с Клейста наручные часы и надела на свое запястье.

Теперь Кикаха заполучил в свои руки Клейста и Кэмбринга. Что же он может с ними сделать?

Внезапно Анана акнула и оттолкнула Кэмбринга, рухнувшего на Кикаху. Мгновенно среагировав, Кикаха резко пихнул Кэмбринга локтем, на секунду вообразив, что тот решил на него напасть. Потом до него дошло, почему тот упал на него. Кэмбринг был без сознания.

Кикаха еще раз взглянул на него и понял, что он ошибся. Кэмбринг был уже мертв или весьма близок к этому. Кожа у него стала сине-серой как у трупа.

—Они оба мертвы!—воскликнула Анана.

Кикаха подвел машину к тротуару и остановился. Он принял бешено показывать на Анану пальцем. Мгновение она на него пялилась, не понимая, потом поняла, что он пытался ей внушить. Она быстро сорвала с себя приемник и часы Клейста, будто обнаружила, что на ней одежда прокаженного.

Кикаха протянул руку, привлек ее к себе и прошептал на ухо:

—Я подберу все это платком и суну в багажник, пока мы не сможем от них избавиться. Думаю, если бы этот приемник все еще оставался у тебя, ты бы сейчас услышала бы голос Рыжего Орка. Он ска-

зал бы тебе, что только что убил Кэмбринга и собирается убить тебя, если ты не сдашься.

Он поднял запястье Кэмбринга и карандашом отковырял часы. Кожа под ними слегка обесцвеклась. Так же карандашом он отколовырял диск за ухом Кэмбринга и открылось коричнево-синее дискообразное пятнышко.

Клейст застонал. Веки у него затрепетали и он поднял взгляд. Кикаха вновь включил двигатель и отъехал от тротуара, потом свернул на север. Когда они медленно ехали в оживленном потоке, Клейст сумел выпрямиться. Чтобы сделать это, ему пришлось оттолкнуть Кэмбринга к Кикахе. Анана отдала резкий приказ и Клейст столкнул Кэмбринга с сиденья на пол. Поскольку тело там заняло много места, Клейсту пришлось сидеть, поджав ноги чуть ли не на подбородке.

—Вы убили его,—застонал Клейст.

Кикаха объяснил происшедшее. Клейст ему не поверил.

—За какого дурака вы меня принимаете,—отмахнулся он.

—Отлично,—усмехнулся Кикаха,—значит вы мне не верите. Не верите в эффективность приборов, действие которых я вам только что объяснил. Я мог бы снова надеть их на вас и показать таким способом правдивость сказанного мною. Вы бы об этом не узнали, поскольку оказались бы покойником, а ваш босс выиграл бы у нас очко.

Он ехал дальше, пока не заметил знак, указывающий на автостоянку за деловым зданием. На стоянку не выходило окон, из которых его могли бы увидеть, и, как ни странно, на стоянке в этот момент никого не было. Он припарковался. Потом вылез из машины и знаком приказал вылезти Клейсту, Анана держала ручку у бока Клейста.

Кикаха выволок из машины тело Кэмбринга и затолкал его под грузовик с панелями. Затем они вернулись в машину и поехали к мотelu.

Кикаха беспокоился. Возможно, своими действиями он довел Рыжего Орка до такой черты, что тот сообщит об угоне «роллса». До настоящего времени он не впутывал в это дело полицию, но Кикаха не сомневался, что он привлечет и ее, если почувствует необходимость в этом. Господь должен обладать громадным влиянием, как политическим, так и финансовым, даже если он остается анонимной фигурой. Если полиция заберет Анану и Кикаху, то Господь устроит так, что их захватят его люди. Все, что ему придется для этого сделать, это заплатить залог и поймать их после того, как они отойдут от полицейского участка на несколько кварталов.

А если Кикаха и знал что-то, что могло вывести его на Рыжего

Орка, то Господь мог предпринять некоторые шаги, чтобы гарантировать, что до него нельзя добраться.

В данный момент Клейст не проявлял желания сотрудничать. Он даже не отвечал на вопросы Кикахи. Он оглядывался вокруг, словно собирался сбежать или крикнуть, но Кикаха предупредил его, что если он попробует что-нибудь выкинуть, то получит достаточно мощный заряд из ручки, чтобы снести ему голову. Клейст шагнул в номер мотеля впереди Кикахи, который даже не дожидался, пока Анана закроет дверь, оглушил своего пленника легким щелчком из ручки.

Еще до того, как Клейст смог очухаться, Кикаха сделал ему инъекцию снадобья, захваченного ими из дворца Вольфа.

В течение следующего часа они узнали многое о деятельности и людях того, что Клейст называл «ГРУППОЙ». Его непосредственным начальником был человек по имени Альфредо Румени. Он жил в Беверли Хиллс, но Клейст никогда не бывал у него дома. Румени всегда отдавал приказы по телефону или встречался с Клейстом и другими своими людьми либо в доме Клейста, либо у Кэмбринга.

Судя по описанию Клейста, Румени не мог быть Рыжим Орком.

Кикаха, нахмутившись и проводя пальцами по длинным рыжим волосам, расхаживал по комнате.

—Рыжий Орк узнает или, по меньшей мере, догадается, что мы вынули из Клейста имя и адрес Румени. Так что он предупредит его и они расставят нам ловушку. Возможно, он и был раньше чересчур самонадеянным и уверенным в себе, но теперь он знает, что мы—крепкие орешки. Мы причинили ему слишком много хлопот. Приблизиться к Румени мы не сможем, но даже если бы нам это удалось мы обнаружили бы, что он имеет не больше представления об истинной личности или местонахождении Рыжего Орка, чем Клейст.

—Вероятно, это так,—согласилась Анана.—Поэтому единственное, что остается, это вынудить Орка вылезти из подполья.

—Я думаю так же,—кинулся он.—Но как заставить его сделать это?

—Колокольчик!—воскликнула Анана.

—Пока что мы не знаем, где Колокольчик,—сказал Кикаха и, как не неприятно об этом думать, мы никогда не сможем об этом узнать.

—Не говори так,—вздрогнула Анана.—Мы должны найти его!

Решимость ее, насколько он знал не происходила от озабоченности за судьбу жителей Земли. Ее приводило в ужас только то, что однажды Колокольники смогут стать достаточно мощными, чтобы пройти через врата Земли в другие вселенные,—карманные миры,

принадлежащие Господам. Ее заботила только ее собственная судьба и, конечно, его. Может быть, еще и Луваха, ее брата, которого ранили, когда он охранял дворец Вольфа. Но она никогда не сможет спокойно спать, пока не будет уверена на все сто процентов в том, что в тысяче восьми известных вселенных нет ни одного живого Колокольника.

Да и Рыжий Орк также не сможет спать спокойно.

Кикаха связал Клейста руки за спиной, связал ноги и залепил рот клейкой лентой. Анана не могла понять, почему он попросту не убьет его. Кикаха объяснил, как уже делал неоднократно, что не станет убивать, если не сочтет это совершенно необходимым.

Вынув у Клейста бумажник, он засунул гангстера в шкаф.

—Он может оставаться здесь до утра, пока не придет уборщица. Я думаю, нам пора уходить. Давай-ка перейдем через улицу и пойдем.

Они перешли улицу, прошли полквартала до ресторана и устроились в кабинке у окна, из которого был виден их мотель.

Пока они ели, Кикаха сообщил Анане свои планы:

—Господь столь же быстро бросится за псевдоколокольником, как и за настоящим, так как не будет знать наверняка, кто есть кто. Мы сделаем собственный колокол и организуем кое-какую рекламу и, таким образом, гарантируем, что Рыжий Орк прознает об этом человеке.

—Все равно есть приличные шансы на то, что лично он не явится.

—Как же он сможет узнать настоящий это Колокольник или нет, если не придет сам? Или если Колокольника не доставят к нему?

—Но ведь тогда ты не сможешь выбраться!

—Может быть, выбраться я и не смогу, но я еще не там. Придется нам сыграть по слуху. Никакого другого пути я не вижу, а ты?

Они встали, он остановился у кассы, заплатить. Анана шепнула, чтобы он взглянул через витрину. На территорию мотеля сворачивала полицейская машина.

Кикаха наблюдал, как из нее вылезли двое полицейских и посмотрели на номер «роллса». Затем один из них отправился в кабинет управляющего, а другой проверял «роллс». Через минуту управляющий и полицейский вышли и направились в номер, оставленный Ананой и Кикахой совсем недавно.

—Они обнаружат Клейста в шкафу,—пробормотал Кикаха.—Мы возьмем такси и вернемся в Лос-Анджелес и найдем хазу где-нибудь в другом месте.

У них остались: одежда, что была на них, футляр с рогом Шамбарамена, кольца-лучеметы с множеством зарядов, ручка-лучемет, наушные приемники и наручные хронометры-передатчики и деньги,

взятые у Баума, Кэмбринга и Клейста. Последний добавил к их состоянию еще сто тридцать долларов.

Они вышли из ресторана в жару и обжигающий глаза, палящий носовые пазухи и затрудняющий дыхание смог. В киоске на углу Кикаха купил газету,—утреннюю «Лос-Анджелес Таймс», затем они стали поджидать такси.

Такси вскоре подвернулось, и они укатили из Долины. По дороге он прочел колонку личных объявлений, в которой было и его объявление. Ни одно из прочих не содержало и намека, что помешено Вольфом. Парочка вылезла из такси, прошла пару кварталов и погрузилась в другое такси до места, которое Кикаха выбрал наобум.

Они немного погуляли вокруг. Он подстригся и купил цилип, а также поговорил с продавцом в отделе женских шляп.

В аптеке Кикаха купил немнога краски для волос и другие предметы, включая бритвенные принадлежности, зубные щетки, пасту и пилку для ногтей. В ломбарде он приобрел два чемодана, великолепно сбалансированный нож и ножны к нему.

Пройдя двумя кварталами они нашли третью разрядную гостиницу и остановились в ней. Казалось, портье интересовался лишь одним—могут они заплатить вперед или нет. Кикаха, надевший шляпу и темные очки, надеялся, что портье не обратил на них особое внимание. Судя по разившему от него запаху дешевого виски, в данный момент он был не слишком восприимчив.

Анана, оглядев их номер, заметила:—

—Только что покинутое нами жилье было хаворой. Но по сравнению с этим оно—дворец!

—Я бывал и в худших,—ответил он.—Главное, что тараканы не настолько громадные, чтобы увлечь нас.

Некоторое время они занимались тем, что перекрашивали волосы. Его бронзовые стали темно-каштановыми, а ее черные блестящие, как у девушки из Полинезии, превратились в пшенично-желтые.

—Не улучшение, но перемена,—заключил он.—Так, а теперь к чеканщику.

Телефонная книга дала им несколько адресов тех, кто работал в этом районе. Они пошли в ближайшую мастерскую, рекламирующую производимую ими чеканку, где Кикаха дал свои спецификации и заплатил аванс. Во время разговора он изучал характер владельца мастерской и пришел к выводу, что тот готов на любую сделку, где оплата высока, а риск минимален.

Он решил припрятать Рог. Как ни жалко ему было выпускать его из рук, Кикаха больше не желал рисковать тем, что он может попасть в руки Рыжего Орка. Если бы они не унесли Рог с собой, когда

покинули отель, то уже сейчас Рог был бы у полиции. А если бы Рыжий Орк прослыпал об этом, что случилось бы обязательно, то заполучил бы его достаточно быстро.

Пара пришла на автобусный вокзал компании «Грейхаунд», где Кикаха и положил футляр в камеру хранения.

—Я дал тому парню лишних двадцать тугриков за скорость. Он пообещал изготовить его к пяти. Тем временем я предлагаю отдохнуть в таверне на противоположной стороне улицы от нашей дворцовой казы. Мы будем следить не разовьется ли в нашем отеле какая-либо бурная деятельность.

«Летящая Голубая Бутылка» оказалась низкопробной пивной, в которой, однако, нашлась свободная кабинка у окна. Его правда закрывали жалюзи, но между пластинами оставалось достаточно места, чтобы Кикахе был виден фасад отеля. Он заказал кока-колу для Ананы и пиво для себя. Он почти не пил пиво, но заказывал по кружке каждые пятнадцать минут, чтобы не вызвать неудовольствия хозяина. Следя за отелем, Кикаха расспрашивал Анану о Рыжем Орке. Он ведь так мало знал об их противнике.

—Он—мой дядя—сообщила Анана.—Брат моей матери. Он покинул родную вселенную свыше пятнадцати тысячи земных лет и отправился создавать свою личную. Это произошло за пять тысяч лет до моего рождения. Но у нас были его статуи и фотографии, а один раз, когда мне было пятнадцать лет, он вернулся, так что я знала, как он выглядит. Но сейчас уже не помню. Несмотря на это, если бы я снова увидел его то, возможно, сразу бы узнала. Есть, знаешь ли семейное сходство. Достаточно сильное. Если когда-нибудь увидишь мужчину, такого же, как я, перед тобой будет Рыжий Орк. Кроме волос. У него не черные, а темно-бронзовые. Как у тебя. И теперь, когда я подумала... интересно, почему мне раньше такое не пришло в голову... не бросалось в глаза... ты выглядишь очень на него похожим.

—Да брось ты!—отмахнулся Кикаха.—Это означало бы, что я похож на тебя. Я такое отрицаю!

—Думаю мы можем быть кузенами.

Кикаха засмеялся, хотя лицо у него покраснело и он ощущал какое-то смутное беспокойство.

—В следующей фразе ты сообщишь мне, что я—давно пропавший сын Рыжего Орка!

—Я не знаю, есть ли у него какой-либо сын,—задумчиво произнесла она,—но, да, ты можешь быть его ребенком.

—Мне известно, что мои родители,—отверг он такое предположение.—Фермеры-хежеры. И они так же знали, кто их предки. Мой отец был ирландского происхождения—какого же еще. Бог мой Фин-

неган ведь—а моя мать была норвежка и на четверть индианка-католка.

—Я ничего не пытаюсь доказать. Я просто отмечаю неоспоримое определенное сходство. И сейчас, когда я над этим поразмыслила, замечаю, что твои глаза особенного лиственно-зеленого оттенка... да, точь в точь такие же... я забыла... у Рыжего Орка твои глаза.

—Погоди,—он положил свою руку на ее. Он смотрел сквозь жалюзи.

—Полицейский автомобиль!—воскликнула она повернувшись.

—Да, припарковался во второй ряд перед отелем. Они оба входят. Возможно, проверяют какого-то другого. Так что давай пока не будем ударяться в панику.

—С каких это пор я стала ударяться в панику?—холодно спросила Анана.

—Извини. Просто у меня такая манера выражаться.

Прошло минут пятнадцать. Затем сзади к полицейскому автомобилю подъехала машина. В ней сидело трое в штатском, двое из них вылезли и вошли в отель. Машина уехала.

—Эти двое,—процедил Кикаха,—кажутся мне весьма похожими на сыщиков.

Полицейские в мундирах вышли и уехали. Двое, которых Кикаха посчитал сыщиками, не выходили из отеля около тридцати минут. Потом они вышли, прошлись до угла, постояли с минуту, разговаривая, а потом один вернулся. Он, однако, не стал заходить в отель. Вместо этого он перешел улицу.

—У него возникла та же мысль что и у нас!—выругался Кикаха.—Следить отсюда за входом в отель!—Он встал и скомандовал:—Ходу! Через черный ход! Иди, как будто прогуливаешься, но быстро!

Черный ход был на самом деле боковым выходом, который выводил в тупиковый переулок, второй конец его вел на ту же улицу; пара пошла на север к мастерской чеканщика.

—Либо полиция получила информацию от Рыжего Орка,—стал рассуждать Кикаха,—либо проверяют нас из-за Клейста. Значение это не имеет. Мы в бегах и Орк получил преимущество. Пока он и дальше сможет давить на нас, мы никак не сможем подобраться к нему поближе.

У них оставалось еще несколько часов, пока чеканщик закончит свою работу. Кикаха привел Анану в другую пивную, куда более высокого класса, и они снова сели за столик.

—Ты только начала рассказывать мне историю своего дяди,—сказал он.

—Рассказывать-то особенно нечего,—вразбрата она.—Долгое

время Рыжий Орк был среди Господов фигурай, внушающей ужас. он успешно вторгся во вселенные по меньшей мере десятка Господов и убил их. Потом он был тяжело ранен, когда попал в мир Вала,—моей сестры. Рыжий Орк очень ловок и обладает большими ресурсами и огромной мощью. Но моя сестра Вала соединяет в себе все качества кобры и тигра. Она, как я уже говорила, тяжело ранила его, но и сама пострадала. Вернее, она чуть не умерла. Рыжий Орк, однако, спасся и вернулся в эту вселенную, которая была создана им первой после того, как он покинул родной мир.

—Что?—выпрямился Кикака.

Дернувшись, его рука сшибла кружку пива. Он не заметил этого, а уставился на нее во все глаза.

—Что ты сказала?

—Ты хочешь, чтобы я повторила все?

—Нет, нет! То последнее... то, что ты говорила о его возвращении в эту вселенную, первую, которую он создал!

—Да? И что в этом такого расстраивающего?

Заикался Кикака не часто, но теперь он не мог выдавить из себя ни слова.

—С-слушай!—проговорил он наконец.—Я принимаю понятие о карманных вселенных Господов, так как сам провел полжизни в одной из них, и знаю, что существуют другие, поскольку мне от них рассказывал человек, который не лжет, и я видел Господов из других вселенных, включая тебя! И я знаю, что существует, по крайней мере, тысяча восемь этих относительно небольших искусственных вселенных.

Но я всегда думал... и до сих пор думаю... что невозможно... моя вселенная—естественная, точно так же, как ты говоришь и твоя родная вселенная Гардзинтрах.

—Этого я не говорила,—мягко возразила она и, взяв его за руку, скжала ее.—Кикака, милый, тебя это действительно так расстраивает?

—Ты, должно быть, ошиблась, Анана,—стоял он на своем.—Ты имеешь хоть какое-нибудь представление о громадности этой вселенной? Она бесконечна! Никакой человек не мог создать этот сложный и гигантский мир! Боже мой, до ближайшей звезды четыре с чем-то световых года, а до самой далекой миллиарды световых лет и должно быть миллиарды световых лет за ее пределами.

И потом ведь есть возраст этой вселенной! Да ведь одной этой планете два с половиной миллиарда лет, как я об этом слышал в последний раз! Это чертовски древнее пятнадцати тысяч лет, когда Господь отправился из своего родного мира создавать свои карманные вселенные! Чертовски древнее!

Анана улыбнулась и потребовала выслушать ее до конца, потре-

пав его по руке, будто она была бабушкой, а он ее самым малым внучком.

— Ну, ну! Нет причин расстраиваться, любимый. Я удивлена, почему Вольф не рассказывал тебе. Вероятно, забыл об этом, когда потерял память. А когда она к нему вернулась, то вернулась не целиком, или наверное, он считал это настолько само собой разумеющимся, что никогда не принимал в расчет, что ты не знаешь, так же как и я, кстати, считала это само собой разумеющимся.

— А как ты можешь объяснить бесконечные размеры и возраст этой Земли? И эволюция? — победоносно бросил он вызов. — Вот, как ты объяснишь эволюцию? Неоспоримые данные, полученные в результате раскопок? Датировку на углерод 14 и калий аргон? Я прошел об этих новых открытиях в журнале в автобусе. Их доказательства научно неопровергимы!

Пока официантка забирала их пустые кружки, он молчал. Как только она ушла, он открыл рот, потом закрыл. Телевизор над стойкой показывал новости и на экране появилось изображение двух лиц.

— Посмотри туда! — прошипел он Анане.

Она успела развернуться и увидеть рисунки, прежде чем изображение исчезло.

— Они выглядели похожими на нас, — констатировала она.

— Да, полицейский фоторобот, — подтвердил он. — Теперь гончие действительно взяли след! Спокойно! Если мы встанем сейчас, люди могут обратить на нас внимание. Но если мы останемся сидеть и заниматься своими делами, как я, надеюсь, поступают другие клиенты....

Если бы телевизор был цветной, сходство было бы меньшим, поскольку волосы они перекрасили. Но он был черно-белым, так что их нарисованные портреты оказались почти фотографиями.

Однако, никто даже не взглянул на них и вполне возможно, что, кроме пьяных подле стойки, никто и не заметил передачи по телевизору. А к ним лицом они не собирались поворачиваться.

— Что сказала эта штука? — шепнула Анана, подразумевая телевизор.

— Не знаю. Было очень много шума, чтобы я смог услышать. И сожалею, что не могу расспросить кого-либо у стойки.

У него возникли сомнения относительно своих планов выманивания Рыжего Орка. Наверное, ему следует бросить эту идею. Кое-чем рисковать следовало, но имея на своих пятках полицию, которая активно их ищет, и при изображениях его и Ананы на экранах телевизоров в каждом доме Калифорнии! Он вообще не желал привлекать никакого внимания. Кроме того, эта идея была одним из тех диких зайдев, что скакали через заросли шиповника в его голове. Она была слишком фантастической, говорящей о его буйной фантазии, но

именно по этой причине могла иметь успех. Но не сейчас. В ту же минуту, как он приведет свой план в действие, он привлечет людей Орка и полицию. Так что Рыжий Орк не явится собственной персоной, поскольку будет знать, где Кикаха.

— Надень темные очки, — велел он. — Прошло достаточно времени, чтобы никто ничего не заподозрил и не связал нас с изображением на экране.

— Тебе вовсе незачем мне все растолковывать, — отрезала она. — Я не такая малоумная, как ваши земные женщины.

Он немного помолчал. За какие-то несколько минут на его голову обрушилось столько информации, словно на него свалилось несколько наковален. Он отчаянно хотел продолжать обсуждение вопроса о происхождении и природе этой вселенной, но времени не было. Выживание, поиск Вольфа и Хрисанды, уничтожение Колокольника — вот вопросы, требующие сейчас самого большого внимания. Однако самым главным был вопрос выживания.

— Мы заберем еще кое-то из багажа. И колокол тоже, — сказал он. — Может быть я сумею позже его использовать. Кто знает?

Он заплатил по счету и они вышли. Через десять минут они получили колокол. Чеканщик проделал достаточно хорошую работу. Конечно, этот колокол не прошел бы проверки любым Господом и близко. Но на разумном расстоянии или при взгляде на него кого-то, с ним незнакомого, он сошел бы за ценное имущество Колокольника. Он был колоколообразным, но с закрытым дном, в полтора раза больше головы Кикахи, сделан из алюминия и опылен быстросохнущей краской. Кикаха заплатил мастеру и положил Колокол в шляпную коробку, добытую в магазине.

Спустя час они шли через парк Макартура.

Кроме ораторов на ящиках из-под мыла, там болталось множество алкашей, несколько мотоциклетных громил и множество людей, что пришли сюда понаслаждаться травой и поглазеть на других, пре-небрегающих условностями.

Обогнув большой куст, они остановились.

Справа от них стояла бетонная скамья. На ней сидели двое алкашей с небритыми, впалыми щеками в голубых прожилках и молодой человек. Этот юноша был хорошо сложенным парнем с длинными грязными белобрысыми волосами и щетиной трехдневной давности. Одежда его была даже более рваной и грязной, чем у алкашей.

Рядом с ним на скамейке лежала картонная коробка, примерно, в полтора квадратных фута.

Анана начала было что-то говорить, но потом замолчала.

Кожа ее побледнела, глаза расширились, она вцепилась в свое горло и пронзительно закричала.

Единственное, что могло привести ее в состояние такого ужаса, была сигнализация, которую внедрили ей в мозг десять тысяч лет назад, когда она стала взрослой.

Приближение к колоколу Колокольника автоматически включало прибор в ее мозгу. Нервы ее взвыли, словно к ним привязали сирену. Ее охватил вековечный страх перед Колокольником.

Белобрюхий вскочил, сграбастал картонную коробку и бросился бежать.

Кикаха рванулся за ним. Алкаши орали, и многие из гулявших бросились к ним.

В другое время Кикаха бы рассмеялся. Он планировал отнести свою коробку с псевдоколоколом, в какое-нибудь место вроде этого, в парк, где болтались алкаши и отщепенцы, и создать какую-то суматоху, которая попала бы в газеты. Это, надеялся Кикаха, могло бы вывести его на Рыжего Орка, который вылез бы из своего укрытия.

По иронии судьбы он наткнулся на настоящего Колокольника.

Если бы у Колокольника хватило бы ума припрятать где-нибудь свой колокол, он был бы в безопасности. Кикаха с Ананой прошли бы мимо, так и не опознав его.

Внезапно Кикаха перестал бежать. Зачем преследовать Колокольника, даже если он сможет догнать его? Погоня привлечет слишком много внимания.

Он вынул лучемет, замаскированный под ручку, и установил его на самый узкий теплопробивной луч. Он нацелил его в спину Колокольника и в этот миг, словно сообразив, что должно последовать, Колокольник бросился на землю. Коробка его перевернулась, сам он откатился и исчез за невысоким холмиком. Луч из ручки прошел над ним, попал в дерево и продырявил его. От коры повалил дым, Кикаха отключил ручку. Если бы лучемет продолжал бы работать на несколько секунд дольше, то ему бы понадобился новый заряд.

Голова Колокольника высунулась и показалась его рука с за jakiatym в нем тонким предметом. Он направил предмет на Кикаху. Тот подпрыгнул в воздухе вверх и вбок и одновременно отшвырнулся в сторону свою шляпную коробку. По коробке сверкнуло что-то белое и она вместе с содержимым упала, развалившись пополам, на землю. Перед тем как удариться о землю коробка вспыхнула.

Кикаха бросился на землю и разок выстрелил. Трава на холме стала коричневой. В следующее мгновение Колокольник выстрелил снова. Кикаха откатился, потом вскочил и побежал зигзагами.

Кикаха подумал, что его шалости с Колокольником должны были показаться свидетелям весьма странными. Вдруг двое юнцов с картонками в руках начали носиться друг за другом ни с того, ни сего, целились друг в друга шариковыми ручками, уклонялись, ныряли на землю, будто играли в ковбоев и индейцев. А женщина, волившая, словно увидела монстра Франкенштейна, тоже теперь принимала участие в этой игре.

Один из полицейских что-то крикнул им.

—Не давай им поймать нас! —закричал Кикаха,—иначе нам конец! Держи Колокольника!

Они пропустили во всю прыть. Фараоны снова что-то крикнули. Он оглянулся. Никто из них пока не достал пистолет; но долго такое не продлится.

Они настигали Колокольника, а полицейские отставали. Кикаха, однако, дышал слишком тяжело.

Но каким бы плохим ни было его состояние, у Колокольника оно было еще хуже. Он быстро сбавлял темп. Это означало, что очень скоро он вновь обернется и лучше бы Кикахе бежать попроронней. Через несколько секунд Колокольник окажется в диапазоне действия его лучемета и он отхватит ему обе ноги. Это станет концом возможных опасностей для человека, не учитывая, разумеется, опасностей исходящих от самого человека.

Колокольник в бешеном спурте взлетел по бетонной лестнице, ведущей на улицу. Прежде, чем последовать за ним по лестнице, Кикаха притормозил. Он предвидел, что Колокольник будет дожидаться наверху, когда появится его голова. Тут подоспела и Анана.

—Где он? —спросила она, тяжело переводя дыхание.

—Если бы я знал, то не стоял бы здесь, —огрызнулся он.

Кикаха повернулся и, оставив лестницу, побежал, пригнувшись по кругому склону холма. Колокольник станет гадать, не понимая, что он делает. Если он умен, то поймет, что Кикаха не собирается бросаться в атаку по лестнице. Он станет смотреть по обе стороны лестницы в поисках вдруг пропавшего врага.

Кикаха взглянул направо. Анана уловила его идею и тоже кралась по склону. Она повернула голову, улыбнулась ему и помахала рукой. Он показал ей, что им следует выглядывать из-за края одновременно. Если Колокольник хоть на секунду будет парализован их двойным появлением, и не сумеет определить в кого первого стрелять, то его можно считать покойником.

Конечно, при условиях, что не вмешаются гнавшиеся за ними полицейские. Крики их становились все громче, затем рявкнул пистолет и вблизи Кикахи взлетела земля.

Он подал знак, и они высунули головы. В то же мгновение на улице прозвучал выстрел из пистолета.

Посреди улицы на спине валялся Колокольник. Рядом с ним стоял большой черный «линкольн» и несколько человек собирались поднять Колокольника и погрузить его в машину. Одним из людей был Клейст.

Кикаха выругался. Он загнал Колокольника прямо в объятия людей Орка, которые, вероятно, крейсеровали в этом районе в поисках человека с большой картонной коробкой в руках. Или, возможно, кто-то—о, ирония судьбы!—увидел Кикаху с его коробкой и принял его за Колокольника.

Он махнул Анане и они одновременно выскочили и со всех ног побежали к машине. Новые крики, но никаких выстрелов со стороны полицейских. Люди подле лимузина подняли головы лишь тогда, когда зашвырнули обмякшее тело Колокольника в автомобиль. Они поспешно влезли в машину и рванули прочь, визжа горящей резиной по открывшейся перед автомобилем свободной полосе.

Кикаха прицелился в зад автомобиля, надеясь пробить шину либо поджечь бензобак. Но ничего не произошло, машина целехонькая исчезла за углом. Его лучемет был пуст.

Не оставалось ничего делать, как снова бежать, ведь теперь полицейские вызовут подмогу. Единственное преимущество бегунов заключалось в том, что был час пик и движение было очень интенсивным. Фараоны не смогут сюда добраться слишком быстро на автомобилях.

Через полчаса они ехали в такси, а еще через двадцать минут прибыли в мотель. Управляющий с любопытством поглядел на них и поднял брови, когда не увидел никакого багажа. Кикаха пояснил, что они авангард небольшой рок-группы и их багаж прибудет несколько позже. Они прилетят с пятнадцатиминутным уведомлением из Сан-Франциско.

Они взяли ключ и пошли в свой номер. Здесь они улеглись на кровати, заперев сначала двери и придинув к ним кое-какую мебель, и проспали пятнадцать минут. Проснувшись, приняли душ и снова натянули на себя потную одежду. Следуя совету управляющего, они прогулялись в район магазинов и приобрели кое-что из одежды и несколько необходимых предметов.

—Если мы и дальше будем покупать одежду и терять ее в тот же день,—заметил Кикаха,—то скоро останемся без гроша. И мне вновь придется вернуться к грабежу.

Когда они вернулись в номер, он нетерпеливо раскрыл «Лос-Анджелес Таймс» на колонке личных объявлений. Он прочел ее сверху вниз, а потом вдруг воскликнул «Ией!» и взвился в воздух.

Анана села на постели и спросила:

—Что стряслось?

—Ничего не стряслось! Это первое хорошее, что случилось, с тех пор как мы попали сюда. Я по-настоящему и не верил, что это сработает! Но он хитрый старый лис, этот Вольф! Он мыслит так же, как и я. Смотри, Анана.

Он сунул ей газету. Моргая, она отодвинула ее так, чтобы сфокусировать, а потом медленно прочла:

«Малыш Хровака. Ты прошел. Штаты. Уилшир и Сан-Висент. Э. веч. Х. шлет горячий привет».

Кикаха стащил ее с кровати и закружил по номеру.

—Нам удалось! Нам удалось! Коль скоро мы окажемся вместе, нас не остановит ничто!

Анана обняла и поцеловала его, признавшись:

—Я так счастлива. Возможно, ты прав, это поворотный пункт. Брат Джадавин! Когда-то я постаралась бы убить его. Но теперь нет. Я едва могу дождаться встречи.

—Ну, нам не придется долго ждать,—он заставил себя отрезветь.—Мне лучше выяснить, что происходит.

Он включил телевизор. Диктор этой телестанции явно не собирался упоминать о них, поэтому Кикаха принялся переключать с канала на канал. Спустя минуту его старания были вознаграждены.

Его и Анану разыскивали для допроса в связи с делом о похищении Клейста. Управляющий мотелем, где нашли связанного Клейста, описал двух предполагаемых похитителей. Сам Клейст не выдвинул против них никаких обвинений, но потом было найдено тело Кэмбринга. Полиция установила связь между Кикахой, Ананой и Кэмбрингом из-за суматохи около смоляных ям Ла Бреа. Было еще и дополнительное обвинение: угон автомашины Кэмбринга.

Новости не понравились Кикахе, но он не мог малость не посмеяться из-за крайней досады, какую, должно быть, испытывал Рыжий Орк. Господу было бы предпочтительней менее тяжелое обвинение, такое, как всего лишь угон машины, чтобы он мог заплатить залог за парочку и таким способом сцарапать их, когда они выйдут из полицейского участка. Но при таком обвинении, как похищение и убийство, он быть может и не сумеет освободить их.

Эти обвинения были достаточно серьезными, хотя и не настолько, чтобы оправдать появление их портретов в теленовостях. Что делало данный случай столь интересным, так это то, что проверка отпечатков пальцев мужчины, участнившего в деле, показала, что они принадлежат Полу Янусу Финнегану, который исчез в 1946 году из своей квартиры в Блумингтоне, штат Индиана, где он посещал университет.

Спустя двадцать четыре года он появился в Ван Найсе, штат Калифорния при весьма таинственных или сомнительных обстоятельствах. И вот что самое сенсационное, по словам диктора,—свидетели описывают Финнегана как мужчину лет двадцати пяти, когда ему должно быть пятьдесят два года!

Более того, с того момента как его портрет был показан по телевидению, он был опознан как один из участников очень таинственной погони в парке Макарттура.

Закончил диктор комментарием, претендующим на остроумие. Наверное, этот Финнеган вернулся от Источника Юности. Или, вероятно, свидетели могли напиться из слегка иного источника.

—При такой рекламе,—заявил Кикаха,—наше положение веселым не назовешь. Надеюсь, наш управляющий не смотрел эту передачу.

Было восемь тридцать. Они должны были встретиться с Вольфом в десять часов в ресторане «Штаты» на углу Уилшир и Сан-Винсент. Если они возьмут такси то смогут попасть туда с неплохим запасом времени. Кикаха решил, что им следует прогуляться пешком. Он не доверял такси. И хотя он воспользовался такси, если бы было необходимо, он не видел ни малейшей причины брать его только для того, чтобы избежать пешей прогулки. Особенно потому, что им требовалось поразмыться.

Анана пожаловалась, что проголодалась и хотела бы как можно скорее попасть в ресторан. Кикаха сообщил ей, что страдания полезны для души, и усмехнулся, произнося это. Его собственный желудок сильно сжался от спазма, а ребра ощущались сильней, нежели несколько дней назад. Но если это зависело от него, он не собирался кидаться куда-то очертя голову.

Пока они шли Кикаха расспрашивал ее о Рыжем Орке и о том, как тот «якобы» сотворил Землю.

—Вначале была вселенная Господов. Она была единственной известной нам. Потом, после десяти тысяч лет цивилизации мои предки сформулировали теорию искусственных вселенных. Коль скоро была понятна математика данной концепции, создание первой карманной вселенной стало лишь делом времени и воли, пока не создали первую карманную вселенную. Тогда то же самое «пространство» содержало два мира пространство-материи, но один оставался непроницаемым для другого, потому что вселенные находились «под прямым углом друг к другу». Ты понимаешь, что термин «прямой угол» ничего не значит. Это просто попытка объяснить нечто такое, что на самом деле можно объяснить лишь тому, кто понимает математику данной концепции. Лично я хоть и спроектировала собственную вселенную, а затем и построила ее,

никогда не понимала этой математики или как даже действуют созидающие мир машины.

Первую искусственную вселенную сконструировали примерно, за двести лет до моего рождения. Создала ее группа Господов—тогда, кстати, они Господами себя не называли—среди которых был мой отец Уризен и его брат Орк. Орк тогда уже прожил две тысячи земных лет. Он был физиком, потом биологом, и наконец социологом.

Первоначальный шаг был подобен надуванию шара в не-пространство. Ты можешь себе это представить? Я тоже не могу, но именно так мне это объяснили. Ты надуваешь шар в не-пространство. То есть ты создаешь небольшое пространство или небольшую вселенную, ту, куда ты можешь «вратировать» свои машины. Они расширяют соседнее пространство или пространство-время оригинальной вселенной. Новый мир расширяется так, чтобы ты мог вратировать в него еще больше машин. А они еще больше расширяют вселенную и ты вратируешь машины в новое большее пространство.

С самого начала создания этого нового мира, он может иметь совершенно иные физические законы, чем в оригинальной вселенной.

Тут дело в сформировании пространства-времени-материи так, чтобы, скажем, гравитация действовала иначе, чем в оригинальном мире.

Однако, первая новая вселенная была, можно сказать топорной. Она не воплощала никаких новых принципов, фактически она являлась точной имитацией оригинала. Ну, не точно в том смысле, что была не копией мира, каким он являлся тогда, а каким он был в прошлом.

— Та копия была—мой мир?—уточнил Кикаха.—Земля?

— Она—та вселенная,—кинула Ахана,—была первой. И создали ее приблизительно пятнадцать тысяч лет назад. Эта солнечная система лишь в мелких особенностях отклонилась от родной вселенной Господов.

— Ты хочешь сказать...

Он молчал почти полквартала, а затем проговорил:

— Так значит, это объясняет, что ты имела ввиду, когда ты сказала, что этот мир недавний. Я знал, что этого быть не может, так как датировка на калий-argon и ксенон-argon неопровергимо доказывает, что этому миру более четырех с половиной миллиардов лет, и были найдены ископаемые гоминиды, которым по меньшей мере миллион семьсот пятьдесят тысяч лет. И потом у нас есть датировка на углерод-14, который, предположительно, точен до пятидесяти тысяч лет, если я правильно помню ту статью.

Но ты говоришь, что скалы твоего мира, которым было четыре с половиной миллиарда лет, были воспроизведены в этой вселенной. И поэтому, хотя они и воспроизведены всего пятнадцать тысяч лет назад, кажется, что им четыре с половиной миллиарда лет. И мы находим ископаемые, бесспорно доказывающие, что динозавры жили пятьдесят миллионов лет назад. И мы находим каменные орудия и скелеты людей, что жили миллион лет назад. Но все это сдублировано с вашей вселенной.

—Совершенно верно,—согласилась она.

—Но звезды! Галактики, сверхновые, квазары! Миллионы, миллиарды их в миллиардах световых лет! В одной этой галактике миллионы звезд и диаметром она в сто тысяч световых лет! Красное смещение света от убегающих от нас галактик при четверти скорости света и в миллиардах световых лет от нас! Радиозвезды!—Боже мой,—все!

Он вскинул руки, указывая на бесконечность и вечность этой вселенной. И кроме того, указывая на нелепость ее слов.

—Эта вселенная—первая и самая большая из искусственных,—сказала она.—Ну, не самая большая, вторая была точно такой же величины. Диаметр ее—трехкратное расстояние от солнца до планеты Плутон. Если люди когда-нибудь построят корабль для полета к ближайшей звезде, то они пройдут за орбиту Плутона, а потом двойное расстояние от Плутона до Солнца. А потом...

—Потом?

—А потом корабль войдет в район, где он будет уничтожен. Он наткнется на—как мне называть—единственный термин, какой я могу придумать, это—силовое поле. И он исчезнет во вспышке энергии. И то же произойдет с другим кораблем или кораблями, если они за ним последуют. Звезды не для людей. Главным образом потому, что никаких звезд нет.

Кикаха хотел горячо запротестовать. Он почувствовал, что возмущен, но заставил себя спокойно спросить:

—Как ты это объяснишь?

—Пространство-материя за пределами орбиты Плутона—подобие звездного неба. Крошечное подобие. Относительно крошечное, то есть.

—Эффекты света от звезд, туманностей и тому подобное? Красное смещение? Скорость света? Все это?

—Есть фактор искривления, придающий все необходимые иллюзии.

Вся заплутоновская астрономия, вся космогония были ложными.

—Но почему Господа сочли необходимым установить это подобие бесконечной, беспространной расширяющейся вселенной с ее миллиардами небесных тел? Почему они не оставили просто чистое

небо, исключая Луну и планеты? Зачем этот предельно жестокий обман? Или мне не зачем спрашивать? Я на минуту забыл, что Господы жестоки.

Она потрепала его по руке, заглянула в глаза и сказала:

—Жестоки не только Господы. Ты забываешь, что я сказала тебе, что эта вселенная была точной копией нашей. Я имею в виду точь в точь такой же. От центра, то есть Солнца, до внешнего края, стен этой вселенной, ваш мир—дубликат нашего. Это включает и подобие пространства за солнечной системой.

—Ты хочешь сказать, что... Родной мир Господов тоже искусственная вселенная?—Кикаха даже остановился.

—Да. После того, как три корабля были отправлены за самую крайнюю нашу планету к ближайшей звезде всего в четырех и трех десятых световых лет от нас—как мы думали—был отправлен и четвертый корабль. Но этот притормозил, когда приблизился к району, где исчезли во вспышке света предыдущие корабли. Он не был уничтожен, но не смог продвинуться дальше тех кораблей. Силовое поле оттолкнуло его. Или завернула структура пространственно-материального континуума в той точке.

После некоторого изучения мы неохотно пришли к выводу и пониманию, что ни звезд, ни наружного пространства не существует. Во всяком случае, в том смысле, как мы их понимали.

Многие не приняли эти откровения. Фактический удар, нанесенный этим открытием, был настолько силен, что наша цивилизация долгое время находилась в состоянии, близком к психозу.

Некоторые историки утверждали, что именно открытие, что мы находимся в искусственной, сравнительно ограниченной вселенной, и пришибило нас, подстегнуло нас к поискам средств создания своих собственных синтетических вселенных. Потому что: если мы сами являлись продуктами людей, создавших нашу вселенную, и, таким образом, создавших и нас, то и мы тоже можем создать свои миры. И поэтому...

—Значит Земля даже не из вторых рук! Она их третьих рук!—продолжил Кикаха.—Но кто же мог создать ваш мир? Кто Господь Господов?

—Мы пока не знаем,—ответила она.—Мы не нашли никаких следов тех, которые могли ее создать. Они существуют на плоскости полярности, выходившей тогда за пределы нашей досягаемости, и насколько я знаю, всегда будут за пределами нашей досягаемости.

Кикаха подумал, что это должно было унизить Господов. Наверное, вначале и унизило. Но они оправились и перешли к созданию собственных космосов и своего солипсистского образа жизни.

И в своем поиске бессмертия они создали Колокольников, этих

монстров Франкштейна, а потом после долгой войны победили собственные создания и навек отделались от этой угрозы, как они думали. Но теперь Колокольник гулял на свободе. Он находился в руках Рыжего Орка, который наверняка присмотрит за тем, чтобы Колокольник умер, а его колокол оказался погребенным где-то поглубже, на верное, на дне Тихого океана.

— Я проглотчу все, что ты мне рассказала,—допустил он,—хотя это и встает мне поперек горла. Но что насчет жителей Земли? Откуда они взялись?

— Твоих предков создали пятнадцать тысяч лет назад в биолабораториях Господов. Один набор создали для этого мира, для этой земли, и еще один набор—для второй Земли. Точные дубликаты. Рыжий Орк создал вселенные совершенно одинаковыми и поселил на поверхность обеих Земель тех же людей. В точности тех же самых в обеих Землях.

Орк расположил в разных местах детей: европеидов, негроидов и негритосов, монголоидов, индейцев и австралийцев. Вот из этих-то детей Господа и вырастили людей каменного века. Все группы научили языкам, которые все, кстати, были искусственными языками. Кроме того, их научили изготавливать каменные и деревянные орудия, охотиться. Научили, какие правила поведения избрать и так далее. А потом Господа исчезли. Большинство из них вернулось в родную вселенную, где они принялись составлять планы строительства собственных вселенных. Некоторые остались на двух Землях понаблюдать, но стараясь никому не попадаться на глаза. В конечном итоге Орк всех их перебил или выгнал из обоих вселенных, но произошло это тысячу лет спустя.

— Минуточку,—перебил Кикака.—Я никогда не думал об этом, воспринимая, полагаю, просто как должное. Но я считал, что все Господа—европеоиды.

— Просто потому, что случилось так, что ты встречал только европеидов,—сказала она.—Кстати, сколько Господ ты встречал?

— Шестерых,—усмехнувшись, признался он.

— Я бы предположила, что их осталось около тысячи, и из них примерно треть—негроиды, еще треть—монголоиды, применяя земную терминологию. На нашей планете наш эквивалент австралийцев вымер, а наш эквивалент полинезийцев и индейцев поглотили монголоиды и европеоиды.

— А вселенная той, другой Земли? Там люди развивались по моделям, схожим с нашими? Или они существенно отклонились?

— Не могу сказать тебе,—призналась она.—Это знает лишь Рыжий Орк.

У него было множество вопросов, включая и вопрос, почему на Земле оказалось немало врат, никак не контролировавшихся Рыжим

Орком. Ему пришло в голову, что они могли оставаться от старых времен, когда на Земле было много Господов.

На новые вопросы времени не было. Они переходили с Сан-Винсента на Уилшир и до ресторана «Штаты» оставалось всего несколько дюжин ярдов. Ресторан располагался в двухэтажном здании из кирпича с большими витринами и окном по фасаду. Перспектива снова увидеть Вольфа и Хрисенду сделала Кикаху счастливее, чем он бывал довольно надолго. Тем не менее, осторожность он не потерял.

—Сперва пройдем мимо,—сказал он.—Давай.

Они находились прямо напротив ресторана. В нем сидело примерно полдюжины обедавших, две официантки и женщина за кассой. В одной кабинке сидело двое полицейских, а их белый автомобиль стоял на автостоянке к западу от ресторана. Ни Вольфа, ни Хрисенды в ресторане не оказалось.

Было, правда, еще не точно десять, а Вольф тоже мог проявить осторожность.

Они остановились перед витриной магазина одежды. Со своего наблюдательного пункта они могли наблюдать за всеми входящими и выходящими из ресторана. Двое клиентов встали и ушли. Полицейские не собирались скоро уходить. На стоянку выехала машина, остановилась и выключила фары. Из нее вылезли мужчина и женщина, оба седые, и вошли в ресторан. Мужчина был слишком маленького роста и тощим, чтобы оказаться Вольфом, а женщина—слишком объемистой и высокой для Хрисенды.

Прошло полчаса. Прибыли новые клиенты, а другие вышли. Никто из них не мог быть его друзьями. Оба полицейских ушли без четверти десять.

—Можем мы теперь войти?—спросила Анана.—Я так проголодалась, что мой желудок ест сам себя.

—Не нравится мне, как все это пахнет,—высказал Кикаха свои сомнения.—Все вроде бы выглядит как надо, исключая то, что Вольфа здесь еще нет. Подождем еще немного, дадим ему шанс появиться. Но заходить туда не станем. Это слишком похоже на западню.

—Я вижу впереди по улице еще ресторан. Почему бы мне не пойти туда и не купить немного еды, а потом вернуться сюда?

Они занялись произношением ею слов: два чизбургера без лука, две порции шоколада со взбитыми сливками, очень густых. Подойдет. Он объяснил ей, сколько ей должны дать сдачи, а потом велел поторопиться.

Пару секунд он гадал, не следует ли ему остановить ее. Если слу-

чится нечто неожиданное и ему придется смыться без нее, она попадет в беду. Она все еще не знала что и как в этом мире.

С другой стороны у него в желудке тоже урчало.

— Ладно,—неохотно уступил он.—Но не задерживайся и, если что-нибудь случится и мы расстанемся, то встретимся снова около мотеля.

И Кикаха продолжал следить за входом в ресторан слева, то или смотреть вдоль улицы, за ней.

Примерно, минут через десять она появилась, держа большой бумажный пакет. Она дважды перешла улицу, чтобы вернуться к тому же жилмассиву и направилась к нему. Она сделала несколько шагов от угла, когда возле нее неожиданно остановилась машина, проезжавшая мимо. Из машины выпрыгнули двое и подбежали к Анане. Кикаха бросился к ним. Анана выронила пакет, потом упала. Не было звука пистолетного выстрела, вспышки пламени или еще чего-нибудь, что указывало на применение оружия. Двое подбежали к Анане. Один поднял ее, а второй повернулся лицом к Кикахе.

В этот момент из машины вылез еще один и побежал к Кикахе. К остановившейся машине подъехало еще несколько, посигналили, а потом объехали ее. Их фары высветили еще одного человека на месте водителя.

Кикаха отскочил вбок и на мостовую. Автомобиль рявкнул клаксоном и свернул, чтобы не задеть его. Долетел рассерженный крик водителя.

«Ты сумасшедший, сукин сын!»

К этому моменту Кикаха уже вытащил свою ручку-лучемет. Несколько торопливых слов установили ее на пробивное действие. Первой его заботой было не попасть под лучемет противников, а второй—вывести из строя их машину.

Он упал на мостовую и покатился, уловив краешком глаза вспышку тонкого, как игла, и горячего, словно солнце, луча. Из его собственной ручки выпрыгнул луч и прошелся по колесам машины со стороны шин проезжей части. Шины с грохотом лопнули и машина накренилась набок, когда отвалились нижние части колес.

Водитель вскочил и убежал за машину.

Кикаха поднялся и побежал к машине, стоявшей у тротуара. Он бросился вперед, сильно ударился о макадам и покатился. Когда он выполз из-за машины иглянул, то увидел, что на некотором расстоянии от первой машины остановилась вторая. Люди из первой машины затаскивали Анану туда.

Он вскочил и закричал, но мимо пролетело несколько автомобилей, которые помешали ему воспользоваться лучеметом. К моменту,

когда эти машины проехали, вторая машина, где находилась Анана, делала разворот на сто восемьдесят градусов. Новые автомобили, подъехавшие по другой стороне движения, проехали между ним и машиной, которая увозила его женщину. Шансов резануть лучом задние колеса уезжающей машины у него не осталось. И именно тогда, словно сама Судьба ополчилась против него, на полосе движения с его стороны появилась полицейская машина и остановилась. Кикаха понимал, что попадать в руки полиции ему никак нельзя, и в ярости он сбежал.

Позади него звякала сирена. Кто-то что-то крикнул и выстрелил в воздух.

Он прибавил скорость и выскочил на Сан-Винсент, чуть не остановив уличное движение, когда петлял в потоке машин. Он пересек разделительную полосу и, когда добрался до другой стороны, нашел время быстро оглянуться и увидеть одного полицейского на разделятельной линии, которого остановила вереница машин.

Полицейский автомобиль развернулся и направился через улицу. Кикаха все бежал,—свернул за угол, проскочил между двух домов и из-за них снова выскочил на Сан-Винсент. Фараон, бежавший за ним, садился в автомобиль. Кикаха пригнулся в тени, пока автомобиль, продолжая завывать сиреной, не укатил. Он свернул за тот же угол, из-за которого выбежал Кикаха.

Кикаха побежал к ресторану «Штаты» и заглянул внутрь. Там не было никаких признаков Хрисенды и Вольфа. Приближался еще один полицейский автомобиль, сверкая мигалкой, но с выключенной сиреной.

Кикаха прошел через стоянку и обошел здание. Это заняло у него час, но к этому времени он, петляя между домами, перебегая через улицу, то и дело прячась, ускользнул от патрульных. Остановился купить кое-какой еды и вернулся к своему мотелю.

Перед мотелем стоял полицейский автомобиль. И снова Кикахе пришлось все бросить и он пропал в ночи.

Одно он должен был сделать немедленно. Он знал, что Рыжий Орк даст Анане наркотик, который заставит ее ответить на любой заданный вопрос. Вполне может статься, что Орк прознаст, что в этот мир попал Рог Шамбаримена и что сейчас он находится в камере хранения автобусного вокзала в центре города. Он, конечно, пошлет людей на вокзал и не станет стесняться, чтобы взорвать вокзал. Орка не будет волновать, что придется ему сделать, чтобы раздобыть этот Рог.

Кикаха поймал такси и приехал на автобусный вокзал. Опустив камеру хранения, он отошел от автобусного вокзала на семь кварталов, прежде чем поймал другое такси, которое отвезло его на железнодорожный вокзал в центре города. Здесь он снова сунул Рог в

камеру хранения. Носить ключ от нее ему не хотелось. Он купил пакетик жевательной резинки и сжевал все пластики, пока не получил ся большой резиновый шарик. Пока он проделывал это, он прогуливался вокруг вокзала, обследовал дерево на краю автостоянки и решил, что нашел превосходный тайник. Он засунул комок резинки с засунутым в него ключом в небольшое дупло на дереве как раз выше его линии обзора.

Он взял новое такси до района Сансет и Ферфакс.

Около восьми часов утра он проснулся на старом матрасе, лежавшем на голом полу большой старой комнаты. Рядом с ним спала Род (сокращенное от Родрига). Родрига Элоид, как она себя называла, была высокой худощавой девушкой с замечательно большими грудями, хорошеньким, но чересчур веснушчатым лицом, большими синими глазами и прямыми желто-каштановыми волосами, ниспадавшими до талии. Она носила рубаху лесоруба в красно-синюю клетку, грязные брюки клеш и рваные мокасины. Зубы у нее были белые и ровные, но изо рта у нее слишком слабо пахло пищей и слишком сильно марихуаной.

Прогуливаясь вечером в толпе, Кикаха заметил ее, сидящей на тротуаре и разговаривающей с другой девушкой и парнем.

Девушка заметила Кикаху, улыбнулась и окликнула его:

—Хэлло, друг. Ты выглядишь так, словно долго бежал.

—Надеюсь, что нет,—улыбнулся в ответ Кикаха,—а то легавые тоже могут это заметить.

Завязать знакомство со всей троицей было очень легко и, когда Кикаха сказал, что купит им всем троим что-нибудь поесть, он почувствовал определенное усиление их интереса.

Поев, они послонялись все вместе по Сансет, «торча» от всего. В этот вечер он многое узнал об их суб-культуре. Когда он упомянул о том, что у него нет крыши над головой, они пригласили его остановиться в их хазе. Это большой запущенный дом сказали они, с привидениями, там живет примерно пятьдесят человек, плюс-минус десяток. Они складывались на арендную плату и коммунальные услуги, если пользуются ими. Если же у них нет денег, их все равно принимают, пока они достанут какие-нибудь башли.

Родрига Элоид (он был уверен, что это не настоящее ее имя) приехала сюда недавно из Дейтона, штат Огайо. Там у нее остались родители пуритане. Ей исполнилось семнадцать лет и она не знала кем хочет быть. На текущий момент, сказала она, просто собой.

Кикаха внес еще некоторую сумму на марихуану и вторая девушка, Джеки, временно исчезла. Когда она вернулась они направились к большому дому, который они называли Графство, и удалились

в эту комнату. Кикаха покурил вместе с ними, так как понимал, что если он это сделает, то станет для них более приемлимым. Казалось, курение произвело на него мало впечатления, не вызвав ничего, кроме кашля.

Через некоторое время Джеки и ее парень начали заниматься любовью. Родрига и Кикаха вышли прогуляться. Родрига сказала, что он ей нравится, но она не испытывает никакого желания ложиться с ним в постель после столь краткого знакомства.

Кикаха ответил, что понимает. Он вовсе не имеет ничего против ее пожелания. Ему просто хочется немного поспать. Спустя час они вернулись в комнату, которая к этому времени оказалась пустой, и завалились спать.

Но сон не уменьшил его беспокойства. Он был подавлен оттого, что Анана оказалась в руках Рыжего Орка, и он подозревал, что Вольфа и Хрисенду постигла та же участь. Каким-то образом Рыжий Орк догадался, что объявление в газете от Кикахи и ответил. Но он не смог бы ответить столь верно, если бы не захватил Вольфа и не вытащил из него все, что тот знал о Кикахе.

Зная Господов, Кикаха считал вполне вероятным, что сперва Рыжий Орк подверг Вольфа и Хрисенду пыткам, хотя ему всего лишь требовалось применить наркотик, который бы заставил их рассказать все, о чем Орк их спрашивал. После этого он снова подвергнет их пыткам и в конечном итоге убьет.

С Ананой он поступит точно так же.

Кикаха содрогнулся и сказал:

—Нет!

Родрига открыла глаза и спросила:

—Что?

—Спи дальше,—сказал он, но она села, обхватив прижатые к груди коленки. Потом покачалась из стороны в сторону и изрекла:

—Тебя что-то грызет, amigo. Глубоко. Слушай, я не хочу тоже грузить тебя, но если я могу что-то сделать...

—Мне требуется сделать кое-что самому,—отозвался он.

Он не мог вовлекать ее в это дело, даже если она могла каким-то образом помочь. При первом же их контакте с людьми Рыжего Орка, если бы такое произошло, она была бы убита. Она не была быстрой, очень сильной и изобретательной женщиной, какой была Анана. Да, совершенно верно, сказал он самому себе. Была. В этот самый миг ее уже могло и не быть в живых.

На глаза его навернулись слезы.

—Спасибо, Род. Теперь я должен идти. Может быть встретимся с тобой как-нибудь позже.

Тут она поднялась с матраса и сказала:

—В тебе, Пол, есть нечто странное. Ты молод, но употребляешь

нашу феню не совсем верно, понимаешь, что я хочу сказать? Ты мне кажешься просто малость чудным. Я не хочу сказать гадом. Я хочу сказать, ты словно не совсем принадлежишь к этому миру. Я знаю, как это бывает, у меня самой очень часто возникает такое же ощущение. То есть я тоже не принадлежу здешнему миру. Но с тобой это не совсем то же самое. Я хочу сказать, ты действительно не от мира сего. Ты ведь не какое-то там существо с летающей тарелки?

—Слушай, Род. Я ценю твое предложение. Действительно ценю. Но ты не можешь отправиться со мной или что-то для меня сделать. Не сейчас. Но позже, если возникнет что-нибудь, в чем сможешь мне помочь, то будь уверена, черт побери, что я позволю тебе сделать это что-нибудь для меня, и буду этому очень рад.—Он нагнулся и поцеловал ее в лоб. *Hastala vista*,—попрощался он,—а может, адью. Да вай все-таки надеяться, что мы еще встретимся.

Кикаха бродил, пока не нашел небольшой ресторан. Завтракая, он обдумывал ситуацию.

Одно можно утверждать наверняка. Проблема Колокольника решена. Не имело значения, кто убьет его, Кикаха или Рыжий Орк. Главное, что он будет убит, и Колокольники навеки убранны с дороги.

И теперь Рыжий Орк заполучил в свои руки всех своих врагов, кроме одного, однако скоро он заполучит и этого, последнего. Если, конечно, этот враг не доберется до него первым. Рыжий Орк не использовал еще всех своих возможностей для поимки Кикахи, поскольку первой его заботой было поимка Колокольника. Но сейчас он уже мог сосредоточиться на последнем, все еще от него ускользающем.

Каким-то образом Кикаха должен был найти Рыжего Орка раньше, чем этот Господь доберется до него. И весьма скоро.

Кончив завтракать, он купил «Таймс». Идя по улице, он прошматривал газету. В ней ничего не сообщалось ни о похищении женщины, ни о машине на Уильшире с отрезанными нижними половинами левых колес. Была небольшая заметка о розыске Пола М. Финнегана, загадочного человека, о том, как он скрылся, и краткое описание его жизни до 1946 года.

Кикаха заставил себя успокоиться и хладнокровно обдумать ситуацию. Никогда прежде он так не волновался. Он был бессилен остановить реальные пытки, которым подвергались его друзья и его любимая в эту минуту.

Существовал-таки один способ попасть в дом Господа и встретиться с ним лицом к лицу. Если он сдастся, то сможет потом, когда

его привезут к Господу, положиться на свою смелость и изобретательность.

Спасло его чувство реальности. Возьмут его только после тщательного изучения и гарантии, что он не утаил какого-либо оружия или каких-то приборов, и привезут его связанным и беспомощным.

Если Господь не следовал обычаю всегда оставлять какой-то путь открытым для умного и умелого человека. Всегда, какие бы эффективные и мощные ловушки не устанавливали Господа в своих дворцах, они оставляли открытым, по крайней мере, один маршрут, если вторгшийся окажется достаточно восприимчив и дерзок. Таково было правило смертельной игры, в которую они играли тысячу лет. Фактически именно это правило и заставило Рыжего Орка оставить врата в пещере без охраны и ловушки.

Из-за того, что больше ничего не оставалось делать, Кикаха зашел в телефонную будку на бензоколонке, потом набрал номер Кэмбринга. Трубку подняли так быстро, что Кикахе на секунду показалось, что Кэмбринг жив и ждет его звонка. Ответила, однако, жена Кэмбринга.

—Говорит Пол Финнеган,—произнес Кикаха.

Возникла пауза, а затем:

—Ты убийца!—заявила она.

Он подождал, пока она не накричится и перестанет проклинать его. Ее вопли перешли в рыдания. Дыхание у нее стало прерывистым.

—Я не убивал вашего мужа,—произнес он.—Хотя, если бы убил, был бы оправдан, как вам хорошо известно. Его убил большой босс.

—Вы лжете.

—Скажите своему большому боссу, что я хочу с ним поговорить. Я буду ждать на этом проводе. Я знаю, что вы можете воспользоваться несколькими телефонами.

—С какой стати мне это делать?—огрызнулась она.—Я ничего не стану для вас делать!

—Ставлю вопрос так. Если он заполучит меня в свои руки, то позаботится о том, чтобы вы могли удовлетворить свою жажду мщения. Но если я не вступлю с ним в контакт прямо сейчас, то сматываюсь в Великое Неведомое. И он никогда не найдет меня.

—Ладно,—шмыгнула она носом и пропала.

Примерно через минуту она вернулась, и сказала:

—У меня здесь есть громкоговоритель, ящик, как вы там его называете. Так или иначе, вы можете говорить с ним через него.

Кикаха сомневался, что человек, с которым он должен был говорить, и есть « большой босс ». Хотя миссис Кэмбринг показала, что обладает теперь сведениями, которых у нее не было, когда он раньше

допрашивал ее. Не может ли это происходить от того, что Господь рассчитывал на его звонок?

Он ощутил холодок, прогулявшийся по его затылку. Если Рыжий Орк так хорошо предвидит его действия, то он уловит и следующий шаг Кикахи.

Он пожал плечами. Существовал лишь один способ выяснить, так ли умен Рыжий Орк.

Голос оказался глухим и резонирующим. Его произношение было как у местного жителя, а употребление словаря, казалось «правильным». Говоривший не представился. Тон его указывал, что он в этом не нуждается, что один лишь его голос должен был убедить каждого, кто его услышит, в истинности его личности. И в его могуществе.

Кикаха почувствовал, что это истинный Рыжий Орк, и чем дольше слушал, тем больше узнавал определенные характерные интонации, напоминавшие ему голос Ананы. Сходство здесь присутствовало, что не было удивительно, поскольку в семье Уризена были очень принятые внутрисемейные браки.

—Финнеган! Я захватил твоих друзей, Вольфа и Хрисенду, твою любовницу, мою племянницу Анану. Они здоровы. С ними ничего не случилось, ничего, что могло бы им повредить. Пока! Я добился от них правды с помощью наркотика. Они рассказали мне все, что знают.

«Тогда хорошо,—подумал Кикаха,—что Анана теперь на самом деле не знает, где находится Рог Шамбаримена».

Возникла пауза и Кикаха сказал:

—Я слушаю.

—Мне следовало убить их, уделив сперва, конечно, подобающее внимание. Но они и в самом деле не представляют для меня никакой угрозы. Они попались столь же легко, как и новорожденные кролики.

Господу всегда требовалось немного побахвалиться. Кикаха ничего не сказал, зная, что Господь перейдет к сути, когда запыхается. Но Рыжий Орк удивил его.

—Я мог бы подождать, пока не поймают тебя, и ждать мне придется бы недолго. Но именно сейчас важно время и потому я готов пойти на обмен.

Он вновь сделал паузу. Кикаха сказал:

—Я весь во внимании.

—Я отпущу пленников и позволю им вернуться в мир Джадавина. И ты сможешь отправиться с ними. Но при нескольких условиях. Во-первых, ты вернешь Рог Шамбаримена.

Этого Кикаха ожидал. Рог был не только единственным во всех вселенных, но и являлся самым желанным предметом для всех Господов. Их изготавлял легендарный предок всех живущих Господов,

хотя и долго принадлежал его равно легендарному сыну, поскольку его иногда именовали Рогом Ильмарвонкинка. Он обладал уникальной полезностью возле врат. Его можно было применить в одиночку. Все другие врата должны были существовать парами. Одни нужно было иметь в покидаемой вселенной, другие—во вселенной, куда вступали. Большинство из них были фиксированными, хотя врата типа полумесяцев были мобильными. Требовалось лишь протрубить в Рог в надлежащей последовательности тона Рога и мгновенно открывался путь между вселенными. То есть, так произошло бы, если бы Рогом воспользовались неподалеку от «резонирующей» точки и «стенах» между двумя мирами.

Резонирующая точка являлась тропой между вселенными, но эти вселенные никогда не разнились. Поэтому, если Господь пользовался Рогом, не зная, куда приведет его резонирующая точка, то оказывалась в любой вселенной, какая существовала по другую сторону, нравилось ему это или нет.

Кикаха знал о четырех местах, где он мог бы протрубить в Рог и наверняка открыть для себя путь в Многоярусный Мир. Одно находилось в пещере неподалеку от озера Эрроухэд. Другое было в Кентукки, но чтобы добраться туда, ему потребовалась бы помочь проводника. Проводник—Вольф. Третье, должно быть, находится в его квартире в Блумингтоне, штат Индиана. А четвертое находилось в гардеробе в подвале дома в Тампе, штат Аризона. Вольф тоже знал о нем и он рассказал Кикахе, как попасть туда со стороны Земли, и Кикаха помнил это.

Голос Рыжего Орка сделался нетерпеливым:

—Брось, брось! Не играй со мной в эти игры, земляшка! Говори, «да» или «нет», но поскорее!

—Да! Пока что, то есть. Все зависит от твоих условий.

—У меня осталось только одно,—Рыжий Орк несколько откашлялся, а потом буркнул:—И оно—что ты и другие поможете мне поймать Колокольника!

Кикаха был потрясен, но тысячекратный опыт столкновения с разными сюрпризами сделал его способным скрыть потрясение. И он спокойно произнес:

—Согласен. Именно на нечто в этом роде я и рассчитывал все время, но не видел как можно с тобой работать. Конечно, тогда у тебя не было кнута в руке.

Значит, Колокольник был либо пойман людьми Орка, а потом сбежал, либо же его захватил кто-то другой. И этот другой мог быть только еще одним Господом.

Или, вероятно, это был другой Колокольник.

При этой мысли Кикаха похолодел.

—Что мы будем теперь делать?—осведомился он, не желая гово-

рить правду, которая заключалась в фразе:—Что Ты сейчас желаешь?

Голос Орка стал жестким и сдержанно торжествующим:

—Ты явишься как можно быстрее к дому миссис Кэмбринг и мои люди пропроводят тебя сюда. Сколько времени тебе понадобится, чтобы добраться до дома Кэмбринга?

—Примерно полчаса,—ответил Кикаха. Если бы он смог сразу схватить такси, то оказался бы там минут через десять, но ему хотелось оставить себе немного времени, чтобы подумать.

—Отлично!—произнес Господь.—Ты должен сдать все оружие, мои люди тщательно тебя обыщут. Понятно?

—О, разумеется.

Разговаривая, он становился бдительным, как птица. Он посмотрел через стекло будки, выискивая, нет ли чего подозрительного, но не замечал ничего кроме проезжавших мимо автомобилей. Вот один автомобиль остановился около тротуара. Это был большой темный «кадиллак», в нем сидел один человек. Он посидел минуту, посмотрел на часы, а потом открыл дверцу и вышел из машины. Не спеша, он направился к будке, снова взглянув на часы. Это был весьма хорошо сложенный юноша ростом, примерно, шесть футов и три дюйма, одетый модно и дорого. Длинные желтые волосы блестели на солнце, словно облитые золотом. Лицо у него было красивое, но с грубыми чертами.

Он остановился недалеко от будки и достал портсигар. Кикаха продолжал слышать голос по телефону, он передавал ему инструкции, но не спускал глаз с приехавшего человека. Этот парень глядел на мир надменными глазами с полуоткрытыми веками. Он, очевидно, нервничал из-за того, что будка занята. Он снова посмотрел на часы, потом закурил сигарету.

Кикаха произнес кодовое слово, подготовившее кольцо у него на пальце к активным действиям для короткого пробивающего луча. Если этот парень охотится за ним, то ему придется прорезать стекло.

Голос в трубке все еще продолжал говорить. Казалось, он диктует условия капитуляции великой державы, а не одному единственному человеку. Кикаха должен приблизиться к фасаду дома Кэмбринга и пройти только половину центральной дорожки, а потом стоять, пока из дома не выйдут три человека, а трое, находящиеся в припаркованном на другой стороны улицы автомобиле, одновременно приближатся к Кикахе сзади. А потом...

Человек около будки состроил недовольную гримасу, когда снова посмотрел на часы и отвернулся, собираясь уйти. Очевидно, ему надоело дожидаться, когда будка освободится.

Но он сделал всего три шага и резко обернулся. В руках его появился курносый пистолет.

Кикаха выронил трубку и пригнулся, произнося, одновременно слово, активировавшее кольцо.

Пистолет рявкнул, стекло будки разлетелось и Кикаху обволокло облаком белого тумана. Это было настолько неожиданно, что он охнул разок и сразу же понял, что ему следует задержать дыхание, так он и поступил. Он выскоцил из будки, разрезая дверь кольцом. Дверь выпала наружу, но он так и не услышал, как она ударила о землю.

Когда сознание вернулось к нему, он обнаружил, что кругом темно, а он лежит ограниченный стенками движущегося предмета. Запах бензина и теснота подсказали ему, что он находится в багажнике автомобиля. Руки его были связаны за спиной, ноги — в лодыжках, а рот заклеен липкой лентой.

От жары он потел, но воздуха в багажнике хватало. Машина ехала по какому-то склону и остановилась. Двигатель заглох, взвизгнули дверцы, машина приподнялась на рессорах, когда пассажиры вышли из нее, а затем откинулась крышка багажника. Четверо, одним из которых был светловолосый юноша, выстреливший в Кикаху из газового пистолета, смотрели на него.

Они вытащили его из багажника и вынесли из гаража, дверь которого закрыли. Выход из гаража вел прямо в коридор дома, который привел в большую комнату с роскошной мебелью и ковром, закрывавшим пол. Следующий коридор привел их в комнату с потолком полутораэтажной высоты, громадной хрустальной люстрой, черно-белым паркетным полом, тяжелой мебелью и картинами на стенах, походившими на произведения старых мастеров.

Здесь его опустили в большое кресло с высокой спинкой и развязали ему ноги. Затем один из принесших его людей велел ему шатать. Человек позади него поощрил его к этому, ткнув в спину чем-то твердым и острым, Кикаха пошел за людьми через дверной проем, расположенный под большой лестницей. Марш из двенадцати ступенек привел их в скучно мебелированную комнату. В одном ее конце находилась большая массивная железная дверь, которая вела, насколько он понимал, в тюремную камеру. Так оно и оказалось, хотя это была и довольно комфортабельная тюрьма. Руки его развязали, рот расклеили.

Кольцо-лучемет сняли, а из кармана рубахи вытащили ручку-лучемет. Пока рослый следил за ним, остальные раздели его донага, срезая рубашку и нижнее белье... Затем они обследовали его тело в поисках оружия, но ничего не нашли.

Он не оказывал никакого сопротивления. Это было бесполезно. Ростый и еще один держали его под прицелом пистолетов. После проверки один из них замкнул кандалы у него на лодыжках. Они соединились цепью, прикрепленной одним концом к кольцу в стене. Цепь оказалась очень тонкой и весила немного. Она была достаточно длинна, чтобы позволить ему передвигаться по помещению в любом направлении.

Увидев, что Кикаха разглядывает цепь, ростый улыбнулся и сказал:

—Она прозрачнее, чем паутинка, друг мой, и крепка, как цепь, державшая Фенрира.

—Я Локи, а не Фенрир,—нехорошо усмехнулся ему на это Кикаха. Он знал, что ростый ожидал, что он не поймет упоминания об огромном волке скандинавской религии и что ему следует притворяться невежественным. Чем меньше уважение к тебе испытывает тюремщик, тем больше у тебя шансов сбежать. Но удержаться от ответа не смог.

Ростый поднял брови и сказал:

—Ах, так. Ты помнишь, что случилось с Локи?

—Я также Локи,—ответил Кикаха, но решил, что теперь разговор зашел слишком далеко. Он замолк, ожидая, когда другой скажет ему, кто он и что он намерен делать.

Теперь этот человек выглядел совсем не так молодо. Казалось, ему где-то за тридцать. Голос у него был тяжелым, гладким и очень властным. Глаза его казались прекрасными: большие, лиственно-зеленые с густыми ресницами. Лицоказалось Кикахе знакомым, хотя он был уверен, что никогда прежде не видел его.

Ростый подал знак и все остальные покинули помещение. Он закрыл дверь за ними, потом присел на край стола. Стол, как и прочие предметы мебели, был привинчен к полу. Некоторое время он сидел, покачивая ногой и держа на коленях пистолет, который выглядел как обычное оружие. Он не был похож ни на газовый пистолет, ни на замаскированный лучемет. Кикаха никак не мог определить что это такое. Кикаха уселся в кресло и ждал. Правда, это позволило ростому смотреть на него сверху вниз, но Кикаха не относился к тем, кто позволял дать другому психологическое преимущество, если тот смотрит на него сверху.

Несколько минут ростый неотрывно глядел на него. Кикаха отвечал таким же взглядом, потихоньку насвистывая.

—Какое-то время я за тобой следовал,—произнес вдруг ростый.—Я все еще не знаю кто ты такой. Позволь мне представиться. Я—Рыжий Орк.

Кикаха застыл в кресле и моргнул.

Рослый поинтересовался:

—А за кого ты меня принимал?

—За Господа, который застрял в этой вселенной и ищет выхода из нее,—ответил Кикака.—Значит есть два Рыжих Орка.

Рослый несколько растерял торжество своей улыбки:

—Нет, есть только один! А тот, другой,—самозванец! Лишь на мгновение я проявил беззаботность! Но я скрылся, сохранив жизнь, и из-за этого его невезения я убью его и верну все!

—А кто тот, другой? Я подумал... но впрочем, он никогда не называл себя... он просто позволил мне думать...

—Что он—Рыжий Орк? Так я и думал! Но его зовут Уртона. Он был некоторое время Господом Меняющегося Мира. А потом эта чертова сука—демонесса Вала, моя племянница, выгнала его из этого мира и он бежал сюда, в этот мир, мой мир. Я не знал кто это, хотя и знал, что какой-то Господь прошел через врата в Европе. Я поохотился на него, не нашел, а потом забыл о нем. Это произошло тысячу лет назад. Я счел, что он выбрался через какие-то неизвестные мне врата или же убит.

Но он затаялся и все это время искал меня. И наконец, всего десять лет назад он нашел меня, изучил мою крепость, мою защиту, проследил распорядок дня, а потом нанес удар!

Я сделался беззаботным, но сумел спастись, хотя все мои телохранители погибли. И он взял командование на себя. Для него это было так просто, потому что он находился в центре власти, а там не было никого, кто бы мог помешать ему. Да и как там мог оказаться кто-то, способный сказать ему «нет»? Я слишком хорошо спрятал свое лицо. Всякий в центре власти мог отдавать приказы, дергать за ниточки и ему повиновались, поскольку даже земляшки, стоявшие к нему ближе всего, не знали ни его настоящего имени, ни его настоящего лица.

И я не мог пойти к исполнявшим приказы людям и сказать: «Вот я, ваш истинный Господь! Повинуйтесь мне и убейте дурака, отдававшего вам приказы!» Меня сразу бы пристрелили, потому что Уртона описал меня слугам, и они посчитали бы, что я враг их вождя.

Поэтому я ушел в подполье, точно так же, как Уртона до этого. Но когда я нанесу удар, я не промахнусь! Я снова окажусь в центре власти!

Наступило молчание. Орк, казалось, ожидал от него каких-то комментариев. Наверное, он ожидал похвал, или трепета, или ужаса.

Теперь, когда в его руках то, что ты называешь центр власти, он—Господь обеих Земель?—поинтересовался Кикака.—Или только этой.

Казалось, этот вопрос застал Орка врасплох. Он уставился на Кикаху, его лицо побагровело.

—А тебе что до этого? —спросил он наконец.

—Просто я подумал, что ты смог бы удовольствоваться положением Господа другой Земли. Почему бы не представить Уртону править этим миром? На мой взгляд, судя по увиденному, конечно, за тот короткий срок, что я здесь пробыл, этот мир обречен. Люди загрязняют воздух и воду и в любое время могут истребить всю жизнь на Земле атомной войной. Ты явно ничего не делаешь, чтобы предотвратить это. Так почему бы не предоставить Уртону власть этим миром, покуда ты сохраняешь другой. Он помолчал, а потом спросил:

—Или, Земля номер два в таком же плачевном состоянии, как и эта?

Лицо Рыжего Орка приобрело нормальный цвет. Он улыбнулся и ответил:

—Нет. Другая отделалась не так уж плохо. Она куда более желанна, хотя начало у нее было точно таким же. Но твоё предположение, что я отдаю этот мир, показывает, что ты мало о нас знаешь, лаблаббий.

—Я знаю достаточно, —вразбранил Кикаха, —но даже Господы меняются к лучшему, и я надеялся...

—Я никак не буду вмешиваться в развитие событий здесь, исключая, конечно, свою защиту, —заявил Орк, —если эта планета задохнется от созданной человеком загрязненности или если она взорвется в тысячах вспышек от ядерных ударов, это произойдет безо всякой помощи или помех с моей стороны. Я ученый и не стану оказывать влияние на направления естественного развития тем или иным путем на обоих планетах. Все, что я делаю, находится на микромасштабном уровне и не потревожит микромасштабных дел.

Это, кстати, является еще одной причиной, почему я должен убивать всякого, кто вторгается в мои вселенные. Они могут попробовать вмешаться в мои великие эксперименты.

—Только не я! —вразбранил Кикаха. —И не Вольф, ни Хрисенда, ни Анана! Мы всего лишь желаем вернуться в свои собственные миры. Конечно, после того, как будет уничтожен Колокольник. Он — единственная причина, по которой мы оказались здесь. Ты должен в это поверить!

—Не ждешь ли ты в самом деле, что я поверю?

Кикаха пожал плечами:

—Это правда, однако я не жду, что ты в нее поверишь. Вы, Господы, слишком склонны к паранойе, чтобы ясно видеть окружающее.

—Тебя будут держать здесь, пока я не захвачу в плен остальных и не разобью Уртона. Тогда я решу, что с тобой делать.

Под этим, знал Кикаха, он подразумевал, какие именно изощренные пытки он сможет применить к Кикахе. На мгновение он задумался, не поставить ли Рыжего Орка в известность о Роге Шамбари-мена. Наверное, он смог бы использовать его как способ поторговать-ся. Затем решил, что не стоит. Если Орк узнает, что Рог здесь, он просто-напросто извлечет из своего пленника сведения при помощи пыток или наркотиков.

—Ты еще не убил Колокольника?—вместо этого спросил он.

—Нет,—улыбнулся Орк.

Он казался очень довольным собой.

—Если возникнет необходимость, я буду угрожать Уртону именем Колокольником. Я скажу ему, что если он не уберется, я выпущу на свободу Колокольника. Это, как ты понимаешь, самое ужасное, что может сделать Господь.

—И ты это сделал бы? После того, что ты говорил об уничтожении всякого, кто может вмешаться в естественное развитие?

—Если бы я знал, что скоро умру, что моя смерть неизбежна, да, сделал бы! Почему бы и нет? Какое мне дело до того, что случится с этим миром, со всеми мирами, если я умру? Туда им и дорога!

Было много вопросов, на которые Кикахе хотелось бы получить ответы, но интервью вел не он. Внезапно, Орк вышел, пройдя через другую дверь. Кикаха натянул цепь, пытаясь заглянуть за нее, но дверь закрылась в его сторону и он не смог ничего рассмотреть.

Он остался со своими мыслями, в которых не было и намека на оптимизм. Он всегда хвастался, что может освободиться из любой тюрьмы, но это была, конечно, лишь похвальба. Пока что он сумел бежать изо всех мест, куда его заточали, но понимал, что, в один прекрасный день окажется в помещении, где выхода не будет. Вероятно, это было именно то место. За ним наблюдали камеры, он был прикован к цепи, которую голыми руками не разорвешь, кроме того, она могла быть проводником для чего-то, способного парализовать его или наказать, если он будет вести себя не подобающим образом.

Это не помешало ему попытаться порвать или перекрутить ее, так как не мог позволить себе принимать что-либо наверу. Цепь осталась невредимой и он предположил, что его действия весьма позабавили тех, кто за ним наблюдал.

Он прекратил эти игры и воспользовался туалетным оборудованием. Потом он прилег на диван и некоторое время размышлял о своем бедственном положении. Никаких неудобств из-за того, что он был голым, он не испытывал. Воздух в помещении был всего на

несколько градусов меньше температуры его тела и сквозняка практически не было. Через некоторое время он уснул, не придумав никакого плана, который мог бы считаться разумно работоспособным.

Когда он проснулся, в комнате все было как и прежде. Свет, который лился из неведомого источника, делал невозможным определение точного времени. Температура воздуха тоже не изменилась. Когда он сел, то обнаружил поднос с чашками, тарелками и столовыми приборами на тонконогом деревянном столике около дивана. Он и не подумал, что не смог бы заметить вошедшего с подносом, если бы его одурманили при помощи наркотика. Казалось, более вероятным предположить, что у столика есть открывающиеся крышки и что поднос попал именно так.

Кикаха с жадностью поел. Столовые приборы оказались сделанными из дерева, а тарелки и чашки из олова, с изображенными на них стилизованными спрутами, дельфинами и омарами. Покончив с едой, он покодил по камере примерно с час в пределах досягаемости цепи. Он попробовал думать, что он смог бы сделать с вратами, если эти врата и впрямь существуют в деревянной поверхности стола. В конце своей прогулки, повернувшись лицом к столу, он заметил, что поднос исчез. Подозрения его оказались верными—в поверхности стола были врата.

В камере раздался какой-то звук—по крайней мере, так ему показалось. Но на самом деле была тишина. Господа старых времен разрешили проблему шумов, вызываемых внезапным исчезновением предметов. Воздух не врывался в созданный исчезновением вакуум, так как устройство врат включало одновременный обмен воздуха между вратами в обоих концах.

Примерно через час Орк вошел в ту же дверь, через которую вышел. Его сопровождали два человека, один из которых держал шприц. Оба носили юбки-кильты. У одного кильт был в черно-красную полоску, у другого—белый со стилизованным осьминогом с большими голубыми глазами. Кроме кильтов, кожаных сандалий, бус и металлических медальонов на концах ожерелья из бус, они ничего не носили. Отличались они темной кожей, а их лица выглядели средиземноморскими, чем и напомнили ему об индейцах. Прямые черные волосы были заплетены в две косички. Одна косичка спадала на спину, другая сворачивалась спиралью на правой стороне головы.

Орк заговорил с ними на языке, неизвестном Кикахе. Он казался ему смутно похожим на еврейский, либо на арабский, но только из-за звуков. Он слишком мало был знаком с этими обоими языками, чтобы суметь определить их.

Пока один стоял в стороне, прицеливаясь в Кикаху из арбалета,

другой подошел к нему. Орк приказал ему подвергнуться инъекции, сообщив, что если он откажется и окажет сопротивление, то ему всадят шприц из арбалета. И боль что за этим последует будет продолжительной и интенсивной. Кикахе оставалось лишь подчиниться, поскольку ничего другого он сделать не мог.

После инъекции он ничего не ощущал, но на все вопросы Орка отвечал без малейшего колебания. Помрачнения или оглушенности он не чувствовал. Он мыслил так же ясно, как и обычно. Он просто не мог сопротивляться Орку в выдаче всех сведений, которые его интересовали. Но именно это и удерживало его от упоминания о Роге Шамбаримена. Орк о нем не спрашивал, да у него и не было для такого вопроса никаких причин. Он же не знал, что Рог принадлежит Вольфу или как его знал Орк—Джадавину.

Однако, вопросы Орка открыли почти все прочее, что было ценно для него. Он кое-что знал о жизни Кикахи на Земле до той ночи в Блумингтоне, когда Пол Янус Финнеган случайно катапультировался из этой вселенной в Многоярусный Мир. Он узнал побольше о жизни Кикахи с той поры, как Финнеган стал Кикахой, а также Хорстом фон Хорстманом и дюжины других личностей. Он узнал о Вольфе-Джадавине, о Хрисенде и Анане, о вторжении Черных Колокольников и о других относящихся к делу обстоятельствах. Он узнал многое и о деятельности Кикахи и Ананы с того момента, как они прошли через врата в пещеру неподалеку от озера Эрроухэд.

—Если бы я позволил тебе, Анане и Вольфу с Хрисендей вернуться в ваш мир, — спросил Орк, — ты остался бы там и не попытался бы вернуться сюда?

—Конечно, — ответил Кикаха, — при условии, что я был бы наверняка уверен, что Колокольник мертв.

—Хммм. Однако, твой Многоярусный Мир кажется весьма завораживающим. Джадавин всегда отличался превосходным воображением. Думаю, что мне захотелось бы добавить его к своим владениям.

Именно этого и ожидал Кикаха.

Орк снова улыбнулся:

—Интересно, что бы ты сделал, если бы узнал, где бывало я жил и где теперь в центре власти сидит Уртона.

—Я отправился бы туда и убил бы тебя или Уртона. Спас Анану, Вольфа и Хрисенду, а потом стал бы искать Колокольника, пока не нашел бы и не уничтожил его. А потом вернулся бы в свой мир, точнее говоря, мир Вольфа.

Орк принял задумчивый вид и некоторое время расхаживал взад-вперед. Вдруг он остановился и посмотрел на Кикаху. Он улыбнулся так, словно его осенила блестящая мысль.

—Ты заставил меня подумать, что ты очень хитрый и изобретательный,—заметил он. Ты настолько хитер, что я мог бы подумать, что ты Господь, а не всего лишь земляшка-лаблаббий.

—У Ананы возникла безумная мысль, что я могу быть сыном Господа. Она считает, что я могу быть твоим сыном.

—Что?—переспросил Орк и внимательно посмотрел на Кикаху, а потом начал смеяться. Когда приступ смеха прекратился, он вытер глаза и проговорил:—Ну и приятное же ощущение! Давно уж я так не смеялся... сколько? Неважно. Так ты в самом деле думаешь, что ты можешь быть моим ребенком?

—Не я,—поправил Кикаха,—Анана. Она любит порассуждать об этом, так как еще оправдывает себя за то, что она влюблена в лаблаббия. Если бы я оказался Господом хоть наполовину, то это оказалось бы для нее более приемлемым. Но безусловно, эта мысль—попытка выдать желаемое за действительное.

—У меня нет никаких детей, потому что я хочу как можно меньше вмешиваться здесь в естественное развитие, хотя один-другой ребенок не смогут вызвать большой разницы. Но ты, я полагаю, можешь быть ребенком другого Господа. Но ты сбил меня с темы, ты весьма хитер. Наверное, я смогу тебя использовать.

Он снова умолк и снова стал расхаживать взад-вперед, опустив голову и сцепив руки за спиной. Затем он остановился, посмотрел на Кикаху и улыбнулся.

—Почему бы и нет?—Посмотрим, насколько ты хороший. Проиграть я не могу, что бы там не случилось, а выиграть могу.

Кикаха догадался, что мог предложить ему Орк. Он собирался сообщить ему адрес Уртона, доставить его туда, обеспечить его кое-каким оружием и позволить ему атаковать Уртона, как он пожелает. Если Кикаха и потерпит неудачу, то все-таки отвлечет Уртона, так что Орк сможет использовать это обстоятельство в собственных интересах.

В любом случае будет забавно посмотреть, как лаблаббий попытается вторгнуться в средоточие власти Господа.

—А если у меня получится?

—Это крайне невероятно, поскольку я пока не добился никакого успеха. Хотя конечно, по-настоящему этим еще не занимался. Но если ты преуспеешь, а меня подобная вероятность не беспокоит, то я разрешу тебе, твоей любовнице и твоим друзьям вернуться в ваш мир. При условии, конечно, что все остальные тоже поклонятся, находясь под действием надлежащих наркотиков, что у них нет никаких намерений посягать на любую из Земель.

Кикаха не поверил ни единому его слову, но не видел никакой выгоды сообщать об этом Орку. Коль скоро он сможет выбраться из этой камеры и обрести некоторую свободу действий—хоть и под при-

стальным наблюдением Орка—у него появятся кое-какие шансы против Господов.

Орк что-то сказал на неизвестном Кикахе языке в нарочное устройство и через мгновение появился еще один человек. Его кильт был красным, на нем была черная стилизованная птица с серебряной рыбой в когтях. Он принес кое-какие бумаги и подал Орку. Поклонился и исчез.

Орк сел рядом с Кикахой.

Бумаги оказались картами центрального района Лос-Анджелеса и Беверли Хилл.

—Вот дом где я жил, и где теперь живет Уртона,—сказал Орк.—Дом, который ты искал и где сейчас, без сомнения, держат Анану и всех остальных. Или по крайней мере, туда их доставили, когда захватили.

Описанные Орком защитные системы в доме заставили Кикаху ощутить себя весьма уязвимым. Кроме того Уртона, наверное, внес изменения в расположение защитных систем. Но хотя конфигурация ловушек могла быть иной, в основном, их конструкция осталась прежней.

—Почему же ты не попробовал напасть раньше?

—Пытался,—ответил Орк,—несколько раз. Мои люди проникали в дом, но я их больше никогда не видел. Последняя попытка была сделана три года назад. Если у тебя ничего не получится,—продолжал Орк,—то я пригрожу Уртону Колокольником. Однако, я сомневаюсь, что с этого будет толк, поскольку он сочтет немыслимым, что Господь может совершить такое.

Тон его говорил о том, что он не думает, что нападение Кикахи увенчается успехом.

Он хотел выяснить планы Кикахи, но тот смог лишь сказать ему, что таковых у него нет, если не считать планами попытки импровизаций. Он хотел только, чтобы Орк применил свои приборы для искаżenia показаний защитных устройств.

Орк возражал против того, чтобы одолжить Кикахе антигравитационный пояс. Что если он попадет в руки земляшек?

—Шансов на это немного,—отверг его довод Кикаха. Коль скоро я окажусь на территории Уртона, я либо преуспею, либо потерплю поражение. В любом случае пояс не попадет в руки постороннего. А даже если и попадет, то тот, кто станет Господом, будет обладать достаточным влиянием, чтобы позаботиться об изъятии его из рук кого бы то ни было. Я уверен, что если бы даже он попал в руки ФБР Господь двух Земель сумел бы найти способ отнять его у них. Верно?

—Верно,—согласился Орк.—Но не замышляешь ли ты убежать с поясом, а не напасть на Уртона?

—Нет. Я не остановлюсь до тех пор, пока не погибну или стану совершенно недееспособным, чтобы драться или, одержу победу.

Орк этим удовлетворился и Кикаха понял, что наркотик правды еще действовал. Орк встал и сказал:

—Я приготовлю для тебя все. Это займет некоторое время, так что ты можешь отдохнуть или делать, что тебе кажется наилучшим. Мы приступим сегодня в полночь.

Кикаха поинтересовался, нельзя ли с него снять цепь и кандалы.

—Почему бы и нет? —ответил Орк.—Ты все равно не сможешь отсюда выбраться. Это все было лишь предосторожностью.

Один из людей, одетых в кильты, прикоснулся к кандалам вокруг его щиколоток тонким цилиндром. Кандалы разомкнулись и спали. Пока двое отступали от Кикахи, пятясь задом, Орк вышел. Потом дверь закрылась и Кикаха остался один.

Оставшееся время он провел в размышлениях, занимался кое-какими упражнениями, потом пообедал и поужинал. Затем он побрился, помылся, снова позанимался физическими упражнениями и лег спать. Скоро ему понадобятся его сила, скорость реакции и проворство, так что было бессмысленно растрачивать силы на беспокойство и бессонницу.

Он не знал сколько проспал. В камере по-прежнему горел свет и все казалось таким же, как и когда он лег. На столе все еще стоял поднос с пустыми тарелками и чашками. И вот это-то, сообразил он, было неверной нотой, подносу, полагалось быть убранным через врата.

Звуки, разбудившие его, казались слабым постукиванием. Когда он спал, ему снилось или он думал, что ему снилось, будто дятел долбит ствол дерева.

Теперь же вокруг было тихо.

Он поднялся и подошел к двери, которой пользовались Орк и его слуги. Она была стальной, как он установил после того, как его спустили с цепи. Он приложил к двери ухо и прислушался. И ничего не услышал. А потом резко отпрыгнул назад, выругавшись. Металл внезапно стал горячим.

Пол задрожал так, будто началось землетрясение. Металлическая дверь издала серию звуков и он понял, откуда появился сон о лягле. Что-то было по двери с той стороны.

Он отступил от нее, когда центр двери стал вишневым и начал плавиться. Красный цвет распространился по двери, потом все стало белым, и наконец, центр двери исчез, появилась дыра размером с тарелку. К этому моменту Кикаха уже пригнулся за диваном и выглядывал из-за его края. Очевидно, кто-то пытался найти замок. Его

там не было, так что рука убралась, а через мгновение край двери стал вишнево-красным. Кикаха подозревал, что кто-то использует лучемет, и гадал, что это за металл. Будь он даже самой твердой сталью, ему полагалось бы испариться в облаке дыма при первом же прикосовении луча.

Дверь с лязгом упала внутрь. В комнату впрыгнул человек, державший большой цилиндр с колоколообразным дулом и прикладом как у винтовки. Это был один из одетых в кильты слуг. Но на спине его был предмет, похожий на черный колокол, который был прикреплен к его плечам.

Кикаха обхватил все это одним взглядом и мгновенно убрал голову. Он скрючился за диваном, надеясь, что ворвавшийся не заметил его и не станет в порядке предосторожности проводить лучом по дивану, чтобы убедиться, что там никого нет. Он теперь знал, кем был этот человек. Кем бы он ни был, теперь он был Черным Колокольником,—Табуузом. Разум Колокольника вселился в разум слуги Господа, а разум слуги подвергся разрядке.

Каким-то образом Колокольник сумел заполучить свой колокол и переправить свой разум из раненного тела дракладца в тело слуги Господа. Он сумел завладеть мощным лучеметом и теперь находился на пути к тому, чтобы вырваться из твердыни Рыжего Орка.

Помещение заполнял запах горелого мяса, должно быть, от тел в соседнем помещении.

Кикахе безумно хотелось выяснить, что делает Колокольник, но он не посмел снова выглянуть из-за дивана. Он слышал дыхание Колокольника, а потом вдруг оно пропало. Выждав секунд шестьдесят и ничего не услышав, Кикаха выглянул. Комната оказалась пустой. Через секунду он был в этом уверен. Вторая дверь та, через которую вошли Орк, Кикаха и люди Орка была широко распахнута. Замок был прожжен насеквозд.

Кикаха осторожно выглянул из-за двери. Там валялись части человеческих тел: руки, туловище, голова, все сильно обгоревшие. Сначала тут, вероятно, было человек пять, а может, и четыре. Определить кто из них был Рыжим Орком, было невозможно, поскольку и волосы и одежда сгорели.

Где-то тихо звенела сигнализация.

Кикаха разрывался между желанием идти дальше по следу Колокольника, чтобы не потерять его, и желанием выяснить, жив ли еще Рыжий Орк. Кроме того, ему ужасно хотелось подтвердить свои подозрения насчет того, что он находится на известной ему Земле. Он подозревал, что дверь, через которую его провели, служит вратами между двумя мирами и что этот дом находится на Земле номер два.

Он вышел в коридор. На полу валялось несколько ножей, но они

оказались слишком горячими, чтобы их можно было подобрать. Он прошел по коридору дальше и вошел в очень большое помещение. У него была куполообразная форма со стенами, покрытыми фресками, которые изображали жизнь моря. В помещении стояла легкая мебель сделанная из дерева, неизвестного ему стиля. На полу была каменная мозаика, изображающая жизнь моря и его обитателей.

Он пересек помещение и выглянул в окно. Луна давала достаточно света, чтобы разглядеть широкое крыльцо с выкрашенными в белый цвет высокими деревянными столбами, а за ним—каменистый берег, через сотню ярдов спускавшийся к морю. Вокруг никого не было видно.

Он порыскал по дому, пытаясь соединять быстроту и осторожность. Нашел ручной лучемет, изготовленный так, что он не отличался от обыкновенного пистолета. На рукоятке были значки, которые не являлись письменным языком Господов, или какого-либо известного ему языка. Кикаха опробовал его на стуле, который распался как раз по середине. Для перезарядки пистолета Кикаха не смог найти никаких батарей, так что узнать, насколько большой заряд остался в пистолете, он не смог.

Он обнаружил так же шкафы с одеждой. Большинство ее составляли кильты, сандалии, бусы и куртки с пышными рукавами. Но в одном из шкафов он нашел одежду земного типа. Земли номер один, и одел слишком большие для него рубаху и брюки. Поскольку носить большие ботинки он не мог, ему пришлось удовольствоваться сандалиями.

Наконец, в большой спальне он нашел, как удалось сбежать Рыжему Орку. В центре спальни на полу лежал полумесец. Господь шагнул в круг, образованный двумя полумесяцами, и его перекинуло куда-то в другое место. Было очевидно, что он сделал это, чтобы спастись. Дверь и стены покрывали тонкие отверстия, которые обуглились. Вполне вероятно, что Орк оказался застигнутым не только без личного оружия, но и посчитал, что сталкиваться с большим лучеметом—это уже чересчур.

Орк ушел через врата, но куда? Он мог вернуться на Землю номер один, но не обязательно в тот же дом. Или же мог отправиться в другое место на Земле номер два. А может, даже в другую комнату в этом же доме.

Кикаха должен выбраться из этого дома и отправиться за Колокольником. Он побежал по лестнице, пробежал через большую комнату, по коридору в помещение, где его держали. Дверь, через которую ушел Колокольник, все еще была открыта. Кикаха постоял перед ней в нерешительности, потому что Колокольник вполне мог подождать, не последует ли кто-нибудь за ним. Затем ему пришло в

голову, что Колокольник должен считать, что все в доме либо сбежали от него, либо погибли, так что следовать за ним некому. Конечно, о другом пленике он ничего не знал, иначе нашел бы его, чтобы устранить в первую очередь.

Кикаха вернулся в коридор. К этому времени один из ножей, что валялись в коридоре, уже остыл и выглядел неповрежденным. Он взвесил нож в руке и определил, что он хорошо сбалансирован и заткнул за пояс. Кикаха выпрыгнул за дверь с пистолетом наготове. В коротком и узком коридоре было тихо. Дверь в конце коридора была закрыта и он мягко толкнул ее, орудя кончиком ножа. Когда дверь распахнулась, он немного подождал, прислушиваясь.

Прежде чем войти, он изучил комнату. Она изменилась. Стала больше, а серо-голубые обои превратились в серый камень. Кикаха ожидал, что подобное может случиться. Рыжий Орк изменил резонанс врат так, что если бы пленик сбежал, то оказался бы в удивительном месте, скорее всего неприятном, и полном сюрпризов.

При других обстоятельствах Кикаха бы повернулся обратно и отыскал бы выключатель, устанавливающий врата на желаемую частоту. Но теперь, его первым долгом, было выручить попавших в руки Уртона. К чертям Колокольника! Лучше всего будет и в самом деле вернуться на Землю номер один и начать атаку против Уртона.

Он повернулся, чтобы вернуться обратно, но вдруг остановился. Помещение тоже изменилось, хотя он и не узнал бы об этом, если бы дверь с другой стороны не была удалена Колокольником. Эта же дверь выглядела точно такой же, но была целехонька и оставалась на месте. Только это и удержало Кикаху от попытки шагнуть в нее и оказаться, таким образом, переправленным через врата в другое место, где он был бы отрезан от Колокольника и плеников Уртона.

Кикаха стиснул зубы и зашипел от ярости и досады. Теперь ему ничего не оставалось как воспользоваться вторым, по степени желательности вариантом и прицепиться к Колокольнику, надеясь, что сумеет найти выход.

Кикаха вернулся и снова прошел через дверь за Колокольником, соблюдая всю ту же осторожность.

Комната, куда он попал, казалось не таила опасности, а та, что находилась за ней, возможно, подскажет ему, где он находится. Однако она оказалась точно такой же, как и предыдущая, исключая то, что в ней стояли какие-то черные металлические ящики, примерно в шесть квадратных футов каждый, сваленные вдоль стен почти до потолка. На них не было видно никаких замков или устройств, закрывающих их.

Он медленно открыл следующую дверь, поглядел внутрь, а потом впрыгнул. Он очутился в большой комнате, меблированной креслами, диванами, столами и украшенной скульптурами. В середине комнаты находился большой фонтан. Мебель выглядела так, словно ее изготоили сами Господа. Хотя Кикаха и не знал названия этого стиля, он его узнал. Часть потолка и одна сторона правой стены были покрыты резьбой и совершенно прозрачны. Земля на некотором расстоянии оставалась невидимой, а потом вдруг появлялась в поле зрения. Тысячу футов под уклон до конца долины, что тянулась прямо и ровно несколько миль, а затем становилась склоном небольшой горы.

Снаружи был день, но свет был бледным, хотя был полдень. Солнце казалось меньше земного, а небо было черным. Земля оказалась каменистой с несколькими участками красноватого песка, а по склону и в долине росли в большом отдалении друг от друга несколько кактусовидных растений. Издали они выглядели маленькими, но через некоторое время он понял, что они должны быть огромными.

Кикаха внимательно изучил комнату и удостоверился, что дверь в следующую комнату закрыта. Затем снова выглянул в окно. Сцена выглядела пустынной и жуткой. Ничего не двигалось и, вероятно, ничего не перемещалось здесь тысячи лет. Или так ему казалось. Он мог видеть дальше конца горы, на которой стояло здание, и конец другой горы. Горизонт находился ближе, чем ему полагалось бы.

Кикаха не имел понятия, где он находится. Если его перенесло в другую вселенную, то он этого, вероятно, никогда и не узнает. Если же его перенесло на другую планету его родной вселенной или ее дубля, то скорее всего он на Марсе. Размер солнца, красноватый песок, расстояние до горизонта, тот факт, что воздуха хватало для поддержания растительности — если это была растительность — и даже появление беловатого тела, приближающегося с западной стороны неба, указывало на то, что это Марс.

При всем, что он знал, это здание простояло на Марсе пятнадцать тысяч лет, с самого сотворения этой вселенной.

В этот момент что-то перелетело через гору и спланировало на дно долины. Размах крыльев достигал у него, при оценке на глазок, ярдов пятьдесят и выглядело оно как гибрид коршуна, птеродактиля и воздушного шара. Кости на крыльях казались тонкими, словно оловянная фольга, хотя на таком расстоянии нельзя было быть в этом уверенным.

Кожа крыльев выглядела тоньше папирской бумаги. Тело было похоже на большой мешок и производило впечатление, что оно наполнено газом. Хвост раздвигался в любопытную конфигура-

цию, походившую на шесть коробчатых змеев. Его нижние конечности с широкими многопальными ступнями было исключительно тонкими, но многочисленными, и распространялись вниз, словно сложное оборудование для посадки, чем они, вероятно, и были на самом деле.

Оно спланировало весьма быстро и грандиозно. Даже при подъеме громадных крыльев и хвоста в более легком, чем воздух, газе содержавшимся в теле, ему приходилось планировать под крутым углом. Должно быть, воздух был очень разряженный.

Существо отбросило огромную тень на один из гигантских кактусов, а потом опустилось, словно падающий небоскреб, на растение. В воздухе поднялась красная пыль и осела быстрее, чем это произошло бы на Земле.

Туша чудовища полностью скрыла растение. Оно воткнуло свой рапирообразный нос между лап и, надо полагать, в растение. И застыло там столь же неподвижно, как и кактусоиды.

Кикаха следил за ним, пока ему не пришло в голову, что Колокольник, возможно, занимается тем же. Если это так, то Кикахе будет легче застать его врасплох. Он прошел через следующую дверь также, как через предыдущую, и оказался в комнате в десять раз большей, чем только что оставленная им. Ее наполняли большие металлические ящики и пульты со множеством кнопок и индикаторов. В ней тоже было окно с видом на долину.

Никакого Колокольника, однако, там не оказалось. Кикаха прошел дальше. Новая комната была небольшой и обставлена всем, что могло понадобиться человеку. Посреди комнаты на полу лежал скелет.

Не было видно как и от чего он умер. Скелет принадлежал рослому мужчине. Зубы у него были в превосходном состоянии. Скелет лежал на спине, раскинув костлявые руки.

Кикаха подумал, что это скелет какого-нибудь Господа, либо вошедшего в эту крепость на Марсе через врата в какой-то другой вселенной, либо где-то попавшего в ловушку, устроенную Рыжим Орком. Это могло произойти и десять тысяч лет назад и пятьдесят лет назад.

Кикаха поднял череп и понес его в левой руке. Ему могло понадобиться что-нибудь в качестве метательного орудия или как что-то отвлекающее. Его позабавила мысль об использовании черепа бывшего Господа, давно умершего, против Колокольника.

Следующая комната была выполнена в виде грота. В центре ее находился бассейн. Шириной примерно ярдов в шестьдесят и длиной в ярдов триста. Слева небольшой водопад низвергался с вершины гранитного конуса. Тут было несколько гранитных конусов и небольших холмиков, на которых росли странные на вид растения, крошеч-

ный ручеек, вытекающий из ключа на одном из кактусов и огромные, похожие на водяные лилии растения в бассейне.

Когда Кикаха медленно шел по мокрому вязкому краю бассейна, его поразило существо красноватого цвета, прыгнувшее с водяной лилии. Оно взмыло, вытянув за собой лягушачьи ноги, а потом плюхнулось в воду. Через мгновение оно всплыло и повернулось лицом к человеку. Морда у него была похожа на лягушачью, но глаза были перескопами из кости и хряща, а пупырчатая кожа, столь же красного цвета, что и песок на поверхности за окном.

В глубине бассейна виднелось несколько рыбовидных тел. Там, должно быть, водилось что-то, чем питалась эта лягушка, и что-то, что питалось лягушкой. Экология этой крошечной комнаты была, должно быть великолепно сбалансирована. Он сомневался, что Рыжий Орк часто наведовался сюда, чтобы проверить это.

Он стоял у края бассейна, когда заметил, что дверь в противоположном углу комнаты начала открываться. Времени бежать куда-либо у него не было из-за того, что ему пришлось бы преодолеть немалое расстояние. Справа от него прятаться было негде, а слева—был только бассейн. Задержавшись с выбором не больше секунды, он предпочел бассейн и соскользнул по вязкому краю в воду.

Она оказалась достаточно теплой, чтобы не повернуть его в шоковое состояние, но ощущение маслянистости в ней было. Он заткнул за пояс лучемет и, все еще держа в руке череп, нырнул, оттолкнувшись от края бассейна ногами. Он погрузился в глубину и проплыл под водой как можно дальше. Когда он всплыл на поверхность, то постарался сделать это медленно и вдоль стебля лилии. Вынырнув он держал голову под листом растения и надеялся, что Колокольник не заметит этой выпуклости. Все, прежние комнаты были освещены ярко и с ровной интенсивностью из скрытых источников освещения Господов. Но эта была освещена лишь лившимся из окна светом и благодаря этому в ней были как бы сумерки.

Одной рукой Кикаха вцепился в стебель растения и украдкой выглянул из-под приподнятого края листа. Увиденное чуть не вызвало у него восхищения. К счастью для него, он сумел удержаться, поскольку его рот был под водой.

Вдоль края бассейна плыл черный колокол на высоте примерно семь футов над полом.

Он медленно проплыл мимо, а потом остановился у двери. Через секунду вошел Колокольник и уверенно двинулся к колоколу.

Кикаха постепенно начал понимать, что произошло в доме Рыжего Орка.

Находясь в лабораториях Вольфа, Колокольник, должно быть, оснастил свой колокол антигравитационным устройством. И должно быть, он добавил еще что-то для управления этим устройством при

помочи мысли даже на расстоянии. Пока он находился на Земле, он не мог воспользоваться им, да и не имел для этого никаких причин, пока не попал в плен к Рыжему Орку. Затем, когда он достаточно опправился от раны, использовал свой шанс и мысленно вызвал колокол. Или, если точнее, вызвал у себя мозговые волны такой длины, какие мог уловить колокол. Управление, должно быть, было очень грубым и ограниченным в расстоянии, но оказалось достаточно эффективным.

Таким-то образом колокол, действуя по команде, освободил Колокольника. А тот захватил одного из людей Орка, разрядил его мозг и перевел свой разум из поврежденного тела Табууза в мозг слуги.

Колокол мог уловить мысленный зов своего хозяина, когда выпускал из двух нижних отверстий две крошечные антенны-буры. Материал, из которого был сделан колокол, уничтожению не поддавался, он был непроницаем даже для радиации. Антенны должны были выдвигаться автоматически и «слушать» мозговые волны Колокольника. Колокол «услышал» и откликнулся. Колокольник выбрался на свободу, обрел оружие и начал действовать, убивая. Он преуспел, и возможно, даже убил Рыжего Орка, хотя Кикака в этом не был уверен.

Потом он вошел во врата и его перекинуло в здание на Марсе.

Кикака следил за приближением Колокольника. Не будучи больше в состоянии держать череп и одновременно управлять лучеметом, он бросил череп. Тот бесшумно погрузился в глубину. А Кикака, держась одной рукой за стебель, другой вытащил из-за пояса лучемет. Колокольник дошел до двери, остановился и подождал, пока колокол не проплынет мимо него.

Очевидно, колокол мог также засекать и другие живые существа. Но все же диапазон его, должно быть, оставался ограниченным, иначе он бы наверняка засек Кикаку, проплывая мимо. Вероятно, что вода и лист водяной лилии защитили его от зонда колокола, послужив своего рода экраном.

Кикака подтянулся повыше и поднял над поверхностью лучемет. Прицелился из-под листа в Колокольника. Необходимо было его свалить первым же ударом луча. Если промахнуться, то Колокольник скроется за дверью и Кикаке придется столкнуться с орудием куда более мощным, чем у него.

Если он не попадет в Колокольника, луч разрежет стену здания и воздух рванется в разряженную атмосферу Марса. И тогда им обоим каюк.

Колокольник подставлялся профилем. Кикака устойчиво держал лучемет, нацелив его так, чтобы тонкий, как нить, луч прокол дыру

в бедре Колокольника. Тогда, когда он упадет он будет разрезан на двое.

Палец его начал нажимать на гашетку. Вдруг от боли в лодыжке он чуть не закричал. Боль была настолько сильна, что он чуть не потерял сознание от шока, вызванного ею. Он согнулся пополам и вода ворвалась в него. Он поперхнулся. Рука выпустила стебель растения, а из другой выпал лучемет.

В хорошо освещенной глубине он заметил быстро уплывающую лягушкообразную тварь и понял, что именно она и укусила его. Он всплыл наверх, поскольку ему было нужно глотнуть воздуха, понимая, что Колокольник с легкостью прикончит его, если услышит.

Он вынырнул и усилием воли удержался и не стал отрыкиваться и отплевываться. Голова его вновь оказалась под прикрытием листа и он осторожно выплюнул попавшую в рот воду. И тут увидел, что Колокольник исчез.

В следующую секунду он снова согнулся от боли. Лягушка вернулась и опять укусила за ногу. Из ран лилась кровь и окрашивала воду. Он быстро подплыл к краю бассейна и одним движением выскочил из воды. Ноги у него дрожали.

Стоя около бассейна он снянул с себя рубашку и, разорвав ее на полосы, перевязал раны. Зубы у этой твари, должно быть, такие же острые, как у акулы. Они прорезали ткань штанов и отхватили кожу и мясо. Но раны оказались неглубокие.

Должно быть, Господь сильно веселился, когда запускал в этот бассейн жестокого маленького хищника.

Кикахе веселиться не приходилось. Он не знал, зачем Колокольник подался в соседнюю комнату, но подозревал, что скоро он вернется. Ему нужно было спрятаться, но ему был нужен и лучемет. Не то, что бы он не сумел его достать. До тех пор, пока лягушкообразная тварь не покинет бассейн, сделать этого он не сможет.

Все-таки у него остался нож. Кикаха вытащил его из-за пояса и держал в зубах, пока плескал на дорожку, где накапала его кровь. Затем он выпрямился и похромал мимо бассейна в следующую комнату. Он прошел через коридор с голыми стенами. Комната за ним была такой же, как и комната с бассейном. Ее отличало тепло и влажность и заполняла растительная жизнь, не похожая ни на земную, ни на марсианскую. Правда, он пока не видел никакой марсианской растительности, кроме кактусов в долине. Но эти растения были такими высокими, зелеными, пахучими, мясистыми и настолько густо растущими, что было просто не похоже, что они могут жить в марсианском разряженном воздухе.

Одна сторона стены оставалась прозрачной и сквозь нее был виден серый туман. И все. Как он не напрягал глаза, не смог увидеть

ничего, кроме серого тумана. И он не выглядел водяным туманом, а состоял из тысяч мельчайших частиц. Больше похожих на какую-то пыль, подумал Кикаха.

Наверняка он больше не на Марсе. Пройдя из коридора в эту комнату, он шагнул через врата, мгновенно перебросившие его в здание на какой-то другой планете или спутнике. Гравитация, кажется, не отличалась от земной, так что он, должно быть, на планете скожего размера. Это, плюс облако, заставило его подумать, что он, вероятнее всего на Венере.

Вдруг он сообразил, что гравитация в здании на Марсе должна быть много меньше земной. Насколько меньше? В шесть раз? Он не знал, не помнил, но знал, что если бы подпрыгнул, взлетел бы намного выше, чем полагалось бы.

Но то здание находилось на Марсе, Кикаха был в этом уверен. Это означало, что здание было снабжено устройствами, гарантирующими локальную земную гравитацию. А еще это означало, что это здание могло находиться, скажем на Юпитере, и тем не менее, гигантское притяжение будет сведено к нулю устройствами Господов.

Кикаха пожал плечами. На самом-то деле не имело никакого значения, где он находился, если нельзя выжить за пределами здания. Проблема, которую ему требовалось разрешить, состояла в том, чтобы остаться в живых и найти дорогу обратно на Землю. Он прошел еще один голый коридор, а затем попал в сумрачно освещенное громадное помещение, размером примерно с Большой Центральный Вокзал в Нью-Йорке. Оно имело форму купола и было заполнено серебристой металлической жидкостью, исключая узкую дорожку вдоль стены и небольшого круглого островка в середине. С виду металл походил на ртуть, а дорожка описывала в помещении полный круг. Вдоль стены не было никаких признаков какого-либо отверстия.

Островок находился примерно в пятидесяти ярдах от стены. Его поверхность лишь на фут выступала над неподвижной гладью ртутного озера. Островок казался каменным, а в самом его центре возвышался металлический обруч, установленный вертикально.

Кикаха сразу же понял, что это врата и если он сможет добраться до них, то его переправят в место, где у него, по крайней мере, будет больше шансов. Таково было правило игры. Если пленник окажется достаточно умным, достаточно сильным и достаточно быстрым — и самое главное, достаточно везучим — он может освободиться.

Он ждал у двери, потому что прятаться было больше негде. Ожидая, он попытался вспомнить, не было ли в других помещениях чего-нибудь такого, что он мог бы использовать вместо лодки. В голову

ему ничего не пришло, кроме одного из диванов, но он сомневался в том, что диван может оказаться плавучим. И все-таки стоило попробовать. Но как гнать по ртути медленно тонущий или скорее быстро тонущий тяжелый предмет?

Пока не попробуешь — не узнаешь. Эта мысль отнюдь не развеселила его. А потом он подумал: а может ли человек плавать в ртути? Кроме того, если он правильно помнил уроки химии, от ртути поднимаются ядовитые испарения.

Теперь он вспомнил несколько фраз из занятий по химии в средней школе. Это было давным-давно, еще в 1936 году и в его настоящем мире: «Не смачивает стекло, не образует выпуклую поверхность, находясь в стеклянном сосуде... обладает слабой летучестью при ординарных температурах и опасна для здоровья из-за отравляющего воздействия... во влажном воздухе постепенно тускнеет...»

Воздух в этом здании безусловно отличался влажностью, но металл не потускнел. И Кикаха не мог уловить своим носом никаких испарений и не ощущал отравляющего воздействия. Пока.

Внезапно он напрягся. Он услышал слабое шлепанье ног по камню. Колокольник оставил дверь открытой и Кикаха не трогал ее. Он стоял по другую сторону, ожидая и надеясь, что колокол не влетит сюда первым.

Он влетел. Черный предмет проплыл через дверь, находясь на высоте примерно четырех футов над поверхностью. Как только он миновал дверь, Кикаха прыгнул к двери и закрыл ее. Колокол продолжал парить на том же месте, где остановился.

Дверь осталась закрытой. Замка на ней не было и Колокольнику нужно было только толкнуть ее. Но он остерегался делать это и, должно быть, был весьма потрясен, увидев, что дверь закрылась. Он понятия не имел, ни кто находится за дверью, ни каким оружием располагает его враг. Более того, он теперь оказался в разлуке со своим колоколом, своим самым драгоценным имуществом. Если и верно, что колокол невозможно уничтожить, но верно так же и то, что его можно отобрать у Колокольника и спрятать его.

Кикаха побежал к двери, надеясь, что Колокольник не выстрелят по ней в этот момент из лучемета. Он ухватился обеими руками за колокол и толкнул его. Колокол оказал сопротивление, но тем не менее сдвинулся. Но не уступил ни дюйма по высоте.

В это мгновение металл на краю двери и стены начал краснеть и Кикаха понял, что Колокольник обратил на дверь всю мощь своего лучемета и что металл этот и впрямь очень стойкий.

Но почему Колокольник просто не откроет дверь пинком, а потом не выстрелит, стоя в дверном проеме?

Вероятно, он боялся, что его враг может спрятаться за дверью,

когда та распахнется, так что предпочел сделать так, что распахиваться будет нечему. Какими бы ни были его мотивы, он давал Кикака еще немного времени, хотя и недостаточно, чтобы добраться до островка. Колокольник справится с дверью, примерно, к тому моменту, когда Кикака будет на полпути.

Обеими руками Кикака снова ухватился за колокол и толкнул его к стене. Тот не очень-то легко продвинулся по горизонтали, но напрягаться все же нужно было не очень сильно. Кикака потянул колокол к себе, оценивая силу сопротивления. Затем с силой пихнул его вдоль стены. Колокол двигался со скоростью фута два в секунду, но скоро его скорость замедлилась и он заскреб по стене. Еще один толчок на этот раз под углом, уводящим от изгиба стены, но не позволяющим ему пролететь над поверхностью озерка. Результатом было то, что он продвинулся на большее расстояние.

Кикака взглянул на дверь. Красное пятно уже превратилось в дыру, под ним была красная линия. Очевидно, Колокольник намеревался прорезать большое отверстие или вырезать дверь целиком. В любой момент он мог прервать свое занятие и заглянуть внутрь через вырезанную дыру. Если он это сделает, то увидит своего врага и свой колокол. А с другой стороны, он мог все еще бояться использовать дыру, потому что враг мог поджидать его около этого отверстия, чтобы пальнуть в него. Кикака обладал еще одним преимуществом: Колокольник не знал, каким оружием он располагает.

Кикака поспешил за колоколом, снова схватил его, отступил, остановился у стены, потом подтянул ноги. Он повис, почти касаясь дорожки коленями и пальцами ног, но колокол не терял и миллиметра высоты.

— Вот! Ставим все! — пробормотал про себя Кикака и изо всех сил оттолкнулся от стены ногами.

Он и колокол понеслись над озером ртути к островку. Они пролетели примерно футов сорок, а потом остановились. Он посмотрел на серую жидкость внизу и медленно выпрямил ноги, пока они не оказались в металле. Он оттолкнулся от него и металл подался под его ногами, но они смогли продвинуться еще на несколько футов. И вот ему пришлось отталкиваться и снова продвигаться вперед, правда, медленно. Пот лился по лицу Кикаки, заливал глаза и разъедал их, а ноги начали зудеть, словно он пробежал не менее пары миль.

И все-таки он добрался до островка. Стоя на каменистой поверхности, рядом с высящимся от него всего в нескольких футах металлическим обручем, Кикака снова взглянул на дверь. Через нижнюю часть двери и вверх по другой стороне тянулась тонкая линия. Она внезапно изгибалась и тянулась через верхнюю часть двери. Через минуту-другую дверь упадет внутрь, а потом войдет и Колокольник.

Кикаха посмотрел сквозь обруч. По другую его сторону комнаты была видна, но он знал, что если шагнет туда, в обруч, то его переведут куда-то в другое место, вероятнее всего, в другую вселенную. Если Господь не установил этот обруч шутки ради.

Он толкнул колокол вперед себя, а потом бросился в сторону, чтобы не оказаться перед обручем. У него было достаточно опыта общения с Господами, чтобы подозревать, — на другой стороне установлена ловушка. В ловушку, чтобы та сработала, лучше всего что-нибудь бросить.⁴

Раздался взрыв, оглушивший его. Лицо и бок опалило жаром. Кикаха закрыл глаза, но ощущал свет сквозь закрытые двери. Потом он сел и открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть колокол, летящий над бассейном ртути, все еще той же высоте. Он пролетел над озером ртути и врезался в стену. Отскочив, колокол остановился в нескольких дюймах от стены.

Одновременно с этим, дверь упала внутрь помещения. Кикаха этого не услышал. Он слышал лишь звон в ушах после взрыва. Но он заметил, как нырнул через дверь Колокольник, прижимая к себе лучемет, ударился о пол, покатился и поднялся, держа лучемет наготове. К этому моменту Кикаха уже вскочил на ноги. Когда он увидел, что Колокольник заметил его, то прыгнул через обруч. Выбора у Кикахи не было. Он не думал, что ловушка сработает еще раз, поскольку у Господов не было привычки устраивать двойные ловушки. Но если ловушка с той стороны заряжена снова, то его разорвет на куски и со всеми его беспокойствами будет покончено.

Кикаха проскочил и он падал. Под ним было несколько тысяч футов воздуха, над головой — голубое небо, а прямо перед ним — тонкий горизонтальный брус. Он ухватился за него, вцепившись обеими руками в гладкое холодное железо, и закачался на вытянутых руках под бруском, концы которого были прикреплены к двум металлическим шестам, выступающим из скалы, примерно футов на двадцать.

Это было триумфом воображения и склонности к садизму со стороны Рыжего Орка. Если пленник окажется достаточно беззаботным, чтобы пройти сквозь обруч, не отправив впереди себя какой-нибудь предмет, его разорвет на куски до того, как он упадет и разобьется насмерть. А если он не прыгнет, а шагнет через врата, то не дотянетсѧ до бруса.

А если схватит брус, что потом?

Человек, менее храбрый и сильный мог бы упасть. Кикаха не стал терять время зря. Он протянул руку и ухватился за опорный

шест. И так же быстро выпустил его, ругаясь и раскачиваясь на одной руке.

Опорный шест оказался чересчур горячим для прикосновения,

Перебирая руками вдоль бруса, Кикаха добрался до второго опорного шеста и прикоснулся к нему. Тот был точно таким же горячим.

И все-таки металл был не так горяч, чтобы нельзя было воспользоваться шестом. Правда, он причинил Кикаке столь сильную боль, что тот подумывал выпустить шест. Но все равно вцепился в него и, наконец, терпя жуткую боль, он перетащил себя через край скалы. С минуту он лежал на краю скалы и стонал. Ладони и пальцы были в таком состоянии, будто он получил ожоги третьей степени. Выглядели они, правда, словно недолго побывали рядом с огнем, а не в огне. Боль быстро утихла.

Обследование своего положения были недолгим, поскольку смотреть было особенно не на что. Он находился на вершине столпа из черного твердого камня. Вершина была шире подножья, а стенки — гладкими, словно пушечный ствол. Повсюду, насколько он мог видеть, расстилалась безжизненная каменная равнина и текла река. Она раскалывала описываемый горизонтом круг, а потом сама раскалывалась, когда доходила до колонны. По другую сторону она вновь соединялась и несла свои воды дальше в горизонту.

Небо было голубое и желтое солнце находилось в зените.

Вокруг столпа, неподалеку от его подножия на всех основных точках компаса, располагалось по гигантскому обручу. Одни из них означали для него возможность попасть туда, где он мог выжить, если, конечно, правильно угадает. Остальные, вероятно, означали верную гибель, стоит ему пройти через них.

Его непосредственной заботой были не они. На данный момент, конечно. Сперва требовалось спуститься со скалы, и он не знал, как это сделать.

Кикаха вернулся к выступающему из скалы шесту. Колокольник мог вот-вот оказаться готовым пройти через врата. Даже если он и не захочет, он будет вынужден это сделать. Это был единственный путь.

Минуты шли, превращаясь в часы. Солнце прочертило дугу вниз от зенита. Кикаха шагал взад-вперед, чтобы размяться и ускорить ток крови в ногах и ягодицах. Вдруг из голубого воздуха появились рука и нога. Колокольник, находясь с другой стороны врат, зондировал поверхность.

Стопа подвигалась туда-сюда, ища опору и находя лишь воздух. Потом она убралась и через несколько секунд из воздуха появилось лицо Колокольника.

Нож Кикахи превратился в серебряную палочку, летевшую в

направлении лица Колокольника. Оно отдернулось обратно, а нож поглотило небо в точке примерно на фут ниже места, где было лицо Колокольника.

Врата не были односторонними. Это показало исчезновение ножа. Тот факт, что Колокольник мог просунуть через них часть тела, а потом убраться, не имел никакого отношения к одностороннему характеру некоторых врат. Даже односторонние врата позволяли телу проходить сквозь них наполовину, а потом возвращаться. Если, конечно, соорудивший их Господь не собирался разрезать тела людей, воспользовавшихся ими.

Прошло несколько секунд. Кикаха выругался. Он мог так никогда и не узнать, точно он метнул нож или нет.

Внезапно из голубизны появилась голова, за ней последовала шея, плечи, груди и живот, — из солнечного сплетения торчала рукоятка ножа.

Остальное тело появилось, когда Колокольник вывалился из врат. Он рухнул вниз и его тело становилось все меньше и меньше, а потом пропало вдали, но Кикахе удалось разглядеть белый всплеск, когда тело упало в воду.

Он глубоко вздохнул и сел. Его тряслось. Наконец-то Колокольник умер, и все вселенные обрели безопасность.

«И вот я здесь, — подумал Кикаха, — вероятно, единственное живое существо в этой вселенной. Настолько одинок, настолько может быть одинок человек. И если я не придумаю, как сделать невозможное для своего несуществующего завтра, то скоро буду вторым мертвым существом в этой вселенной».

Он вновь глубоко вздохнул, а потом сделал то, что требовалось сделать.

Возвращаться на брус по шесту было также больно, как и слезать с него. Добравшись до бруса, он передохнул на нем, зацепившись еще и ногой. После того как боль в руках прошла, он забрался на брус, балансируя на нем. Окупились часы тренировки на натянутой проволоке и лазанья на большие высоты. Он смог сохранить равновесие, пока прикидывал из какой точки упал Колокольник. Она была всего лишь неопределенный куском голубизны и у него был всего лишь один шанс попасть в цель.

Кикаха прыгнул вперед и вверх и его голова и часть тела прошли через обруч. Затем из него вырвалось громкое «Уф», когда он удалился животом о край обруча. Кикаха вытянул руку, ухватился за камень кончиками пальцев и подтянулся. Какое-то время он спокойно лежал, пока сердцебиение не пришло в норму. Он увидел, что колокол парит над ним, а лучемет лежит на поверхности островка всего в футе от него.

Кикаха встал и осмотрел колокол. Тот был неразрушаемым и

концы антенн были обложены таким же материалом. Когда антенны убрались внутрь, их кончики затыкали отверстия в нижней части колокола. Но сами антенны были сделаны из менее стойкого металла, поэтому и они пострадали от времени. Так он во всяком случае предполагал. Кикаха даже не видел антенн, такими тоненькими они были, хотя и ощущал их. Но факт, что Колокольник не послал впереди себя колокол, говорил Кикаке, что он поврежден. Наверное, взрыв на короткое время испортил что-то в относительно тонкой аппаратуре по улавливанию мозговых волн и управления полетом колокола. В конце концов эта аппаратура была чем-то новым, поэтому Колокольник не имел времени, чтобы подвергнуть ее полевым испытаниям.

Что бы там не случилось, колокол висел над островком на той же высоте. И все еще оказывал слабое сопротивление толчками по горизонтали.

Кикаха предположил, что его антенны в какой-то степени еще действовали. Иначе колокол не имел бы возможность сохранять постоянную высоту.

Это давало Кикаке единственный шанс добраться до земли, располагавшейся на несколько тысяч футов ниже. Он, правда, не знал, насколько велик был этот шанс. Колокол мог просто оставаться на том же уровне.

Кикаха перекинул через плечо ремень лучемета, прижал к груди колокол и шагнул через обруч.

Спуск его оказался столь же быстрым, как если бы он воспользовался парашютом. Скорость была лучше, чем он рассчитывал. Время от времени ему приходилось отталкиваться ногами от стен, так как колокол постоянно сносило к стене, словно масса скалы притягивала его.

Затем Кикака оказался в десяти футах над водой и опустил колокол. Он стал падать немного быстрей, врезался в воду, которая оказалась теплой, и всплыл в сильном течении. Ему пришлось потрудиться, чтобы выбраться на берег, но он сумел справиться. После того как он несколько восстановил силы, он прогулялся вдоль берега, пока не увидел колокол. Колокол завис у стенки скалы, словно новорожденный детеныш, прижавшийся к матери. Кикака никак не мог добраться до него, да и не видел никаких причин делать это.

Несколько ярдами дальше он нашел тело Колокольника. Оно закончило свое плаванье подле каменного рифа, едва выступающего над поверхностью реки. Ему распороло спину, а затылок стал мягким, как будто он ударился о бетон, а не воду. Нож все еще торчал из солнечного сплетения. Кикака вытащил его и вытер о мокрые волосы Колокольника. Ножу падение не повредило.

Кикаха вытащил тело из реки. А потом поразмыслил о гигантских вратах, установленных в виде обруча, подобно тем, меньшим, на остановке в другом мире. Двое врат находились на этой стороне реки, двое — на другой. Все они располагались на углах квадрата со стороной в две мили. Он дошел до ближайших и бросил туда камень. Тот пролетел сквозь обруч и упал на скальную поверхность с другой стороны. Это была одна из шуток Рыжего Орка. Наверное, все врата были пустыми и он застращает в этом пустынном мире, пока не сдохнет с голода. Следующий обруч оказался тоже всего лишь обручем.

Кикаха начал испытывать усталость и голод. Теперь нужно было переплыть реку, чтобы добраться до остальных. Течение было очень сильным. Расстояние от одного обруча до другого составляла две мили и, если придется испытывать все четыре, то он совершил прогулку в восемь миль. Обычно он не возражал против таких прогулок, но за последние несколько часов он слишком многое перенес.

На минутку он присел, но тут же вскочил, громко обозвав себя дураком. Он забыл, что врата могут быть односторонними и, не срабатывать с одной стороны, срабатывая с другой. Он подошел к обручу, потом бросил камень. Результат был тот же самый.

Тут уж ничего не оставалось как идти и проверять следующий обруч. Второй тоже оказался всего лишь обручем. Кикаха переплыл реку и оказался на другой стороне после того, как течение снесло его на полмили вниз, увеличив таким образом, его прогулку. Лучемет сильно затруднял плаванье, поскольку весил фунтов тридцать. Нести его тоже было удовольствие ниже среднего. Но Кикахе не хотелось бросать его.

И еще один обруч оказался всего лишь куском металла. Он направился к последнему, пока солнце еще не село. Оно сияло в безмолвной тишине неба над безмолвной тишиной земли. Даже ветер замер и единственным звуком оставалось журчание реки, стихшее, когда он отошел от берега. Теперь он слышал лишь собственное дыхание и звук своих шагов.

Когда он добрался до последнего обруча, то ощутил желание отложить на время свои испытания. Если окажется, что и это еще одна шуточка Рыжего Орка, то она вполне может оказаться последней шуткой, с какими когда-либо познакомился Кикаха. Так что, он с таким же успехом мог и покончить с этим делом.

Первый камень пролетел и ударился о скалу, находившуюся за обручем.

Второй ударился там же.

Кикаха запрыгал и заорал от досады, стукнул кулаком о ладонь. Потом пнул небольшой валун и завывая заскакал от боли. Он дернулся

себя за волосы и отвесил себе увесистую оплеуху, а потом обратил лицо к голубому небу, безразличному желтому солнцу и завыл, как волк с попавшим в капкан для медведя хвостом.

Через некоторое время Кикаха застыл неподвижно и безмолвно. Он вполне мог сойти за изваяние, вытесанное из светло-красного камня, которого было так много здесь, если не считать подрагивающих век и груди, вздывавшейся и опадавшей в такт дыхания.

Когда он наконец вырвался из объятий бессмысленного созерцания, то быстро направился к реке, не проявляя никаких эмоций. Он напился воды из реки, а потом поискал местечко, где можно было бы укрыться и провести ночь. Минут через пятнадцать он обнаружил нишу в склоне невысокого холма, которая могла защитить его от ветра. Через некоторое время он уснул после долгих неизбежных размышлений о своем будущем.

Утром он взглянул на тело Колокольника, раздумывая, не придется ли ему его съесть.

Чтобы чем-то заняться он вошел в реку и поводил в воде руками. Ему не удалось вспугнуть какую-нибудь рыбку. Казалось маловероятным, что здесь водилась рыба, учитывая полное отсутствие растительности.

Он поднялся на вершину холма, у подножия которого спал. Какое-то время он просидел на круглой вершине, двигаясь лишь для того, чтобы сесть поудобнее. Положение его было простым и отчаянным. Либо Рыжий Орк приготовил путь для бегства своего пленника, если тот окажется достаточно умным и достаточно проворным, либо нет. Если нет, то пленник умрет здесь. Если да, то пленник — в данном случае Кикаха, просто оказывался недостаточно толковым. И в этом случае пленнику предстояло умереть.

Он долго сидел, потом застонал. Что случилось с его мозгами? Разумеется камень пролетел сквозь врата, но никакая плоть сквозь них не проходила. Ему следовало бы попробовать самому вместо того, чтобы испытывать врата лишь камнем. Врата здесь могли быть установлены такого типа, что срабатывают лишь тогда, когда через них проходит материя определенной массы или — органическая материя. Или, если только человеческие мозговые волны могли воздействовать на них. Но он настолько был озабочен тем, чтобы избежать ловушек на той стороне, что это просто не пришло ему в голову.

Однако любые активированные врата могли оказаться настроенными на уничтожение первой вступившей в них большой массы, как в случае с заминированными вратами.

Он застонал при мысли о связанных с этим напряжением усилиями, но пока выжил лишь потому, что не был лентяем. Кикаха взва-

лил на плечо тело Колокольника, благодаря фортуну за то, что тот не отличался крупным телосложением, и направился к ближайшему обручу.

День выдался жаркий. Отсутствие пищи ослабило его, а неудачи возле обруча отняли еще больше сил. Плаванье через реку с трупом Колокольника и лучеметом отняло у него еще больше сил. Но он бросал труп шесть раз через трое врат.

А теперь он отдыхал, сидя возле последних. Колокольник лежал возле него, раскинув руки, обратив лицо к жаркому солнцу, с открытыми глазами и открытым ртом. От него уже веяло запахом тления.

Прошло какое-то время. Кикаха не почувствовал себя хоть чуть-чуть сильнее. Ему нужно было встать и бросить тело через обруч с обеих сторон. О том, чтобы просто перевалить тело через него, не могло быть и речи, так как он не хотел оказаться в поле действия какого-либо поля или взрыва. Надо было встать у края обруча, поднять тело, бросить его через обруч, а затем отскочить в сторону.

Он так и сделал уже в седьмой раз. Тело пролетело через обруч и растянулось на земле. У Кикахи остался последний шанс и на этот раз вместо того, чтобы отдыхать, он подобрал труп, поднял его до уровня груди и швырнул.

Когда он взглянул со своей позиции, занятой им на скале, тело было все еще видно.

Вот и все. Вот и все для него. Ему пришел конец.

Он сел вместо того, чтобы лежать там, закрыв глаза. Этот шаг, совершенный без какого-либо мотива, спас ему жизнь.

Даже в этом случае, он чуть ее не лишился. Тигроподобный зверь, бесшумно мчавшийся к нему по твердому камню, зарычал, увидев, что он сел, и увеличил длину прыжков и скорость. Кикаха был настолько поражен, что на секунду замер и этим представил зверю некоторое преимущество. Но недостаточно большое. Лучемет выстрелил в момент, когда животное взвивалось в воздух в последнем прыжке, и луч пробуравил ему голову, рассек ее, разрезал шею и грудь, отхватив часть лапы и продырявив скалу.

Тело зверя ударилось о землю, и заскользив, врезалось в Кикаху, сбив его с ног. Кикаха несколько раз перевернулся, у него болели ноги, спина, грудь, руки и нос. Кожа была сильно поцарапана, а там где в ноги врезалось тело зверя, появилась тупая боль, становившаяся все острой.

Животное выглядело съедобным. И ему подумалось, что он знает откуда оно взялось. Сначала он нарежет несколько кусков мяса, зажарит его и поест, а уж потом вернется к предпоследним вратам.

Зверь был примерно на четверть больше уссурийского тигра. У него был длинный густой мех с рыжевато-коричневым подшерстком и бледно-красными зигзагами полос на голове и теле. На нижней части лап мех был похож на черные чулки. Глаза зверя были лимонадно-желтыми, а зубы были больше похожи на акульи, чем на кошачьи.

Мясо неприятно пахло, но оно наполнило его мышцы силой. Он взял Колокольника за руку и проволок тело две мили до врат. К тому времени труп был уже сильно поврежден. Кроме того, он вонял все сильней. Кикаха поднял его и бросил через врата.

На этот раз труп исчез, а из врат хлынул поток нефти, который окатил бы Кикаху с ног до головы, не отскочи он предварительно в сторону. Маслянистая субстанция сразу же вспыхнула и минут пятнадцать полыхала.

Кикаха подождал пока огонь погас, а потом прыгнул через врата с лучеметом наготове. Он не знал, чего еще можно ожидать. Его мог караулить на другой стороне еще один тигр. Было очевидно, что сбросив туда Колокольника первый раз, Кикаха включил активацию замедленного действия, которая позволила зверю выскоичить через врата. Если бы он подождал немного, то ему не пришлось бы так расстраиваться. Это было очень умное и садистское устройство, как раз того сорта, какого он мог ожидать от Рыжего Орка. Теперь Кикахе казалось, что Рыжий Орк мог прекратить установку каких-либо новых ловушек. Он должен был учесть, что вряд ли кто-то сможет забраться так далеко.

На секунду он оказался в небольшой голой комнате, где стояла большая клетка с распахнутой дверцей, и черный купол на трех коротких ножках. Потом Кикаха очутился в другой комнате. Это—по-больше и была сделана из какого-то твердого металла или пластика и начисто лишена каких-либо украшений и мебели, кроме унитаза без стульчака, раковины с одним краном и небольшого металлического стола, прикрепленного к полу цепями.

Переход из одной комнаты в другую вызвал у него шок, хотя он и мог объяснить, почему так случилось. Прягая в комнату, он активизировал врата замедленного действия. А те включившись, отправили его в эту камеру, выглядевшую как тулик.

Свет, заполнявший комнату с разной интенсивностью, не имел никаких видимых источников. Он был достаточно ярок, чтобы Кикаха смог разглядеть, что в стене нет ни трещин, ни каких-либо изъянов. И не было ничего вроде окна или двери. Стены оказались сделанными из прочного материала. Лучемет, включенный на полную мощность, лишь нагрел стены и воздух в комнате. Кикаха отключил оружие и стал искать источник вентиляции, если тут вообще имелась таковая.

После длительного осмотра он определил, что свежий воздух медленно поступает из точки, находящейся как раз над поверхностью стола. Уходит воздух через другие врата, вмурованные в стену, в точке, где сходились стена и потолок. Врата эти должны были бы работать попеременно и, вероятно, были настроены лишь на газы.

Кикаха обратил полную мощь лучемета на поверхность стола, но тот оказался сделанным из того же прочного материала. Однако, если его тюремщики не собирались уморить его голодом, то наверняка было какое-то устройство, через которое пленнику подавалась пища. Вероятно, это будут врата такие же, что и на поверхности стола, но лишь во время приема пищи. Они автоматически переключаются на режим твердой материи.

Некоторое время Кикаха размышлял над этим и гадал, почему никто не додумался до такого способа побега. Наверное Господь подумал о нем и надеется, что его пленник до этого додумается. Это была бы та шутка, какими особенно наслаждаются Господа. И все-таки, эта идея являлась настолько дикой, что могла и не прийти в голову даже Господу.

Кикахе представлялось, что где-то в доме, в котором находилась эта камера, должна звучать сигнализация. Если конечно, камера находилась в здании, а не в какой-то пустынной карманной вселенной. Если бы, предположим, Господь отлучился, то тогда он мог вернуться слишком поздно, чтобы увидеть своего пленника на месте.

Кикаха не имел точного представления, сколько прошло времени, но прикинул, что прошло, вероятно, около четырех часов, когда на столе появился поднос. Пища, подававшаяся ему, была земная: хорошо приготовленное мясо, салат из латука, морковь, лук, чесночный соус, три куска европейского хлеба из непросеянной муки с натуральным маслом и шоколадное мороженое.

Закончив еду, он почувствовал себя гораздо лучше и испытывал чуть ли не благодарность к своему тюремщику. Однако времени он зря не терял. После того, как проглотил последнюю ложку мороженного, Кикаха влез на стол, повесив на плечо лучемет и держа поднос в руках. Затем он нагнулся, балансируя на одной ноге, поставил поднос на стол и встал на него. Он рассудил, что врата могут активизироваться наличием на столе подноса и тарелок на нем, а не определенной массой. Он мог поставить голову против пуговицы, что активность врат простиралась вверх достаточно, чтобы забрать и его. Если же это не так, то кто-то на другой стороне получит сюрприз в виде половинки трупа. Если же все так, то кто-то все равно получит сюрприз, но уже более приятный.

Внезапно он очутился на столе в чулане, освещенном единствен-

ной лампочкой над головой. Если бы он не догадался пригнуться то остался бы без головы, который бы врезался в потолок, когда его перебросило в чулан.

Кикаха спрыгнул со стола и, распахнув дверь, шагнул в большую кухню. Спиной к нему стоял человек. Он, должно быть услышал, как распахнулась дверь, поскольку круто развернулся. Челюсть у него отвисла, глаза стали громадными и он проговорил:

—Что за?..

Нога Кикахи угодила в его подбородок и человек, спиной упал на пол, потеряв сознание. Прислушавшись и удостоверившись, что шум вызванный падением тела, никого не встревожил, Кикаха обыскал упавшего.

Он обнаружил «смит-вессон» тридцать восьмого калибра со спаренным дулом в кобуре подмышкой, бумажник со стодесятю долларами, водительские права, вездесущие кредитные карточки и визитную карточку. Человека этого звали Роберто ди Анжело.

Кикаха сунул пистолет за пояс, предварительно проверив его и осмотрел кухню. Она была настолько большой, что наводила на мысль об особняке богатого человека. Он быстро нашел щит управления за выдвижной панелью в стене, оставленной приоткрытой. На щите мигало несколько огоньков.

Тот факт, что ди Анжело послал ему еду показывал, что обитателям этого дома было известно, что у них появился пленник. Или по крайней мере, что об этом узнал Господь. Его люди могли и не ведать о вратах, но наверняка им было приказано докладывать Рыжему Орку, если на этом щите загорятся огоньки и, несомненно, включится и звуковая сигнализация. Последняя теперь уж, конечно, отключена.

Тут должен был быть и монитор, чтобы Господь, в данном случае—Уртона, мог знать, кто оказался у него в плену. Почему Уртона не предпринял никаких шагов, чтобы допросить своего пленника? Он же наверняка должен был сгорать от желания узнать, как это Кикахе удалось попасть к нему.

Кикаха налил в стакан воды и плеснул в лицо лежавшего. Ди Анжело вздрогнул, мотнул головой и открыл глаза. И снова дернулся, когда увидел над собой Кикаху и ощущил у горла острие ножа.

—Где твой босс?—оседомился Кикаха.

—Не знаю.

—Неведенье в твоем случае не радость!—предупредил его Кикаха и кольнул ножом, так что по шее побежала тонкая струйка крови.

—Зачем же так нервничать?—расширились глаза лежавшего.—Какая с того разница? У вас нет шанса. Вот что произошло...

Ди Анжело служил поваром, но знал также о происходящем в

нижних эшелонах. Ему давным-давно приказали уведомить босса, которого он называл мистер Каллистер, если из кухни сработает сигнализация. До сегодняшней ночи все было спокойно. Когда сигнализация включилась, что его поразило, он позвонил мистеру Каллистеру, уехавшему со своей бандой на дело, о котором ди Анжело ничего не знал. Должно быть, оно имело отношение к неприятностям, тем, что возникли в связи с появлением Кикахи и прочих. Каллистер сообщил ди Анжело что надо делать—всего лишь приготовить обед, поставить его на стол в чулане, закрыть дверь чулана и нажать кнопку на щите управления.

Кикаха спросил о Вольфе, Хрисенде и Анане. Ди Анжело ответил:

—Несколько парней отвели их в кабинет босса и оставили там, и это был последний раз, когда их видели. Ей-богу, говорю правду! Если кто и знает, куда они делись, так это мистер Каллистер. Он и только он!

Кикаха заставил ди Анжело встать и провести его по дому. Они прошли через несколько коридоров и больших комнат, роскошно обставленных, а потом поднялись на второй этаж по широкой мраморной винтовой лестнице. По пути ди Анжело сообщил Кикахе, что дом этот стоит на участке, обнесенном стеной, в Беверли Хиллс. Адрес соответствовал тому, что Рыжий Орк называл как адрес Уртона.

—А где слуги?—спросил Кикаха.

—Либо отправились по домам, либо разошлись по комнатам над гаражом,—ответил ди Анжело.—Я не вру, мистер, когда говорю, что в доме я один.

Дверь в кабинет Каллистира была заперта и сделана из тяжелой стали. Кикаха применил против нее лучемет и коротким вращением дула вырезал замок. Ди Анжело выпучил глаза и стал еще бледнее. Очевидно, он ничего не знал об оружии Господов.

Кикаха нашел какую-то тесьму в огромном письменном столе из красного дерева и связал ди Анжело руки и ноги. Пока ди Анжело сидел в кресле, Кикаха провел быстрый, но эффективный обыск кабинета. Когда он нажал кнопку в углу стола, из его сектора выскочило то, что могло быть пультом управления воротами, во всяком случае он надеялся. Кнопки, датчики, огоньки были обозначены надписями, которые сбили бы с толку любого землянина, кроме Кикахи. Они были на языке Господов.

Однако, Кикаха не знал ни характера врат 1-10, ни что произойдет, если он нажмет кнопку, помеченную символом М. Это могло означать множество вещей, но Кикаха подозревал, что этот знак означает слово «мирып»,—означающее смерть.

Первая трудность использования пульта заключалась в том, что

он не знал, где находятся врата, даже если бы и активизировал их. Господь был не настолько глуп, чтобы оставить действующую систему столь доступной. Наверняка он носил при себе какой-то прибор, который требовалось включить, прежде чем будет подана энергия к пульту управления. Но все-таки теперь Кикаха знал, где находился пульт, так что если ему в руки когда-нибудь попадет активатор, он сможет воспользоваться пультом. То есть, если, конечно, обнаружит и врата.

Это его весьма угнетало, поскольку он был уверен, что и Анана, и двое его друзей находятся, если они еще живы, за какими-то из десяти врат.

Зазвонил телефон. Кикаха вздрогнул, но быстро оправился, взял трубку, поднес ее к ди Анжело и расположил так, чтобы обоим было слышно. Объяснять ди Анжело, что от него требуется, было не нужно. Он произнес:

—Алло?

Голос, что ответил ему, принадлежал Рамосу:

—Ди Анжело? Минутку.

Следующий голос принадлежал человеку, с которым беседовал Кикаха, когда считал, что говорит с Рыжим Орком. Должно быть, это был Уртона. И чтобы там не вытащило его из крепости, это, вероятно, было очень важным. Единственное, что могло вызвать подобное, это шанс добраться до Рыжего Орка.

—Анжело? У меня здесь сработала сигнализация. Сигнал поступает из моего кабинета. Ты знал об этом?

Кикаха покачал головой и ди Анжело ответил:

—Нет, сэр.

—Ну так, кто-то находится в моем кабинете. Ты где?

—На кухне, сэр.

—Поднимись туда и выясни, в чем дело. Я оставлю эту линию связи открытой. И пошлю людей со склада помочь тебе. Ни в коем случае не рискуй. Стреляй, если будешь абсолютно уверен, что свалишь его. Понятно?

—Да, сэр,—поторопился ответить ди Анжело.

В трубке раздался щелчок. Кикаха не ощущал себя победителем. Уртона должен понимать, что любой, кто находился в кабинете, может поднять трубку и подслушать разговор. Он сообразит, что исключает для ди Анжело любой шанс захватить врасплох незванного гостя и это означает, что скоро сюда подойдет подкрепление.

Кикаха заткнул ди Анжело рот и запер его в стеклянном шкафу. Потом вспышкой из лучемета уничтожил пульт управления вратами. Если Уртона собирался переправить других своих пленников—если, конечно, таковые у него имелись или что-нибудь сделать с ними, то

на какое-то время он будет лишен такой возможности. Ему придется построить другой пульт—если, конечно, у него на складе нет дубликатов.

Следующий шаг—выбраться из дома и отправиться к железнодорожному вокзалу, в камере хранения которого находится Рог. Кикаха хотел иметь возможность заполучить Рог раньше, потому что тогда он мог бы беспрепятственно им пользоваться. Теперь же Уртона наверняка будет лучше охранять свой дом.

Кикахе нужно было покинуть дом и отправиться в центр города. Он решил припрятать лучемет на приусадебном участке. Он нашел небольшое углубление в земле за большим кустом олеандра возле стены. На участке рос отлично ухоженный сад. Тут не было никаких опавших листьев или прутьев, чтобы прикрыть спрятанное. Кикаха просто положил лучемет в углубление и оставил. Кроме того, он решил оставить здесь и изъятый у ди Анжело пистолет. Тот был слишком велик, чтобы прятать его под рубашкой.

Выбрался Кикаха без происшествий, если не считать необходимости вернуться к месту, где лежал спрятанный лучемет, чтобы воспользоваться им и вырезать замок на железных воротах, через которые можно было выйти на улицу. Сторожевая будка возле больших железных ворот оказалась пустой, потому, что Уртона увел из дома всех, кроме ди Анжело. В будке сторожа находилось и управление механизмами, и Кикаха легко сообразил, что открывало те и другие ворота. Но энергия или сами механизмы были отключены, а он не хотел терять времени на возвращение в дом и на допрос ди Анжело. Он прожег замок и толчком открыл ворота. Позади него зазвыла сирена и он увидел, как замигали огоньки на щите управления в будке сторожа. Если шум будет продолжаться, то кто-нибудь наверняка вызовет полицию. При этой мысли Кикаха улыбнулся. А затем перестал улыбаться. Ему улыбалось вмешательство полиции не больше, чем Уртону.

Вновь припрятав лучемет за кустом, он направился на юг. Пройдя пять кварталов, он вышел на Сансет. Он опасался быть замеченным полицейскими, так как понимал, что в этом исключительно богатом районе, любые пешеходы, по всей вероятности, останавливались полицией. Особенно ночью.

Но удача не оставила его и он сумел быстро поймать такси. Водитель не хотел слишком далеко уезжать от Беверли Хиллс, но Кикаха не слушая возражений, открыл заднюю дверцу и забрался в машину.

—Это срочное дело,—сказал он.—У меня деловая встреча, связанная с бизнесом, который сулит мне большие деньги.—Он нагнул-

ся вперед и вручил водителю двадцатидолларовую бумажку из бумагника ди Анжело. Она—ваша, сверх тарифа и обычных чаевых. Как, по-вашему, можете вы сделать небольшой крюк?

—Можно,—коротко отозвался шофер.

Он высадил Кикаху в трех кварталах от железнодорожного вокзала, поскольку Кикаха не хотел, чтобы водитель знал, куда он направился, если его, паче чаяния, допросит полиция. Кикаха прогулялся до дерева, вытащил из дупла шарик резинки и отправился на вокзал.

Он достал футляр с Рогом из камеры хранения не привлекая к себе внимания, если не считать четырехлетней девочки, уставившейся на него большими синими глазами-звездочками, а потом произнесшей: «Хэлло!» Уходя, он потрепал ее по голове, заставив тем самым мать оттащить дочь в сторону и прочитать ей громким голосом лекцию об опасности заводить дружбу с незнакомыми людьми.

Кикаха усмехнулся, хотя не считал на самом деле это происшествие таким уж забавным. За долгие годы, проведенные в Многоярусном Мире, он привык, что к детям относятся как к высоко ценимым и самым любимым существам. Так как Вольф подмешал в воду того огромного мира химические вещества, которые давали людям возможность обрести молодость длинной в тысячу лет, существенно сокращали рождаемость, он гарантировал тем самым, что детей будут очень ценить. Тем самым, было очень мало случаев убийств детей, жестокого с ними обращения или лишения их любви и ласки. И хотя подобное воспитание вовсе не мешало детям вырастиать людьми, становившимися весьма жестокими во время войны,—но никогда не избивавших или убивавших детей. В результате такого воспитания у детей бывало гораздо меньше психозов и неврозов, чем у цивилизованных землян. Конечно, большинство обществ в мире Вольфа были небольшими, однородными и технологически примитивными, но и не подверженными перекрещающимся многослойным образам жизни высокониндустриализованных обществ Земли.

Кикаха покинул вокзал и прошел несколько кварталов, прежде чем зайти в телефонную будку в углу большой станции техобслуживания. Он набрал номер Уртона. Телефон прозвонил один раз, трубку подняли. Ответил незнакомый голос.

—Мистера Каллистера, будьте добры,—попросил Кикаха.

—Кто это?—поинтересовался грубый голос.

—Меня может описать ди Анжело,—ответил Кикаха,—если вы нашли его в стенной шкафу.

Раздалось восклицание, затем:

—Минутку.

Через несколько секунд другой голос произнес:

—Каллистер слушает.

—Известный иначе, как Уртона, нынешний Господь Земли,—уточнил Кикаха,—я, человек, который был вашим пленником.

—Как ты?..—выпало было Уртона, потом замолчал, сообразив, что все равно не услышит, как тот сбежал.

—Я—Кикаха,—представился Кикаха, решив, что, если он себя назовет, это не причинит ему вреда, поскольку он был уверен, что Уртона получил от Ананы и его имя, и описание. Землянин, сделавший то, чтò не смогли сделать вы, предполагаемые Повелители Мироздания. Я убил сам или был причиной, которая погубила всех Колокольников в количестве пятидесяти одного. Больше они не угроза. Я выбрался из дома Рыжего Орка на той, другой Земле, пробрался через все его ловушки и попал в твой дом. Если бы ты оказался дома, я захватил бы тебя в плен или убил бы. Не заблуждайся на этот счет.

Но позвонил я тебе не просто, чтобы сообщить о своих подвигах. Я хочу спокойно вернуться в мир Вольфа вместе с ним, Хрисеной и Ананой. Вы с Рыжим Орком можете сражаться здесь, сколько влезет, и да победит сильнейший! Теперь, когда последний Колокольник убит, у нас нет никаких причин оставаться здесь. А у тебя держать моих друзей.

Наступило долгое молчание, потом Уртона спросил:

—А откуда мне знать, что Колокольник убит?

Кикаха описал происшедшее, хотя и оставил за скобками несколько деталей, которых Уртоне, по мнению Кикахи, знать не следовало.

—Так что теперь ты знаешь, как проверить мои слова,—продолжал Кикаха.—Ты сможешь проследовать моим маршрутом так, как это делал я, поскольку не знаешь, где находится дом Рыжего Орка, равно как и я. Но я полагаю, что все врата там двусторонние и ты сможешь пройти в обратную сторону, начав с камеры, в которой я свой путь закончил.

Он мог представить себе чувства, испытываемые Уртоном попеременно: радость и тревогу. Теперь, он вроде нашел способ пробраться в дом Рыжего Орка, но понимал, что и Рыжий Орк может воспользоваться тем же способом.

—Ты не прав!—возразил Уртона,—я знаю, где живет Рыжий Орк. То есть жил. Один из моих людей видел его на улице всего пару часов назад. Сперва он посчитал, что это я и что я занимаюсь каким-то делом, в которое ему лучше не совать нос. Потом он вернулся, увидел меня и понял, что я не мог бы так скоро перенестись сюда.

Я тут же сообразил, какая удача выпала. Взяв своих людей,

я окружил дом и мы вломились туда. Нам пришлось убить четырех его людей, но сам он ушел. Полагаю, скрылся через врата. И скрывшись Орк уничтожил все врата в доме. Не было никакой возможности его преследовать.

— Я подумал, что один из обгоревших трупов мог принадлежать Рыжему Орку,—сказал Кикаха,—но он еще жив. Ну...

— Я устал играть в эту игру,—заявил Уртона.—Я хотел бы увидеть своего братца, в виде вот такого обугленного трупа. Я вновь заключу с тобой сделку. Если ты заполучишь для меня Рыжего Орка, поставишь его мне в узнаваемом состоянии, то я отпущу твоих друзей и гарантирую им безопасное возвращение в ваш Многоярусный Мир. Конечно, если я смогу удостовериться, что твой рассказ о Колокольнике—правда.

— Тебе известно, как это сделать. Дай мне поговорить с Ананой и Вольфом, чтобы я был уверен, что они живы.

— В данный момент я не могу этого сделать. Дай мне, скажем минут десять, а потом позвони еще раз.

— Ладно,—согласился Кикаха. Он повесил телефонную трубку и спешно покинул будку. Уртона мог обладать или обладал какими-то средствами, позволяющими ему быстро определить источник звонка, но Кикаха не собирался давать ему такой шанс. Он поймал такси и велел таксисту отвезти его к месту неподалеку от Смоляной ямы Ла Бреа. Оттуда Кикаха направился по Уилширу, пока не дошел до телефонной будки. Прошло десять, нет пятнадцать минут. На этот раз трубку поднял ди Анжело. Хотя он, должно быть, и узнал голос Кикахи, но ничего не сказал кроме:

— Подождите, сейчас соединю.

Вслед за этим раздался голос Уртона:

— Ты можешь сперва поговорить с моей племянницей, этой любительницей лаблаббиев.

— Кикаха!—возник в трубке любимый голос.—У тебя все в порядке?

— Пока что действую прекрасно!—заверил ее Кикаха. Колокольник готов! Я сам убил его. А Рыжий Орк в бегах. Держись. Мы еще вернемся в приличный мир. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Вмешался Уртона, который произнес жестко и с сарказмом:

— Да, я тоже люблю тебя, Лаблаббий! А теперь не желаешь ли поговорить с Вольфом?

— Я не собираюсь полагаться на твое слово, что с ним все о'кей,—буркнул Кикаха.

В трубке зазвучал голос Вольфа, глухой и мелодичный:

— Кикаха, дружище! Я знал, что ты вмешаешься рано или поздно.

—Алло, Роберт, рад снова услышать твой голос. С тобой и Хрисандой все в порядке?

—Да, мы невредимы. Какую сделку ты заключаешь с Уртоном?

—Достаточно,—прервал их Уртана.—Ты удостоверился, землянин?

—Я удостоверился, что на данный момент они живы,—уточнил Кикаха.—И лучше бы им оставаться в таком состоянии, когда мы приступим к расплате.

—Не угрожай мне!—прошипел Уртана. Потом более спокойно:—Отлично. Я помогу тебе всем, что в моих силах. Что тебе нужно?

—Адрес дома Рыжего Орка.

—Зачем он тебе понадобился?—удивился Уртана.

—Я меня свои причины. Какой адрес?

Уртана дал ему адрес, но говорил медленно, словно пытался додуматься до причин, по которым это понадобилось Кикахе.

—Это все, что мне нужно сейчас,—поблагодарил его Кикаха.—Пока. И повесил трубку.

Уже через минуту он ехал в такси к дому Уртана. В двух кварталах от дома он расплатился с водителем и оставшиеся два квартала прошел пешком. Маленькие железные ворота держала теперь цепь, а свет в будке сторожа помог ему разглядеть, что там сидят трое. Особняк тоже был освещен, хотя в окнах никого не было видно.

В этот момент, казалось, не существовало ни малейшего шанса попасть в сад. Кикаха мог, конечно, подпрыгнуть, ухватиться за верх стены и подтянуться, но не сомневался, что наверху есть сигнализация. Однако, если подумать, что из того? В данный момент вторгаться в дом он не собирался. Все, чего он хотел, это забрать свой лучемет и убраться. К моменту, когда прибегут люди Уртана, он успеет перепрыгнуть на другую сторону.

Сперва необходимо было где-то припрятать Рог, так как будет неудобно перелезать через стену, имея его при себе. Он мог перекинуть его через стену, но не хотел этого делать. Минутный осмотр показал Кикахе, что он может закрепить футляр на ветвях куста, росшего на полосе травы между тротуаром и мостовой. Кикаха подошел к тому месту стены, на противоположной стороне от которого он спрятал лучемет. Перешел улицу, постоял минуту прислушиваясь, пережидая, пока проедет машина, потом рванул через улицу. Он прыгнул вверх, его пальцы сомкнулись на грубом ребре стены. Потом он легко подтянулся. Стена наверху была шириной фута в полтора и по всей ширине шел двойной ряд пик из железа высотой примерно в шесть футов. Вдоль этих пик тянулся двойной ряд проволоки, блестящей от света, льющегося из особняка.

Крайне осторожно Кикаха перешагнул через проволоку, повер-

нился и повис на руках, а потом просто упал на мягкую землю. Несколько секунд он стоял, глядя на будку сторожа и на особняк, и прислушиваясь, но не услышал ничего и не уловил никакого движения.

Он подбежал к кусту и забрал лучемет. Перелезть обратно с лучеметом на плече оказалось намного труднее, но Кикаха сумел проделать это, не возбудив, насколько он мог судить, никакого внимания со стороны обитателей особняка и сторожей в будке.

Неся в руках Рог и лучемет, он снова направился к Сансет. Ему пришлось прождать на углу минут десять, пока не появилось свободное такси. Сядясь в машину, он прикрывал лучемет футляром, чтобы таксист его не заметил. Его дуло было слишком толстым, чтобы спутать его даже с дробовиком, а приклад делал его слишком похожим на огнестрельное оружие.

Дом Рыжего Орка находился в богатом районе—Пасифик Палисад. Подобно особняку Уртона дом этот окружала высокая кирпичная стена. Однако железные ворота при въезде оказались открытыми. Кикаха проскользнул через них к дому, где царила темнота. Уртона не упомянул, оставил ли он там караульных, но казалось разумным, что он именно так и поступил. Он не захотел бы упустить шанс схватить Рыжего Орка, если тот по какой-то причине вдруг вернется.

Двери с обоих сторон дома оказались запертыми. Света ниоткуда не было видно. Кикаха пригнулся, приложив ухо к двери, но ничего не услышал. Подумав, он просверлил дыру в задней двери и, толкнув, открыл ее. Входил он сперва медленно и осторожно, а потом услышал какие-то звуки со стороны фасада. Оказалось, их производили трое людей, сидевших в темноте в огромной комнате в передней части дома. Один заснул и тихо похрапывал, а двое других разговаривали тихими голосами.

Кикаха прокралялся наверх по винтовой лестнице с мраморными ступеньками и потому не заскрипевшей и не застонавшей под его ногами. Найдя спальню, он закрыл за собой дверь, потом включил лампу. Сняв с телефонного аппарата трубку, он набрал один из номеров этого дома.

Когда на звонок ответили, Кикаха, превосходный имитатор, произнес, подражая голосу Рамоса:

—Ребята, вас вызывает босс! Щурите сюда рысью! Кое-что на клевывается, но я не могу сказать этого по телефону!

Он подождал, пока тот, кто ему ответил, не положит трубку. Потом подошел к окну. Он увидел, как трое идут по подъездной аллее и выходят за ворота. Через мгновение вспыхнули фары автомобиля примерно в полуквартале от дома. Машина укатила и Кикаха, насколько ему было известно, остался дома один. У него было не более

тридцати пяти минут. Это то время, которое понадобится громилам, чтобы добраться до Уртона, выяснить, что их надули и вернуться с подкреплением.

А ему требовалось всего несколько минут. Кикаха спустился вниз и включил свет в кухне. Найдя фонарик, он выключил свет и направился в большую переднюю. Дверь под лестницей оказалась открытой. Он шагнул через нее в небольшой коридор. В конце коридора он открыл дверь и пошарил за ней лучом фонарика. Комната выглядела точь в точь как та, куда он вошел, когда был пленником Рыжего Орка, но не была ею. Врата, вмонтированные в дерево и штукатурку былиdezактивированы.

Кикаха открыл футляр и достал Рог, который в лучах фонарика засиял серебром. Формой он походил на рог африканского буйвола за исключением выхода, где он заканчивался широким раструбом. На узкий конец был насажен мундштук из мягкого золотистого материала, а по верху вдоль оси шел ряд из семи маленьких кнопок. Внутри раструба висела паутинка из какого-то серебристого материала. По середине красовался начертанный иероглиф, марка Шамбаримена,—создателя Рога.

Кикаха поднес Рог к губам и тихо протрубыл в него, нажимая на кнопочки. Раструб он направил на стены, и закончив одну мелодию, передвинул его влево, пока тот не оказался нацеленным в место на стене примерно в двадцати футах от первого. Он надеялся, что dezактивированные врата находятся в этой комнате. Если это так, то они обладали установленной резонансной точкой, которая ослабляла стены между вселенными. Так что частоты выходящие из Рога, действуют на манер отмычки и откроют врата. Это-то и было уникальной способностью Рога, невоспроизводимого прибора Шамбаримена, величайшего ученого-изобретателя из расы Господов.

Рог тихо заговорил и звуки, издаваемые им, казались искусственными и волшебными, чтобы открыть двери в сказочную страну фей. Но ни на северной, ни на восточной стенах не появилось ничего похожего на врата. Кикаха перестал дуть в Рог и прислушался, не приближаются ли в дому машины. Он ничего не услышал. Снова поднес Рог к губам и проиграл мелодию нот, гарантировавшую широкое расползание любого пролома в стенах между мирами.

Одно место на стене вдруг засветилось. Белое пятно увеличивалось, выпучилось наружу, а затем прыгнуло к пределам круга, определявшего вход. Свет померк, сменился свечением помягче и потемней.

Кикаха заглянул в круг и увидел полусферическую комнату без окон и дверей. Стены были алыми и единственной мебелью была кровать, парившая над полом на высоте нескольких футов, и про-

зрачной кабина, в которой была раковина, кран и туалет и тоже палившая.

Затем стена быстро закрылась, края отверстия устремились на встречу друг с другом и через секунд тридцать стена стала такой же, как была.

Рог развернулся и белое пятно появилось вновь и выросло. Комната была залита зеленоватым светом, исходящим из зеленого солнца над просвеченной зеленым мхом равниной и острыми зелеными горами на горизонте, который находился вдвое дальше, чем на Земле. Справа щипали мох какие-то животные, напоминавшие газелей с рогами в виде арфы.

Третье отверстие показало коридор с закрытой дверью в конце его. Кикаке ничего не оставалось делать как обследовать его, поскольку именно эта дверь могла привести его к Анане и остальным. Он прошел сквозь быстро сужающийся круг, потом по коридору и осторожно открыл дверь. Ничего не случилось. Онглянулся из-за двери и увидел большое помещение. Пол был выложен цветной мозаикой, посередине был бассейн, наполненный до краев, а вокруг располагалась мебель из воздушных конструкций. Свет не имел определенного источника.

Анана, не услышав что кто-то вошел, сидела на стуле и читала книгу в твердом переплете, походившем с виду на мрамор с прожилками. Выглядела она ухоженной, питание у нее было, видимо, достаточным.

С минуту Кикака наблюдал за ней, хотя ему приходилось сдерживать себя от порыва броситься к ней и схватить ее в объятия. Он слишком долго прожил в мирах, где в ловушки была обычно подложена приманка.

Однако, осмотр не выявил ничего подозрительного, но это говорило о том, что ловушки могли быть хорошо спрятаны. Наконец, он тихо позвал:

—Анана!

Она подпрыгнула, книга выпала из ее рук. Потом она вскочила со стула и бросилась к Кикаке. На щеках и в глазах Ананы блестели слезы, хотя она и улыбалась. Протягивая к нему руки, она рыдала от облегчения и радости.

Его желание броситься к ней стало почти непреодолимым. Он ощущал слезы на собственных глазах и подступающие к горлу рыдания. Но избавиться от подозрений, что Рыжий Орк мог устроить эту комнату так, чтобы убить всякого, кто войдет, не обезвредив сперва какой-то скрытый механизм.

Ему и так повезло, что он забрался столь далеко, не попав до сих пор ни в какую ловушку.

—Кикаха! —воскликнула Анана, пробегая через дверь и падая в его объятия.

Он поглядел через плечо, увидел, что дверь закрывается, и наклонил голову поцеловать Анану.

Боль в губах и носу была похожа на ожог от горящего бензина. Боль в ладони, там, где он прижал ее к спине Ананы, была похожа на боль от ожога серной кислотой.

Он пронзительно вскрикнул, рванулся прочь и покатился по полу, ощущая мучительную боль. И все-таки, хотя он почти потерял сознание от ожога, его рука, пострадавшая от прикосновения, успела подхватить лучемет, оброненный на пол.

Анана кинулась за ним, но не так быстро. Ее лицо таяло словно воск на солнце, глаза растекались, рот расплзлся и бороздился, разруя канавки и гребни. Руки ее потянулись вперед, стремясь обхватить его, но они по капле истекали кислотой, теряя форму. Пальцы настолько удлинились, что один из них вытянулся как соломинка, до колена. А ее прекрасные ноги всюду вспутились, открывая дорогу чему-то похожему на газ. Ступни выворачивались и производили впечатление чего-то горящего на полу и производившего из себя слабые клочья зеленого дыма.

Ужас этого зрелица помог ему преодолеть боль. Без колебания он поднял лучемет и нажал на кнопку, направляя на нее полную мощь своего оружия. Вернее, на это.

Она или это распалось сперва на две, а потом на четыре части, когда он прошелся крест на крест. Разрезанные части беззвучно корчились на полу. Кровь хлестала из ног и из туловища, превращаясь в коричневую субстанцию. Помещение заполнил запах, похожий на запах тухлых яиц или горящих собачьих экскрементов.

Кикаха сбавил мощность с пробивающей на сжигающую. Он водил лучом, как шлангом, по разрезанным частям и все горело в дыму. Волосы псевдо-Ананы горели с запахом настоящих человеческих волос, но это была единственная часть ее — этого — выдававшая запах горящего человеческого существа. Все остальное издавало запах серы и собачьего помета.

Когда догорел огонь, осталось всего лишь несколько хрящевидных нитей.

Кикаха не желал заходить в помещение, откуда вышло это, но боль в губах, носу и руке стала слишком невыносимой. Кроме того, ему подумалось, что Господь удовольствуется смертью лица, созданного им в виде Ананы. В другом помещении была прохладная на вид вода и ему нужно было добраться до нее. Можно было протрубить в Рог и вернуться в кабинет Рыжего Орка, но он не был уверен, что сможет долго терпеть эту муку. Более того, если он уж столкнется с кем-нибудь в том кабинете, то желательно быть в форме, чтобы

адекватно защищаться. В этом же состоянии Кикаха этого сделать бы не смог.

У бассейна он сунул в воду руку и лицо, прохлада, казалось, мгновенно помогла ему, хотя когда он, наконец, отнял лицо от воды и вздохнул, — боль все еще была очень сильной. Здоровой рукой он плеснулся в лицо воды. Через некоторое время он поднялся с края бассейна. Он не мог твердо стоять на ногах и чувствовал позывы к рвоте. Он также ощущал некоторую отчужденность от всего. Шок оттолкнул его на один порядок от реальности.

Когда он осторожно поднес к губам Рог, то обнаружил, что они распухли. И рука его тоже распухла. Они стали такими большими и жесткими, что сделали его неуклюжим. Только ценой новых мук он сумел протрубить в Рог, нажимая на кнопочки, и стена перед ним открылась. Кикаха быстро сунул Рог в футляр. Ногой пропихнул его через отверстие, а потом прыгнул сам с лучеметом наготове. Кабинет был пустым.

Кикаха нашел ванную. Медицинский шкафчик оказался широким, глубоким и в нем было множество всяких бутылочек. Среди множества пластиковых, помеченных иероглифами, он отыскал одну, понюхал содержимое, попробовал, усмехнулся распухшими губами и выжал себе на руку зеленоватую мазь. Натер ею нос, губы и ладонь обожженной руки. Боль сразу же начала растворяться в мягкую прохладу, а когда он взглянул в зеркало, то увидел, что опухоль спадала прямо на глазах.

Он выжал несколько капель из другой бутылочки себе на язык и минуту спустя дрожь и ощущение нереальности оставили его. Он закрыл обе бутылочки и сунул их в задние карманы брюк.

Возня с вратами и псевдо-Ананой отняли у него больше времени, чем он мог себе позволить. Он выскочил из ванной и направил Рог на следующее место на стене. Оно никак не отзывалось и Кикаха перевел Рог на следующую. Это открылось, но ни это место, ни последующие не содержали того, что он искал.

Спальня выдала врата в первом же месте, куда он направил Рог. Стена раздвинулась, словно разинутый зев, акулья пасть, потому что по холмам за вратами тянулись ряды высоких, белых, острых треугольников. Растительность меж этих акульих зубов представляла собой пурпурные переплетающиеся лозы, а небо было бледно-лиловым.

Вторые врата открылись в еще один коридор с дверью в конце. Снова у него не было другого выбора, как обследовать это место. Он толкнул дверь, бесшумно открываясь, и осторожно выглянул. Помещение выглядело точно так же, как то, где он обнаружил существо, которое принял за Анану. На этот раз она не читала книгу, хотя и сидела на стуле. Она нагнулась вперед, положив локти на бедра

и уткнувшись подбородком в соединенные руки. Взгляд ее был не-подвижным и мрачным.

Он тихо окликнул ее и она подпрыгнула точно так же, как та, первая Анана. Потом вскочила и бросилась к нему со слезами на глазах и щеках, открытым в прекрасной улыбке ртом и протянутыми к нему руками. Когда она пробежала через дверь, он отступил и резко приказал ей остановиться. Кикаха держал ее под прицелом лучемета. Она подчинилась, но выглядела озадаченной и сильно обиженной. Затем она заметила его все еще слегка припухшие губы и нос и глаза ее широко раскрылись.

—Анана,—обратился он к ней,—какую детскую песенку пела тебе мать десять тысяч лет назад?

Если это какая-то очередная копия или искусственное создание, то в нем могла содержаться запись того, что Рыжий Орк узнал от Ананы. У такого существа могла быть даже своего рода память, содержащая нечто отрывочное, но все-таки достаточное, чтобы одурачить ее любовника. Но найдется и такое, чего она не поведет никому и даже Рыжему Орку, когда он допрашивал ее под воздействием наркотиков, потому что он не додумается спросить ее о таком. И детская песенка относилась как раз к таким вещам. Она рассказала о ней Кикахе, когда они прятались от Колокольников в Великой Прерии Многоярусного Мира.

Несколько секунд Анана пребывала в состоянии крайней озабоченности, но потом поняла, что у него возникла острая необходимость удостовериться в том, что она—это она. Анана улыбнулась и пропела прекрасную детскую песенку, которой научила ее мать во времена, когда она еще не выросла и не узнала, какой уродливой и злобной была жизнь взрослых членов семейства Господов.

Но даже после этого он чувствовал себя скованно, когда целовал ее. Потом, когда стало очевидно, что она женщина из плоти и крови, она прошептала еще несколько вещей, которые Рыжий Орк и подавно узнать не мог, так что Кикаха наконец оттаял. Они снова всплакнули, но он опомнился первым.

—Поплачим позже,—сказал он.—Как ты думаешь, где могут быть Вольф и Хрисенда?

Она ответила:

—Не знаю.

Этого-то Кикаха и ожидал.

—Тогда нам придется применять Рог, пока не откроем все врата в доме. Но дом этот большой, так что...

Он объяснил ей, что сюда должен прикатить Уртона со своими молодчиками.

—Пока я занимаюсь Рогом, ты поищи оружие,—сказал Кикаха.

Минут через десять она присоединилась к нему и показала нечто походившее на ручку, но на самом деле бывшее небольшим лучеметом. Он сообщил, что нашел еще двое врат, но они разочаровали его. Он быстро прошел через все комнаты на втором этаже, все время трубя в Рог. Но напрасно.

Первый этаж дома тоже не вознаградил их усилия. К этому моменту прошло уже сорок минут, как люди Уртона покинули дом. Они должны были появиться с минуты на минуту.

—Давай снова попытаемся в комнате под лестницей,—предложил Кикаха.—Возможно, что активизированные врата могут заставить ее открыться в еще один, другой мир.

Врата могли устанавливаться так, что попеременно слегка меняли резонанс и действовали подобно двери-вертушке. При одной активации они открывались в одну вселенную, а при следующей в другую. Некоторые врата могли служить дорогой в дюжину или более миров.

Врата, которые они активизировали до сих пор, тоже могли оказаться такими. Так, что стоило вернуться и попробовать многократную активацию.

Перед дверью он вновь поднял Рог и сыграл музыку, приводившую в дрожь грань между вселенными. Комната за дверью вдруг оказалась большой залой, с голубыми стенами и ярким светом, струящимся из люстр, которые были вырезаны из цельных кусков громадных драгоценных камней: алмазов, рубинов, изумрудов и гранатов, каждый величиной с голову гиппопотама. Мебель тоже была вырезана из громадных драгоценных камней, скрепленных наким-то золотым цементом.

Кикаха видывал залы и пороскошней. Его внимание привлекла открытая круглая дверь в конце комнаты и вылезавший через нее цилиндрический предмет. Он был темно-красного цвета и плыл примерно в футе от пола. У дальнего от них конца показалась светловолосая голова. Человек толкал предмет прямо к ним.

Голова человека походила на башку Рыжего Орка. Казалось, он единственный, кто находился в другом мире и мог доставить к этим вратам предмет, несомненно означавший смерть и уничтожение для тех, кто занял этот дом.

Лучемет был наготове, но Кикаха не выстрелил. Если этот цилиндр набит какой-то мощной взрывчаткой, то он мог рвануть от прикосновения луча.

Быстро и бесшумно Кикаха принялся закрывать дверь. Анана все еще выглядела озадаченной, поскольку она не видела того, что видел он.

Кикаха прошептал:

—Дуй к передней двери и беги как можно быстрее и как можно дальше!

—С какой это стати?—возразила она.

—Быстрей—Он сунул ей Рог и футляр.—Рви! Не споры! Если он...

Дверь стала распахиваться. Из-за ее края высунулся тонкий изогнутый инструмент. Кикаха выстрелил и разрезал его пополам. С другой стороны двери раздался крик, оборванный захлопнувшейся дверью. Кикаха с силой пнул по двери ногой.

—Беги!—крикнул Кикаха и, схватив Анану за руку, поволок ее за собой. Перед тем как выскочить за дверь он оглянулся. Раздался треск, когда дверь и часть стены вокруг нее с грохотом выпали наружу и через отверстие пролез цилиндр.

Для Кикахи этого было достаточно. Он выпрыгнул на крыльце и слетел по ступенькам, одной рукой волоча за собой Анану и держа лучемет другой. Когда по дорожке они добрались до кирпичной стены, он повернул и побежал вдоль нее.

Взрыв, которого он ожидал, раздался с задержкой.

В это мгновение из-за угла квартала выскочил автомобиль, взвизгнув шинами. Он выпрямился качаясь под уличными фонарями, и стремительно понесся к подъездной аллее. В нем Кикаха заметил шестерых человек. Одним из них мог быть Уртона. Потом Кикаха снова припустил. Они свернули за угол, из-за которого вылетел, не снижая скорости автомобиль, и ничего по-прежнему не случилось. Анана что-то кричала, но он продолжал тащить ее дальше. Они пробежали целый квартал и пересекли улицу, чтобы вновь свернуть за угол, когда появился черно-белый патрульный автомобиль. Ехал он медленно, так что сидевшие в нем имели массу времени, чтобы разглядеть двух бегунов. Любой, кто гулял по улице в этом районе после наступления темноты, становился подозреваемым. Бегущего же наверняка забирали в участок на допрос. Двоим же бегущим, которые несли большой футляр для музыкального инструмента и нечто, походившее с виду на странный дробовик, гарантировался арест. Если, конечно, смогут поймать.

Кикаха выругался и рванул от автомобиля к ближайшему от них дому. Там горел свет и передняя дверь была открыта, хотя дверь из прихожей в дом была, вероятно, заперта. Позади них взвизгнули тормоза, когда патрульная машина заскользила и остановилась рядом. Громкий голос приказал им остановиться.

Они продолжали бежать. Взлетев на крыльце, Кикаха потянул на себя дверь в прихожую. Он собирался проскочить через дом и выйти через заднюю дверь, рассчитывая, что полицейские вряд ли

примутся сразу же стрелять в них, особенно, если здесь окажутся посторонние.

Кикаха снова выругался и рванул на себя ручку двери с такой силой, что вырвал замок и бросился внутрь дома. Анана следовала за ним, они пронеслись через вестибюль и большую комнату с люстрой и широкой винтовой лестницей, ведущей наверх. В комнате сидели или стояли человек десять мужчин и женщин, все они были полуодеты. Женщины завизжали, мужчины заорали. Двое незванных гостей беспрепятственно пробежали сквозь них. Среди шума, поднятого обитателями дома, послышались крики полицейских.

В следующее мгновение ничего не стало слышно. Стекла окон вышибло взрывом и сотрясение от него было столь велико, словно в дом ударила приливная волна. Ударной волной всех швырнуло на пол.

Кикаха ожидал этого, да и Анана по его поведению поняла, что ждать надо чего-то крайне мощного. Они вскочили на ноги раньше остальных. Через несколько секунд Анана и Кикаха выскочили через заднюю дверь. Кикаха бросился обратно, побежав к фасаду дома вдоль его стены. Вся дорожка была усыпана битым стеклом, вышвырнутым из какого-то близлежащего дома. Лежало несколько, вырванных с корнем, кустов и кое-какая покореженная мебель.

У тротуара все еще стоял патрульный автомобиль. Мотор его работал, фары горели. Анана бросила футляр на заднее сиденье и влезла сама, а Кикаха положил лучемет на пол и сел на место водителя. Он пристегнул ремни безопасности и газанул так, как только было возможно. Проехав четыре квартала, он нажал кнопки, отключающие мигалку и сирену.

—Мы поедем к дому Уртона, во всяком случае поближе к нему,—крикнул он,—а потом бросим машину. Я думаю Рыжий Орк будет теперь там, чтобы выяснить, был ли Уртона среди тех, кто вошел в дом, когда рвануло или нет.

Анана покачала головой и показала на уши. Она все еще ничего не слышала.

И не удивительно. Он еле-еле слышал сирену, которая должна была просто бить по ушам.

Через несколько минут, пролетев на красный свет, они миновали машину с включенной мигалкой, которая ехала им навстречу. Анана пригнулась, чтобы ее не заметили, но вероятно, патрульные получили информацию по радио, что этот автомобиль угнан. Встречная патрульная машина резко развернулась, завизжав шинами, и помчалась за беглецами. Спортивная машина, летевшая через перекресток так, будто ее водитель намеревался игнорировать мигающий красный свет, резко свернула чтобы избежать столкновения. Сделав это не совсем удачно, водитель задел задний

бампер полицейской машины, проделал сложный пирамидочный пируэт через бордюры и очутился на тротуаре.

Кикаха видел все это в зеркальце, когда нажимал на акселератор. Через некоторое время он проскочил под знак «стоп» к югу от широкого перекрестка со знаком «Стоп» на всех углах. Большой «кариллак» остановился посреди перекрестка настолько внезапно, что его водителя бросило грудью на руль. Прежде чем он сумел выпрямиться и продолжить путь, на знак «Стоп» промчалась патрульная машина.

—Теперь ты меня слышишь? —прокричал Кикаха.

—Да, —ответила она, — тебе незачем так орать.

—Мы сейчас в Беверли Хиллс. Прокатимся на этой машине как можно дальше, а потомбросим ее на ходу. Придется отрываться от них пешком. Если, конечно, сумеем.

За ними помчалась еще одна патрульная машина. Она выскочила из боковой улички, игнорируя знак «Стоп» и вынудив еще одного водителя резко отвернуть и врезаться в поребрик тротуара. Водитель патрульной машины рассчитывал проскочить перед ними и преградить им дорогу, но оказался недостаточно быстр. Кикаха гнал теперь машину со скоростью восемьдесят миль, что было слишком быстрым для этой улицы, с многочисленными пересекающими ее боковыми уличками.

Скоро показалась деловая часть Беверли Хиллс. Свет сменился на желтый, как раз когда Кикаха пролетел через перекресток. Он нажал на клаксон и обошел спортивную машину, слегка притормозил, а потом колеса машины попали в рытвину и автомобиль подпрыгнул. Кикаха нажал на тормоза, снижая скорость до шестидесяти, но все равно машина так сильно накренилась, что он испугался, что они перевернутся.

Навстречу приближалась еще одна патрульная машина. Она развернулась боком, проехав полквартала, и преградила им дорогу. С обеих сторон от нее оставалось слишком мало места, но Кикаха выбрал заднюю.

Оба полицейских вылезли из машины. Один стоял за багажником с карабином в руках, другой — между передним бампером и припаркованными к тротуару машинами. Кикаха велел Аиане пригнуться и погнал свою машину по узкому пространству. Раздался треск, автомобиль врезался в бампер патрульной машины, а другой стороной врезался в бок машины, стоящей у тротуара. Но все-таки со скрежетом металла о металле они прорвались. Грохнул выстрел из карабина: на заднем стекле образовалась звездочка.

В этот момент из-за угла слева от них выскочила еще одна патрульная машина. Под углом она направилась через улицу. Кикаха врезал по тормозам. Они завизжали и его толкнуло на руль. Автомо-

биль вильнул, закачался и врезался под тупым углом в перед патрульной машины.

Оба автомобиля встали. Кикаху и Анану оглушило, но они среагировали чисто рефлекторно. Они выбрались из машины с двух сторон. Кикаха держал лучемет, а Анана — футляр. Они перебежали улицу, проскочили между двух припаркованных машин и через тротуар, прежде чем услышали крики полицейских. Потом они помчались по узкому тротуару между двух высоких зданий вдоль деревьев и кустов. Они неслись по улице, пока не выскочили на следующую. Здесь Кикаха увлек ее на север, увидел еще одно открытое пространство между домами и свернул туда. Примерно на высоте восьми футов над деревьями был козырек из прессованного бетона. Кикаха забросил на него лучемет, кинул футляр, повернулся, сцепил руки в замок, она поставила на его руки ногу и взлетела наверх, когда он поднял ее. Анана ухватилась за край козырка, Кикаха подтолкнул и она забралась на козырек. Он прыгнул вслед за ней и лег.

Мимо прогромыхали шаги, нескольких человек, что тяжело дыша пробежали под ними. Кикаха рискнул выглянуть из-за края и увидел в противоположном конце перехода освещенные фарами силуэты троих полицейских. Явно озадаченные, они переговаривались, не понимая, куда делась дичь. Затем они двинулись обратно и Кикаха распластался на бетоне. Двое свернули за угол здания.

Но когда третий полицейский прошел под ними, Кикаха, внезапно, осененный идеей, прыгнул ему на спину. Он сшиб фараона на землю, ударив при этом так сильно, что тот потерял сознание. К этому Кикаха прибавил еще и пинок в челюсть.

Он надел фуражку полицейского и разрядил вынутый из его кобуры пистолет тридцать восьмого калибра. Анана спрыгнула вслед за Кикахой, сбросив предварительно лучемет и футляр с Рогом.

—Зачем ты это сделал? —спросила она.

—Он перекрыл бы нам путь к отступлению. Кроме того, есть одна неповрежденная машина и нам предстоит ее позаимствовать.

Четвертый полицейский сидел в машине и что-то говорил в микрофон. Он не видел Кикаху, пока тот не оказался на расстоянии около сорока шагов. Он выронил микрофон и схватился за карабин, лежавший на сиденье. Лучемет, установленный на оглушающий удар, стукнул его в плечо и отшвырнул к другой двери. Полицейский упал ничком, выронив карабин.

Кикаха вытащил его из машины, заметив, что сквозь рукав его рубашки просочилась кровь. Лучемет, даже будучи установленным на «оглушающий удар» мог раздробить кость, прорвать кожу и привести к тому, что кровеносные сосуды лопались.

Как только Анана села в автомобиль, Кикаха развернул его на север. Сзади по встречной полосе движения к нему мчались сразу два полицейских автомобиля.

Промчавшись через перекресток на красный свет, он посмотрел в зеркальце и увидел, что полицейские машины развернулись и помчались вслед за ними.

Уличное движение впереди было таким плотным, что у него не было шансов ни влиться в него, ни пересечь его. Ничего не оставалось делать, как свернуть в переулок. Он свернул налево. Переулок шел вдоль стены бакалейно-гастрономического магазина.

Затем Кикаха выехал из переулка. Он так сильно нажал на тормоза, что машину занесло и она заскрежетала по кирпичной стене.

Полицейские машины, двигавшиеся медленней, чем Кикаха, рванули следом. Когда первая машина выпрямилась после поворота, Кикаха выстрелил по ее шинам. Передок автомобиля рухнул, будто он наехал на тротуар и раздался визг тормозов.

Автомобиль покачался вверх-вниз, потом дверцы его раскрылись, как крылья птицы перед полетом.

Кикаха вылез из автомобиля и рванул прочь. Анана следовала за ним. Он повел ее через стоянку, мимо гастрономического магазина и через подъездной путь на улицу.

Свет стал красным и машины встали. Кикаха побежал сзади к спортивному автомобилю, где за рулем сидел юнец с длинными черными волосами в огромных круглых очках, с ястребиным носом и жесткими усиками. Правой рукой тот барабанил по приборной доске под хриплую какафонию музыки, несшейся из приемника. Музыка, производила такое впечатление, будто Сцилла и Харбиды трутся друг о друга. Прежде чем юнец сумел сделать нечто большее, нежели взвизгнуть и повернуть голову, ему расстегнули ремень безопасности. Словно мешок с картошкой, он сполз с сиденья и руки Кикахи грубо выкинули его на тротуар. Мгновение парень полежал на тротуаре, потом вскочил на ноги, вопя от злобы. К этому времени Кикаха и Анана уже сидели в его автомобиле и уносились прочь.

Оглянувшись, Анана заметила:

—Мы убрались как раз вовремя.

—Какие-нибудь полицейские машины преследуют нас?

—Нет. Пока нет.

—Отлично. Нам осталось проехать всего пару миль.

Кикаха припарковал машину в полутора кварталах от дома Уртона; никаких признаков полиции так и не было.

—Мне описали расположение дома,—сказал он,—так что не заблудимся, когда пойдем. Коль скоро мы окажемся в доме, дела могут пойти быстро и бешено. Думаю, что Рыжий Орк будет там. Я

считаю, он пройдет туда через врата просто удостовериться, что Уртона погиб. Однако он может оказаться живым, так как он хитер как лиса. Он должен был почуять ловушку. Я знаю, что я бы робко пытался пойти в тот дом, сначала все надо было хорошенько разнюхать.

Дом оказался хорошо освещенным, но никаких признаков обитателей не было. Они смело прошли по фасадной дорожке на крыльцо. Кикаха потрогал дверь и обнаружил, что она заперта. Быстрое вращение дулом лучемета, включенного на пробивающий удар, удалило механизм замка. Они вошли в безмолвный дом и, когда кончили его осматривать, то обнаружили там лишь полугая в клетке, который и нарушил тишину, пронзительно прокричав что-то.

Кикаха вытащил из футляра Рог и начал испытывать дом на резонансные точки, как и в доме Рыжего Орка. Он переходил из комнаты в комнату, начав со спальни и кабинета Уртона, так как чаще всего врата располагались именно там. Однако тщетно. Рог расходовал свои мелодичные звуки, пока Кикаха не наткнулся на небольшой чулан внизу, недалеко от лестницы. Стена выдала крохотное белое пятнышко, похожее на слезинку, а потом оно расширилось и превратилось в дыру в другой мир.

Мельком Кикаха заметил комнату, которая была точным дубликатом чулана, где он стоял. Тут Анана тихо вскрикнула и дернула его за рукав. Он повернулся и услышал шум, вызвавший ее тревогу. На крыльце прозвучали шаги, за ними последовала трель звонка. Кикаха двинулся через помещение, остановился на полдороге, обернулся и бросил Рог Анане:

—Держи эти врата открытыми!

Под ноги Рога, мягко плывущие по помещению, он подошел к окну и чуть приподнял штору. На крыльце стояли трое полицейских и один человек в штатском как раз уходил вдоль стены дома. На улице стояли два полицейских автомобиля и один без номера.

Кикаха повернулся к Анане:

—Наверное, у Уртона снаружи торчал человек, который нас выматривал. Он позвонил фараонам. Должно быть,—дом окружен.

Они могли прорваться с боем, сдаться или уйти через врата. Драться означало убивать людей, чья единственная вина заключалась в том, что они по ошибке принимали Кикаху за преступника.

Если же Кикаха сдастся, то приговорит к смерти себя и Анану. Как только любой из Господов узнает, что они в тюрьме, он тем или иным способом до них доберутся.

В то же время Кикаха не хотел уходить через врата, не приняв каких-либо мер предосторожности, но выбора у него не было.

—Пошли!—скомандовал он и прыгнул через уменьшающееся от-

верстие с лучеметом наготове. Анана, держа Рог, последовала за ним.

Пинком он распахнул двери и отпрыгнул назад. Подождав минуту, он шагнул за порог. Чулан располагался неподалеку от начала лестницы точь-в-точь как его эквивалент на Земле. Помещение за ним оказалось огромным, с мраморными стенами, украшенными яркими фресками, и мозаичным полом из разноцветного мрамора. Снаружи была ночь, свет в доме давали многочисленные масляные лампы и факелы на стенах. За ними в отбрасываемой колоннами тени находились двери в другие помещения и на улицу.

Не слышалось ни звука, кроме шипения и треска пламени.

Кикаха прошел через все помещения и оказался в приемной, стены которой были украшены изображениями дельфинов и осьминогов. Именно это и заставило его осмыслить то, что он увидел, когда вышел на крыльцо с огромными колоннами. Он снова оказался на Земле номер два.

По крайней мере, казалось, что дело обстоит именно так. Разумеется полная Луна, близкая к зениту, была земной Луной. И глядя с крыльца, находящегося близ невысокой горы, он мог бы поклясться, что смотрит на дубликат той части Калифорнии, где на Земле номер один был выстроен Лос-Анджелес. Топография, насколько он мог определить в темноте, была той же самой. Незнакомость вызывала различием в двух городах. Этот был поменьше Лос-Анджелеса, с меньшим числом огней, уступавших в яркости и расположенных здесь в отличие от Лос-Анджелеса дальше друг от друга. Кикаха бы предположил, что и население этой долины много меньше населения долины в Калифорнии.

Воздух был чистым, а Луна и звезды—большими и яркими. Не было и намека на запах бензина. Он ощущал лишь слабый запах лошадиного навоза, но он был приятным, очень приятным.

Конечно, его уверенность имела весьма мало обоснований, но казалось, технология этой Земли развивалась не так быстро как на его родной планете.

Очевидно, Уртона нашел врата, что вели в этот мир.

Тут до Кикахи долетел голос из большого помещения, куда они попали из чулана вначале. Он взял Анану за руку и увлек ее в тень колонны. Сразу же на крыльце появилось трое. Двое мужчин, одетых в кильты, сандалии и матерчатые куртки со стоячими воротниками, пышными рукавами и фалдами. Один из них—невысокий, темноволосый, средиземноморского типа, похожий на слугу Рыжего Орка. Второй—высокий, краснолицый и рыжеволосый. Третьей была женщина блондинка с полной фигурой тоже одетая в кильт, котуры и куртку, но ее куртка была не застегнута и от-

крывала голые груди, поддерживающиеся жесткой палкой, которая выступала из огненно-красного корсажа. Волосы ее были уложены в сложную прическу, на свое лицо она не пожалела косметики. Она вздрогнула, произнесла что-то на языке, звучащем по-семитски, и застегнула куртку.

Если это были слуги, то они могли себе позволить прокатиться с шиком. Из-за угла дома выехала коляска, запряженная двумя красивыми лошадьми, похожая на кабриолет и остановилась перед крыльцом. Кучер спрыгнул с козел и помог людям сесть в коляску. Он носил шляпу с ярко-красным пером, куртку с громадными золотыми пуговицами и алыми позументами, тяжелый голубой кильт и высокие сапоги.

Тroe уселись в коляску и отбыли. Кикаха следил за маслянными фонарями на кабриолете, пока они не скрылись из виду на дороге, извивающейся вниз с горы.

«Этот мир, — подумал Кикаха, — было бы чрезвычайно интересно изучить». На первый взгляд его физические свойства были такими же, как и на земле номер один во времена начала ее развития. Этих близнецовых поместили в одинаковые условия, дали им одинаковые языки и одинаковое воспитание, а потом предоставили самим себе. Он полагал, что различия между здешним народом и людьми его мира начали развиваться почти сразу же. А в результате пятнадцати тысяч лет развития сложилась совсем другая история и культура.

Ему захотелось остаться и побродить по этой Земле. Но сейчас требовалось разыскать Вольфа и Хрисенду, а чтобы сделать это, надо было найти и захватить в плен Уртона. Единственным доступным действием оставалось применение Рога и можно было лишь надеяться, что он откроет нужные врата.

И сделать это будет нелегко, как он выяснил через несколько минут. Звук Рога, хотя и негромкий привлек внимание слуг. Кикаха разок выстрелил из лучемета по ближайшей к ним колонне. Слуги увидели появившуюся в колонне дыру и с воплями убежали прочь. Кикаха сказал Анане, чтобы она продолжила, но шум в глубине дома убедил его, что им не стоит оставаться здесь. Это здание было слишком большим, чтобы они могли без спешки обследовать весь первый этаж. Самые вероятные места для расположения врат находились в спальне и кабинете хозяина дома, а эти помещения, по всей видимости находились на втором этаже.

Когда они одолели половину лестницы, появилось множество людей в стальных конических шлемах, с небольшими круглыми щитами и копьями. Среди них находились и три человека, которые несли большие, тяжелые, неуклюжие на вид ружья, имевшие стволы рас трубом, с деревянными прикладами и кремневыми замками.

Кикаха перерезал лучом дуло одного из мушкетов. Войны, одноко, не растерялись и они перегруппировались раньше, чем Кикаха и Анана успели добраться до верха лестницы. Кикаха перерезал мраморную колонну в двух местах, сверху и снизу. Колонна рухнула с грохотом, который сотряс все здание, и вооруженные бойцы бежали с поля боя.

Этот разгром дорого стоил, так как небольшая выпуклость сбоку лучемета вдруг замигала красным светом. Осталось мало энергии, а другого зарядного устройства у него не было.

Они нашли спальню, которая казалось, принадлежала Господу. Безусловно она была великолепна, но в этом особняке все было таким. Здесь имелось большое количество всякого оружия: мечи, топоры, кинжалы, металлические ножи, палицы, рапиры и—о, радость!—луки и колчаны со стрелами. Пока Анана зондировала при помощи Рога стены и пол, Кикаха выбрал для нее нож, потом для себя и натянул тетиву на лук. Он перекинул через плечо колчан и почувствовал себя намного лучше. В лучемете оставалось достаточно энергии на несколько секунд полной мощности или на дюжину с чем-то поджигающей мощности или на несколько десятков оглушающих ударов. Потом Кикахе придется полагаться на себя и на первобытное оружие.

Он выбрал для Ананы легкий топор, подходивший, как ему казалось, для метания. Она обладала большим опытом в применении любого оружия и, хотя и уступала ему в силе, была искусна во владении оружием также, как и он.

Анана перестала трубить в Рог. С потолка на золотых цепях свисала кровать, а за ней в стене расползался круг света. Свет растворился, открывая тонкие колонны, подчеркивающие украшенный фресками потолок, а за колоннами виднелось множество деревьев.

От удивления Анана даже вскрикнула. В ее восхищении боль смешалась с восторгом. Она двинулась было вперед, но Кикаха придержал ее.

—Что за спешка?—возмутился он.

—Это дом!—воскликнула она.—Родной дом!

Все ее существо излучало радость.

—Твой мир?—уточнил он.

—О, нет! Родной дом! Дом, где я родилась! Мир, откуда произошли Господа!

Там, казалось, не было никаких ловушек, но это ничего не значило. Однако, шум голосов снаружи означал, что им лучше приготовиться к бою. Поскольку заряд у лучемета был сильно истощен, отбиваться от нападения Кикаха долго бы не смог.

—Ходу!—скомандовал он и прыгнул через врата. Анана пригнулась пониже и последовала за ним, так как отверстие уже смыкалось.

—Ты помнишь то высокое здание на Уилшир неподалеку от Смоляных ям?—спросила она, поднявшись на ноги,—большое такое с большой вывеской «Калифорния федерал?» Оно всегда так и пыпало пламью из-за освещения. Он кивнул и она заключила:—Эта беседка находится на том же самом месте. Я хочу сказать, на участке, соответствующем этому.

Здесь не было признаков чего-либо, соответствующего бульвару Уилшир, ничего напоминающего дорогу или даже тропинку. Количество росших здесь деревьев, безусловно, лишало эту местность сходства с низинами Калифорнии, но Анана объяснила, что Господы создали здесь реки и ручьи, чтобы мог вырасти этот лес. Беседка была одной из многих, построенных, чтобы семья могла провести здесь ночь или удалиться сюда для медитации, или предаваться любым доблестям, либо порокам, к каким у кого была склонность. Все основные жилища находились на побережье.

В этом долине никогда не бывало много народа и, когда родилась Анана, здесь жили лишь три семьи. Позже, по крайней мере насколько она знала, все Господы покинули эту долину. Вернее они покинули этот мир и отправились в свои собственные искусственные вселенные и оттуда повели войны друг с другом.

Кикаха позволил ей побродить вокруг. Она тихо восклицала про себя или подзывала его посмотреть на что-то, внезапно ей вспомнившееся. Он удивлялся, что она вообще что-то помнила, поскольку она наведывалась сюда три тысячи двести лет назад. Когда он об этом подумал, то спросил, где находятся те врата, через которые она сюда попала?

—Они на вершине валуна примерно в полумиле отсюда,—пояснила она.—Здесь есть множество врат, разумеется замаскированных. И никто не знает, сколько их здесь. Конечно же, я не знала о вратах под каменным полом беседки. Уртона, должно быть, поместил их тута давным-давно, может десять тысяч лет назад.

—Эта беседка такая древняя?

—Такая древняя. В ней, конечно, есть самообновляющееся и самоочищающееся оборудование. А то, что помогает содержать лес и местность в первозданной чистоте, находится под землей. Эрозия и поджим почвы компенсируются.

—А здесь не припрятано для тебя какого-нибудь оружия?

—Его много как раз за теми вратами,—ответила Анана. Но их заряды постепенно превратились в нечто и кроме того, у меня нет активатора...—она помолчала, потом добавила:—Я забыла про Рог. Он может активизировать врата, но в них действительно нет ничего, что могло бы нам помочь.

—А куда ведут эти врата?

—Они ведут в комнату, где есть другие врата, а те открывают

путь прямо во дворец в моем собственном мире. Но в них есть ловушка. Мне пришлось бросить свой дезактиватор, когда в мой мир вторглись Колокольники и я бежала через другие врата в мир Джадавина.

—Покажи мне все же где этот валун. Если понадобиться, мы сможем укрыться за его вратами, а позже выйти.

Но сперва требовалось поесть, и если возможно, поспать. Анана провела его в дом, правда, сначала она долго изучала его ища ловушки. На кухне стоял изысканно изваянный мраморный шкаф. В нем находился, в свою очередь, фабрикатор, большая часть которого была спрятана под домом. Анана осторожно открыла его, что-то сделала и снова закрыла. Через пять минут она снова открыла его. Там стояли тарелки, чашки, блюда, наполненные вкусной едой и напитками. Конвертеры энергии-материи под землей ждали приказа подать этот обед тысячи лет и пройдут еще, может быть сто тысяч, пока не прикажут подать следующий, если так сложатся обстоятельства.

Поев, они вытянулись на свисающей на цепях кровати. Кикаха расспросил Анану о расположении местности. Она уже почти засыпала, когда он сказал:

—У меня такое ощущение, что попали мы сюда не случайно. Я полагаю, что либо Уртона, либо Рыжий Орк устроили так, чтобы мы попали сюда, если окажемся достаточно проворными и умными. И тот другой, кто сделал это, наверняка устроил так, чтобы другой Господь, его враг, тоже оказался здесь, если он еще жив. Я чувствую, что это финал спектакля и что Уртона или Орк организовал все, чтобы сыграть здесь по поэтическим или эстетическим причинам. Это было бы очень похоже на Господа—привести своих врагов домой на родную планету и там их убить—если, конечно, сможет. Это всего лишь ощущение, но я намерен действовать так, как будто знаю это точно.

—Ты бы все равно действовал именно так,—иронически отозвалась она.—Но я думаю, что ты можешь быть, прав.

Она уснула. Он слез с постели и вышел в переднюю покараулить. Солнце начало оставлять зенит. Вокруг бассейна с фонтаном собирались прекрасные птицы, большинство предков которых были, должно быть, созданы в биолабораториях Господов. Один раз из лесу вышел большой бурый медведь и приблизился к дому. Потом Кикаха услышал звук, наполнивший его радостью. Это пронзительно прорубил мамонт. Боевой клич животного напомнил Кикахе об индейском ярусе в мире Вольфа, где мамонты и мастодонты миллионами бродили по равнинам и лесам территории, большей, чем вместе взятые Южная и Северная Америка. Он ощутил ностальгию и гадал, увидят ли они этот мир вновь и если увидят, то когда. Хровака—мед-

вежий народ, прекрасные и великие индейцы, усыновившие его, погибли. Стали жертвой Колокольников. Но были и другие племена, которые охотно усыновили бы его. Даже те, кто называл его величайшим врагом и много лет охотился за его головой и скользом.

Он вернулся в спальню и разбудил Анану, потом лег сам и вел ей поднять его примерно через час. Так она и сделала, хотя ему хотелось проспать остаток дня и еще полночи, он заставил себя встать.

Они еще немного поели и малость упаковали в небольшую корзину. Потом двинулись через лес, где густо росшие деревья чередовались с перелесоком и вышли на тропу, протоптанную мамонтами, как указывали следы и помет. Они направились по ней, прислушиваясь, не раздастся ли трубный глас животных. Здесь им не досаждали ни муки, ни москиты. Существовала лишь какая-то разновидность жуков, которыми кормились птицы.

Один раз они услышали грозное рычание. Они остановились, но рычание не повторилось, и они пошли дальше. Оба узнали рев саблезубого тигра.

—Если это было поместье твоей семьи, то зачем твои родные держали поблизости больших и таких опасных зверей? —спросил Кикаха.

—Тебе следовало бы это знать. Господа любят опасность. Она — единственная приправа вечности. Бессмертие — ничто, если ты не можешь в любой момент лишиться его.

Это была правда. Оценить такое могли лишь обладавшие этим бессмертием. Но он иногда желал, чтобы приправы было все-таки не так много. За последнее время он не получал достаточно отдыха, так что нервы у него были как оголенные провода, которые накалялись постоянным риском.

—Как ты думаешь, кто-нибудь еще знает о вратах в валуне?

—Уверенным ни в чём нельзя быть, —ответила она. — Но не думаю. А что? Ты думаешь, Уртона догадывается, что мы направимся к валуну?

—Это кажется вполне вероятным. Иначе он устроил бы нам ловушку в беседке. Я думаю, что он, возможно, ожидает и желает, чтобы мы отправились к валуну, потому что он и другого ведет к тому же самому месту. Оно будет местом встречи для нас и двух наших врагов.

—Ты этого не можешь знать точно. Это все твой подозрительный ум считает, что дела обстоят так, как ты бы организовал все, если бы был Господом.

—Только поглядите, кто это кого называет параноиком, —улыб-

нулся он. Может ты и права. Но я столько всего пережил, что слышу как щелкают тумблеры и головах других людей.

Он решил, что лучеметом следует управлять Анане, а он будет держать наготове лук и стрелы.

Недалеко от края поляны Кикаха заметил легкое вспучивание почвы. Оно было примерно в четверть дюйма высотой в два дюйма в ширину и тянулось на расстояние в несколько футов, потом исчезло. Несколько ярдов Кикаха прошел большими зигзагами и наконец, нашел еще одно вспучивание, которое описывало малую часть очень большого круга прежде чем исчезнуть.

Он вернулся к наблюдавшей за ним с озадаченным видом Анане.

—Тебе известно о каких-нибудь подземных работах, что здесь велись? — спросил он.

—Нет. А что?

—Может быть, это вызвано землетрясением, — сказал он и больше никак не комментировал эти странные вспучивания.

Валун оказался размером в однокомнатное бунгало и располагался недалеко от края поляны. Он был красно-черного граната и привезли его сюда с севера вместе с тысячами других валунов, чтобы разнообразить ландшафт. Он находился примерно в ста ярдах к северо-востоку от смоляной ямы. Эта яма, как понял Кикаха, была тех же размеров и находилась на том же месте, что и смоляная яма в Хенкок-парке на Земле номер один.

Они опустились на четвереньки и медленно поползли к валуну. Когда они оказались в ярдах тридцати от него, Кикаха пополз вокруг него, пока не осмотрел огромный камень со всех сторон. Вернувшись, он сказал:

—Я не думал, что он будет настолько тупым, чтобы спрятаться за валуном. Но вот спрятаться в нем было бы хорошим ходом. Или может он сидит в лесу и дожидается, когда мы откроем врата, поскольку он снабдил их ловушкой.

—Если ты прав и он ждет третьего участника... — она внезапно оборвала фразу и стиснула ему руку. — Я видела кого-то! Вон там!

Она указала через поляну на густой лес, где находился бы Окружной Художественный Музей Лос-Анджелеса. Кикаха посмотрел туда, но ничего не увидел.

—Это был мужчина, я уверена в этом! — твердила она. Высокий мужчина. Я думаю, это был Рыжий Орк.

—Оружие какое-нибудь заметила? Лучемет?

—Нет. Я увидела его лишь мельком, а потом он пропал за деревьями.

Кикаха начал беспокоиться еще больше. Он следил за птицами и заметил, что ворона каркала, как безумная, недалеко от места, где по мнению Ананы, она видела Рыжего Орка. Вдруг птица рухнула с

ветки и больше ее не было видно и слышно. Кикаха ухмыльнулся. Господь сообразил, что она выдает его и подстрелил птичку.

В ста ярдах от них недалеко от края смоляной ямы несколько голубых соек устроили дикий крик, бросаясь на что-то в высокой траве. Кикаха наблюдал за ними, но через минуту из травы выскоцила лиса и направилась на юг. Сойки полетели за ней.

С отбытием лисы и птиц наступила относительная тишина. Лежать в высокой траве с волнистыми стеблями было жарко. Иногда поблизости жужжало небольшое насекомое. Один раз к ним метнулась тень и подняв голову, Кикаха разглядел стрекозу, мерцающую золотисто-зелеными крылышками. Она взмыла вверх, помахивая крыльями чуть ли не в полусямье от его лица. Время от времени до них докатывался трубный рев и издалека долетал вой, похожий на волчий, а однажды над ними хрипло прокричала какая-то птица.

Ни он, ни она не замечали больше никаких признаков человека, принятого Ананой за Рыжего Орка. И все-таки он, должно быть, находился где-то там. Он даже мог заметить и подползти к их укрытию. Эта мысль заставила Кикаху переместиться с их позиции около валуна. Они проделали это очень медленно, чтобы как можно меньше колыхать высокую траву. Когда они обосновались под деревьями на краю поляны, он сказал:

—Нам не следует оставаться вместе. Я собираюсь пойти назад, в лес, примерно ярдов на пятьдесят. Там я смогу получить лучший обзор.

Он поцеловал ее в щеку и уполз. Оглядевшись, он решил занять пост за кустом на небольшом пригорке. Позади кустов росло дерево, которое скроет его от любого, кто будет приближаться в этом направлении. Оно было еще и неудобно в том смысле, что могло закрыть от него приближающуюся опасность, но он рискнул. А пригород давал ему лучший обзор, куст же скрывал его от тех, кто был ниже.

Анану увидеть он не мог, хотя и точно знал ее местоположение, несколько раз трава колыхалась в направлении противоположном ветерку. Если Орк или Уртона следили, то она заметит это и...

Он замер. Трава прогибалась очень немного и медленно, но нерегулярными интервалами, примерно в ярдах двадцати от Ананы. Минут десять никакого движения не было, а потом трава вновь пригнулась в сторону Ананы. Трава вновь выпрямилась, словно кто-то постепенно отпускал траву. Спустя несколько минут трава шевельнулась.

Кикаха был поглощен наблюдением за продвижением кого-то, кто продвигался в траве, но не отвлекался от наблюдения за всем прочим. Во время одного из быстрых взглядов через плечо он заме-

тил, мелькнувшую сквозь ветки куста примерно в шестидесяти футах от него, белую кожу. Сперва он хотел переместиться со своей позиции на другую. Но если он это сделает, то вполне вероятно, будет замечен этим новоприбывшем. Возможно его уже и так заметили. Поэтому сейчас наилучшим действием будет бездействие.

Солнце плыло по небу к горизонту и тени удлинились. Тот кто крался к Анане, двигался резко и очень медленно, но примерно через час он будет в футах двенадцати от нее. Знала она об этом или нет, Кикаха не мог сказать.

Он достал из футляра Рог и ждал, положив стрелу на тетиву лука. Снова трава прогнулась в сторону Ананы и кто-то приблизился к ней на целый фут.

Позади Кикахи не появлялось ничего, кроме стремительно снижавшейся между двух деревьев ярко-красной птицы.

Вскоре на другую сторону поляны протрусил, держась поближе к деревьям, громадный черный волк. Он достигал в высоту фута четыре с половиной и мог одним махом отхватить ногу человеку. Это был страшный волк, вымерший на Земле около десяти тысяч лет назад, но их было полно в мире Джадавина. Волк был воссоздан в биолабораториях Господов, чтобы вновь ввести его в экологию этого района. Гигантский волк трусил столь же осторожно и пружинисто, как тигр, его красный язык свисал, словно попавший под ливень флаг. Он потрусил настороженно, но уверенно ярдов двадцать, потом замер. Несколько секунд он поворачивал голову, осматривая примерно четверть горизонта, затем снова двинулся, но уже припадая к земле. Кикаха следил за ним, наблюдая одновременно за передвижением неизвестных личностей за ним и перед ним—вернее пытаясь это делать. Поэтому он чуть не прозевал мгновенную реакцию волка.

Тот внезапно бросился к какому-то месту в лесу, точно также внезапно прекратил атаку, направившись с воем через поляну в сторону Ананы. Мех его на спине и задних лапах охватило пламя.

Кикаха сразу понял, что в игру вступило еще одно лицо и что оно-то и пыталось отпугнуть волка коротким выстрелом из лучемета на пониженнной мощности. Но в спешке он установил слишком высокую мощность и поджег волка вместо того, чтобы просто оглушить его.

А может совершил этот поджег намеренно. Он мог подпалить зверя и направить его в нужную сторону, чтобы посмотреть, что и кого он сможет поднять.

Какими бы не были у него намерения, он расстроил планы того, кто подкрадывался к Анане. И Анана тоже была ошарашена, услышав приближающийся к ней с огромной скоростью волчий вой, что

Не смогла удержаться и подняла голову ровно настолько, чтобы рассмотреть, что происходит.

Кикаха хотел еще разок быстро оглянуться, но времени на то не оставалось. Он поднялся, натянул тетиву и выпустил стрелу, когда в фурах сорока от Ананы над травой поднялось что-то темное. Оно было одето в черное и носило черный шлем с черным забралом, точно такой, какой носили Лос-Анджелесские мотоциклисты. У плеча оно держало приклад короткоствольного лучемета.

Тем временем волк выл и бежал дальше, пламя с него перескакивало на сухую траву и она подхватывала огонь. Стрела пронеслась через пространство между деревьями и краем поляны, солнце сверкнуло на его медном наконечнике. Она попала черному как раз под левую руку, которую он поднял поддержать лучемет. Стрела отскочила, но черный человек, хотя и защищенный какими-то гибкими доспехами, все равно упал от удара стрелы.

Из его рук выпал лучемет. Поскольку за мгновение до этого он его включил, он прожег сквозь траву огненный туннель, перерезал передние лапы волку, который еще с более громким воем упал, но скоро вой прекратился, поскольку луч разрезал его тело. Огонь имеющий два источника, быстро распространялся. Повалил дым, но Кикаха видел, что Анану не задело, и что она быстро ползет к человеку, который упал, и к лучемету.

Тут Кикаха резко обернулся, вытаскивая из колчана стрелу и вставляя ее на тетиву лука. Он увидел высокого человека, высунувшегося из-за ствола дерева, держащего лучемет, нацеленный в Кикаху. Кикаха прыгнул за дерево, пригнулся, зная, что не сможет выпустить стрелу достаточно быстро и метко.

Запахло паленым, раздался глухой стук. Луч прорезал ствол и верхняя часть дерева осела вниз на пару дюймов, ударяясь гладко обрубленным комлем о нижнюю часть дерева.

Кикаха шагнул влево от дерева и выстрелил так, как было возможно только в результате тысяч часов тренировок в намеренно затрудненных условиях. Стрела шла так близко к дереву, что ее отразило даже слабейшим контактом. Она взмыла вверх, чуть-чуть не задев руку человека, державшего лучемет. Человек отпрыгнул и дуло лучемета убралось. А потом дерево над Кикахой рухнуло, свалившись на ту сторону, где было больше ветвей. Оно упало на Кикаху, который успел отпрыгнуть и поэтому смог избежать основной тяжести ствола. Но одна ветка стукнула его по голове и все стало черным и неведомым.

Когда он снова увидел свет, то понял, что времени прошло немного. Солнце продвинулось недалеко. Голова у него болела так, словно в нее врос корень и запутался в самых чувствительных нервах. Одна ветвь давила ему на грудь, а в ногах было такое ощущение,

будто их прижала другая ветка. Он мог немного двигать руками и поворачивать голову, но в остальном его движения были столь же ограничены, как и у попавшего под обвал.

Приплывший дым заставил его закашлять. Трещало пламя и Кикахе ощущал некоторый жар на подошвах. Понимание того, то он может заживо сгореть, бросило его в жар и лихорадку движений. Результатом было то, что голова у него заболела еще сильней и он оказался абсолютно неспособен выбраться из-под дерева.

Он подумал об остальных. Что случилось с Ананой? Почему ее здесь нет и она не старается освободить его? А человек, который срезал дерево? Не подбирается ли он оставаясь незамеченным, попал он в него или нет? И еще был человек в черном, которого сшибла с ног его стрела, и еще человек на другой стороне поляны, который поджег волка и ускорил действие.

Если Анана немедленно что-нибудь не сделает, то столь же успешно может о нем забыть. Дым становился гуще, и ступням его и нижней части ног становилось все неуютнее. Вопрос будет стоять так: задохнется ли он от дыма или сперва сгорит? Может быть это конец? Конец приходит всем, даже тем Господам, что прожили пятнадцать тысяч лет. Но если уж придется Кикахе умереть, то пусть это случится в его любимом, усыновившем его мире.

Затем он отбросил эти мысли. Он еще не умер и не собирался прекращать борьбы. Каким-то способом он скинет с груди это мерзкое дерево и уползет туда, куда огонь не сможет добраться и где он будет скрыт от своих врагов. Но где же Анана?

Голос заставил его вздрогнуть. Он прозвучал в фуре от Кикахи. Он повернулся и увидел лицо Рыжего Орка.

—Так, значит лис попал в свою собственную западню?—произнес Рыжий Орк по-английски.

—Конечно же, ты все так и спланировал,—отозвался Кикахе.

Господа всегда были жестоки и этот захочет, чтобы он умер медленно, чтобы он полностью изведал вкус поражения. Ни один Господь не убивал врага быстро, если мог этого не делать.

Он должен как можно дольше поддерживать разговор с Рыжим Орком. Если Анана пытается приблизиться, то он ей поможет, отвлекая Рыжего Орка.

Господь хотел поболтать, поиздеваться над своей жертвой, но бдительности не ослаблял. Лежа рядом с Кикахой, он держал лучемет наготове и посматривал в разные стороны так нервно, будто был птицей.

—Значит ты победил?—спросил Кикахе, хотя и не верил, что Рыжий Орк победил, и не подумал бы об этом до самой своей смерти.

—Тебя да,—ответил Рыжий Орк,—другие еще нет. Но одолею и их.

—Значит Уртона все еще там,—заключил Кикаха.—Скажи мне, кто же расставил эту ловушку? Ты или Уртона?

Рыжий Орк перестал улыбаться:

—Я не уверен. Ловушка могла быть настолько хитро устроена, что меня привели к мысли, будто расставил ее я. А потом опять, наверное, все-таки я. Какое это имеет значение? Мы все оказались приведенными сюда по той или иной причине, но это последнее поле боя. И это был хороший бой, поскольку мы сражались не посредством своих подчиненных лаблаббиев. Мы сражались, как нам и подобает. Ты—единственный землянин, принимавший участие в этом сражении, и теперь я убежден, что ты и вправду можешь быть наполовину Господом. Ты бесспорно обладаешь некоторым семейным сходством с нами. Твоим отцом мог быть и я. Или Уртона. Или Уризен. Или даже этот темноволосый Джадавин. В конце концов, гены для создания рыжих волос у него были.—Рыжий Орк помолчал потом добавил:—и возможно, что твоей матерью могла быть и Анана. В этом случае ты можешь быть чистокровным Господом. Такое объяснило бы твои необыкновенные способности и изумительные успехи.

Густой клуб дыма прошелся над Кикахой, вызвав новый приступ кашля. Рыжий Орк выглядел встревоженным и чуть отодвинулся, повернувшись спиной к Кикахе, все еще приходившего в себя после приступа кашля. С его ногами что-то произошло. Они перестали ощущать жар. Впечатление было такое, будто на них навалили груду земли.

—Не знаю к чему ты клонишь, Орк,—сказал Кикаха,—но Анана не могла быть моей матерью. Во всяком случае я знаю, кто были мои родители. Они были фермерами в штате Индиана, происходили из старого американского рода, включая самую старую из прибывших на «Менфлауэр», а еще из шотландских, норвежских и ирландских эмигрантов. Я родился в очень маленькой деревушке севернее Терре-Хота и нет никакой тайны...

Он вдруг осекся, так как тайна все-таки была. Его родители переехали в Индиану из Кентукки перед самым его рождением, и он вдруг вспомнил дядю Роберта, навешавшего их время от времени. А потом, когда Кикаха записался добровольцем в армейскую кавалерию, возникли затруднения со свидетельством о рождении. А когда после войны он вернулся в Индиану, неизвестный благодетель оставил ему десять тысяч долларов. Это должно было помочь ему закончить колледж и были смутные намеки на поступление новых сумм.

—Нет никакой тайны?—переспросил Рыжий Орк.—Я знаю о тебе больше, чем тебе могло присниться. Когда я выяснил твоё настоя-

щее имя — Пол Янус Финнеган, я кое-что вспомнил и проверил то, что вспомнил. И поэтому...

Кикаха снова закашлялся, Орк замолчал. Через секунду из дыма возникла фигура, выскочившая с другой стороны дерева, где, по его мнению, не могло быть ничего живого. Она кырнула сквозь облако дыма и растянулась на Рыжем Орке, так что тот упал на спину и выронил лучемет.

Он удивления и шока Орк заорал благим матом и попытался покатиться за лучеметом, но нападавший скомандовал приглушенным голосом:

— Ни с места! Или разрежу надвое!

Кикаха выгнулся как можно дальше назад. Голос он, конечно же, узнал, но все еще не мог в это поверить. Затем он сообразил, что это Анана навалила земли на его ноги или накрыла их чем-то.

Тут она повернулась к нему, все еще держа Рыжего Орка под прицелом лучемета. Нос и рот у нее были обвязаны какой-то тряпкой, смоченной какой-то жидкостью, как подозревал Кикаха, скорее всего мочой. Анана всегда отличалась быстрой способностью адаптироваться, используя то, что оказывалось под рукой.

Жестом она приказала Орку отодвинуться от своего лучемета. Он отполз назад на руках и ягодицах, злобно глядя на нее. Анана шагнула вперед, отшвырнула прочь свой лучемет, одновременно успев схватить другой рукой лучемет Орка. Затем снова направив на него лучемет, она сдернула с лица тряпку и, слегка улыбнувшись, поблагодарила:

— Спасибо за лучемет, дядя. У моего кончился заряд.

Вид у Орка был такой, будто его шарахнули пыльным мешком.

— Ладно, дядя, — нагнувшись скомандовала Анана, — стаскивай с него это дерево. И быстро!

— Я не могу поднять его, — огрызнулся Орк. — Даже если я сломаю спину, пока буду это делать, то все равно, не смогу поднять его!

— Попытайся, — посоветовала она.

На лице Орка появилось выражение упрямства:

— А зачем мне это утруждаться? Ты все равно убьешь меня. Так сделай это сразу.

— Я сплюю тебе ноги и выжгу глаза, — пообещала она, — я брошу тебя здесь слепого и безногого, если ты не вытащишь его из под дерева.

— Брось, Анана, — вмешался Кикаха, — я знаю, что ты хочешь заставить его страдать, но не за мой счет. Срежь лучеметом ветки, что меня прижимают, чтобы ему не пришлось поднимать такой тяжелый груз. Не играй в ковбоев! Там, знаешь ли, еще двое.

Анана отошла и приказала:

—Посторонись, дядя! — и провела лучом. Огромная ветвь на груди Кикахи была разрезана пополам. Что она сделала с тем, что было у него на ногах, он не видел. Без всяких усилий Орк поднял ствол и выволок Кикаху из дыма. Он взял Кикаху на руки и отнес в лес, где трава росла пореже и покороче.

Повинуясь ее приказу, он мягко опустил Кикаху на землю, а потом заложил руки за голову.

—Неизвестный нам, на валуне, — сообщила Анана. — Он поднялся и, пошатываясь скрылся, после того как я заполучила его лучемет. Он убежал в ту сторону, спасаясь от меня и от огня. Я его не убила, хотя, возможно, и следовало. Но мне было очень любопытно узнать, кто он такой, и я подумала, что позже смогу его допросить.

Это любопытство не одного Господа заставило потерять свое преимущество, подумал Кикаха. Но воздержался от комментариев, поскольку дело было сделано и, кроме того, он понимал, что это любопытство. Он сам в достаточной мере испытывал его, чтобы симпатизировать этому любопытству.

—Ты знаешь, где Уртона? — спросил он, сопя, чихая и ощущая такую боль в груди, словно там за последние несколько минут вырос рак. Ноги у него онемели, но жизнь постепенно возвращалась в них. А с жизнью приходила и боль.

—Толку от меня будет мало, Анана, — произнес он. — У меня внутренние повреждения. Я помогу все, что будет в моих силах, но остальное будет зависеть от счастья и от тебя.

—Я не знаю, где Уртона, — ответила Анана, — кроме того, что он тут. Я уверена, что это он поджег волка и подстроил все это для вас. Даже великий Рыжий Орк, Господь двух Земель попался на эту удочку.

—Я знал, что это ловушка, — огрызнулся Рыжий Орк, — но все равно бросился в нее. Я думал, что наверняка я... я...

—Да, дядя, будь я на твоем месте, я бы не похвалялась, — съехидничала она. — Единственный вопрос, во всяком случае большой вопрос, как нам от этого уйти.

—Рог, — произнес Кикаха. С большим трудом, несмотря на скачущую у него в груди драконью лапу, он сел. Под деревья вплыл дым и вновь заставил его закашляться. Боль стала еще сильнее.

—О! — оторчалась Анана. — О нем я и забыла.

—Придется его достать. Он должен быть там, под деревом. И откроем врата в валуне. Если дело пойдет к худшему, то мы пройдем через них.

—Но во второй комнате после них ловушка, — напомнила она. — Я не говорила тебе, что для прохода туда мне нужен дезактиватор.

—Мы можем выйти позже, — возразил он. — Уртона не сможет по-

следовать за нами и не будет здесь болтаться, так как подумает, что мы определенно сбежали на другую планету.

Он оборвал речь, так как усилия, которых стоил ему такой разговор, причинили ему сильную боль.

По приказу Ананы Рыжий Орк помог ему встать. Он проделал это так грубо, что Кикаха поневоле тихо вскрикнул. Анана прожгла Орка взглядом и прощедила:

—Дядя, будь поаккуратней, а то я убью тебя прямо сейчас.

—Если ты это сделаешь,—отозвался Орк,—тебе придется нести его. И в каком положении ты окажешься?

Анана выглядела так, будто все равно собиралась пристрелить Орка. Прежде чем Кикаха успел вмешаться, он увидел, как дуло лучемета упало на землю и в руках Ананы осталась половина оружия.

Голос из-за деревьев позади них крикнул:

—А теперь вы будете делать то, что прикажу вам я! Идите прямо к тому валуну и ждите дальнейших приказаний!

«С чего бы это он хочет, что бы мы так сделали,—подумал Кикаха.—Может он знает о ловушке во вратах, знает, что там мы застрянем, если он не уберется, как я рассчитывал? Не надеется ли он, что мы бросимся в ловушку и в результате уничтожим себя? Он будет ждать у валуна, а мы будем мучиться внутри, а он получит садистское удовольствие, думая о нашей дилемме».

Уртона явно считал, что они находятся в его власти. В сущности, так оно и было. Но он не собирался открываться и приближаться.

«Вот способ управляться с этим делом»,—подумал Кикаха. Не будь дуроломом, будь лисой, никогда и ничего не воспринимай как должное. Именно так удалось ему уцелеть в стольких переделках. Уцелеть? Все выглядело так, словно его время вот-вот истечет.

—Идите к валуну!—повторил Уртона.—Сейчас же! А не то я вас немного подпалью!

Анана подошла к Кикахе и помогла Орку поддержать его. Каждый шаг отдавался в Кикахе ужасной болью, но он стиснул зубы и не позволили стонам прорваться наружу. От дыма, все еще стоящего в воздухе, он снова закашлялся, что вызвало новую волну боли.

Затем они прошли мимо дерева, где лежал Рог, прикрытый полусгоревшей веткой.

—Уртона еще не вышел из леса?—поинтересовался Кикаха.

Анана медленно оглянулась и сообщила:

—Не больше, чем на пару шагов.

—Я намерен споткнуться. Дайте мне упасть.

—Ты от этого пострадаешь.

—Ну и что? Дайте мне упасть. Отпустите меня! Сейчас же!

—С удовольствием! —буркнул Орк и отпустил его. Анана действовала не столь быстро и на секунду попробовала удержать его тело. Они упали вместе и большая часть удара пришлась на нее. И все-таки Кикахе показалось, что в грудь его впились заостренные копья, и он чуть не потерял сознание.

Уртона что-то крикнул. Рыжий Орк замер и медленно поднял руки над головой. Кикаха попытался подняться и подползти к Рогу, но Анана опередила его.

—А теперь труби в него! —приказал Кикаха.

—Зачем? —хором спросили Анана и Рыжий Орк.

—Просто делай, что я говорю! Объяснения позже! Если выйдет хоть какой толк.

Она поднесла мундштук ко рту и громко протрубила мелодию из семи нот, создававшую отмычку, которая поворачивалась в любых замках врат Господов в диапазоне ее вибраций.

Уртона снова что-то крикнул и побежал к ним. Но когда прозвучали первые ноты, он разглядел что Анана держит около рта и пронзительно закричал.

Кикаха ожидал, что Уртона выстрелит. Но вместо этого он круто развернулся и, продолжая кричать, припустил к лесу.

—Что происходит? —недоумевал Орк.

Последняя из золотых нот растаяла в воздухе.

Уртона замолк, швырнулся на землю лучемет и в ярости запрыгал.

Непосредственно рядом с ними местность оставалась прежней. Поляна с обгоревшей травой, валун, на вершине которого сидел, одетый в черное незнакомец, упавшее дерево и деревья на краю поляны.

Но небо стало багрово-красным и солнца на том небе не было.

За поляной местность стала холмистой. Холмы были высокими, их покрывала ржавая трава и странного вида кусты с листьями, похожими на свастику в красно-золотую полоску. На дальних холмах росли деревья, высокие и круглые, с черно-красными и черно-белыми полосками как у зебр. Они кренились, словно росли на дне моря и откликались на морские течения.

Результатом яростных прыжков Уртона стало то, что он взлетел футов на шесть. Теперь он подобрал свой лучемет и гигантскими прыжками бросился к ним. Он, было похоже, отлично владел собой.

Но к Рыжему Орку хорошее расположение духа не имело отношения. Он только начал поворачиваться к Уртону, чтобы спросить, что случилось, как опрокинулся на землю из-за слишком резкого движения. Но упал не очень тяжело.

—Не вставай,—сказал Кикаха Анане.—Я не знаю, где мы, но гравитация здесь меньше земной.

Уртона остановился перед ними. Лицо его стало почти таким же багровым как небо. Его зеленые глаза смотрели на них.

—Рог Шамбарамена!—заполил он.—Я-то гадал, что у вас в том футляре. Если бы я знал! Если бы я знал!

—Тогда бы ты остался за гранью гигантских врат, которые ты устроил вокруг поляны,—закончил за него Кикаха.—Скажи мне, Уртона, зачем ты вошел в них? Зачем ты гнал нас к валуну, когда мы уже находились в пределах врат?

—Как ты узнал?—снова заполил Уртона.—Как ты смог узнать?

—На самом-то деле я не знал,—поправил его Кикаха.—Я заметил в нескольких местах на краю поляны, прежде чем мы все на нее зашли, необычные вспучивания почвы. Это мало что означало, хотя у меня и возникли подозрения. У меня вызывает подозрение все, что я не могу объяснить.

Потом, ты держался на расстоянии и это тоже само по себе не вызывало подозрений, поскольку приближаться пока у тебя не будет уверенности, что при нас нет никакого припрятанного оружия, тебе было нежелательно. Но тебе хотелось сделать большее, чем просто заманить нас в гигантские врата, в потом включить их для нас. Ты хотел загнать нас в наши же собственные врата, в валуне, где мы бы оказались в капкане. Ты хотел, чтобы мы прятались внутри валуна и думали, что нам удастся тебя одурачить, а потом через некоторое время вышли бы, чтобы обнаружить, что оказались в этом мире.

Но ты не знал, что у Ананы нет активатора, и не знал, что у нас есть Рог. У тебя не было никаких причин думать о нем, даже если бы ты и увидел футляр, потому что прошли, должно быть, тысячетелетия с тех пор, как ты в последний раз видел его. И ты не знал, что он принадлежит Джадавину, иначе связал бы это с футляром, поскольку я друг Джадавина. Вот я и велел Анане трубить в Рог, хотя она и не знала, зачем это делает. Я не хотел отправляться в твой мир, но если я мог прихватить с собой тебя, я на это пошел.

Анана медленно и осторожно поднялась с земли и промолвила:

—Мир Уртона! Меняющийся Мир!

На востоке, или там, где мог быть восток в только что покинутом им мире, над холмами появилось массивное красное тело. Оно быстро взошло и было раза в четыре больше земной Луны. Оно было не круглым, а продолговатым, от него простипалось несколько клиновидных щупалец. Кикахе показалось, что оно слегка меняло форму.

Он ощущал как кренится под ним земля. Голова переместилась ниже, чем ноги. А цепь высоких холмов вдали оседала.

Кикаха сел. Казалось, боль слегка отпустила его. Наверное, это потому, что так сильно уменьшалась сила тяготения. Он проговорил, то ли спрашивая, то ли утверждая.

—Это, конечно, односторонние врата, Уртона?

—Конечно,—подтвердил Уртона,—иначе бы я взял Рог и снова бы открыл их.

—А где находятся ближайшие врата, которые могут вывести нас из этого мира?

—Ничего не случится, если я скажу тебе,—хмыкнул Уртона.—Особенно, если учесть, что тебе это знания не прибавит. Единственные выходные врата находятся в моем дворце, который находится где-то на поверхности этой массы. Или может на той,—добавил он, показывая на красноватое тело в небе, меняющее форму.—Эта планета раскалывается, меняет форму и вновь соединяется и опять раскалывается. Единственная аналогия происходящего, которая приходит мне в голову, это—лавалист.

ЭТО—МИР ЛАВАЛИТОВ!

Тут вмешался Рыжий Орк. Прыжок его был громадным, и он чуть не пролетел над головой Уртона. Но все же врезался в него и оба покатились по земле. Лучемет, который в результате столкновения выронил Уртона, отлетел в сторону. Анана нырнула за ним, схватила его и приземлилась так неловко и тяжело, что Кикаха за нее испугался. Она поднялась, несколько нетвердо держась на ногах, но посмеиваясь. Уртона пошел к ним, а Рыжий Орк пополз.

—Ну-с, дядюшка,—сказала Анана,—я могла бы пристрелить вас и, возможно мне, так и нужно сделать. Но мне нужен кто-то, чтобы нести Кикаху, так что вы оба сгодитесь. Вам следует радоваться, что сила тяжести здесь невелика. И мне нужен ты, Уртона, потому что ты хоть что-то знаешь об этом мире. Вернее, тебе следовало бы знать, поскольку ты его спроектирован и создал. Вы сделаете для Кикахи носилки, а потом тронемся в путь.

—Куда тронемся в путь?—проворчал Уртона.—Тут трогаться некуда. Здесь нет ничего постоянного. Неужели ты не можешь это понять?

—Если даже нам придется обыскать каждый дюйм этого мира,—заявила Анана,—мы это сделаем. А теперь—за работу!

—Мунутку,—остановил ее Кикаха. Что ты сделал с Вольфом и Хрисендой?

—Я отправил их через врата в этот мир. Они где-то на его поверхности. Или на той массе. Или на другой, еще не увиденной нами.

Я подумал, что это будет наихудшим, что я мог им сделать. И конечно, у них есть некоторый шанс найти мой дворец. Хотя...

—Хотя, если они найдут, то наткнутся на кое-какие ловушки? — закончил за него Кикаха.

—Есть и кое-что другое в этом мире...

—Крупные хищники? Враждебные человеческие существа?

—Да, — кивнул Уртона. — Нам понадобится лучемет. Надеюсь, его заряда хватит надолго. И...

—Не томи, — сказал Кикаха.

—Надеюсь, поиски моего дворца не займут у нас много времени. Если ты не родился в этом мире — он сведет тебя с ума!

Конец четвертой книги

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЧНЫЙ КОСМОС. роман	5
ЗА СТЕНАМИ ТЕРРЫ. роман	175

Ф24 Филип Дж. Фармер

Серия «Многоярусный мир»: «Личный космос»,
«За стенами Терры» Романы, СПб.; филиал «Васильев-
ский остров» объединения «Всесоюзный молодежный
книжный центр». 1992.—336 с.

ISBN 5-7012-0312-3

В книгу вошли третий и четвертый романы известного
американского писателя-фантазии из серии «Многоярусный
мир».

Ф 4703010100
022(01)-92 без облож.

ББК 84.7 США

Филип Дж. Фармер
**ЛИЧНЫЙ КОСМОС
ЗА СТЕНАМИ ТЕРРЫ**
Романы

Технический редактор *О. Цветков*
Корректор *И. Ганина*

Сдано в набор 3.01.92. Подписано в печать 18.03.92. Формат 60×88 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21.0. Уч.-изд. л. 21.00. Тираж 100000 экз. Заказ № 200. Цена договорная.

Филиал «Васильевский остров» объединения «Всесоюзный молодежный книжный центр»: 191028, С-Пб., Манежный пер., 2 совместно с АО «МСТ».

РГГИЦ «ТОКСИ»: 193015, С-Пб., ул. Салтыкова-Щедрина, 41, кафедра токсикологии РГГИЦ

Отпечатано в типографии им. И. Е. Котлякова издательства «Финансы и статистика»: 195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

ГТОВИТСЯ К ВЫХОДУ:

7-й выпуск
«Клуба любителей фантастики»:

Клиффорд Саймак

«РОКОВАЯ КУКЛА»

Роберт А. Хайнлайн

«КРАСНАЯ ПЛАНЕТА»

Айзек Азимов

**«ЛАККИ СТАРР
и Большое солнце Меркурия»**

Коллегия составителей
совместно с АО «МСТ»

ГТОВИТ К ВЫХОДУ:

9-й выпуск
«Клуба любителей фантастики»

Ф. Пол, Дж. Уильямсон

«РИФЫ КОСМОСА»

часть 1—«Рифы космоса»

часть 2—«Дитя звезд»

часть 3—«Блуждающая звезда».

Трилогия, предлагаемая Вашему вниманию, с одинаковым интересом будет прочитана всеми, кто любит хорошую, увлекательную фантастику.

Коллегия составителей
совместно с АО «МСТ»

ГОТОВИТ К ПЕЧАТИ:

Гордон Диксон «ДИКИЙ ВОЛК»

Джеймс Блиш «РАССАДА ЗВЕЗД»

Ли Бреккет «БОЛЬШОЙ ПРЫЖОК»
«ТАЙНА СИНХАРТА»
«ЛЮДИ ТАЛИСМАНА»

Джек Вэнс «ЗВЕЗДНЫЙ КОРОЛЬ»
«ЧУДОВИЩЕ НА ОРБИТЕ»
«ГЛАЗА ЧУЖОГО МИРА»

Лин Картер «ДЖАНДР С КАЛЛИСТО»
«ЧЕРНЫЕ ЛЕГИОНЫ
КАЛЛИСТО»

Френк Херберт «ЗВЕЗДА ПОД БИЧОМ»

Бим Пайпер «МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК»
«ПУШИСТИК РАЗУМНЫЙ»

